

Департамент культуры Кировской области
Кировская ордена Почета государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена

*К 100-летию отдела краеведческой литературы
Кировской ордена Почета государственной универсальной
областной научной библиотеки им. А. И. Герцена*

КРАЕВЕДЕНИЕ В РАЗВИТИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Материалы
2-й научной конференции
(Киров, 11 ноября 2009 года)

Киров
2009

УДК 908:930.85 (470+571) (043)
ББК 78.381.9:26.89я4+63(2) – 7я4
К 77

Редакционная коллегия: М. С. Судовиков (научный редактор)
Н. П. Гурьянова (составитель)
С. Н. Будашкина

Краеведение в развитии провинциальной культуры России
П 77 сии [Текст] : материалы 2 науч. конф. / Киров. обл. науч.
б-ка им. А. И. Герцена ; редкол. : М. С. Судовиков (науч.
ред.) и [и др.]. – Киров, 2009. – 304 с.

ISBN

Сборник материалов 2-й научной конференции включает
новые исследования учёных и специалистов Санкт-Петербурга,
Кирова, Ижевска, Глазова, Елабуги, Йошкар-Олы по про-
блемам краеведения и провинциальной культуры России и
Кировской области.

УДК 908:930.85 (470+571) (043)
ББК 78.381.9:26.89я4+63(2) – 7я4

ISBN

© Кировская ордена Почета государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена, 2009

I. ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ. ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Толстовский список «Повести о стране Вятской»
как часть рукописного сборника РНБ Q.IV.143**

A. Балыбердин

В 2008 г., по просьбе митрополита Вятского и Слободского Хри-санфа, Вятской епархии из центральных библиотек и архивов были предоставлены электронные копии списков «Повести о стране Вятской» (далее ПСВ). Среди них особый интерес представляет Толсто-вский список ПСВ (далее ТС)¹, который был впервые опубликован А. С. Верещагиным в начале XX в. в третьем выпуске трудов Вятской учёной архивной комиссии². Воздавая должное этой публикации, тем не менее, следует отметить, что она не была критически осмыс-лена историографами Вятского края. Настоящее исследование при-звано восполнить этот пробел для того, чтобы более точно опреде-лить место ТС в истории возникновения и развития ПСВ.

Как известно, первое краткое описание сборника, в котором нахо-дится ТС, было дано еще в 1825 г. К. Калайдовичем и П. Строевым в каталоге «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Фёдора Андреевича Тол-стого»³. Авторы не только сообщили, что сборник начинается двумя сказаниями – «Начало Великому Словенску еже есть ныне Великий Новъград» и «О стране Вятской», но также первыми предложили объединить эти записи в одно сочинение, названное ими «Летопис-цем Вятским до 7061 года»⁴. А. С. Верещагин поддержал эту мысль и в статье, сопровождающей публикацию ТС, особенно подробно остановился на баснословном характере НВС, что, по его мнению, позволяло также с иронией относиться и к ПСВ, которую он считал недостоверным источником⁵. Эта ирония на долгие годы стала опре-деляющей чертой вятской историографии, несмотря на то, что, по

личному признанию А. С. Верещагина, он был знаком лишь с «точной копией» рукописи, объединяющей НВС и ТС⁶. За четверть века, пока эта рукопись была в его распоряжении, он так и не заинтересовался её оригиналом и сборником, частью которого она является. Но именно такой подход, по нашему убеждению, и позволит наиболее объективно оценить ТС.

Рукописный сборник, частью которого является ТС, хранится в Российской национальной библиотеке г. Санкт-Петербурга. Он имеет шифр Q.IV.143, где литер «Q» означает размер рукописи «in quarta» – «в четвёртку», цифра IV – четвёртый, исторический раздел общего собрания рукописей, а число 143 – порядковый номер рукописи в этом собрании. В сборнике 83 листа, сшитых в тетради и с обеих сторон исписанных скорописным полууставом XVIII в. Основные записи сделаны четырьмя писцами⁷. При этом первые три писца использовали бумагу одного типа, которая была изготовлена на одной фабрике, но в разное время, и потому отлична по своему качеству и сортности. Начиная с л. 76, использована бумага второго типа, изготовленная, по всей видимости, на другой фабрике⁸. Последний писец первоначально использовал для своих записей л. 74 и л. 75, оставшиеся чистыми после работы третьего писца, и только с л. 76 перешёл на бумагу второго типа. На этом основании мы можем условно разделить сборник Q.IV.143 на четыре части, каждая из которых написана отдельным писцом на бумаге особого типа и сортности. Кроме того, уместно предположить, что четвёртая, заключительная, часть сборника была записана позже первых трёх частей и, возможно, в другом месте, где из-за недоступности бумаги первого типа писцу пришлось воспользоваться бумагой, изготовленной на другой фабрике.

Сборник открывается сочинением «Начало Великому Словенску еже есть ныне Великий Новъград» (л. 1–8), которое неизвестный книжник переписал крупным и аккуратным почерком, разделив текст на большие абзацы и украсив их заглавными буквами, выписанными с особым усердием. Тем же почерком сделаны все последующие записи до л. 28 включительно, среди которых Толстовский список ПСВ (л. 8–20), выписка из «Летописца настольного Дмитрия архиепископа Ростовского» об основании города Словенска (л. 20–20 об.), «Список с листа великого Александра царя Македонского и всяя вселенныя монарха ко князем древним новгородцем и словяном» о даровании им почестей за храбрость и мудрость, которой они «проводшед-

ше всея же вселенныя» (л.20 об. – 22), выписка из Греческого Хронографа о завоевании скифами Римской империи и разрушении римлянами Иерусалима (л. 22–22 об.), ещё одна краткая выписка из «Летописца настольного Дмитрия архиепископа Ростовского» «О начале Московского государствования» (л. 23), «Начало Москвы первое» (л. 23 об. – 26) и «Начало Москвы второе» (л. 26 об. – 28). При этом записи с л. 23 по л. 28 сделаны тем же книжником, но более тёмными чернилами и более убористым почерком, словно спустя некоторое время. На л. 28 первый книжник закончил свою работу, сделав в правом нижнем углу приписку: «Сия перечень писана в Летописце Новгородском, а где быть не надлежит». Оборотная сторона л. 28 оставлена без записей. Здесь заканчивается первая часть сборника.

Вторую часть сборника открывает обширный текст о «несогласиях» между евреями, греками и римлянами в определении даты Рождества Христова. Он записан двумя книжниками, причём перу первого из них принадлежит лишь текст на л. 29, остальные же записи до л. 61 об. включительно сделаны другим писцом, которому заказчик по какой-то причине решил перепоручить составление рукописи. На л. 38 этот же почерк возвращается к теме исторических судеб славян, произошедших от Иафета, и далее следуют «Доказание, яко народ словенский народ русский московский един» (л. 47–49 об.), сказание «О готта славянах» (л. 50–55 об.), «Доказание яко народ скифский словенский народ русский московский» (л. 56–57 об.), а также подобные им «доказания» о сарматах (л. 58–59 об.) и булгарах (л. 60–61 об.). Все они прославляют славян, унаследовавших воинские доблести и славу от готов и других искусственных воинов, и имеют своим источником «Летописец настольный Дмитрия архиепископа Ростовского», неоднократно упоминавшийся нами выше. Это позволяет предположить, что работа над первыми двумя частями сборника Q.IV.143 велась, хотя и разными писцами, но примерно в одно и то же время и, скорее всего, в одном месте. Возможно, первоначально они составляли одну рукопись.

Третья часть сборника – это «Летописец о царствующем граде Москве» (л. 62–73 об.), опубликованный Д.Уо в приложении к его замечательной книге⁹. Что можно добавить к его описанию? Всего в летописце 57 статей. Он начинается с принесения из Царьграда в Москву в 6662 (1154) г. чудотворной Владимирской иконы Божией Матери и последовательно доводит повествование до сражения под

Чигирином в 7186 (1678) г. При этом событиям царствования царя Алексея Михайловича посвящены 12 летописных статей – пятая часть летописца. Затем под 1683 г. мы встречаем запись о смерти царя Фёдора Алексеевича и краткий обзор правления императора Петра I, включающий войну со шведами, основание Санкт-Петербурга, создание флота, Полтавскую победу, учреждение губерний и коллегий, смерть царевича Алексея – все эти события записаны под одной датой на двух листах 69 об. и 70. Наконец, следует сообщение о смерти императора Петра I и переходе его престола – сначала к Екатерине I, а затем к его внуку – императору Петру II. Описывая воцарение последнего, книжник уделил особое внимание первому указу молодого императора,циальному при участии Верховного тайного совета 7 мая 1727 г. (л. 71 об. – 72). По дате, под которой внесена эта запись, можно определить, что она сделана позже, в 1728 г., когда царский двор находился в Москве. Последнее сообщение – о смерти императора Петра II, последовавшей 18 января 1730 г. и «восприятии скипетродержавства всероссийского... курляндскою царевною Анной Иоанновной»¹⁰.

Всё это позволяет предположить, что основой копии «Летописца о царствующем граде Москве» в сборнике Q.IV.143 послужила рукопись времён царя Алексея Михайловича, которую писец дополнил кратким обзором правления его преемников, уделив особое внимание вопросам престолонаследия. Содержание и характер этих известий указывают на то, что они были записаны в правление императора Петра II, уже после его коронации, состоявшейся в Москве 28 февраля 1728 г., и, возможно, при участии лица, близкого императору или, по крайней мере, свидетеля перезда в Москву царского двора, подробно описавшего это «отбытие з генералитетом, штап и обер афицеры, з штатскими Сената, коллегей служители, и з гвардиею и со всем своим придворным штатом во всенародном множестве»¹¹.

Заключительную, четвёртую часть сборника Q.IV.143 составляют два манифеста, записанных новым почерком. Первый из них – Манифест Верховного тайного совета от 4 февраля 1730 г., сообщающий, что будущая императрица Анна Иоанновна уже на пути в Москву (л.74–76) – записан на листах той же тетради, что и «Летописец царствующем граде Москве». Второй – Манифест императрицы Анны Иоанновны от 28 февраля 1730 г. о присяге на верность новому самодержцу (л.77–83) – записан на новой бумаге, составляющей осо-

бую, последнюю тетрадь сборника. По нашему предположению, наличие этих манифестов, в совокупности со всеми отмеченными выше наблюдениями, а также фактами, которые будут изложены ниже, может сообщить нам важные сведения о владельце сборника Q.IV.143, времени и цели его составления, а также понять, какое место в этом сборнике занимает интересующий нас список ПСВ.

С лёгкой руки А. С. Верещагина этот список получил название Толстовского – по названию собрания рукописей известного библиофила и коллекционера графа Ф. А. Толстого, приобретённого в 1830 г. Императорской публичной библиотекой. Между тем, следует заметить, что граф Ф. А. Толстой не был первым владельцем сборника Q.IV.143. Этот сборник поступил в его собрание в 1799 г. из личной библиотеки князя Дмитрия Михайловича Голицына, которая располагалась в подмосковной вотчине князя в селе Архангельском, о чём сообщает экслибрис «Ex Bibliotheca Arcangelina» на первом и последнем листах рукописи. Истории формирования этой удивительной библиотеки посвящены исследования Б. А. Градовой, Б. М. Клосса, В. И. Корецкого¹² и других учёных. Незаурядная личность князя Д. М. Голицына издавна привлекала внимание историков – С. М. Соловьёв подробно писал о деятельности князя в составе Верховного тайного совета и Сената¹³, В. О. Ключевский посвятил ему отдельную главу «Курса русской истории»¹⁴. В контексте нашего исследования представляется важным обратить особое внимание на некоторые факты его биографии, которые не без оснований позволяют предположить, что он мог быть лично причастен к составлению сборника Q.IV.143.

Прежде всего, на это указывает упоминание на страницах рукописи Верховного тайного совета и императрицы Анны Иоанновны, инициатором приглашения которой на российский престол выступил именно князь Д. М. Голицын. При этом, как известно, он предложил членам Совета «и себе полегчить»¹⁵, то есть ограничить самодержавие будущей императрицы обещанием отныне править вместе с Верховным тайным советом «о восьми персонах», иначе она будет лишена российской короны. Среди членов Верховного тайного совета, учреждённого 8 февраля 1726 г., князь Д. М. Голицын являлся самым видным представителем родового боярства. В. О. Ключевский называет его «одним из образованнейших русских людей XVIII века», замечая: «Делом его усиленной умственной работы было спасть в цельный взгляд любовь к отечественной старине и московские бояр-

ские притязания с результатами западноевропейской политической мысли»¹⁶.

Важно заметить, что материалы сборника Q.IV.143 подобраны именно в русле этих исканий. Не случайно в описи Архангельской библиотеки 1737 г., составленной после ареста её владельца, он получил название «Описание о славенском народе»¹⁷. Очевидно, что и сочинение «О стране Вятской» попало в этот сборник вовсе не из-за интереса его владельца к вятской истории, а благодаря теме самовластия, которая проходит красной нитью через всё это сочинение. Не крестные ходы, чудотворные иконы и храмы привлекли его внимание, а демократические традиции вятчан, унаследованные от их предков – новгородцев. Созвучность этих идей с политическими взглядами Д. М. Голицына объективно указывает на его возможную причастность к составлению сборника. Это также опровергает присущий А. С. Верещагину взгляд на ПСВ, как на исключительно «церковное сказание». Ранее¹⁸ мы уж писали о несостоятельности этого подхода и вот находим ещё одно подтверждение этой мысли.

Удивительно, но А. С. Верещагин в своём описании Толстовского списка ПСВ (далее ТС) не словом не вспоминает князя Д. М. Голицына – первого владельца рукописи. Между тем, высказанные нами наблюдения позволяют с не меньшим основанием назвать этот список Голицынским. И более детальное знакомство с ним не только подтверждает эту мысль, но и указывает на невнимательное прочтение А. С. Верещагиным этого источника. По крайней мере, мы можем отметить несколько важных деталей, о которых умалчивает наш критик.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что ТС, начинаящийся в середине л. 8, имеет не только оригинальный заголовок «О стране Вятской», но и самостоятельную нумерацию листов так, что л. 9 сборника пронумерован, как первый, л. 10 – как второй, л. 11 – как третий и так далее до л. 23 (15), после чего нумерация листов возвращается к первоначальному порядку. Чем это можно объяснить? Возможно, это связано с технологией изготовления сборника, который состоит из нескольких тетрадей по 8 или 10 листов каждая¹⁹. Первую тетрадь, почти полностью, занимает список «Начала Великому Словенску». Список ТС большего объёма – он начинается в самом конце первой тетради, занимает целиком вторую и почти половину третьей тетради. Складывается впечатление, что совпадение нумерации первой и второй тетрадей обусловлено тем, что во время

работы над ними у писца ещё не было плана составления сборника, каждая из тетрадей предназначалась для отдельной рукописи, и их листы были пронумерованы ещё до начала работы. Однако, переписав НВС и увидев, что у него осталось ещё полтора листа первой тетради, писец не пожелал оставлять их чистыми и потому с середины л. 8 продолжил копирование второго источника – ТС. Когда же затем первая и вторая тетради были объединены в один сборник, их нумерация совпала. Это означает, что НВС и ТС были переписаны первыми из источников сборника, а также – и эта мысль представляется нам особенно важной – что, вопреки мнению К. Калайдовича и П. Строева, а также А. С. Верещагина, объединявших НВС и ТС в один летописец, они не составляют одно произведение и были скопированы с разных источников.

Второй важной деталью, которая была оставлена без внимания А. С. Верещагиным, является не совсем обычная запись в ТС двух дат «в лето 6689-5» и «в лето 6791-5»²⁰, где первая относится к известию о взятии новгородцами Болванского городка, а вторая – к обретению Великорецкого образа Святителя Николая. Объяснить причину столь странной записи несложно. Известно, что в допетровскую эпоху даты принято было записывать не арабскими цифрами, а буквами церковно-славянского алфавита, где букве «е» соответствует цифра «5». Можно предположить, что в распоряжении нашего переписчика была именно такая рукопись, и ему пришлось самостоятельно переводить её даты из старого, буквенного формата в новый, цифровой. При этом не обошлось без ошибки – он назвал датой обретения Великорецкой иконы не 6891, а 6791 г. Впрочем, возможно, что взятый для копирования текст уже изначально содержал даты с цифрой «5» на конце, но это не меняет сути дела – исходные даты должны иметь буквенное обозначение.

И такой список ПСВ был, действительно, обнаружен. Его первое краткое описание составил в 1962 г. Н. А. Малеванов. По аналогии с другими списками ПСВ, мы можем назвать его «Герольдмейстерским»²¹ (далее ГС), так как 22 февраля 1725 г. он был направлен Вятской провинциальной канцелярией в Герольдмейстерскую контору Санкт-Петербурга, в архиве которой и был обнаружен²². Первые четыре даты в ГС (6528, 6676, 6682, 6689) записаны арабскими цифрами с добавлением в конце даты цифры «5», а остальные – буквами церковно-славянского алфавита. В дате обретения Великорецкой иконы, указанной в ГС, славянская буква «от» (800) напи-

сана так небрежно, что переписчик с ослабленным зрением вполне мог принять её за букву «пси» (700) и тем самым «состарить» чудотворную икону ещё на 100 лет. Содержательное единство ТС и ГС очевидно – это отмечал ещё Н. А. Малеванов²³. Оба сочинения имеют название «О стране Вятской», оба приводят легенду о происхождении названия реки Хлыновицы от крика пролетавших птиц «хлы-хлы», оба ошибочно называют князя Андрея Сузdalского «Андреем Солдатским»²⁴. Важно подчеркнуть, что в Герольдмейстерском списке ПСВ отсутствует «Начало Великом Словенску», что ещё в 1962 г. было отмечено Н. А. Малевановым²⁵, считавшим, что это обстоятельство позволяет говорить об ошибке, допущенной А. С. Верещагиным при публикации ТС, о чём мы писали выше. И хотя ГС ещё нуждается в обстоятельном изучении, множество примеров позволяет предположить, что копия для сборника Q.IV.143 была сделана именно с этого списка. Но где и когда?

Ответить на первый вопрос несложно – 22 апреля 1725 г. ГС поступил в Герольдмейстерскую контору Санкт-Петербурга и больше её не покидал, то, следовательно, и копия с него могла быть снята только в северной столице. Чрезвычайно важно определить крайнюю дату создания ТС. Н. А. Малеванов считал, что это произошло не позднее 1730 г., поскольку именно этим годом помечены его последние документы²⁶. Наша гипотеза о причастности к составлению сборника Q.IV.143 князя Д. М. Голицына позволяет несколько уточнить эту дату. Известно, что в начале января 1728 г. царский двор и с ним князь Д. М. Голицын отбыл из Петербурга в Москву для участия в коронации императора Петра II, обратно в Петербург царский двор возвратился только в начале 1732 г. при императрице Анне Иоанновне²⁷. Поэтому, по нашему мнению, наиболее вероятным периодом создания ТС следует считать 1725–1727 гг.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить следующий порядок работы над сборником Q.IV.143. Она началась после кончины императора Петра I, сделавшей актуальными вопросы политического устройства России. Одной из ключевых фигур в осмысливании этих проблем стал князь Д. М. Голицын, отстаивавший право высшей аристократии на участие в управлении страной. С созданием в феврале 1726 г. Верховного тайного совета его планы стали приобретать очертания конкретного политического проекта, который, среди прочего, требовал осмысливания исторических традиций «самовластия» славян. В этих целях и, возможно, по личному указа-

нию Д. М. Голицына были сделаны выписки из исторических документов, составившие впоследствии сборник Q.IV.143. Работа над ними была начата еще в Санкт-Петербурге, где над сборником трудились два писца – первым из них были переписаны «Начало Великому Словенску» и Герольдмейстерский список сочинения «О стране Вятской», а также сделаны выписки из «Летописца Дмитрия Ростовского». Затем над сборником трудились другие писцы. Возможно, эта замена была вызвана переездом князя Д. М. Голицына в Москву, где были переписаны «Летописец о царствующем граде Москве» и манифести императрицы Анны Иоанновны. Провозгласив себя самодержавной правительницей, она положила конец политическим проектам князя. Продолжать работу над документами русского «самовластия» стало не только бессмысленно, но и опасно. В начале 1737 г. князь Д. М. Голицын был арестован и заключён в Шлиссельбургскую крепость, где скончался 14 апреля того же года. Вместе с ним, по предписанию Высшего суда от 9 января 1737 г., была конфискована вся его замечательная библиотека²⁸. В число «арестованных» книг попал и наш сборник Q.IV.143, содержащий список сочинения «О стране Вятской», известный нам как Толстовский список ПСВ.

Таким образом, в результате нашего исследования мы пришли к выводам, противоположным суждениям А. С. Верещагина. Вслед за К. Калайдовичем и П. Строевым он считал НВС и ТС частями одного летописца – мы привели аргументы против этого мнения, которое было решительно опровергнуто находкой Герольдмейстерского списка ПСВ. Он называл ПСВ «церковным сказанием» – мы считаем, что церковная тема здесь является важной, но не определяющей. На это указывает само появление списка ПСВ в составе сборника Q.IV.143, посвящённого политической истории славян. Всё это, в совокупности с фактами, которые были оставлены А. С. Верещагиным без внимания, заставляет признать его анализ ТС поверхностным, а выводы – ошибочными. Мы не можем утверждать, что виной тому – предвзятость учёного. Возможно, причина состоит в том, что он не имел возможности работать с оригиналом рукописи, а только с копией её начальной части. Но его ошибки, хотя и с опозданием на сто лет, всё же должны быть исправлены.

Примечания

¹ О стране Вятской // РНБ. Q.IV.143. Л. 8–21

² Верещагин А. С. Повесть о стране Вятской : предисловие издателя // ТВУАК. 1905. Вып. 3. С. 5–7, 22–52 (чётные) (Отд. II).

³ Калайдович К. Н., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Фёдора Андреевича Толстого. М., 1825. С. 557–558.

⁴ Там же. С. 557

⁵ Верещагин А. С. Указ. соч. С. 6.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Не считая л. 29, записи на котором оставлены пятным писцом, почерк которого более нигде не встречается.

⁸ Автор благодарен сотруднику отдела рукописей Российской национальной библиотеки П. А. Медведеву за помощь в изучении этого вопроса.

⁹ Уо Д. К. История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. Приложение 11. СПб., 2003. С. 331–336.

¹⁰ РНБ. Q.IV.143. Л. 70 об.

¹¹ Там же. Л. 73.

¹² Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М. : Наука, 1979. С. 238–253 ; Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. О рукописях библиотеки Д. М. Голицына в Архангельском // Археографический ежегодник за 1980 г. М. : Наука, 1981. С. 179–190.

¹³ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19. М. : Мысль, 1993. С. 113–117, 123–126, 261–263.

¹⁴ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть IV. М. : Мысль, 1989. С. 252–255.

¹⁵ Там же. С. 255.

¹⁶ Там же. С. 253.

¹⁷ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына... С. 245.

¹⁸ Балыбердин А., священник. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской» // Библиотека как культурно-исторический объект: традиции и тенденции развития, социальные функции : материалы науч. конф. / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена ; редкол.: Н. П. Гурьянова (отв. ред.) и [др.]. Киров, 2007. С. 162–167.

¹⁹ Об этом говорят следы от прошивки бумаги нитью на вертикальном сгибе между л. 4 об. и л. 5, л. 12 об. и л. 13, л. 21 об. и л. 22 и т. д.

²⁰ РНБ. Q.IV-143. Л. 3 об., 9.

²¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 71–78 об.

²² Малеванов Н. А. Неизвестный список повести «О стране Вятской» 1725 г. // ТОДРЛ. М. ; Л., 1962. Т. 18. С. 372–373.

²³ Там же. С. 372.

²⁴ РНБ. Q.IV.143. Л. 9 об. ; РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377. Л. 71 об.

²⁵ Малеванов Н. А. Указ. соч. С. 372.

²⁶ Там же. С. 371.

²⁷ Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 124, 262.

²⁸ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына... С. 239.

Была ли Вятка основана ушкуйниками в 1374 г.?*A. Балыбердин*

Кем были первые вятчане? Наследниками кого мы являемся? Вопросы совершенно не праздные не только для исторической науки, но и для мироощущения жителей Вятской земли. Достаточно перелистать местные газеты, чтобы убедиться в том, что эта тема давно уже вышла из научных аудиторий и многотысячными тиражами бесплатных газет, что называется, «пошла в народ».

В июне 2008 г. местный таблоид «Источник новостей» сообщил, что скульптор Зураб Церетели готов поставить в г. Кирове «памятник новгородцам-ушкуйникам, которые, согласно легенде, в приснопамятные времена основали Вятку»¹. В сентябре – о том, что скоро в городе, в составе комплекса «Хлыновские палаты», появится шоуцентр «Струг», здание которого будет «выполнено в виде судна, использовавшегося лихими ушкуйниками для дальних набегов «за зипунами»². В феврале 2009 г. проинформировал читателей о том, что разработана эмблема празднования 635-летия г. Кирова, в центре которой изображена стремящаяся по волнам ладья ушкуйников, основавших поселение на крутом берегу реки Вятки в месте, указанном «божьим перстом»³. В июне из «Источника новостей» мы узнали, что именно эта эмблема утверждена в качестве официального символа праздника⁴ и позже могли видеть её на многочисленных плакатах и афишах, сопровождавших юбилейные мероприятия. В июле «Источник новостей» удивил новостью о том, что «инициативная группа горожан» собирается построить пять ушкуев и летом 2010 г. пройти на них по рекам Вятке, Каме и Волге, устраивая в пути «презентации Кировской области»⁵. «Научным обоснованием» этого проекта стали труды самарского краеведа Бажанова, утверждавшего, что предками казаков были именно вятские ушкуйники, которые, взяв в 1471 г. г. Сарай и захватив казну Золотой Орды, не пошли домой на Вятку, но решили остановиться в легендарных горах Жигулях и стали «организующим звеном казачества»⁶. Действительно, после таких «открытий» как не предложить поставить на Театральной площади памятник «вятскому ушкую» ... на постаменте памятника В. И. Ленину, о чём «Источник новостей» сообщил 10 июля 2009 г. тиражом 150 тыс. экз.⁷

В юбилейном для города 2009 г. происхождение вятчан от ушкуйников стало одной из ведущих тем для газеты, накрывающей своим

тиражом почти всю территорию областного центра. Не оставляя выбора и действуя подобно оружию массового поражения, «Источник новостей» целый год убеждал кировчан в том, что они происходят от «речных разбойников, которые шайками пускались открыто на грабёж и привозили добычу домой, как товар». Именно такое определение «ушкуйникам» даёт В. И. Даль в своём знаменитом словаре⁸. В другом классическом издании – Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона – ушкуйники названы «русскими пиратами», разбои которых причиняли Новгороду много неприятностей. Приведём подробную выписку из этого словаря: «Летопись сохранила нам несколько походов ушкуйников. В 1360 г. ушкуйники взяли город Жукотин на реке Каме и перебили татар, вследствие чего князь суздальский, нижегородский и костромской ловили по приказу хана ушкуйников и пересыпали их в Орду. В 1363 г. ушкуйники под начальством Александра Абакуновича и Степана Ляпы воевали Обь. В 1366 г. без разрешения Новгорода ушкуйники под начальством того же Абакуновича и ещё двух воевод побили татар под Нижним, за что великий князь Дмитрий Иванович поссорился с новгородцами и последним пришлось дорогой ценой купить мир. В 1369 г. ушкуйники грабили по Каме, в 1370 г. – по Волге; в 1371 г. разграбили Ярославль и Кострому; в 1374 г. на 90 ушкуях разграбили Вятку и взяли Болгары; часть их спустилась к югу, другая пошла на восток; в 1375 г. под начальством Прокопа они в числе 1500 чел. разбили пятитысячную рать костромского воеводы Плещеева и захватили Кострому, где грабили неделю, затем взяли Н. Новгород и пустились к Астрахани, грабя всех по дороге; в Астрахани воевода обманом перебил их всех. В 1391 г. ушкуйники опять грабили по Вятке, Каме и Волге и снова взяли Жукотин, а также Казань»⁹.

Современники считали, что нравственный облик ушкуйников достоин не восхищения, а глубокого сожаления. Вот как описывает новгородский летописец бесчинства ушкуйнической дружины Прокопа при разграблении ей в 1375 г. Костромы: «... И мнози ту на побоищи побъени быша и падоша, а друзии по лесом разбегоша, а иных живых поимаша и повязаша. Новгородцы же видевше оставлен град и небрегом, несть им забороны ни откуда же, взяша град и пограбиша его до конца. И стояша во граде неделю и вся сокровища изскаша и изнесоша, всяки товар изобретше, поимаша. Не весь же товар с собою попровадиша, но елико драгое и легчайшее, прочее тяжкое излишнея, множайшее в Волгу вметаша и во глубину преда-

ша, а иное огнем пожгоша. И множество христианского народа полониша, муж и жен и девиц с собою попровадиша, и отъидаша от Костромы. И шедше на Низ по Волзе, пограбиша Новгород Нижний и много полона взяша и град зажгоша. Поидоша на Низ и повернуша в Каму и тамо помедлиша неелико время. Потом внидоша в самою Волгу и дошедшее на Низ по Волзе в град Болгар и тамо полон весь христианской продаша бесерменом, и костромскии и Нижняго Новаграда, жены и девицы, сами поидаша в насадех по Волзе к Сараю, гости христианскии грабячи, а бесермене бьючи». Далее летописец сообщает, что разбойная дружина Прокопа достигла устья Волги, где местный князь Салчей «лестию», то есть обманом перебил всех ушкуйников – «ни один от них ни остался», на что восклицает словами Евангелия: «В ню же меру мерите, возмерится вам»¹⁰.

Разграбить и сжечь русский город, не жалея ни кремля, ни храмов, ни домов, ни самих горожан. Награбить сокровищ столько, что не унести и потому большую их часть утопить в реке. Захватить в плен беззащитных женщин и детей и затем продать их врагам славян на невольничьем рынке. Какое из этих преступлений ушкуйников хотели бы сегодня прославить их современные последователи? А ведь, между тем, как отмечал ещё А. А. Спицын, «поход Прокопа 1375 г. и поход неизвестных ушкуйников (якобы основавших Вятку. – А. Б.) в предыдущем 1374 г. находятся между собой во внутренней связи»¹¹, и у нас нет никаких оснований полагать, будто Вятку основали какие-то особенные, «гуманные» ушкуйники. История таковых не знает.

Важно отметить, что эти два похода ушкуйников были предприняты именно в те годы, когда Русь набирала силы для решительной битвы с Золотой Ордой. Переломным в их отношениях стал 1374 г., когда великий московский князь Дмитрий Иванович открыто порвал с Мамаем¹², на что ушкуйники откликнулись... разграблением Костромы и Нижнего Новгорода, «зачисткой» Камы и Вятки, взятием Булгара, грабительским походом к Астрахани. Очевидно, что это было на руку врагам Москвы, так как грабежи ушкуйников ослабляли пограничные районы и провоцировали новый военный конфликт с Ордой. Конечно, можно спорить, руководствовались ли ушкуйники только своими эгоистическими интересами или их действия направлялись противниками Москвы, но время убедительно показало, что их походы шли вразрез с государственными интересами Руси. Это не только дополнительно характеризует нравственный облик «русских пиратов», но и должно стать необходимым вразумлением для тех, кто сегодня

пытается поднять ушкуйничество на знамя вятской государственности и культуры. Тем более что, в действительности, современная наука не даёт веских оснований считать ушкуйников прародителями вятчан. Поговорим об этом подробнее.

Прежде всего, заметим, что эта мысль укоренилась в общественном сознании сравнительно недавно – после 1974 г., в котором г. Киров торжественно отметил своё 600-летие. Именно тогда основание г. Вятки (Хлынова, Кирова) было официально связано с походом ушкуйников 1374 г., известие о котором А. А. Спицын опубликовал ещё в 1883 г. по тексту Воскресенской летописи: «Идоша на низ рекою Вяткою ушкунцы разбойницы, 90 ушкуев, и пограбиша Вятку и шедше взяша Болгары, хотеша и город зажеши, и даша им откупа 300 рублей. И оттуду разделишася на двое: 50 ушкуев поидаша на низ по Волзе к Сараю, а 40 ушкуев поидаша вверх по Волзе, и дошедшее Обухова, пограбиша все Засурье и Маркваш и перешед за Волгу суды все иссекоша, а сами поидаша к Вятке на конех и много сел по Ветлуге идуще пограбиша»¹³. Вместе с тем, важно отметить, что из этого летописного известия Спицын вовсе не сделал вывода об основании ушкуйниками г. Вятки, так как считал, что «в словах летописи «пограбиша Вятку» под Вяткою, «вероятно, следует разуметь поселения инородцев, живших по реке Вятке»¹⁴. Вместе с тем он не исключал, что на берегах реки Вятки в те годы могли существовать также и русские поселения¹⁵, но с ушкуйниками их не связывал.

Принципиально новое прочтение летописного известия о походе ушкуйников 1374 г. было предложено на рубеже 1960–1970-х гг. профессором Кировского пединститута А. В. Эммаусским¹⁶, который, в отличие от Спицына, опирался на текст Троицкой летописи: «Того же лета идоша на низъ Вяткою оушкунини разбойницы, совъкупишася 90 оушкуевъ, и Вятку пограбиша и шедши взяша Бльгары и хотеша зажеши и взяша откупа 300 рублевъ. И оттуду разделишася на двое: 50 оушкоевъ поидаша по Волзе на низъ къ Сараю, а 40 оушкоевъ поидаша вверхъ по Волзе и, дошедшее Обухова, пограбиша все Засурье и Марквашь, и, переехавше за Волгу, лодьи, поромы и насады и павозкы, и струги, и прочаа вся ссуды посекоша, а сами поидаша къ Вятце по сухому на конехъ и идучи много сель по Ветлуге пограбиша»¹⁷.

Несложно заметить, что в известии Троицкой летописи более подробно, чем в Воскресенской, перечислены плавсредства, которые уничтожили ушкуйники, перейдя за Волгу: «лодьи, поромы и насады

и павозки, и струги, и прочаа вся ссуды посекоша». Однако даже, если предположить, что это были корабли купеческого каравана, после сожжения которого ушкуйники, опасаясь воздаяния со стороны Нижнего Новгорода, были вынуждены, согласно «продуманному варианту отступления»¹⁸, завершить свой поход и укрыться в Вятке – всё равно это будет только предположением. Именно его и высказал А. В. Эммаусский, который, в отличие от Спицына, предложил под словами летописи «Вятку пограбиша» и «поидоша к Вятце» понимать не местность, а сам город Вятку, сначала разорённый, а затем снова возрождённый ушкуйниками.

Мы не будем подробно рассказывать, как сложилась эта точка зрения. Это сделал А. Л. Мусихин, который в своём исследовании¹⁹ детально изучил эволюцию взглядов Эммаусского на вопрос о дате основания г. Кирова и показал, как в начале 1970-х гг. его гипотеза была использована Кировским обкомом КПСС для привлечения внимания руководства страны к жизни города и области. Предполагаем, что успех этой гипотезы был вызван также тем, что в своём главном посыле она совпадала с установками официальной идеологии тех лет – чем более разбойным и ущербным виделось начало «старой деревенской Вятки», тем более значительным представлялся «рывок» к индустриально развитому г. Кирову, совершённый под руководством Коммунистической партии. Не случайно, первым шагом к празднованию 600-летия областного центра стало выступление профессора Эммаусского с докладом на закрытом заседании бюро Кировского обкома КПСС, а сама программа юбилея включала немало мероприятий идеологической направленности²⁰. Сегодня мало кто вспомнит о них или об ордене Трудового Красного Знамени, которым областной центр был награждён в дни торжеств. Давно ушли на заслуженный отдых «отцы» того юбилея. Но мысль о происхождении вятчан от ушкуйников прочно засела в головах горожан печальным наследием той кампании. Между тем до настоящего времени гипотеза Эммаусского так и не получила научного подтверждения и к ней, по-прежнему, существует немало вопросов.

Во-первых, обратим внимание на то, что в кратком известии о походе ушкуйников название «Вятка» встречается трижды. Причём первый раз, определённо, речь идёт о реке – «и доша на низъ Вяткою оушкуинци разбоиници». Выше мы писали о том, что, в отличие от своих предшественников, Эммаусский считал, что во втором случае – «и Вятку пограбиша» – летописец называет «Вяткой» город. Одна-

ко заметим, что в этом случае ушкуйникам, которые вошли в Вятку с Моломы²¹, пришлось бы идти не вниз, а вверх по реке. Поэтому последовательность сообщения летописца – «идоша на низъ Вяткой... и Вятку пограбиша», на наш взгляд, не оставляет сомнений, что он сообщает о разграблении именно не города Вятки, а поселений вниз по реке Вятке, по ходу движения разбойной дружины. Как и утверждал Спицын.

Если в первых двух случаях упоминается река, а не город, то естественно предположить, что и в третьем случае, под словами «идоша къ Вятце по сухому на конехъ», летописец имел в виду реку. Иначе, во избежание путаницы, он должен был бы особо оговорить, что имеет в виду не реку, а город. Но Эммаусский думал иначе. По его предположению, опасаясь преследования со стороны нижегородцев, ушкуйники были вынуждены возвратиться в разорённую ими Вятку, заново возродить и отстроить этот город²². Однако текст летописного известия не даёт для этого оснований. Но, может быть, на это укажут другие обстоятельства похода 1374 г.? Рассмотрим его подробнее, а чтобы наши размышления не носили характер умозрительного философствования, обратимся к сухому языку цифр и фактов.

Прежде всего, заметим, что этот поход был для ушкуйников не первым и стал не последним. По Волжскому пути они пошли с 1360 г. и за десять с лишним лет грабежей смогли хорошо изучить этот регион, в том числе, побывав в 1369 г. на Каме. Показательно, что при этом летописи ничего не сообщают о посещении ушкуйниками Вятки – ни реки, ни города с таким названием. Вопреки мнению В. А. Бердинских о том, что «торная для многих ушкуйничьих дружин река Вятка притягивала к себе многих»²³, интерес разбойников к Вятке нам представляется преувеличенным. Не будем забывать, что целью ушкуйников было не разрушение, а ограбление поселений. В Вятке же, по данным нумизматики, в указанное время денежного рынка ещё не было²⁴, поэтому для разбойников она не представляла самостоятельного интереса. На Вятку речные пираты пришли только через 5 лет, причём не с Камы, а с Моломы по пути к Булгару, Волге и Сараю, разбой которых и был главной целью их похода. Что касается вятских поселений, то они были ограблены по пути, что называется, «транзитом». Не случайно летописец замечает, что ушкуйники «пограбиша все Засурье и Маркваш», а Вятку – только «пограбиша». К тому же очевидно, что для самих ушкуйников их

поход был, прежде всего, долгой и опасной военной операцией, для успешного завершения которой были важны каждый день и каждый воин. Уклоняться от главной цели пути было безрассудством и становило под сомнение успех всего их «мероприятия». Поэтому мы ещё раз хотели бы поддержать мнение Спицына о том, что ушкуйники не поднимались по Вятке выше устья Моломы и не грабили поселений в среднем течении реки.

Под стать целям и трудностям этого дальнего похода было число его участников. По подсчетам Н. А. Хана²⁵, в набеге 1374 г. участвовали от 2500 до 2600 ушкуйников – в среднем по 28–29 человек на каждый из 90 ушкую²⁶. Таким числом они подошли к Булгару²⁷. Заслуживает внимания то, что пираты отказались от первоначальной угрозы сжечь город и предпочли получить с него 300 рублей «откупа», что по справедливому замечанию Хана, «напоминает современный рэкет»²⁸. Спустя год ушкуйники придут в Булгар с пленниками – христианами, захваченными ими при разграблении Костромы и Нижнего Новгорода, чтобы продать их бесерменам и продолжить свой поход на Сарай. Складывается впечатление, что ушкуйники заранее планировали этот шаг и, возможно, именно по этой причине пощадили Булгар во время предыдущего похода. Возможно, что на сей счёт у них могла даже существовать какая-то договорённость с властями города. Не потому ли перед тем, как летом следующего 1375 г. войти с пленниками в Булгар, ушкуйники сначала «поворнуша в Каму и тамо помедлиша неелико время», чтобы убедиться в действительности этой договорённости? Впрочем, для этого у них могли быть и другие причины.

Тогда же, летом 1374 г., в Булгаре пираты разделились на два отряда. Первый из них, приблизительно в количестве 1429 человек на 50 ушкуях, пошёл вниз по Волге к Сараю, а другой, приблизительно в количестве 1142 человек на 40 ушкуях, стал подниматься вверх по Волге, разоряя земли, расположенные за рекой Сурой, одним из правых притоков Волги. От Булгара до устья реки Суры – более 300 км. Это очень обширный район, который ныне включает волжское побережье Татарстана, Чувашии, Марий Эл и восточную часть Нижегородской области. В те годы основную часть населения этих пограничных земель составляла мордва. Затем в районе Обухова ушкуйники перешли на левый берег Волги и, уничтожив весь флот, вторглись в Поветлужье, населённое черемисами. Это был жестокий удар по и без того сложным отношениям черемисов с восточными русски-

ми княжествами. В течение почти двадцати лет черемисы вели борьбу за независимость с галичским князем Андреем Фёдоровичем, которая в 1372 г. закончилась созданием самостоятельного Ветлужского княжества, просуществовавшего до 1469 г.²⁹ По мнению современных исследователей истории марийского народа, грабительское вторжение ушкуйников в Поветлужье способствовало усилению антирусских настроений среди местного населения, в результате чего черемисы приняли участие в походе Мамая на Русь, увенчившемся Куликовской битвой 1380 г.³⁰ Но современные почитатели «подвигов» ушкуйников вряд ли знают об этом.

Подробности происходившего здесь, в чужой земле, нашему летописцу – скорее всего, нижегородцу³¹ – были не известны. Поэтому его сообщение о завершении похода речных разбойников кратко и схематично: «...А сами поидоша к Вятце по сухому на конех и идучи много сел по Ветлуге пограбиша». Хотел ли он тем самым сказать, что ушкуйники организованно отступили к городу Вятке, где и обосновались? Поднимаясь вверх по Ветлуге, действительно, можно выйти к Моломе и с неё уже попасть в центральную Вятку. Но для этого не надо было менять ушкуи на лошадей. Кроме того, не забудем, что северные районы Поветлужья – это леса и болота, через которые трудно пройти даже небольшой группой, а здесь – тысяча всадников! Не говоря уже о том, что возвращаться в недавно ограбленные земли и не безопасно, и бессмысленно – в 1812 г. так будет уходить из России Наполеон по старой Смоленской дороге, что окончательно погубит его армию. К тому же нет никаких свидетельств того, что нижегородцы или какие-то другие враги преследовали ушкуйников, заставляя их организованно отступать.

Наше объяснение состоит в том, что их поход по Поветлужью был не отступлением или бегством, но продолжением грабежа, только теперь «по сухому», а сменить ушкуи на лошадей пришлось для того, чтобы, говоря военным языком, бывшие речные пираты смогли «распределиться» и «накрыть» своим грабежом более обширную территорию. Как и отметил летописец: «много сел по Ветлуге пограбиша». В этом случае слова «поидоша к Вятце» передают главное направление похода – на восток, к реке Вятке. Это, конечно, не означает, что все ушкуйники обязательно достигли этой реки. Часть из них могла пойти на север, затаиться в костромских лесах, чтобы весной следующего 1375 г. в составе разбойной дружины Прокопа напасть на Кострому. Другая часть ушкуйников могла уйти на восток, в со-

седнюю Арскую землю, лежащую между Вяткой, Камой и Волгой, и воссоединиться с участниками похода 1375 г. перед их вхождением в Булгар, в начале похода на Сарай. Спицын полагал, что эта «база» ушкуйников просуществовала до начала 1379 г., когда, согласно сообщению русских летописей, «вятчане (зимою) ходиша ратию в Арскую землю и избиша разбойников ушкуйников и въеводу их (Ивана) Рязана (Станиславова сына) изымавше убиша»³². По его предположению, ушкуйники, укрывшиеся в Арской земле – на севере современного Татарстана, и были остатками тех самых отрядов, что грабили Поволжье в 1374 и 1375 гг.³³

Ещё один повод усомниться в справедливости гипотезы Эммаусского – это судьба коренных жителей Арской земли – бесермен. В XII в. их историческая родина служила северным форпостом Волжской Болгарии, но после того, как в 1236 г. Булгар был завоёван и разорён монголами, Арская земля стала постепенно приходить в упадок. Страдая от усобиц в Золотой Орде, военных экспедиций русских князей и набегов ушкуйников, бесермене стали переселяться в новые земли. Особенно массовый характер переселение бесермен приобрело после страшного разорения Волжской Болгарии в 1391 г. при Тохтамыше, после которого она уже не смогла оправиться³⁴. Примечательно, что одним из новых центров компактного проживания бесермен стали земли в низовьях реки Чепцы, всего в нескольких километрах от г. Вятки³⁵. Что выглядело бы очень странно, если бы Вятка действительно была основана ушкуйниками, от которых бесермене видели немало горя. В. А. Бердинских пытаются объяснить это тем, что, по его мнению, «вчерашние ушкуйники», поселившиеся в центральной Вятке, решительно порвали со своим разбойным прошлым, осознали свою солидарность с жителями Вятской страны и потому «вместе с русскими старопоселенцами оказались способны отстаивать интересы Вятки»³⁶. Однако духовная жизнь также имеет свои законы, один из которых гласит, что избавиться от грехов куда сложнее, чем поддаться им. Всё доброе требует труда и времени. В свете этого объяснение В. А. Бердинских выглядит неубедительно.

Другим фактом, ставящим под сомнение гипотезу Эммаусского, является то, что вятчане не приняли участия в новом походе ушкуйников (новгородцев и устюжан) в 1391 г. на Жукотин и Казань³⁷, о котором летопись сообщает: «Того же лета новгородцы и устюжане и прочии к ним совокупишась, внидоша в насадех и ушкуех рекою

Вяткою на низ и пришедша взяша Жюкотин и Казань и, вышедшe на Волгу, пограбиша гостей всех и возвратиша»³⁸. В своё время ещё Спицын удивлялся неучастию вятчан в этом походе. Добавим, что это удивительно вдвойне, если считать, что ушкуйники основали г. Вятку и в это время проживали в нём.

В 1990-е годы В. В. Низов попытался совместить события 1374 г. с рассказом «Повести о стране Вятской» об основании г. Хлынова, в результате чего смог даже предложить в качестве «точной даты» его рождения «четверг 14 (22) сентября 1374 г.»³⁹. На этот смелый шаг его вдохновили труды А. С. Верещагина, считавшего, что описанные в ПСВ «были невероятны и невозможны в указанное «Повестью» время» и потому их следует отнести не к концу XII в., но к более позднему времени⁴⁰. Интересно заметить, что при этом Низов называет строителей Хлынова не «ушкуйниками», а просто «новгородскими переселенцами» и повторяет рассказ ПСВ о почитании ими святых Бориса и Глеба, строительстве церквей и учреждении крестных ходов⁴¹. Не понятно, куда тогда делись ушкуйники, о походе которых на Вятку рассказывают русские летописи? Если же это – одно и тоже, и в ПСВ, как предполагали Верещагин и Низов, действуют ушкуйники, то столь резкая перемена в их поведении от безудержного разбоя к благочестивой жизни более чем удивительна. В жизни так не бывает. К тому же, как известно, ПСВ не знает никаких ушкуйников. Всё это ещё больше добавило путаницы в умы наших современников и заставляет признать гипотезу Низова неубедительной.

Таким образом, всесторонне рассмотрев гипотезу А. В. Эммаусского об основании г. Вятки ушкуйниками – участниками похода 1374 г., мы вынуждены признать, что известие Троицкой летописи, на котором она основана, не может служить тому веским доказательством. Вслед за А. А. Спицыным, мы считаем, что во всех трёх случаях под названием «Вятка» в этом летописном известии упоминается не город, а река с прилегающей к ней местностью. Изучение самого похода и современных ему исторических событий подтверждает это мнение. Убеждение, что ушкуйники являются предками вятчан, является ошибочным, а романтическое отношение к ним зиждется на незнании исторических фактов и подлинной природы ушкуйничества. Таким же ошибочным является мнение, согласно которому город Вятка возник в результате похода ушкуйников 1374 г. Мы считаем, что к этому времени город Вятка уже существовал⁴², и у нас есть свои от-

веты на ключевые вопросы о дате его рождения и происхождении вятчан, которые будут представлены в следующей публикации.

Примечания

- ¹ Зураб Церетели поставит в Кирове свой монумент. URL : <http://www.kipov.ru/?id=172>
- ² Хлыновские палаты. Диснейлендам и не снилось. URL : <http://www.kipov.ru/?id=2805>
- ³ Кризис не отменит день города. URL : <http://www.kipov.ru/?id=26548>
- ⁴ Эмблема праздника наконец-то выбрана. URL : <http://www.kipov.ru/?id=30119>
- ⁵ Строительство первого современного ушкуя не за горами. URL : <http://www.kipov.ru/?id=48498>
- ⁶ Казаки родом с Вятки. URL : <http://belyh.livejournal.com/309896.html>
- ⁷ Памятник Ленину может исчезнуть с Театральной площади // Источник новостей. 2009, 10 июля.
- ⁸ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. URL : <http://slovarei.yandex.ru/dict/dal/article/dal/03181/15100.htm&stpar1=1.11.1>
- ⁹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфронна. URL : <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedia-dictionary/105/105331.htm>
- ¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. XLIII : Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004. С. 126 ; РНБ. Ф. IV. 238. Л. 237–237 об.
- ¹¹ Спицын А. А. Свод летописных известий о Вятском крае. Вятка, 1883. С. 14.
- ¹² Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва : сб. статей. М., 1980. С. 206–207.
- ¹³ Спицын А. А. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 15.
- ¹⁶ Эммаусский А. В. К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова). Киров, 1971 ; Эммаусский А. В. Основание города Вятки // Спутник агитатора. Киров, 1971. № 9 С. 15–20 ; Эммаусский А. В. Начало города Вятки. Присоединение его к Москве // История города Кирова. Киров, 1974. С. 9–15.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. XV. Стлб. 106.
- ¹⁸ Хан Н. А. Поход ушкуйников 1374 г. и основание города Вятки-Хлынова. URL : <http://nkhan.by.ru/oru1.shtml>
- ¹⁹ Мусихин А. Л. Вопрос об основании города Кирова в работах А. В. Эммаусского // Петряевские чтения : материалы науч. конф., Киров, 24–25 февраля 2005 г. Киров, 2005. С. 120–130.
- ²⁰ Одним из центральных событий торжеств стала закладка памятника 600-летию г. Кирова на месте взорванной Феодоровской церкви с «Капсулой времени», включавшей письмо потомкам, которые «будут жить при коммунизме».
- ²¹ Хан Н. А. Указ. соч.
- ²² Эммаусский А. В. История Вятского края в XII – середине XIX вв. Киров, 1996. С. 29.
- ²³ Бердинских В. А. История города Вятки. Век свободы (Город Вятка в XV веке). URL : <http://www.opb.ru/guests/gorod/1.html>
- ²⁴ Хан Н. А. Указ. соч.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Н. А. Хан разделяет мнение А. Г. Мухамадиева о том, что это был новый Булгар – «Булгар ал-Джедид» – г. Казань. Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система

ма. М., 1983. С. 98, 114, 140, 143–144 ; Его же. Древние монеты Казани. Казань, 2005. С. 171–172.

²⁸ Хан Н. А. Указ. соч.

²⁹ Связи марийцев с русскими государственными образованиями до 1521 г. URL : <http://piorme.narod.ru/g11.htm>

³⁰ Там же.

³¹ Мусихин А. Л. Существовала ли вятская летопись XV века? // Герценка: Вятские записки. Киров, 2003. Вып. 4. С. 26–32.

³² Спицын А. А. Указ. соч. С. 15.

³³ Там же. С. 15–16.

³⁴ Там же. С. 15.

³⁵ Белых С. К. История народов Волго-Уральского региона. Ижевск, 2006. С. 44.

³⁶ Бердинских В. А. История города Вятки. Век свободы...

³⁷ Почему-то В. А. Бердинских, вопреки летописному известию, утверждает обратное: «Но долг платежом красен. И на следующий же год вятское войско совершило набег на города Жукотин и Кошан, что на Каме» – Бердинских В. А. Указ. соч.

³⁸ Спицын А. А. Указ. соч. С. 16.

³⁹ Низов В. В. Новгородские ушкайники: мифы и действительность // История и культура Волго-Вятского края : (К 90-летию Вят. уч. арх. комис.). Киров, 1994. С. 8–19 ; Низов В. В. Хлынов: рождение города // Европейский Север в культурно-историческом процессе : (К 625-летию города Кирова) : материалы Междунар. конф. Киров, 1999. С. 6–31.

⁴⁰ Верещагин А. С. Повесть о стране Вятской: Послесловие к Повести // ТВУАК. 1905. Вып. III. С. 87, 90, 97 (Отд. II).

⁴¹ Низов В. В. Проблемы этнокультурной истории вятских народов в эпоху средневековья // Энциклопедия земли Вятской. Т. 8. Киров, 1998. С. 75–76.

⁴² Н. А. Хан пишет об этом со ссылкой на следующие работы: Янин В. Л. О дате составления обзора «а се имена градом всем русским далним и ближним» // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 1992–1993. М. : Наука, 1995. С. 131 ; Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 183–186.

Управление Слободской землёй в конце XVI–XVII вв.

B. B. Низов

Вопрос о необходимости изучения истории управлеченческих институтов на Вятке в конце XVI–XVII вв., в т. ч. в городах Слободском и Шестакове с одноимёнными уездами (составлявших тогда в совокупности собственно Слободскую землю) впервые был поставлен на основе анализа известного в те времена актового материала ещё в 1888 г. А. А. Спицыным, назвавшим пять слободских и шестаковских воевод: М. Лихарева (1627–1629), А. Т. Борзецова (1629–1631), Ф. Д. Загоскина (1632–1633), И. А. Кожина (до 1635 г.) и Б. В. Приклонского (1635–1636)¹, но не указавший руководителей иных слободских и шестаковских исполнительных структур. В специаль-

ной работе А. П. Барсукова должностные лица властных органов Слободского и Шестаковского уездов и соответствующих городов совсем не обозначены, хотя эти административно-территориальные единицы в тексте упомянуты². Как видим, история управленческих институтов Вятской земли вообще, и городов Слободского и Шестакова с уездами в частности, практически не изучены, в то же время современное состояние источниковой базы позволяет в значительной степени решить данную проблему.

В конце XV в. «из нескольких слободок на Вятке образуется Слободской с уездом»³. Назначенных Москвой руководителей общеявятской администрации конца XVI – начала XVII в. именуют обычно воеводами⁴. Но уже А. А. Спицын заметил, что «в смутное время управление вятскими городами поручено было вместо городовых приказчиков особым приказным людям, назначаемым преимущественно из детей боярских»⁵. Недавно А. П. Павлов обратил внимание на то, что в изучаемый период правительственные чиновники (из членов Государева Двора) в северных городах «значатся в источниках без указания должности», но поименованных иногда как «приказные люди»⁶. Некоторую ясность вносит «Роспись воеводам в тех городах, где прежде были судьи и губные старости»: «Выписано в Разряде. Со 121-го (1613. – В. Н.) году при государе царе и великому князе Михаиле Фёдоровиче всея Руси в (поморских. – В. Н.) городах учнены воеводы и приказные люди; а до 121-го (1613. – В. Н.) году при боярах и при царе Василье в тех городах воеводы были ж; а при царе Фёдоре Ивановиче и при царе Борисе по 113 (1605. – В. Н.) год по Ростригин приход в тех городах воевод не было; а были в них судьи и губные старосты и городовые прикащики»⁷. Словом, по «Росписи», в 1584–1605 гг. в поморских городах, к которым относились и вятские, «воевод не было», и органами управления ведали судьи, земские (губные) старосты и городовые приказчики; воеводы же появились лишь с 1606 г.

Возглавлявшие в 1593–1604 гг. вятскую администрацию представители Государева Двора (Г. У. Норов, В. А. Овцын, И. Ю. Морткин, Г. Е. Алферов) названы в актах без титулования. Управлявшие Вяткой в 1607–1610 гг. князь М. Ф. Ухтомский и подьячий В. Иванов поименованы в ряде документов «приказными людьми»⁸. Исходя из того, что формировался из членов Государева Двора институт «приказных людей» возник не позднее 1585 г.⁹, считаем возможным заключить, что управлявшие в 1590–1604 гг. Вяткой пра-

вительственные чиновники являлись, скорее всего, тоже «приказными людьми».

Первым общевятским воеводой, представлявшим царскую власть, был Д. Ю. Пущечников. Время его воеводства определяется периодом не позднее 14 июля 1610 г.¹⁰ Введение на Вятке должности воеводы обуславливалось в первую очередь тем, что в 1609–1612 гг. Вятская земля приобрела военное значение как опорный пункт для защиты Прикамья от проникновения отрядов волго-камских мятежников¹¹.

В Слободском и Шестаковском уездах с центром в г. Слободском воеводское управление было введено во второй половине 20-х гг. XVII в. В Слободском списке «Повести о стране Вятской», обнаруженному мною в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), читается: «Въ 7134-м (1625/26. – В. Н.) и въ 7135-м (1626/27. – В. Н.) годехъ в Слободском городе воеводою Максимъ Лихаревъ былъ»¹². 1 августа 1627 (135) г. Максим Васильевич Лихарев по царскому указу «далъ на оброкъ Перфирку Дресьяново въ Слободскомъ уезде въ Верховской волости пустоши Гришинские Кривого у речки Спировки подъ дворъ земли и подъ огородникъ... до речки Лубянки...»¹³. Других известий о слободском воеводстве М. В. Лихарева в моём распоряжении не имеется. Согласно Слободскому списку «Повести о стране Вятской», «въ 7136-м (1627/28. – В. Н.) году князь Никита Петрович Борятинской» воеводствовал в Слободском¹⁴. Правда, в том же году Н. П. Борятинской занимал воеводскую должность и в Хлынове¹⁵. По всей вероятности, Н. П. Борятинской тогда совмещал две должности: хлыновского воеводы с слободским. В 1627/28 г. воеводой Слободского служил «Алексей Тимофеевич Борзецовъ»¹⁶. В декабрьской 1629 г. грамоте великопермскому воеводе С. Н. Линеву сообщалось, что осенью того же года «писаль къ намъ съ Вятки, изъ Слободского и изъ Шестакова города, воевода Олексей Борзецовъ, что де из техъ городовъ многие посадские люди и уездные крестьяне съ женами и детми выбежавъ, живуть ныне въ Перми на посаде и въ Пермскомъ уезде...». Грамота обязывала С. Н. Линева произвести сыск и «беглыхъ выслати тотъ часъ въ Слободской и въ Шестаковъ, къ Олексею Борзецову»¹⁷. Из текста следует, что А. Т. Борзецов воеводствовал в Слободском в 1629 г. и в 1630 г. (сыск происходил именно в 1630 г.). По наблюдениям А. А. Спицына, его воеводство закончилось в 1631 г.¹⁸ Во время его службы началось писцовое описание Вятской земли, которая была разделена на две

части. В 1628/29 (137) и в 1629/30 (138) гг. «на Вятке были писцы: в Хлынове, в Орлове, в Котельниче на посадах и в уездах Афанасий Толочанов», а «в Слобоцком, в Шестакове городех, на посадах и в уездах писец был Иван Доможиров»¹⁹. В 1635 г. А. Т. Борзецов служил полковым воеводой в Пронске²⁰, а в 1646 г. – головой патриарших детей боярских²¹.

По летописным данным, «въ 7138-м (1629/30. – *B. H.*) и 7139-м (1630/31. – *B. H.*) годехъ Иванъ Андреевичъ Кожинъ быль воеводою»²². Даты ошибочны, ибо тогда воеводскую должность исполнял А. Т. Борзецов. По льготной памяти от 2 января 1634 г., руководство Слободского Богоявленского монастыря «воеводе Ивану Андреевичю Кожину въ съезжей избе подали челобитную»²³, что позволяет думать о воеводском назначении И. А. Кожина не позже 1633 г. Согласно летописи, «въ 7140-м (1631/32. – *B. H.*) году Фёдоръ Дмитриевичъ Челюскинъ» был слободским воеводой²⁴. 3 декабря 1632 г. «воевода Фёдоръ Дмитриевичъ Челюскинъ даль» на годовой оброк Слободскому Богоявленскому монастырю пустости в Холуницком и Верховском станах²⁵. «Въ 7141-м (1632/33. – *B. H.*) и 7142-м (1633/34. – *B. H.*) годех Борисъ Васильевичъ Приклонский» занимал воеводскую степень.²⁶ Его воеводство А. А. Спицын без ссылки на источник датировал 1635–1636 гг., а к 1632–1633 гг. отнёс воеводство Фёдора Дмитриевича Загоскина²⁷, что весьма сомнительно. «Въ 7143-м (1634/35. – *B. H.*) году был воеводой Григорей Васильевичъ Волынской»²⁸, переведённый в 1635 г. на ту же должность в Хлынов²⁹.

«Въ 7147-м (1638/39. – *B. H.*) году Михаило Фёдоровичъ Еропкинъ» сидел на воеводстве в Слободском³⁰. Однако 26 января 1638 г. «в Хлынове въ съезжей избе воеводе Михаилу Фёдоровичу Еропкину подаль челобитную Хлынова города» протопоп церкви Николая Великорецкого Зотик, «а въ челобитье ево написано: есть де в Слободскомъ уезде в Холунитской волости рамене дикое», которое он просил передать храму на оброк, что воевода и сделал³¹. Хлыновский воевода мог распоряжаться лесными угодьями только на вверенной ему территории. Стало быть, в 1638–1639 гг. М. Ф. Еропкин совмещал две должности: хлыновского и слободского воевод.

«Въ 7148-м (1639/40. – *B. H.*) году Семенъ Фёдоровичъ Глебовъ» являлся слободским воеводой, переведённый в 1640 г. в Хлынов на такое же место³². «Въ 7151-м (1642/43. – *B. H.*) и 7152-м (1643/44. – *B. H.*) годехъ в Слобоцком был воеводою Пётръ Васильевичъ Волынский»³³, брат Григория Васильевича, воеводы 1634/35 г. Его сменил в

1643/44 г. Иван Колычев³⁴. «Въ 7153-м (16444/45. – В. Н.) году Михайло Игнатьевич Анфимов» воеводствовал в Слободском³⁵, переведённый, судя по грамоте от 12 января 1646 г., в конце 1645 г. в Хлынов на адекватную должность³⁶. Его воеводство в 1645 г. в Слободском удостоверяется и грамотой от 10 августа 1649 г.³⁷ «Въ 7155-м (1646/47. – В. Н.) году князь Иванъ Тимофеевич Ухтомской» воеводничал в Слободском.³⁸ Правда, эту должность, судя по выписи из сыска Хлыновского городового приказчика С. Лехова от 27 августа 1647 г., он совмещал с обязанностями хлыновского воеводы³⁹. С 1649/50 г. Слободской список «Повести о стране Вятской» перечисляет исключительно хлыновских (общевятских) воевод⁴⁰, что, очевидно, следует расценивать как свидетельство объединения всех пяти вятских городов и уездов под властью одного общевятского воеводы. Резиденцией слободского воеводы являлась «съезжая изба», «а въ ней сидять приказные люди»⁴¹. Воевода заседал вместе с двумя подьячими⁴², которые вели местное делопроизводство.

Важную роль в системе регионального управления играл институт городовых приказчиков, учреждённый ещё в первой половине XVI в. Если хлыновские городовые приказчики упоминаются в документах с 1582 г., то слободские с самого конца XVI в.⁴³ 16 июня 1588 г. Борис Годунов, будучи в Серпухове, послал грамоту «на Вятку, въ Слободской городъ прикащику Бажену Бакулеву, да судейскому целовалнику Никите Loшкину, да посадскимъ людемъ Тимофею Зезеву, да Василию Карпе», повелевая им, «взявъ съ собою Вятскихъ городовъ Слободского и Шестакова старость и целовалниковъ и оконныхъ ближныхъ крестьянъ», отдать на оброк местному Преображенскому монастырю земельные, рыбные и бобровые угодья по реке Вятке и её притокам, «коприч Черные реки» и озерков⁴⁴. В начале XVII в. слободские «богомольцы» были целом царю Василию Шуйскому об отводе Богоявленскому монастырю земельных угодий «подле речку Спировку, да подле речку Козулку». Дата в тексте не обозначена. На обороте же грамоты начертано: «7075-го (1567. – В. Н.) году июля въ 4 де(нь) Слободскому городовому приказчику Бажену Бакулеву да земскому старосте Алексею Макарову и целovalнико. Будеть вы на монастырское строене и на церковное строение тое полянку дали миромъ подъ монастырь и имъ старцомъ и впредь тою полянкою владети и кели ставити и ограда монастырская огородить и огородчикъ подъ капусту и под овоши устроити. Къ сей челобитной князь Михайло Федорович Ухтомской

печать свою приложиль. Приписаль Василий Ивановъ»⁴⁵. В списке с отводной, датируемой 29 августа 1567 (7075) г., написано, что по указу Василия Шуйского «Слободцкой городовой приказщик Бажень Ивановъ сынъ Бакулевъ взять онъ съ собою старосту земского и целовальниковъ и добрыхъ людей Слободцкого города и досмотриль онъ за Слободцкимъ посадомъ пустое место, что прежде того было то место у посадскихъ поскотина». «А съ городовыми приказщикомъ на отводе были староста слободцкой Алексей Макаровъ да целовальники Сидоръ и Олексей Кормщиковъ, Девятой Глазыринъ, да люди добрые Епифанъ Трофимовъ сынъ Диньякова, да Перфирей Аникеевъ сынъ Дресьяновъ, да Гаврило Карповъ сынъ Миньчаковъ до того жъ монастыря вкладчикъ Нечай Матвеевъ сынъ Искиндеровъ»⁴⁶. Разумеется, дата – 1567 (7075) – не состоятельна. Василий Иванович Шуйский царствовал в России с 1 июня 1606 г. по 17 июля 1610 г., а князь Михаил Фёдорович Ухтомской, приложивший к слободской челобитной «печать свою», управлял Вятской землѣй не позднее октября 1607 г. – 2 февраля 1610 г.⁴⁷, следовательно, в начале XVII в. Б. И. Бакулев исполнял должность слободского городового приказчика между октябрём 1607 г. и февралём 1610 г. Этим временем логично датировать оба документа. К слову сказать, «Ивашко Ондреевъ сынъ Бакулевъ» (вероятный отец Бажена) в марте 1553 г. выступал поручителем при получении братьями Девятьяровыми оброчных угодий⁴⁸.

На обороте купчей от 18 апреля 1670 г. записано: «178-го (1670. – В. Н.) году апреля въ 20 де(нь) въ Слободскомъ въ судной избе городовому приказщику Исаию Дмитреву ся купчая явлена и пошлины по указу великого государя взяты и въ приходную книгу записаны сего жъ числа»⁴⁹.

12 августа 1647 г. «велено Слободцкому городовому приказщику Семёну Вершинину въ Слободцкомъ уезде сыскать всякими сысками накрепко въ правду про тотъ сенной покость» у деревни Филипповской Верховского стана у Дресьянова озера, «хто ево росчищаль»⁵⁰. На обороте купчей от 18 апреля 1670 г. записано: «178-го (1670. – В. Н.) году апреля въ 20 де(нь) въ Слободскомъ въ судной избе городовому приказщику Исаию Дмитреву ся купчая явлена и пошлины по указу великого государя взяты и въ приходную книгу записаны сего жъ числа»⁵¹. 10 июля 1657 г. была послана по царскому указу «память въ Шестаковъ городовому приказщику Ив (вырвано)... мщикову»⁵². Очевидно, память адресована шестаковскому приказчику «Ив(ану)

(Кор)мщикому». Во всяком случае, как говорилось выше, в отводе начала XVII в. участвовали целовальники слободские «Сидор и Олек-сей Кормщикovy». 21 июля 1636 г. шестаковец «Родионъ Алексеевъ сынъ Кормщиковъ продалъ есми Федору Родионову сыну Бученого свою пожно отца своего благословение»⁵³.

Слободские и шестаковские городовые приказчики в XVI в. назначались Москвой, а в первой половине XVII в., чаще всего, местными воеводами⁵⁴. Судя по грамоте 1670 г., они заседали в судной избе. Приказчики ведали город «в тесном смысле», то есть они надзирали за городовыми укреплениями, артиллерией, пушкарями, воротниками, имели судебно-полицейские функции, а также занимались отводом земельных, водных, лесных угодий, утверждали купчие грамоты⁵⁴.

В третьей четверти XVII в. институт городовых приказчиков трансформировался в городничие. Изначально Москва намеревалась выбирать городничих из среды «лучших» («добрых») посадских и уездных людей, но местные власти думали иначе. В частности, в июльской 1682 г. грамоты вятскому воеводе П. Д. Дорошенко и дьяку Б. Михайлову «съ товарищи» сказано, что вятский земский староста Е. Никитин обратился к царям с челобитной, что по государскому указу «велено на Вятке во всехъ пригородехъ въ городничихъ быть тѣхъ же городовъ посадцкимъ и уезднымъ выборнымъ людемъ, кого они къ тому делу сами межъ себя выберуть, погодно и по очреди, и на такихъ людей выборы въ Хлынове воеводамъ нашимъ и приказнымъ людемъ подать; а воеводы де и приказные люди на тѣхъ ихъ выборныхъ людей выборовъ у нихъ и выборныхъ городничихъ не принимаютъ, а посылаютъ къ нимъ изъ дворянскихъ детей и изъ подьячихъ для своихъ взятковъ, чинять имъ налоги и обиды и теснение большое, и оттого разоряютца въ конецъ, а уезды ихъ пустеютъ; и намъ великимъ государемъ пожаловать бы ихъ, на Вятке и въ пригородехъ дворянскимъ детемъ и подьячимъ въ городовыхъ прикациахъ быть не велеть, а велети бъ у нихъ прикацикомъ быть тѣхъ же городовъ изъ ихъ браты изъ посадцкихъ людей, погодно и по очреди, кого они межъ себя выберуть, и о томъ дать имъ нашу государскую грамоту съ прочетомъ»⁵⁵.

Цари Иван и Пётр Алексеевичи указывали: «И какъ къ вамъ ся наша великихъ государей грамота придетъ, и вы бъ въ Вятцкихъ пригородехъ, въ Орлове, въ Шестакове, въ Слободцкомъ, въ Котельниче, городничихъ, которые ныне есть, велели отставить, а на ихъ место въ

те города въ городничие велели выбрать техъ же городовъ посадцкимъ и уезднымъ людемъ изъ своей братыи изъ посадцкихъ добрыхъ людей, кого они миром излюблять, потому что Вятцкие пригороды отъ Вятки въ дальнемъ разстоянии и безъ городничихъ для всякихъ дель въ техъ пригородехъ быть невозможно, а горододелцомъ и инымъ приказнымъ людемъ быть не велено въ техъ городехъ, въ которыхъ бывають воеводы наши и приказные люди, а воеводы наши и приказные люди въ Вятке живутъ въ Хлынове, а въ пригородехъ не бывають, а для всякихъ дель пишуть въ пригороды къ городничимъ»⁵⁶.

В 1696 г. «въ Слободцкомъ городе въ приказной избе городничему Аристарху Батенкову подали приставную память» богоявленский игумен Иосиф «зъ братиею» на Дементия Никитина сына Юрпалова «въ деревянномъ деле, о земляномъ делу и сennыхъ покосовъ и въ насильстве и въ земляной перепашке»⁵⁷. В конце 1696 г. «въ Слободцкомъ городе въ приказной избе городничему Федору Попову подали челобитную» игумен того же монастыря Иосиф «зъ братиею» на Фаддея Исакова сына Бушкова во владение новорозчистно оброчною пожнею сennымъ покосомъ, что вверхъ у Вятки реки у Перерва на пересыпныхъ местахъ на старой реке Вятке»⁵⁸. Как видим, городничие, как и их предшественники городовые приказчики, тоже занимаются отводом различных угодий, но в отличие от приказчиков они заседают не в судной, а в «приказной избе».

Значимую роль в приказном управлении играли площадные подьячие, функциональные обязанности которых выяснил ещё Н. Н. Оглоблин: «Площадные подьячие XVII века соединяли в себе обязанности современных нотариусов и присяжных поверенных... Площадные подьячие были, так сказать, полуслужилые люди... Хотя они не получали никакого определённого «государева жалованья» и «кормились» от своей работы, тем не менее они были подчинены воеводской власти и определялись последнею, иногда даже по государеву указу». Именные списки площадных подьячих вносились в годовые воеводские отчёты – в «сметные книги» (иногда они встречаются и в воеводских «росписных списках»). По поручению воевод площадные подьячие исполняли разнообразные поручения по письменной части, то есть за недостатком правительственные подьячих исполняли обязанности последних. Понятна отсюда их близость к воеводским избам, для которых они были первыми кандидатами на подьяческие места»⁵⁹. Расшифровку некоторых функций площадных подьячих даёт И. П. Ермолаев: «Именно они оформляли основную часть частных

сделок, готовили документы для официальных актов, были одновременно юридическими консультантами и составителями правовых документов»⁶⁰.

«Послухъ» купчей от 27 февраля 1677 г. «Слободцкой площади подьячей Мишка Гавриловъ руку приложиль»⁶¹. «Слободской площади подьячий Якушка Платуновъ» послушствовал при подписании 27 февраля 1687 г. закладной кабалы и, к тому же, «руку приложиль»⁶². 29 ноября 1687 г. «купчую писаль» Слободской площади подьячий Пронька Фофанов. Свидетелями при этом выступили тое же «площади подьячие Гаврило Шангинъ, Филипп Вершининъ», а также «къ сей купчей Слободской площади подьячей Ганка Поторочниова вместо продавца Григорья Мусихина руку приложиль»⁶³. Не названные по именам «Слободцкой площади подьячие» выступили 4 января 1649 г. свидетелями при написании духовной памяти»⁶⁴.

17 апреля 1687 г. «прикладную писаль въ Шестакове на площади подьячей Ефремко Бобровъ»⁶⁵. Итак, слободские и шестаковские подьячие, судя по имеющимся документам, выступали свидетелями при заключении разных сделок, обычными писцами и «руку прикладывали» вместо неграмотных.

Деловые документы по просьбе населения оформляли площадные писцы, отчего они и «кормились». Так, купчую от 18 января 1660 г. «писаль въ Слободкомъ на площади Гришка Пупышевъ»⁶⁶. 4 ноября 1661 г. «кабалу закладную писаль въ Слободцкомъ на площади Ивашко Елизаровъ сынъ Вершининъ»⁶⁷. 15 августа 1670 г. «закладную кабалу писаль въ Слободцкомъ на площади Ивашко Плотниковъ»⁶⁸. 27 февраля 1677 г. «купчую писаль въ Слободцкомъ на площади Тимошка Ивановъ сынъ Сухаревъ. На обороте отмечено, что «къ сей купчей Слободцкой площади Васька Борисовъ сынъ Платуновъ вместо продавца Митрофана Жилина руку приложиль»⁶⁹. Договорную запись на участок земли 29 июня 1696 г. «писаль въ Слободцкомъ на площади Ивашко Роспоповъ»⁷⁰, который три года спустя в слободской «писчей избе» писал купчую⁷¹. Кроме своих непосредственных обязанностей, площадные писцы занимались и «рукоприкладством» за неграмотных. 19 января 1688 г. «купчую писаль въ Сырьянехъ на Всесвятскомъ погосте Ивашко Цеглеевъ»⁷². Это могло быть только в случае сохранения Сырянским станом в конце XVII в. элементов автономии в области внутреннего управления, так как территорию заселяли компактно финноязычные сырьяне, родственные вотякам.

Исполнительную власть в системе местного самоуправления возглавляли земские старосты, выбираемые из среды «добрыхъ людей» посада. Самые ранние сведения о земских старостах относятся к концу 80-х гг. XVI в.

Так, в грамоте от 16 июля 1598 г. сказано, что «велено городовому приказчику Б. И. Бакулеву, «взявъ съ собою Вятскихъ городовъ Слободского и Шестакова старость и целовалниковъ и оконныхъ ближныхъ крестьянъ» произвести досмотр, а затем отвести земельные, лесные, водные и бобровые угодья на оброк Преображенскому монастырю⁷³. Судя по грамоте патриарха Иова от 4 января 1599 г., к нему обратился с челобитьем «съ Вятки Слободского города земской староста Осипко Фёдоровъ сынъ Богдановъ и во всехъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ место» с просьбой об устройении Богоявленского монастыря⁷⁴. В царской грамоте и в списке с отводной, датируемой мною временем между октябрём 1607 и февралём 1610 гг., зафиксирован слободской земской староста Алексей Макаров, принявший участие в отводе «полянки» Богоявленской обители⁷⁵. 12 октября 1611 г. «с Вятки и (с) Слободцаго земской старостишко Степанко Иванов сын Попова» переправил великопермскому воеводе И. И. Чемоданову две грамоты, доставленные в Слободской 2 октября из Казани⁷⁶.

Помощниками земских старост являлись земские целовальники.

Грамота Годунова от 16 июня 1598 г. предписывает городовому приказчику Б. Бакулеву и судейскому целовальнику Н. Лошкину, взяв «съ собою вятскихъ городовъ Слободского и Шестакова старость и целовальниковъ и оконныхъ ближныхъ крестьянъ», произвести межевание угодий, отданных на оброк Спасо-Преображенскому монастырю⁷⁷. Слободские целовальники «Сидор и Алексей Кормицковы, Десятой Глазыринъ» вместе с земским старостой и «добрими людми», судя по грамоте 1607–1610 гг. участвовали в отводе монастырский угодий⁷⁸. Тогда же целовальники вместе с земским старостой А. Макаровым и приказчиком Б. Бакулевым должны были отмежевать «полянку» Богоявленскому монастырю⁷⁹. Чердынская отписка 1611 г. адресована «Вятцкие земли Слободского города господам старосте и целовальником и всем земским людес»⁸⁰.

По наблюдениям А. А. Спицына, «земские целовальники исполняли обязанности старосты в станах и волостях: они принимают в становую избу и записывают в книги всякого рода земские сборы, дают на оброк пустые земли, записывают в стан вновь прибывших

тяглых людей, присутствуют при досмотрах и переписях, отводят земли, доставляют собранные деньги в Москву. Были выборные отдельные целовальники для оброчного и тяглого станов»⁸¹.

Так, 12 августа 1647 г. боязянский строитель Киприан «съ братиєю» били челом «государю на тяглого целовальника на Стенку Карпова на Баженку Безрукова» по спорным сенными покосам в Верховском стану. К сыску привлекли «Слободцкого города четыре человека поповъ, двадцать семь человекъ целовальниковъ и посадцкихъ людей и уездныхъ крестьянъ и всякихъ чиновъ людей»⁸². Память от 29 июня 1677 г. предписывала «Шестаковскому оброчному целовальному Баженку Букрееву» отвести указанные в ней «землю и рыбные ловли и сенные покосы» Боязянскому монастырю⁸³. Согласно памяти от 29 апреля 1684 г., «Чепецкого оброчного стану Пронка Потаповъ» обязывался оброк «съ тое пашни» въ хлыновскую «приказную избу» платить съ 1686 г. «по три алтына зъ деньгою въ Чепецкой оброчной стань; а съ починка дяди ево Лучки» 2 алтына пять денег «въ Чепетцкой въ тяглой стань» и «техъ станов целовальникомъ Ивашку Злобину, Петрушке Ветошкину съ мирскими людьми отвесть того заемища и починка» по сошному письму⁸⁴. Стрелецкие деньги собирались особыми сборщиками или денежными приемщиками, называемыми от приказной избы. В городах, кроме старост, были еще выбираемые посадские целовальники. В помощь всяким целовальникам избирались сотники, пятидесятники, десятники. Также функционировали вотяцкие и бесерменские целовальники.⁸⁵ В состав мирских сборов входили и деньги за сибирские хлебные запасы, выбираемые «хлебными целовальниками». Грамота от 22 мая 1656 г. упоминает «хлебных целовальников»⁸⁶. По грамоте от 3 июля 1606 г. оброчные деньги за угодья велено «платить на Вятке въ Слободском городе зборнымъ целовальникомъ»⁸⁷. Сборные целовальники выбирались ежегодно для сбора податей по окладным книгам последних окладчиков. Ежегодный оклад каждого дворовладельца определялся, исходя из денежного содержания сохи (податной единицы) и от имущественного положения тяглеца. На Вятке в соху было положено по 160 «моплотчих» окладчиков⁸⁸.

Для делопроизводства при земских старостах и (земских, волостных или становых) целовальниках состояли земские дьячки (или подьячие) которые заседали в земской (становой, волостной) избе, где хранились все жалованные грамоты и архив. Решения мирских сходов фиксировались в приговорах, которые писал земский дьячок. Их

подлинники (на оборотной стороне) скреплялись земскими старостами и целовальниками, а также грамотными людьми, присутствовавшими на сходе. Вместо неграмотных рукоприкладствовали приходские священники и дьяконы, поэтому присутствие их на сходе было обязательным⁸⁹. В частности, отводную грамоту 1607–1610 гг. «писаль слободцкой земский дьячекъ Конаха Михайловъ сынъ Бессоновъ»⁹⁰. 25 февраля 1614 г. «Слободцкой земъско диякъ Иванъ Лариновъ сынъ Курочкинъ» послушствовал при купчей⁹¹. «Шестаковской земской диячекъ Осипъ Тимофеевъ сынъ Бобайлова» свидетельствовал 21 июля 1636 г. при заключении сделки⁹². «Слободцкой земской диакъ Федоръ Дементьевъ сынъ Лобовиковъ» был послухом при составлении 9 мая 1624 г. купчей⁹³.

«Исполнительную власть в системе посадского самоуправления осуществляла его вторая структура – выбранный на сходе аппарат земской администрации в лице постоянных (годовых) старост и целовальников»⁹⁴. Если земские старости отвечали за сбор прямых налогов, то все косвенные, таможенные пошлины собирали верные или присяжные головы и целовальники, приводимые к присяге (или к «вере», по тогдашнему выражению). «На них возлагалась и эксплуатация доходных казенных статей: питейное дело, соляные и рыбные промыслы и др. По своему характеру верная служба была государственной, хотя и исполнялась выборными из посадских людей, уездных крестьян и даже служилых людей, занимавшихся торговыми промыслами»⁹⁵. Грамота от 20 июня 1682 г., выданная по челобитной вятского земского старосты Евдокимки Никитина, во всехъ вятчанъ место, потребовала от местного воеводы П. Д. Дорошенко, что как «ся наша великихъ государей грамота придетъ, и вы бъ на Вятке, во всехъ пяти городехъ, у таможенныхъ и у кабацкихъ нашихъ денежныхъ сборовъ, и въ уездахъ на заставехъ, и у земскихъ дель, безъ мирскихъ заручныхъ выборовъ подъячимъ по воеводскимъ подписнымъ челобитнымъ, быти никому не велели, а велели у техъ нашихъ дель быти подъячимъ темъ, на кого земской староста и мирские люди подадуть вамъ выборы за руками»⁹⁶. Из грамоты следует, что до июня 1682 г. таможенные и кабацкие головы (подъячие) назначались воеводами, а с 20 июня 1682 г. они должны избираться мирскими общинами. Ещё ранее, в 1678 г. был издан указ, который распорядился, чтоб в вятских городах, в том числе в Слободском и Шестакове «...таможенныхъ и кабацкихъ головъ воеводамъ ведать не велено, а велено ведать головъ и целовальниковъ выбирать земскими старостами; и

великого государя указъ о томъ на Вятку посланъ въ прошломъ во 185 (1677. – *B. H.*) году июля въ 22 числе»⁹⁷.

В 1629 г. писцы зафиксировали «въ Слободскомъ на посаде: изба Съезжая, а въ ней сидять приказные люди, да изба Таможенная; на посаде жъ кабакъ, а на немъ три избы, да две поварни, да погребъ, а забираютъ на кабаке и въ таможне таможенную пошлину и кабацкую прибыль головы и целовалники по годамъ»⁹⁸. В том же году в Шестакове тоже отмечена «Таможенная изба»⁹⁹. В 1647–1648 гг. полагалось государево жалование «Слободцкому таможенному (дьячу. – *B. H.*) 6 руб.»¹⁰⁰.

В марте 1672 г. на купчей проставлена помета «головы Петра Иванова»¹⁰¹. Скорее всего, П. Иванов исполнял тогда должность таможенного и кружечного (кабацкого) головы. Закладные кабалы требовалось (в марте 1696 г.) «и въ таможенные книги записать и пошлины заплатить»¹⁰². 8 ноября 1692 г. «въ Слободскомъ городе въ таможне сия (от 15 января 1692 г. – *B. H.*) закладная явлена и въ книги записана и пошлины по указу взяты и въ приходъ вписаны сего жъ числа. Помета на сей закладной ларешного (целовальника. – *B. H.*) Даниила Андреева сына Роготнева»¹⁰³. 29 мая 1693 г. «въ Слободскомъ городе въ таможне сия купчая явлена и въ книги записана и пошлины по указу взяты и въ приходъ вписаны сего жъ числа. Помета на сей купчей Слободского города таможенного и кружечного двора ларешного Якима Каргопольцева»¹⁰⁴. Интересна грамота от 11 мая 1677 г., в которой сообщается о том, «какъ онъ былъ Филко (Бабайлов. – *B. H.*) въ Слободцкомъ городе на кружечномъ дворе въ выборныхъ ларешныхъ целовальникахъ по выбору мирскихъ людей Сырянскаго стану, въ то время, какъ Слободцкой городъ сгорель, а сбежаль де онъ, не давъ отчету въ нашей великого государя денежной и питейной казне и ни въ чемъ»¹⁰⁵. Из последней грамоты видно, что если таможенного голову избирали посадские люди Слободского, то ларешныхъ целовальников выбирало уездные крестьяне, в данном случае, Сырянского стана, населённого компактно финноязычными отяками.

Царская грамота вятскому воеводе от 10 августа 1649 г. потребовала от местныхъ властей «за Шестаковской кабакъ на прошлые годы откупные деньги» 684 руб. 11 алт. «велели доправить на Шестаковъцахъ на посадскихъ и уездныхъ людей, на всехъ безъ выбору, потому что они туть кабакъ имали на себя, по своему челобитью, изъ воли, а доправя те деньги, прислали къ намъ къ Москве, не замотчавъ...»¹⁰⁶.

Делопроизводство с таможенных избах и кабаках вели таможенные и кабацкие дьячки, которые в середине XVII в. получали жалование в 6 руб., или подъячие. В судебные и финансовых делах Хлынов и его пригороды подчинялись Новгородскому приказу (Чети или Четверти), находившейся в Москве.

Нынешнее состояние источниковой базы XVI–XVII вв., доступной местному исследователю, может привести к предложенным выводам.

Примечания

¹ Спицын А. А. Местное и областное управление на Вятке до XVIII в. // КВГ на 1889 год. Вятка, 1888. С. 182.

² Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительенным актам. СПб., 1902.

³ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 32.

⁴ История города Кирова. 1374–1974 / науч. ред.: А. В. Эммаусский, Е. И. Кириохина. Киров, 1974. С. 18.

⁵ Спицын А. А. Указ. соч. С. 174.

⁶ Павлов А. П. Государев Двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 241–242.

⁷ Ростропись воеводам в тех городах, где прежде были судьи и губные старости // Временник имп. Моск. общ-ва истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 3. С. 6. (3-я паг.).

⁸ Низов В. В. Управление Вятской землей во второй половине XVI – начале XVII века // История и культура Волго-Вятского края : (к 90-летию Вят. учён. арх. комис.) : тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф. Киров, 18–20 октября 1994 г. Киров, 1994. С. 102, 113.

⁹ Павлов А. П. Указ. соч. С. 242.

¹⁰ Низов В. В. Указ. соч. С. 103, 113.

¹¹ Ермолов И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 78–97.

¹² РНБ ОСРК. F IV 844. Л. 168 об.

¹³ Акты Слободского Богоявленского монастыря, Архиерейского дома, церквей и другие // ТВУАК. 1915. Вып. 1. С. 28 (Отд. II).

¹⁴ РНБ. ОСРК. F IV 844. Л. 168 об.

¹⁵ Спицын А. С. Указ. соч. С. 179.

¹⁶ РНБ. ОСРК. F IV 844. Л. 168 об.

¹⁷ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. С. 120–121.

¹⁸ Спицын А. А. Указ. соч. С. 182.

¹⁹ Дополнение к актам историческим. СПб., 1875. Т. 9. С. 187.

²⁰ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 452.

²¹ Там же. 1853. Т. 3. Стб. 36.

²² РНБ. ОСРК. F IV 844. Л. 168 об.

²³ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 35.

²⁴ РНБ. ОСКР. F IV 844. Л. 168 об.

²⁵ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 33–34.

²⁶ РНБ. ОСКР. F IV 844. Л. 168 об.

²⁷ Спицын А. С. Указ. соч. С. 182.

²⁸ РНБ. ОСКР. F IV 844. Л. 168 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 6. Л. 117 об.

³⁰ РНБ. ОСКР. F IV 844. Л. 168 об.

³¹ Грамоты и акты Вятского Архиерейского Дома // ТВУАК. 1907. Вып. 2. С. 37 (Отд. II).

³² РНБ. ОСКР. F IV 844. Л. 169 об.

³³ Там же.

³⁴ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 54.

³⁵ РНБ. ОСКР. F IV 844. Л. 169 об.

³⁶ Грамоты и акты Вятского Архиерейского Дома С. 43.

³⁷ Древние акты. С. 127.

³⁸ РНБ. ОСКР. F IV 844. Л. 169 об.

³⁹ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 54.

⁴⁰ РНБ. ОСКР. F IV 844. Л. 169 об. Дату можно уточнить. 10 августа 1649 г. обще-вятский воевода Н. Ф. Леонтьев получил царскую грамоту, написанную на основе челобитной вятского земского старосты «Ортюшки Тряпицына» 1648/49 г., по которой ответственность за неуплату жителями города Шестакова и уезда откупных денег за шестаковский кабак возлагалась не на шестаковские и слободские власти, а на общевятские. Это позволяет думать, что объединение всей Вятской земли под управлением одного воеводы произошло в начале 1648 сентябрьского года (Древние акты. С. 126–129).

⁴¹ Материалы для истории г. слободского и его уезда // ТВУАК. 1907. Вып. 1. С. 9 (Отд. II).

⁴² Древние акты. С. 119–120.

⁴³ ТВУАК. 1907. Вып. 1. С. 5–7 (Отд. III).

⁴⁴ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 3.

⁴⁵ Там же. С. 1–2.

⁴⁶ Там же. С. 3.

⁴⁷ Низов В. В. Указ. соч. С. 102, 104, 113.

⁴⁸ Древние акты. С. 26.

⁴⁹ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 55.

⁵⁰ Там же. С. 77.

⁵¹ Там же. С. 62.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 25.

⁵⁴ Дьяконов М. А. Городовые приказчики. Очерки из истории местного управления в Московском государстве XVI века // Жур. м-ва нар. просвещения. 1900. Ч. 327, январь. С. 62.

⁵⁵ Древние акты. С. 216–217.

⁵⁶ Там же. С. 217.

⁵⁷ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 131–132.

⁵⁸ Там же. С. 134.

⁵⁹ Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подъячих XVII века // Жур. м-ва народ. просвещения. 1894. Ч. 295, сентябрь, отд. 1. С. 219–241.

- ⁶⁰ Ермолаев И. Н. Указ. соч. С. 135.
- ⁶¹ Древние акты. С. 121.
- ⁶² Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 104.
- ⁶³ Там же. С. 108.
- ⁶⁴ Там же. С. 128.
- ⁶⁵ Там же. С. 105.
- ⁶⁶ Там же. С. 67.
- ⁶⁷ Там же. С. 72.
- ⁶⁸ Там же. С. 90.
- ⁶⁹ Там же. С. 91.
- ⁷⁰ Там же. С. 130.
- ⁷¹ Там же. С. 140.
- ⁷² Там же. С. 111.
- ⁷³ ТВУАК. 1907. Вып. 2. С. 5–7 (Отд. III).
- ⁷⁴ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 4–5.
- ⁷⁵ Там же. С. 2–3.
- ⁷⁶ Низов В. В. Социальные выступления в Слободском уезде в начале XVII века // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: (к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца): материалы междунар. науч. конф. Киров, 1996. Т. 2. С. 345.
- ⁷⁷ ТВУАК. 1907. Вып. 2. С. 5–7 (Отд. III).
- ⁷⁸ Там же. С. 1–2.
- ⁷⁹ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 3–4.
- ⁸⁰ Низов В. В. Социальные выступления в Слободском уезде в начале XVII века С. 346.
- ⁸¹ Спицын А. С. Указ. соч. С. 198.
- ⁸² Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 54–58.
- ⁸³ Там же. С. 92–93.
- ⁸⁴ Там же. С. 97–98.
- ⁸⁵ См.: Спицын А. С. Указ. соч. С. 198.
- ⁸⁶ Древние акты. С. 140.
- ⁸⁷ ТВУАК. 1907. Вып. 2. С. 8 (Отд. III).
- ⁸⁸ Булгаков М. Б. Структуры посадского самоуправления на государственной и мирской службах в XVII веке // Отеч. история. 2005. № 4. С. 100.
- ⁸⁹ Там же. С. 97.
- ⁹⁰ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 2.
- ⁹¹ Там же. С. 12.
- ⁹² Там же. С. 25.
- ⁹³ Там же. С. 26.
- ⁹⁴ Булгаков М. Б. Указ. соч. С. 98.
- ⁹⁵ Писарькова Д. Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // Отеч. история. 2001. № 2. С. 16.
- ⁹⁶ Древние акты. С. 215–216.
- ⁹⁷ Там же. С. 205.
- ⁹⁸ ТВУАК. 1907. Вып. 1. С. 9 (Отд. III).
- ⁹⁹ Древние акты. С. 120.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 125.
- ¹⁰¹ Акты Слободского Богоявленского монастыря... С. 84.

По наблюдениям академика С. Б. Веселовского, кайгородский воевода А. Кологривов писал в Новгородскую четью, что голова 1648/49 г. пьёт беспрестанно и «со многими людьми у него брань бывает и, приходя в съезжую избу, бьют челом на него о суде и о оборони; и он, Игнашка, мне, холопу твоему, отказывает: «23суда де тебе на меня давать ни в чем меня ведать не велено». Голова был вятчанин, и нам не известна причина, почему он считал, что воевода не может его судить и не должен ведать. Как видно из дела, у них возникла крупнаяссора. К голове была послана грамота, в которой было сказано: «писал де нам воевода, что ты пьешь и, к нему приходя, многие просят на тебя суда» и ты де в том отказываешь, что суда на тебя давать и ни в чем ведать не велено. А по государеву указу велено ему, Афанасию (Кологривову – воеводе. – С. В.) над тобою и над товарищи твоими смотреть, чтоб государевыми таможенными деньгами никто не корыстовались, и про сбор ваш велено ему проводовати всякими мерами накрепко, и велено вам о том говорити...» (Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 134).

¹⁰² Там же. С. 130–131.

¹⁰³ Там же. С. 138.

¹⁰⁴ Там же. С. 140.

¹⁰⁵ Древние акты. С. 193.

¹⁰⁶ Там же. С. 126–129.

Вятские расходные книги XVII в.

Г. П. Енин

В «Отчёте Императорской Публичной библиотеки» за 1852 г. директор, барон М. А. Корф, сообщил о поступлении в библиотеку рукописей и печатных книг из «музея» к тому времени уже покойного отставного майора П. Ф. Коробанова. Майор завещал «музей» императору с условием, «чтобы деньги, какие государь император пожалует за сие собрание, были обращены на богоугодныя заведения и предметы благотворения». Император Николай I передал рукописи и печатные книги в ИПБ. Среди отмеченных как «более замечательные» рукописей значились «»Расходные книги 1678–1679 годов по городу Хлынову» – документ официальный, весьма любопытный и важный»¹.

В 1900 г. в рукописном Отделении ИПБ занимался известный вятский историк, член Вятской учёной архивной комиссии А. С. Верещагин. В фондах Отделения он выявил указанную рукопись под шифром Q.IV.278 и высоко оценил содержащуюся в ней информацию: «... Она даёт редкий и ценный материал для истории нашего края». Скопировать её он не смог, оправдываясь недостатком времени, и болезнью, и холодом в не отапливаемом в сентябре Отделении. По его докладу Вятская учёная архивная комиссия обратилась к дирек-

тору ИПБ Д. Н. Кобеко с просьбой выслать рукопись на время в Вятку. Директор и его помощник, «почётный член нашей комиссии», как писал А. С. Верещагин, авторитетнейший археограф Н. П. Лихачёв вняли просьбе, и – беспрецедентный случай – с «Высочайшего соизволения» рукопись была выслана в Вятку на 3 месяца². А. С. Верещагин подготовил расходную книгу к изданию и в «Предисловии» поместил довольно полное описание рукописи, которое, тем не менее, нуждается в дополнениях и пояснениях.

Во-первых, рукопись поступила в библиотеку либо в очень ветхом переплёте, либо вообще без него. Последнее предположение представляется более вероятным, учитывая отсутствие нескольких первых листов и последних. Они были утрачены, скорее всего, вместе с переплётом. Дополнительным аргументом служит факт повреждения рукописи водой, явственные следы чего наблюдаются на л. 1–6 и 182–183. Нынешний переплёт изготовлен в ИПБ по типовому для библиотеки образцу и состоит из картонных крышек, оклеенных «мраморной» бумагой и украшенных уголками из жёлтого сафьяна. Из него же сделан корешок, на котором оттиснуты золотом 9 простых линий, 4 фигурных и герб библиотеки с буквами «И. Б.» На корешке имеются две наклейки из красного сафьяна. На них вытеснены золотом же название «Расходная книга Хлынова» и шифр.

В рукописи утрачен ещё один лист. В скрепе Ивана Репина по л. 23–35 отсутствует фамилия старосты. Утрата подтверждается состоянием текста. Л. 32 об. заканчивается полноценной записью о покупке кади колодникам «на воду», а л. 33 начинается окончанием слова с потерянного листа «...чим Фёдором Прокопьевым и под площадными подъями и приставы...»

Следует упомянуть также о наличии в рукописи пустых страниц и листов с надписями «Страница порожжая» и «Лист порожжей». Они отделяют записи одного месяца от записей другого (л. 4 об., 24, 41 об., 74, 92, 132 об., 143 об., 164 об., 165).

А. С. Верещагин отметил наличие в рукописи двух почерков. Одним из них написана вся книга, а второй принадлежит Ивану Репину, скрепившему всю книгу и расписавшемуся в получении 30 рублей за годовую службу земским старостой. Однако публикатор не заметил присутствия третьего почерка, следы которого, к тому же другими чернилами, довольно многочисленны. Иногда они имеют характер редакторской правки в виде написания над строкой пропущенных слов, но чаще исправления в тексте делаются стиранием

прежних слов и написанием на их месте новых. В двух случаях этим почерком сделана на полях помета «Зри», позже зачёркнутая, ибо записи были дополнены внесением этим же почерком ненаписанных ранее денежных сумм (л. 102, 123 об.)³. Это означает, что упоминания были устранины после сверки с другими документами. В других случаях дополнения и исправления денежных сумм производились без указания на полях (л. 77 об., 115, 152 об.). Этим же почерком внесены объёмные записи о расходах, почему-то пропущенных в книге. Они вносятся в конце записей за месяц (л. 120, 154–155), а последняя из них подводит итог затратам на дрова в ноябре–марте 7187-го года и сообщает об отосланных в Москву, но нефиксированных деньгах.

А. С. Верещагин вносит существенную поправку в датировку расходной книги Ивана Репина. Его доказательства о составлении книги в 7187 (1678/79) г. неоспоримы⁴. Не убеждает только мнение о смене Репина новым старостой Семёном Левашевым лишь к декабрю 7188 (1679) г., основанное на присутствии записей в октябре и ноябре 1679 г.

Земские старосты и целовальники избирались всегда и везде ровно на год, и смена происходила 1 сентября, на Новый год⁵. В расходной книге Ивана Репина отсутствуют первые листы с записями как раз за сентябрь и октябрь 1678 г., то есть он начал земскую службу 1 сентября, и Левашев тоже сменил его 1 сентября. Записи в октябре и ноябре фиксировали расчёт с людьми, с которыми староста не расплатился своевременно из-за крайней занятости или по причине отсутствия денег на тот момент. Доказательств этому в книге предостаточно. Записав расходы 31 августа, Репин сообщил через 4 листа о поздравлении калачами «для имянин ... царевича ... Иоанна Алексеевича» епископа, воеводы и подьячих 29 августа (л. 178–178 об.). В других записях приводятся расходы, сделанные в феврале (л. 179 об.), августе, «во 187-м году зимою» и даже «во 187-м году в месяце сентябре» (л. 180 об. – 183). Однако не все записи после 31 августа 1679 г. «имеют ретроспективный характер», как утверждает А. А. Марков⁶. В записях на л. 180 от «сентября в 19 день», «октября в 5 день», «в октябре и в ноябре» староста указывает расходы на товары и услуги, полученные уже «во 188-м году».

Расходные книги земских старост и целовальников – это богатейший исторический источник, раскрывающий многие стороны общественной, экономической, нравственной жизни уезда, города, волос-

ти. Сохранилось их много, но опубликованы лишь единицы из них. И вятским источникам повезло больше всего. Помимо расходной книги хлыновского старосты Ивана Репина 1678/79 г., была опубликована расходная книга 1674/75 г. земского целовальника Совьёвской волости Тимофея Загребина⁷. Разделённые всего лишь четырьмя годами, вместе эти книги открывают больше возможностей для объективного суждения о многих сторонах общественной жизни Вятки в 70-х годах XVII в.

А. С. Верещагин определил главной темой содержания расходной книги Репина кормление воевод и приказных людей, но не был уверен в том, что жители Слободского, Шестаковского, Орловского и Котельничского уездов участвовали в этом процессе⁸. Книга Загребина снимает все сомнения. Его главным и непосредственным кормленщиком был слободской городовой приказчик Исаия Дмитриев, но уже в первый день своей земской деятельности целовальник явился «к вере» воеводе В. П. Нарышкину, «несл ему гривну, верховые жильцы взяли 6 денег. На двор люди ж ево взяли 10 денег»⁹. А продовольственное «праздничное» Загребина воеводе на Рождество стоимостью в 1 р. 16 алтын 2 деньги уступило приносу Репина кн. П. С. Прозоровскому лишь на 27 алтын 4 деньги¹⁰. Целовальник участвует складными деньгами в приёмах воеводы в Слободском «на приезде» и при отъезде, чествует его гривной «как звали хлеба ести», то есть за приглашение к праздничному столу. Загребин отвечает за сбор «можжельных» ягод на воеводский двор. Городовой приказчик даже посадил его в тюрьму «для денег по розводным в воеводском праздничном»¹¹.

Сравнение книг Репина и Загребина выявляет их различное, но объяснимое статусное положение в административной системе. Все уездные и посадские старости выбирались из грамотных, состоятельных и уважаемых в городе людей. С их авторитетом приходилось считаться всем приказным людям. К тому же они действовали в городе, то есть под защитой посадского населения. Волостные целовальники находились в ином положении. Приезжая в уездный центр, целовальник, часто совсем неграмотный крестьянин, оказывался один на один со всейластной структурой, каждый член которой жаждал покорыстоваться за его счёт. Но и у себя в волости целовальник не избавлен от корыстных домогательств – все многочисленные посыльные из города требуют и получают денежную взятку. Согласно записям Загребина, каждое его соприкосновение с любым представите-

лем власти сопровождалось поборами по поводу и без повода. Загребину приходилось ублаготворять воеводу, его сына и племянников, дворецкого, ключника, конюхов, «верховых жильцов» и всех дворовых людей, городового приказчика с его домочадцами и дворней, всех подьячих в Слободском и Хлынове, соборных попов, сторожей всех учреждений, многочисленных денщиков и всяких посыльных. Вымогательство имело откровенный и беззастенчивый характер. Так, 7 апреля Загребин приехал в Хлынов отдать сказку «о кирпищиках» в приказную избу. Подьячему Григорию Каркину он принёс полтину, от которой тот не отказался, но «скаску не принял, а просил дву рублей». В апреле Загребин ещё трижды ходил к нему с этой и другими сказками, и подьячий их не принимал. Это был традиционный приём вымогательства, ибо каждый приход целовальника сопровождался взяткой и подьячему, и его людям. Помимо полтины 7 апреля Каркин взял ещё полтину, потом гривну, затем полполтины: «и он, Григорей, скаску не принял»¹².

Примечательно с нравственной точки зрения, что к числу мздоимцев принадлежали и земские лица, в той или иной зависимости от которых Загребин находился, то есть такие же выборные слободские и хлыновские целовальники, дьячки, «рассылки» и старосты. Именно слободской староста Семён Котевин подвергает Загребина истязаниям, часто ставя его «на правеж» и всякий раз взимая личную мзду.

«Правеж» – болезненная, опасная для здоровья процедура – становится для Загребина привычным и неизбежным злом, поскольку «на правеж» его ставят часто. В июле, например, он стоял «на правеже» четыре раза. Наказание выглядит тем унизительнее, что за собственное избиение ещё нужно было платить. И в Хлынове, и в Слободском карающие денщики берут с него «правежное», «от правежа». Уплаченное «правежное» не избавляло, тем не менее, от возможности крайней жестокости, поэтому Загребин даёт истязателям 10 денег, «чтобы правежем не изувечили», 2–4 деньги «от понаровки», покупает им вино и пиво¹³.

Беззаконное корыстное поведение властных лиц приводило иногда к протестам населения. Именно в Хлынове был задан воеводе Г. И. Волынскому, который только «въезжего» потребовал 500 руб., юридически грамотный вопрос в декабре 1635 г.: «Почему тебе давать въезжее и корм, и посошной хлеб?». Воевода не нашёл ответа, и состоялся бунт¹⁴.

Оценивая содержание расходной книги совьёвского целовальника, А. А. Преображенский удачно отразил атмосферу кормления на Вятке: «Как на ладони предстает перед нами поистине ужасающая и угнетающая картина откровенного, узаконенного грабежа народа... Берут всем – деньгами, калачами, мясом и прочей снедью. Берут каждодневно и грубо, подвергая представителей крестьянской власти оскорблением, унижению и истязаниям»¹⁵.

Такая картина наблюдается во всех расходных книгах крестьянских и посадских представителей, не только вятских. И это приводит к заключению о всеобщей развращённости населения духом кормления и ментальности традиции получения неправедных доходов от административной должности, чем и объясняется нерушимость современной коррупции.

Примечания

¹ Отчёт Императорской Публичной библиотеки за 1852 год. СПб., 1853. С. 58–59.

² Расходная книга земского старосты города Хлынова Ивана Репина 1678–1680 г. Предисловие издателя // ТВУАК. Вятка, 1905. Вып. V–VI. С. I.

³ В скобках указываются листы рукописи.

⁴ В Отчёте ИПБ за 1852 год указана именно эта дата. Нельзя не заметить, что сам А. С. Верещагин обозначил дату в заглавии публикации как «1678–1680 г.». К сожалению, ошибочная дата указана и в содержательной статье А. А. Маркова: «...около 1676–31 августа 1679 г.». См.: Марков А. А. «Расходная книга земского старосты города Хлынова И. Репина. 1678–1680 г.» как источник для изучения торговой и хозяйственной деятельности жителей города и его окрестностей // Герценка: Вятские записки. Киров, 2003. Вып. 5. С. 36.

⁵ Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 103, 107–108, 116. Из вятских источников, подтверждающих данный факт, можно назвать расходную книгу оброчного целовальника Соловьёвской волости Тимофея Загребина, о которой речь впереди.

⁶ Марков А. А. Указ. соч. С. 36.

⁷ Преображенский А. А. Расходная книга земского целовальника Совьёвской волости Вятского уезда Тимофея Загребина 1674–1675 гг. // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 407–424.

⁸ Расходная книга земского старосты города Хлынова Ивана Репина 1678–1680 г. С. III–VI.

⁹ Преображенский А. А. Указ. соч. С. 409.

¹⁰ Там же. С. 414 ; Расходная книга земского старосты города Хлынова Ивана Репина... Л. 34–34 об.

¹¹ Там же. С. 412, 421–422.

¹² Там же. С. 419.

¹³ Там же. С. 410–423.

¹⁴ Оглоблин Н. Н. Народная смута на Вятке из-за «кормления» воевод : (очерк из жизни XVII века) // Исторический вестник. СПб., 1892. Т. 49. С. 166–170.

¹⁵ Преображенский А. А. Указ. соч. С. 408.

**Вправо или косвенно вниз?
О направленности лука со стрелой в вятском гербе**
E. M. Дрогов

Вопросы истории гербов Вятки и Вятской губернии за последние годы достаточно хорошо освещены¹. Развеяно несколько мифов вокруг основного символа Вятской земли². При утверждении герба Кировской области в 1995 г. был взят за основу герб Вятской губернии середины XIX в., в 2008 г. был восстановлен в употреблении исторический герб г. Вятки 1781 г. Сегодня доступны многие труды по геральдики отечественных и зарубежных авторов. Однако для широкой аудитории до сих пор остается насущным вопрос: почему в гербе Вятки рука с луком направлена косвенно вниз, а в областном (губернском) гербе – влевую от зрителя сторону? Этот вопрос задаётся практически всеми – от школьников до профессиональных историков, и звучит настолько часто, что мы сочли необходимым остановиться на нём отдельно.

Напомним вкратце историю. Впервые натянутый лук со стрелой как эмблема Вятской земли с пометкой «печать вятская» появилась на лицевой стороне Большой государственной печати Ивана IV, датируемой 1577 г.³ (рис. 1). В XVII в. вятская эмблема «обросла» дополнительными атрибутами: вначале рукой, держащей лук и выходящей из облака, а затем – крестом⁴, являясь на нескольких известных вещественных памятниках⁵. В 1672 г. эмблема Вятки окончательно сформировалась и вошла в «Большую Государственную книгу» царя Алексея Михайловича, или «Титулярник» (рис. 2). Здесь 33 земельных символа, включая вятский, впервые названы гербами, хотя гербами их можно назвать только условно⁶. Подобное изображение вятского символа известно с рисунка государственной печати, выполненного авст-

*Рис. 1. «Печать вятская»
с Большой государственной печати
Ивана IV. 1577 г.*

рийским дипломатом Корбом в своём дневнике 1698–1699 гг. (рис. 3), а также по изображению печати Сибирской губернии 1710 г. (рис. 4). Вятский герб появляется на знаменах Вятских армейских полков: вначале в 1712 г.⁷ (рис. 5), а затем – в 1730⁸ (рис. 6) и 1763⁹ (рис. 7) годах. И только в результате административной реформы Екатерины II российские города обрели гербы в полном смысле этого слова. Герб Вятки (рис. 8) был высочайше утверждён 28 мая (8 июня) 1781 г.¹⁰ в числе гербов всех других городов Вятского наместничества, образованного 11 (22) сентября 1780 г. Этот герб служил и гербом г. Вятки, и Вятского уезда, и Вятского наместничества, а с образованием 12 (23) декабря 1796 г. губернии, стал ещё и губернским. В ходе геральдической реформы, начавшейся в 1856 г., был утверждён новый герб Вятской губернии (рис. 9), взятый в 1995 г. за основу при

Рис. 2. «Вятский герб» из «Царского Титулярника», или «Большой государственной книги». 1672 г.

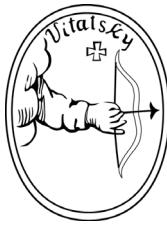

Рис. 3. Вятская эмблема с рисунком государственной печати Корба. 1698–1699 гг.

Рис. 4. Вятская эмблема с печати Сибирской губернии. 1710 г.

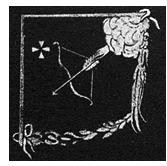

Рис. 5. Вятская эмблема на знамени Вятского полка. 1712 г.

Рис. 6. Вятский герб из гербовника графа Миниха. 1730 г.

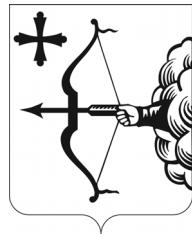
Рис. 7. Знамя Вятского полка Эстляндской дивизии. 1763 г.

*Рис. 8.
Герб г. Вятки.
1781 г.*

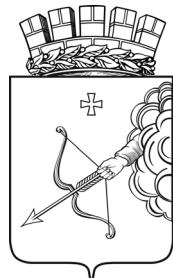
*Рис. 9. Герб Вятской
губернии. Середина
XIX – начало XX в.*

*Рис. 10.
Герб Кировской
области. 1995 г.*

разработке герба Кировской области (рис. 10), одного из первых утверждённых региональных символов новой России. Чтобы восстановить в употреблении герб города, понадобилось гораздо больше времени – более 10 лет «ожесточённых боёв» в Кировской городской думе¹¹. Официальный символ областного центра был утверждён только 27 августа 2008 г. (рис. 11).

Вернемся к началу XVIII в. Именно при Петре I территориальные эмблемы начинают получать широкое распространение¹². Особое развитие городская символика обрела в процессе создания системы формирования и размещения армейских полков. В 1708 г. Россия была разделена на 8 губерний с приписанными к ним городами. Каждая из губерний содержала полки, которые размещались по городам и получали названия городов и губерний, а вместе с названиями – и эмблемы городов и областей, помещённые на знаменах. С 1712 г. эти знамена начали изготавливаться в Оружейной палате и рассыпаться в полки¹³. Знамена вятских полков – пехотного и драгунского – «чёрные, с изображением в верхнем углу у древка золотого креста и руки с луком и стрелою, выходящей из облаков»¹⁴ (рис. 5).

*Рис. 11. Герб муниципального образования
«Город Киров». 2008 г.*

Знамённые эмблемы 1712 г., так же как и изображения в «Титулярнике», не достигли строгой геральдической формы: здесь отсутствует геральдический щит, присущая гербам стилизация изображения фигур, на многих не соблюдаются другие геральдические правила, например, запрет на наложение цвета на цвет и металла на металл. Несмотря на такое же, как и у всех других знамённых эмблем 1712 г., отсутствие щита, вятская эмблема обнаруживает завидную символическую устойчивость: рука, выходящая из облака, натянутый лук со стрелой, крест. Если же провести иконографическое сравнение вятского символа со знамени и из «Титулярика», мы впервые обнаружим различия в направленности руки с луком: в 1672 г. – прямо, в 1712 – под углом вниз. Рука с луком на печати Сибирской губернии 1710 г. так же как и в «Титулярике» изображена прямо, но отличается зеркальностью направления. Вятский символ в дневнике Корба отличается с эмблемой 1672 г. исключительно прорисовкой деталей.

Вся эта путаница объясняется элементарным незнанием в России того времени тонкостей геральдических правил и канонов геральдического искусства, отсутствием опыта составления и художественного воплощения городских символов. Стоит особо подчеркнуть, что изображение герба, выполненное в той или иной стилистической манере, отличия в прорисовке деталей, не противоречат геральдическим традициям и нормам. Главенствующим в геральдике является не изображение, а описание герба, составленное особым терминологическим языком по определённым правилам. Герб может изображаться в различных техниках исполнения, в щитах различной формы. Главное требование к изображению – соответствие описанию, своеобразной «формуле» герба. Забегая вперёд, стоит указать и ещё на одно из основных правил геральдики, выработанных и устоявшихся в Европе: все фигуры в щите должны быть направлены в геральдически правую сторону. Стороны в геральдике определяются с точки зрения того, кто стоит за гербовым щитом и держит его; таким образом, для зрителя, стоящего лицом к щиту, правая геральдическая сторона находится слева, левая геральдическая сторона – справа. По изображениям основного вятского символа, нетрудно заметить, что вплоть до середины XIX в. правило «геральдически правой стороны» часто не соблюдалось. Подчеркнём, что никакого символического смысла ни в этой произвольности, ни в строгом следовании правилу, нет.

Знаменные эмблемы 1712 г. положили начало интереса к территориальным символам, однако их использование было функционально узко ограничено. За редким исключением, эмблемы использовались только на военных знамёнах.

В 1722 г. была создана Герольдмейстерская контора, основной функцией которой первоначально было ведение дел дворянства. На должность товарища герольдмейстера был назначен граф Франциск Санти, итальянец по происхождению, который принял, помимо основных своих обязанностей, сочинять земельные гербы. В 1724 г. последовал указ, вменявший в обязанность Герольдмейстерской конторе создание территориальных гербов. Указ предписывал судебным органам во всех губерниях, провинциях и городах иметь печати с собственным гербом. Кроме того, гербы должны были размещаться на знамёнах. Граф Санти взялся за гербовничество с удвоенной энергией. Санти не только составлял новые гербы, но и исправлял в соответствии с правилами геральдики старые. К сожалению, эти изображения не сохранились, но их количество известно по многочисленным реестрам и спискам: «вновь» и «по старому» составлены гербы для 97 городов¹⁵, в том числе и вятский, известный по Титулярнику и знамени 1712 г. Граф не успел закончить работу: в 1727 г., после смерти Екатерины I, он был заподозрен в причастности к заговору, арестован и сослан в Сибирь. Вернувшись из ссылки в 1742 г., Санти был восстановлен во всех званиях, но к прежней своей работе не вернулся.

Однако работа по составлению гербов для полковых знамён была продолжена в Военной коллегии и Академии наук. Из Герольдмейстерской конторы в Военную коллегию для помещения на знамёнах были отосланы 43 герба, «что сочинил Сантий»¹⁶. Есть основания полагать, что среди них также был вятский, поскольку он содержится в реестре и входит в состав «титульных»¹⁷. Завершить работу по составлению гербов для знамён было поручено Б. К. Миниху. В октябре 1729 г. составленный графом фон Минихом гербовник, содержащий 88 гербов, был высочайше утверждён¹⁸, а в начале 1730 г. Военной коллегии было отдано распоряжение изготавливать полковые знамёна с гербами. Герб на знамёнах вятских полков – пехотного и драгунского – выглядел следующим образом: «В серебряном щите на желтом поле выходящая из облаков и держащая черный лук и белую стрелу с черным пером, вверху красный крест»¹⁹ (рис. 6). Как видно из описания и изображения, цветовые решения герба претер-

пели некоторые изменения, а композиционно герб похож на эмблему со знамени 1712 г., откуда он, скорее всего и был заимствован Санти для перерисовки на новый лад, а затем включён Минихом в гербовник. Здесь рука с луком ориентирована таким образом, чтобы более рационально заполнить овальный щит, композиционно уместив в нём все фигуры. Разместить руку с луком в овале с такими пропорциями как-то иначе, например, прямо, чтобы видны были все детали, видимо, не получилось, и выбранный вариант художник совершенно справедливо счёл более выигрышным. Никаких других рациональных объяснений этому мы не находим.

Знамённым гербам 1729–1730 гг. было суждено распространиться гораздо шире, чем предшествовавшим им эмблемам 1712 г. В 1733 г. последовал высочайший указ, обязавший пробирных дел мастеров использовать клише с городским гербом для клеймения золотых и серебряных изделий. Ещё в 1727 г., при Петре II, появился царский указ, обязывающий запечатывать печатью с соответствующим территориальным гербом все документы, выходящие из провинциальных и губернских канцелярий, подобный указ был издан и Анной Иоанновной, но их выполнение растянулось на десятилетия. В 1763 г. при составлении воинских знамён по новым принципам (в привязке полков к дивизиям) вятский герб в овальном щите, заключённом в замысловатый картуш, увенчанный княжеской короной²⁰, точно такой же, как в 1730-м, вновь был изображён на знамени Вятского полка Эстляндской дивизии²¹ (рис. 7).

Печать с вятским гербом для применения на месте была запрошена Вятской провинциальной канцелярией в Монетной конторе только в 1744 г. Таковая наконец-то была изготовлена и отправлена в Хлынов. Так, впервые из столиц вятская эмблема попала для использования на Вятку. Нам доподлинно не известно изображение печати Вятской провинциальной канцелярии, однако благодаря исследователю вятской истории В. П. Юрьеву до нас дошло её описание: «Печать круглой формы с изображением на ней руки, выходящей из облаков, с левой стороны держащей натянутый лук со стрелою; кругом руки и лука вырезан венок из дубовых листьев, перевитых какой-то лентой, а на верху лука корона. Вокруг ободка надпись: «Печать вятской провинциальной канцелярии»²².

Рассматривая приложенные к делам сургучные оттиски с этой печати, исследователь замечает: рука, выходящая из облаков, держащая натянутый лук, помещена не с правой от зрителя стороны,

как это изображено на исследованной им гербовой печати Сибирской губернии 1710 г.²³, а выходит из облаков слева. Такое изображение, по его мнению, выполнено по ошибке резчика: вместо того, чтобы вырезать на печати герб зеркально, т. е. так, чтобы «изображение при припечатывании приходилось бы с правой стороны, он вырезал его совершенно в обратном виде»²⁴. Пока невозможно сказать точно, ошибка ли это резчика, или создатели печати в Монетной конторе руководствовались другим изображением герба. Например, в Титулярнике рука с луком направлена так же, как на печати в описании Юрьева. Можно лишь констатировать: направленность руки устойчивости не проявляет на протяжении всего времени бытования.

Наконец, обратимся к 1781 г., году высочайшего утверждения вятского герба. Массовая разработка гербов (в течение 30 лет их было составлено несколько сотен) явилась результатом проводимой Екатериной II административной реформы, давшей городам особые привилегии, которых не существовало ранее.

Геральдическое художество в России приобретает новый смысл и более совершенные формы: например, неизменно используется «французский» геральдический щит, строго соблюдаются правило наложения цветов. Однако по изобразительной части гербы последней трети XVIII в. значительно уступают западным образцам, а также отечественным гербам более позднего времени.

Известно, что действительный статский советник А. А. Волков, «исправлявший» должность герольдмейстера, вновь составил гербы для 12-ти уездных городов, за исключением Вятки. Герб Вятки вошёл в гербовники с пометкой «старый», т. е. составленный на основе уже существующих к тому времени гербов. Описание герба, вошедшее в Полное собрание законов (ПСЗ), гласит: «В золотом поле из облака выходящая рука, держащая натянутый лук со стрелюю, а над ней в верхней части щита крест красный. Сие взнесено и во все вновь сочиненные гербы в верхней части щита в означение того, что те города принадлежат Вятскому наместничеству»²⁵ (рис. 8). Так же, как и изображение, далеко от совершенства и писание вятского герба. Впрочем, не блещет большинство «блазонов»²⁶ того времени. В частности, в описании не обозначены цвет руки, лука и облака, не увидим мы и указания на то, куда именно направлена рука с луком. При отсутствии в описании упоминания о направлении фигур в щите, по умолчанию считается, что они направлены в ге-

ральдически правую сторону, т. е. влево от зрителя. Однако композиционно герб 1781 г. в точности повторяет изображение на знамени 1729–1730 гг.: рука с луком направлена, выражаясь геральдически, косвенно вниз. При этом не уточняется, куда косвенно, т. е. по умолчанию также считается, что наклон имеется геральдически вправо.

Отсутствие чёткого указания на некоторые важные с точки зрения классического гербоведения детали говорит о несовершенстве российской геральдической практики того времени. Восполнять «белые пятна» в описаниях позволяли рисунки гербов, исполнявшихся чёрно-белыми с использованием условной штриховки для обозначения цветов и цветными.

Все эти несовершенства и несоответствия были призвана исправить геральдическая реформа, затеянная в середине XIX в. Городское гербовничество проходило под личным наблюдением Николая I, который в 1851 г. дал указание «принять на будущее время за правило на гербах губерний, областей и губернских городов <...> изображать всегда императорскую корону; на гербах же городов уездных ставить <...> городскую корону»²⁷. Герольдмейстерская контора, поименованная в 1800 году Герольдией в ранге коллегии²⁸, в 1848 г. была преобразована в Департамент герольдии Сената²⁹, при котором 10 июня 1857 г. было открыто Гербовое отделение³⁰. Это специальное отделение по изготовлению гербов возглавил известный в своё время учёный, барон Б. В. Кёне, которому и суждено было воплотить волю монарха по преобразованию территориальных гербов.

Кёне не только разработал систему корон и внешних украшений вокруг гербового щита для территориальных гербов³¹. Гербы подверглись исправлению как с точки зрения элементарных геральдических правил, так по части «геральдичности» использованных фигур.

Практически все гербы были исполнены заново с учётом ещё одного нововведения, использующегося в современной территориальной геральдике России. Кёне предложил изменить предложенную фон Энденом в XVIII в. традицию помещать в верхней части щита наместнический (губернский, областной) герб. При таком способе указания на территориальную принадлежность города символ самого города терялся, мельчал. Взамен он предложил перенести губернский герб в верхний угол щита, заключив в прямоугольник, в т. н. «вольную часть». Таким образом, герб города занимал большую часть щита.

Ну и самый главный для целей настоящей статьи момент, касающийся деятельности Кёне: перерисовывая гербы, он «развернул» фигуры в гербах, согласно геральдическим традициям, в геральдически правильную, правую сторону, направив их строго горизонтально влево от зрителя (за исключением нарочито иного направления, отраженного в описаниях).

Были составлены новые гербы для всех вятских городов, включая Вятку, и новый герб для Вятской губернии. При этом, учитывая новые правила, вятские городской и губернский гербы отличались лишь внешними украшениями (рис. 9 и 12), что и нашло отражение в описаниях. Рисунки же были практически идентичны не только друг другу, но рисунку вятского герба³², т. н. «титульного», входившего в Большой государственный герб Российской империи.

Проект герба Вятки был составлен 16 января 1859 г.: «В золотом поле выходящая вправо из лазоревых облаков в червленой одежде рука, держащая червленый же натянутый лук со стрелой, в правом углу червленый, с шариками, крест. Щит увенчан золотой башенной короной о трёх зубцах и окружён двумя золотыми колосьями, соединенными Александровской лентой»³³ (рис. 12). По неясным до конца причинам большинство перерисованных бароном Кёне гербов, включая все 11 уездных вятских городов и 1 заштатный Царёвосанчурск, так и остались в неутверждённых проектах.

Герб Вятской губернии³⁴ стал вводиться в оборот после июня 1857 г. и использовался вплоть до 1917 г.: «В золотом поле, выходящая вправо из лазоревых облаков в червленой одежде рука, держащая червленый же натянутый лук со стрелою. В правом углу червленый с шариками крест. Щит увенчан императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листвами, соединенными Андреевскою (лазоревою) лентою»³⁵ (рис. 9). Новые губернские гербы с ко-

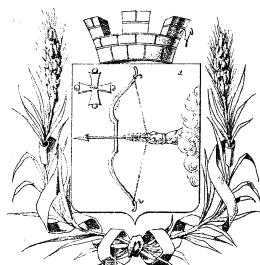

Рис. 12. Проект герба г. Вятки. 1859 г.

ронами и новыми украшениями вышли в собрании рисунков территориальных и государственных гербов в рамках ПСЗ³⁶, а также отдельным сборником³⁷.

Поскольку проект 1859 г. утверждён не был, официальным гербом Вятки вплоть до революции оставался герб 1781 г. с изображённой рукой с луком косвенно вниз, в отличие от губернского – прямо. Это различие было учтено позднее, уже в конце XX столетия, для разграничения областной и городской символики. Как уже отмечалось вначале, современные символы Кировской области и её столицы основаны на исторических гербах Вятской губернии и г. Вятки, в которых направление руки с луком диктуется такое же направление и в соответствующих современных гербах.

При разработке и утверждении герба Кировской области в 1995 г. члены рабочей группы и депутаты областной Думы долго сомневались, брать герб Вятской губернии за основу, или не брать. Государственным герольдмейстером России Г. В. Вилинбаховым все сомнения были развеяны, и 29 августа 1995 г. герб был утверждён³⁸. При этом была учтена настоятельная рекомендация Герольдии не использовать украшения вокруг щита, служившие атрибутами определённой территориально-административной системы.

В последней редакции³⁹ областного закона его описание звучит так: «В золотом поле выходящая из лазоревых облаков рука в червленой одежде, держащая червленый натянутый лук с червленой стрелой. В верхнем геральдически правом (левом от зрителя) углу щита – червленый лапчатый крест с шарами на концах» (рис. 10). Герб Кировской области зарегистрирован в Государственном геральдическом реестре за номером 190.

С утверждением герба областного центра история была более долгой. Инициатива мэра города Василия Киселева утвердить в качестве официального символа г. Кирова исторический герб Вятки впервые была озвучена в городской думе в 1998 г., в преддверие 625-летнего юбилея упоминания города в летописи. Но депутаты тогдашнего созыва инициативу «прокатили». Не буду останавливаться на всех перипетиях⁴⁰, скажу только, что дважды проведённая Герольдией геральдическая экспертиза, в 1998 и 1999 гг., установила, что действующим гербом г. Кирова должен считаться исторический герб 1781 г., в силу того, что «исторические законоположения о городских гербах признаются действующими источниками права в сфере геральдики». Государственный геральдический орган страны развеял и возможные

сомнения относительно похожести герба Вятки и уже принятого на тот момент герба Кировской области, указав, что «наличествующие в гербе города особенности – наклон руки с луком и специфическое расположение креста, а также его более простая форма – являются вполне достаточными отличительными знаками, разграничитывающими городскую и областную символику».

В этом свете абсолютно надуманными и безосновательными выглядят версии некоторых местных авторов, трактующих вятский герб (в привязке к наклону руки с луком) как символ «слепородства», «духовной слепоты» местных жителей. Попытки объяснить наклон руки с луком в городском гербе, как «грозное предупреждение о божьем гневе», как намерение покарать «нечистивых», «своя своих непознавших», никак не связаны с реалиями.

Однако без малого 10 лет понадобилось, чтобы утвердить и зарегистрировать герб города: «В золотом поле выходящая косвенно вниз из лазоревого (голубого) облака правая рука (десница) натурального цвета в червлёном (красном) рукаве, держащая натянутый лук со стрелой того же цвета, во главе щита – уширенный крест, также червлёный»⁴¹ (рис. 11).

В усовершенствованном современном описании устраниены все разночтения и неточности, закреплена терминологическая ясность. Наклон руки с луком «косвенно вниз» есть неотъемлемая отличительная «особинка» высочайше утвержденного и доныне действующего герба Вятки.

Воспроизведение герба, независимо от назначения и случая использования, допускается с дополнительным элементом – золотой пятизубчатой башенной короной, дополненной золотым лавровым венком, определяющей статус г. Кирова, как городского округа, центра субъекта Российской Федерации – Кировской области, или без дополнительного элемента, в виде одного щита. Оба эти варианта изображения являются равнозначными.

Герб зарегистрирован в Государственном геральдическом регистре за номером 4321.

Примечания

¹См., например: Дрогов Е. М. Символы земли вятской // Гербовед : журн. 2006. № 3 (89). С. 6–42 ; Его же. Гербы Вятской губернии // Герценка: Вятские записки : [науч.-попул. альм.]. Киров, 2005. Вып. 8. С. 81–107.

²Дрогов Е. М. Влияние христианской символики на Вятский герб: к постановке проблем // Православие на Вятской земле : (к 350-летию Вятской епархии) : материалы

межрегион. науч. конф. Вятка [Киров], 2007. С. 58–64 ; Его же. Историография вятского герба // Герценка: Вятские записки. Киров, 2005. Вып. 9. С. 55–75 ; Гербовед. 2006. № 3 (89). С. 43–65.

³Соболева Н. А. О датировке большой государственной печати Ивана IV // Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 157–169.

⁴Подробно об этом см.: Дрогов Е. М. Символы земли вятской. С. 9–16.

⁵Имеются в виду: саадачный покровец Михаила Федоровича Романова, датируемый 1626 г. (см.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб., 1899. Ч. 1. Рис. № 77, золотая тарель (1675 г.) и гербовое знамя (1666–1678 гг.) Алексея Михайловича.

⁶Н. А. Соболева и позднейшие исследователи рисунки эмблем русских земель и княжеств, изображённые в Титулярнике, в силу несоответствия их строгим правилам геральдики называют «протогербами». См. об этом: Соболева Н. А. Старинные гербы российских городов. М., 1985. С. 33 ; Наумов О. Н. Актуальные проблемы изучения отечественных гербовников // Сообщения Ростовского музея. Ростов н/Д, 2003. Вып. 13. С. 283–302. Подробнее о роли «Титулярника» в отечественной геральдике см.: Наумов О. Н. «Титулярник» 1672 г. как памятник геральдики: Проблемы изучения // Румянцевские чтения. М., 2001. С. 216–219. Сама «Большая государственная книга» недавно переиздана: Царский Титулярник : в 2 т. / под общ. ред. Ю. М. Эскина. М., 2007.

⁷Висковатов А. В. Указ. соч. Ч. 2. С. 58. Рис. № 225.

⁸Там же. С. 108. Рис. № 252.

⁹Там. же.Ч. 3. С. 50. Рис. № 869.

¹⁰Об утверждении гербов городам Вятского наместничества // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. [СПб.], 1830. Т. 21. С. 127–128. № 15164 (далее ПСЗ).

¹¹Впервые вопрос о возвращении городу исторического герба поднимался в преддверии празднования 625-летия Вятки. Подробнее об этом см.: Дрогов Е. М. Геральдические коллизии, или На Вятке свои порядки // Гербовед. 2006. № 3 (89). С. 109–115.

¹²Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 27–29.

¹³ПСЗ. Собр. 1. Т. 4. № 2218, 2319, 2474–2475, 2502.

¹⁴Висковатов А. В. Указ. соч. Ч. 2. С. 58. Рис. № 225.

¹⁵О деятельности Франциска Санти в должности товарища герольдмейстера см., напр.: Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика... С. 32–54.

¹⁶Там же. С. 48–53.

¹⁷Т. е. название территории, которой соответствует герб, входит в титул царя, затем императора. Впервые «вятский» звучит в титуле Ивана III, после присоединения Вятской земли к Московскому государству.

¹⁸О нём см.: Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика... С. 57–59.

¹⁹Висковатов А. В. Указ. соч. Ч. 2. С. 108. Рис. № 252.

²⁰Разработанная Минихом система корон получила дальнейшее развитие в XIX столетии и в наши дни. См.: Медведев М. Ю., Шелковенко М. К. Система территориальных корон 1730 года (по гербовнику Миниха). СПб. 2004. URL : <http://sovet.geraldika.ru/print/8026> ; Медведев М. Ю., Шелковенко М. К. Российская историческая городская корона. СПб. 2005. URL : <http://sovet.geraldika.ru/article/2118> ; Типы ранговых корон муниципальных образований. СПб. 2005. URL : <http://sovet.geraldika.ru/article/13245>

²¹Там же. Ч. 3. С. 50. Рис. № 869.

²²Там же.

²³В. П. Юрьев исследовал в губернском архиве отиски Сибирской печати, приложенные к грамотам Петра I, направленные воеводе Вятской провинции С. Д. Траханиотову. Как указывает исследователь в своём «разыскании», по его заказу была изготовлена гальванопластическая копия печати, которую он передал в музей Вятского реального училища. Документы в местном архиве не сохранились: в 60-е годы XX в. часть фондов областного архива, относящаяся к докубернскому периоду Вятки, была переведена в ЦГАДА СССР (ныне РГАДА). Однако несколько лет назад в фондах Кировского областного краеведческого музея нами была случайно обнаружена юрьевская гальванопластическая копия, которая пребывала там никак не атрибуированной. Сотрудники музея сообщили, что некто, пожелавший остаться неизвестным, принес эту бесценную находку в музей где-то в 1980-е гг.

²⁴Юрьев В. П. Указ. соч. С. 22–28.

²⁵Об утверждении гербов городам Вятского наместничества // ПСЗ. Собр. 1. Т. 21. С. 127–128. № 15164.

²⁶Блазон – описание герба, от французского *blason* – герб, геральдика. Блазонировать – составлять описание гербов.

²⁷Соболева Н. А. Старинные гербы... С. 114.

²⁸ПСЗ. Собр. 1. Т. 26. № 19432.

²⁹ПСЗ. Собр. 2. Т. 23. № 22263, 22758.

³⁰ПСЗ. Собр. 2. Т. 32. № 31975.

³¹Введены Указом от 4/16 июля 1857 г. «О гербах губерний, областей, градоначальств, городов и посадов» // ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1858. Т. 32, отд. 1. С. 580–581. № 32037.

³²Там же. № 31720 ; Т. 32, отд.2. Л. 69.

³³РГИА Ф. 1343. Оп. 15. Д. 152. Л 6–7.

³⁴Там же. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 3. Л. 155.

³⁵Винклер П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1990. С. 179. Репринт. воспроизв. изд. 1900 г.

Здесь необходимо добавить, что обозначенную фон Винклером и растиражированную в отечественной историографии дату утверждения 22 гербов губерний, в том числе и Вятской, а именно 8 декабря 1856 г., следует признать ошибочной (к сожалению, и указанные выше работы в сносках [1, 2] не избежали этой части). Щиты этих 22 гербов в комплексе с украшениями отдельным указом, судя по всему, не утверждались. Вначале были утверждены «титульные» гербы для Большого государственного герба и государственного знамени, т. е. только щиты, затем – система внешних украшений. Гербы Вятской и прочих губерний «первой очереди» были составлены на основании этих двух указов. Данный вопрос заслуживает отдельной публикации.

³⁶ПСЗ. Собр. 2. Т. 32, отд. 2. С. 26–135.

³⁷Гербы губерний и областей Российской империи : [альбом]. СПб., 1880.

³⁸Закон Кировской области № 5-ЗО от 29.08.1995 «О гербе Кировской области».

³⁹В редакции Закона Кировской области от 04.06.1997 № 5-ЗО и от 05.05.2003 № 156-ЗО, от 28.12.2005 № 398-ЗО, а также от 03.12.2008 № 317-ЗО.

⁴⁰Об этом см.: Никитина П. Герб Вятки. Возвращение // Деловая Вятка : журн. 2008. № 8. С. 20–21.

⁴¹Положение о гербе муниципального образования «Город Киров», утверждённое решением Кировской городской Думы от 27.08.2008 №19/4.

Книга Вятских Родов. Орловский уезд*B. A. Старостин*

Предлагаемый фрагмент Книги Вятских Родов представляет, примерно, 1/500 часть всей Книги. В целом Книга Вятских Родов состоит из 3 томов:

1 том – Книга Вятских Родов, где вятские рода, около 11 тысяч расписаны по населённым местам, чуть менее 25 тысяч поселений, в соответствии с административным делением Вятской губернии на 1891 год, с включением сведений по части Никольского и Велико-Устюжского уездов Вологодской губернии, а также Какшинской волости, Ветлужского уезда, Костромской губернии. По всем селениям указаны церковные приходы, по большинству поселений – основные подсобные промыслы. По обществам приведены географические данные, включая местоположение поселений, относительно рек.

2 том – Реестр вятских родов. Где 11 тысяч фамилий, приведенных в алфавитном порядке, составляют Словарь вятских фамилий, включая сведения о происхождении корневых слов, краткой истории рода на Руси, указанием мест, если таковые имеются, за пределами Вятской губернии, а также первом упоминании на Вятской земле. После каждой фамилии приводится полный список вятских поселений, где в 1891 году проживали носители той или иной фамилии. Приводится место в рейтинге данной фамилии, от 1 до 1111 места, по Вятской губернии в целом, в пределах региона (Кировская область, Удмуртия и. т.п.), а также порядковый номер в районной иерархии, с 1 до 53 места.

3 том – Азбучный Указатель населённых мест Вятской губернии, включая присоединённые северо-западные территории. По каждому поселению дано фактическое, не по дорогам, расстояние от губернского города Вятки, а также от современного райцентра, по действующему административно-территориальному делению.

Дополнительный том – 6 Книга, содержит справочные материалы по сравнительной статистике вятских фамилий, интересные сведения по местам исхода русских новосёлов Вятской земли. Готова карта Вятской губернии, масштаба в 1 см. – 1 км., включая северо-западные территории, со всеми 25 тысячами вятских селений. В этом же томе планируется разместить Атлас Вятских Родов, с указанием географического расположения, а также количества семей того или иного рода, в пределах квадрата со сторонами 20 на 20 км. В Атлас включено 2 тысячи наиболее значимых вятских родов. В 6 Книге приво-

дятся обережные Слова для каждого рода, в зависимости от его географического расположения. В этой же Книге приводятся наиболее интересные истории вятских родов, собранные как историками, так и многочисленной армией краеведов-любителей.

Данная работа потребовала от меня примерно 3 с половиной миллиона минут, по 1 минуте на каждого жителя Вятской губернии, это были счастливые и радостные минуты, открытый, иногда мучительные минуты, часы и дни поиска. Некоторые фамилии, не поддаются расшифровке. Вот этим состоянием поиска и радости я хочу поделиться с участниками конференции. Думаю, что скоро можно будет составить подобные Книги по всем Российским землям, и тогда каждый человек, может знать и гордиться историей своего Рода, неотделимого от истории Отечества. В этом вижу и свой Долг, и Долг каждого, кто хранит Достоинство своего Рода, своей фамилии. В тверской губернии фамилии называли лицо человека – умой свою фамилию!

Мы живём в самой большой стране, здесь всегда найдётся и время и место подвигу, пусть чистыми и ясными будут наши фамилии, пусть мы будем достойны, передать их своим детям и внукам.

Коврижская волость						
Вятская епархия, 1 Орловский благочинный округ,						
церковь Преображенская, село Тохтинское						
1	всего дворов	1653				
2	население	11022				
3	земли на 1 двор (в десятинах)	21,7				
4	скота, в пересчёте на крупный	2,7				
5	местный промысел	кузнец	72			
6	отхожий промысел	услужение	394			
7	% грамотных, полуграмотных и учащихся	11,9				
8	число книг/ в скользких дворах	731	397			
Зыковское общество						
р. Молома л. пр., р. Вотская (Вочка) низовья л. бер.						
22 км. к с-з. от райцентра Орлов						
№	поселение	2 название	промышлен	род	семей	жителей
12819	Портенок	р. Портяниха	услужение	Устюжанинов	3	13
12820	Песковский	Пески	ленщик	Зыков	9	
				Ивкин	5	
12821	Соболевский	Старостины	услужение	Старостин	14	
				Устюжанинов	3	120
12822	Зыковы	Toхтинское рамене	услужение	Желобов	1	
				Зыков	20	
				Скурихин	1	
				Ивкин	1	
				Зыков	1	
				Пупов	1	
12823	Ердяковский	Озерки бол.	услужение	Стариков	6	57

12824	Кутенеговский	Фомичи; М. Озерки		Онучин	2	31
12825	Статенинский	Короли	ж/д рабочий	Хохлов	2	
12826	Статенинский	Паничи		Онучин	2	11
12827	Статенинский	Онучины	пильщик	Онучин	4	
				Слобожанинов	1	26
12828	Статенинский	Лукичи	кузнец	Дранинников	1	14
				Онучин	1	
12829	Статенинский	Савичи; М. Озерки		Васильевых	4	20
12830	Сидоровский	Сидоренки		Зыков	4	17
12831	Веретейский	Веретея	услужение	Зыков	5	97
				Сергеев	7	
				Шулятиков	1	
12832	Демаковский	Погудины	красильщик	Ивкин	4	118
				Малков	4	
				Погудин	9	
12833	Шулятиков Леонтий	оз. Лебяжье		Шулятиков	1	8
12834	Хохловы	Между рр. Вотская и Молома	ж/д рабочий	Хохлов	3	25

Левинская волость

Вятская епархия, 1 Орловский благочинный округ,

церковь Вознесенская, село Русановское

1	всего дворов	2304				
2	население	13321				
3	земли на 1 двор (в десятинах)	15,8				
4	скота, в пересчёте на крупный	2,8				
5	местный промысел	ленинчик	328	183		
6	отхожий промысел	ленинчик	350	127		
7	% грамотных, полуграмотных и учащихся	13,5				
8	число книг ¹ в скольких дворах	981	483			

Шерстнёвское общество

р. Вятка пр. пр., р. Дубяна пр.пр., р. Мокеровка низовья

13 км. к с-з-з. от райцентра Орлов

№	поселение	2 название	промышлен	род	семей	жителей
13122	Шерстнёвский	Русановы	ленинчик	Горев	4	62
				Мисорин	2	
				Русанов	2	
13123	Крошияковский	Шалагиновы	ленинчик	Шалагинов	13	69
13124	Крошияковский	Крошияковы	ленинчик	Крошияков	2	11
13125	Пуртовское	Пуртова	торговец	Пуртов	7	46
13126	Шерстнёвский	Чарушникова	ленинчик	Чарушников	3	30
				Шалагинов	2	
13127	Шерстнёвский	Лопатенки; Липатенки	плотник	Кипров	2	22
13128	Шерстнёвский	Зубари	кирпичник	Крошияков	1	46
				Зубарев	3	
				Михеев	2	
13129	Тарасов Фома	Мамушкины	заводской	Седельников	3	21
				Шушканов	3	
				Демшин	1	
13130	Прохоренок Акила	Крашняковский		Зорин	1	8
				Окишев	8	
				Смердин	2	
13131	Ягодинский	Демиденки	нищие	Шалагинов	7	44
13132	Кочуровский	Кочуровы	заводской	Смердин	2	13
13133	Смердинский	Смердовский	работник	Окишев	12	71
13134	Шерстнёвский	Окишевы	ленинчик	Окишев	1	7
13135	Ягодинский	Мельниченки		Окишев		

13136	Тарасов Иван	Пасынковы	плотник	Пасынков	2	12
13137	Коноваловский	Коноваловы	леничик	Коновалов	1	15
				Крошияков	2	
13138	Тарасов Иван	Пасынковы, Горевы	плотник	Горев	4	16
13139	Медвежье	Что сливёт Копылы	работник	Мокеров	1	37
				Хохлов	5	
13140	Медвежье	Полушкины	торговец	Полушкин	18	86
13141	Пленкин Иван	Малышевы	бурлак	Малышев	4	23
13142	Пленкин Иван	Помещики	заводской	Кислицын	3	9
13143	Пленкин Иван	Позолотины	кузнец	Демаков	2	
				Измельцев	3	
				Позолотин	4	36

Васильевых

Родовое внутрисемейное имя – Малыш (ласк) – младший ребёнок в семье. Родовое прозвище – малыш (общ) малорослый человек. Место – село Малышево, Воронежский у. Воронежская губ., 4 селения Малышево в Костромской губ. Новгородский род с 1241 г. на Вятской земле Род известен с 1629 г. – Орловский и Хлыновский, с 1632 г. – Слободской уу. Род входит в 1 сотню вятских родов, за № 93. Орловский Род № 20, Верхояжемский Род № 21, Тужинский Род № 26, Мурашинский Род № 31, Кикнурский Род № 33.

91 селение 421 двор.

Мисорин

Родовое имя – Мисюрь (общ) – воинская шапка. Родовое прозвище – мисора – мичура – хмурый, сердитый, брюзга. Псковский род с 1512 г. Эндемичный вятский род, встречается только в одной деревне.

1 селение 2 двора.

Михеев

Родовое имя – Михей (церк) – мика – кто как Бог (др-евр). Родовое прозвище – михеи (твр) – недогадливый, глупый человек, у которого в голове одни михеи, потому что Михей, он как Бог, о пустяках не думает, не суетится, и уж, конечно, на дурацкие вызовы и на кризисы не реагирует. Место – 7 селений Михеево в Тверской губ. Новгородский род с 1614 г., на Вятской земле Род известен с 1615 г. – Хлынов, с 1629 г. – Котельнический и Хлыновский уу. Род входит в 1 сотню вятских родов, за № 38. Кукарский Род № 1, Лебяжский Род № 6, Орловский Род № 34, Чепецкий Род № 43.

77 селений 562 двора.

Мокеров

Родовое имя – Мокер (разг) – Мокий. Родовое прозвище – молкер – молоканин, исповедующий древнее благочестие. Родовое прозвище – мокер (иркут) – табачный нагар в трубке – курильщик, смуглый лицом

человек. На Вятке есть поговорка «‘к-мокарёк!» – возглас восхищенья, узнав, например, что вятский учёный В. Г. Мокеров, был директором института полупроводниковой электроники РАН, возглас огорчения, Владимир Григорьевич, умер, Память и слава! Верхотурский род с 1684 г., на Вятской земле Род, в форме Молкеров, известен с 1678 г. – Котельнический и Орловский уу. Род входит в 4 сотню вятских родов. Кикнурский Род № 22, Оричевский Род № 25, Пижанский Род № 45.

24 селения 179 дворов.

Окишев

Родовое имя – Акиша (разг) – Акинфей – Иакинф – гиацинт – цветок (греч). Родовое прозвище – окиш (общ) – человек, который ослабел, стал хилым. Место – Акишка – у кого говор акающий, москвич, рязанец, на Вятке Акиш, стал Окиш, овятился, а осадок остался. Московский род с 1637 г., на Вятской земле Род известен с 1615 г. – Хлынов, с 1629 г. – Хлыновский и с 1678 г. – Котельнический уу. Род входит в 5 сотню вятских родов.

34 селения 165 дворов.

Онучин

Родовое занятие – онучка (общ) – торговец мелочью, защитное Родовое прозвище – онучка – оборванец, в роду Вятских и Нижегородских Онучиных много почтенных купцов, потомственных почётных граждан. Место – дер. Онучино в Костромской губ., река Онучина в Ярославской губ. Московский род с 1562 г., Нижегородский род с XVI века, на Вятской земле Род известен с 1629 г. – Котельнический у. Род входит в 3 сотню вятских родов. Даровской Род № 13.

68 селений 237 дворов.

Пасынков

Родовое внутрисемейное имя – Пасынок (общ) – не родной одиному из супругов сын. Родовое положение – пасынок – княжеский дружины. Быт – пасынок – третий слив пива, пиво вредно. В городах любимцы власти и властолюбцы, а в деревнях Божьи пасынки, но ведь Божьи! Место – 4 селения Пасынково в Ярославской губ. Новгородский род с 1495 г., Ростовский род с XV века, на Вятской земле Род известен с 1629 г. – Орловский, Хлыновский и с 1632 г. – Слободской уу. Род входит в 3 сотню вятских родов. Зуевский Род № 23.

57 селений 251 двор.

Погудин

Родовое занятие – погуда (общ) – кто играет на гудке, на скрипке, скоморох, музыкант; шутник, забавник. Место – селение Погудино,

Кичменьга, Вологодская. Питерский (Тихвин) род с 1661 г., на Вятской земле Род известен с 1629 г. – Котельнический и Хлыновский, с 1632 г. – Слободской уу. Род входит во 2 сотню вятских родов. Чепецкий Род № 27, Мурашинский Род № 27, Унинский Род № 48, Богогородский Род № 52.

74 селения 256 дворов.

Позолотин

Родовое прозвище – позолота (общ) – кто подкупил кого-нибудь – взяткодатель, и добродатель – позолота – кто подсластил чьё-то горе. Родовое занятие – позолота – само дело, по качеству – добрая или плохая позолота – хороший или просто мастер. Род известен на Вятской земле с 1629 г. – Орловский у., 1646 г. Малмыж и Малмыжский у., Вятские Полянки.

18 селений 42 двора.

Полушкин

Родовое имя – Полуша (сокр) от имени: Полукарп, Полуэкт, Полуян – все имена греческие, на одной основе – много хорошего, обильно плодов, много (долго) жданный. А на Руси, в Быту – полушка – монета в пол-деньги, немного, но лучше в кармане полушка, чем за морем телушка. Место – дер. Полушкино, Чухлома, Костромская. Род известен на Вятской земле с 1629 г. – Орловский у. Род входит в 3 сотню вятских родов. Яранский Род № 17, Пижанский Род № 32, Лебяжский Род № 39.

31 селение 243 двора.

Пупов

Жизнь – пуп – впадинка с заворотом, остающаяся после рождения плода и обрезке пуповины. Родина – это место, где пуп резали, а отчество – это земля и умершие. 25 тысяч впадинок, с заворотом, остались на месте вятских деревень и починков, из них 22 тысячи обрезали и удалили, чтобы не было следа. Вернёмся к фамилии – Родовое прозвище – пуп (общ) – кто считает себя важнее всех. Место – дер. Пупово в Калужской губ, сегодня Кировский район Калужской обл. Род известен на Вятской земле с 1678 г. – Котельнический и Орловский уу. Род входит в 8 сотню вятских родов. Даровской Род № 25.

28 селений 91 двор.

Пуртов

Родовое имя – Пурт (удм, коми-прм) – нож. Родовое прозвище – пурхий (вят) – кто пурхает – шевелит, шевыряет, ширяет чем, копается, баращается, возится. Северо-восточный род с 1623 г., на Вятской земле Род известен с 1629 г. – Орловский у. Род входит в 7 сотню

вятских родов. Кукарский Род № 41. Отметим, что много родов, появившихся в Орловском уезде, потом оказываются наиболее многочисленны, в Кукарской, Лебяжской или Яранской землях.

26 селений 120 дворов.

Русанов

Родовое имя – Русан (др-русс) – русский. Родовое имя – Русан (др-русс) – русоволосый. Место – село Русаново в Тамбовской губ, дер. Русаново в Рязанской и в Тверской губ., есть село Русаново и в Орловском уезде Вятской губернии. Новгородский род с 1495 г., Тульский (Одоев) род с 1596 г., на Вятской земле Род известен с 1629 г. – Хлыновский и с 1749 г. – Орловский уу. Род входит в 5 сотню вятских родов. Подосиновский Род № 18, Орловский Род № 39, Опаринский Род № 41.

41 селение 160 дворов.

Седельников

Родовое занятие – седельник (общ) седельный мастер. Родовое занятие – сидельник – прислуга больного. Родовое занятие – сиделец (вят) – кабатчик, лавочник. Место – дер. Седельникова, Екатеринбургский у. Пермская губ., 2 селения Седельницы в Ярославской губ Московский род, в форме Седелников, с 1674 г., на Вятской земле Род, тоже в форме Седелников, известен с 1629 г. – Орловский и с 1678 г. – Котельнический уу. Род входит в 6 сотню вятских родов. Лебяжский Род № 25.

36 селений 132 двора.

Сергеев

Родовое имя – Сергей (светское) Сергий – Сергиус – римское родовое имя (лат). Календарь Сергий-капустник – 25 сентября – день памяти преподобного Сергия Радонежского, считалось, что с Сергия начинается зима, на Сергия рубили капусту. Не дожил до столетнего юбилея краеведческого отдела нашей Герценки – В. Д. Сергеев – хороший человек и честный краевед и историк. Память и слава! Место – 10 селений Сергеево в Тверской губ, 8 селений на Вологодчине. Новгородский (Бельский погост) род с 1498 г., на Вятской земле Род известен с 1615 г. – Хлынов, с 1629 г. – Орловский и Хлыновский, с 1632 г. – Шестаковский уу. Род входит во 2 сотню вятских родов. Оричевский Род № 29, Юрьянский Род № 46, Верхоянжемский Род № 52.

71 селение 304 двора.

Скурихин

Родовое занятие – скурити – накурить вина, дальше последствия – Родовое прозвище – скурить (твр) уронить, опрокинуть что-то – раззыва, Родовое прозвище – скуриха (пск) тощий, худой, изморённый. Московский род с 1695 г. (в Москве – скурехой называли жен-

щин творческих профессий, с трактов и у трактиров, сегодня, стоящих у шоссе, к фамилии Скурихин отношения не имеют). Род известен на Вятской земле с 1629 г. – Котельнический у. Род входит в 3 сотню вятских родов. Свечинский Род № 39, Орловский Род № 45.

61 селение 266 дворов.

Слобожанинов

Местность – слобода – жители какой-нибудь слободы, селения, кто освобождены от уплаты податей, ослобождены – государство дало слабину, наиболее известные Слободы – Слова, ничего не стоит, Собраный, ничего не значит, кого следуют назначат и просто слобода Рублёвка, жители освобождены от податей. Родовое положение – Слобожанинов – получивший от государства за службу землю в г. Слободском. Род известен на Вятской земле с 1615 г. – Хлынов и с 1678 г. – Котельнический у. Род входит в 7 сотню вятских родов. Даровской Род № 42.

32 селения 108 дворов.

Смердин

Родовое положение – смерд – из перс. мерд – человек – вольный землепашец позднее крепостной; сельский житель, простолюдин. Кстати этого же корня и самоназвание коренного народа Вятской земли – удмуртов – уд – настоящий и мурд – человек. Место – дер. Смердино, Ржев, Тверская и реки – Смердица, приток р. Псёл., Курская губ. и. Смердья, Холмогорский у. Архангельская губ. Также возможно, что Смердин, вариант фамилии Смертин. см. Смертин. Северо-восточный род с 1557 г.

2 селения 5 дворов.

Стариков

Родовое прозвище – старик (общ) старый человек, поживший больше 50 лет; стариков с тягла отпускают в 60 лет; Родовое прозвище – старик (Чудское оз.) – старый холостяк, которого не то что отпускают, никто не берёт. Место – 3 селения Стариково в Московской губ. Новгородский (туринский погост) род с 1622 г., на Вятской земле Род известен с 1632 г. – Слободской и Шестаковский уу., с 1678 г. – Котельнический у. и г. Хлынов. Род входит во 2 сотню вятских родов. Яранский Род № 7, Юрьянский Род № 12, Белохолуницкий Род № 52.

95 селений 393 двора.

Старостин

Родовое положение – староста (общ) старшина, большак, начальник по выбору или поставленный из того же сословия: сельский староста – выборный из крестьян; барский староста – бургомистр, назначенный из крестьян; богадельный, арестантский староста – выбранный из их же среды; барабанный староста – род капрального;

церковный староста – избираемый, или приглашаемый причтом хозяин церковного имущества и сбора; староста (общ) распорядитель на посиделках. Свадьба – староста (олон-медв) главный распорядитель на свадьбе, он хвалит молодых. Место – селения Старостино в Ивановской и в Ярославской губ. Северо-восточный род с XV века, на Вятской земле Род известен с 1584 г. – Котельнический уезд, село Юрьево и с 116290 г. – Хлыновский у. Род входит в 6 сотню вятских родов, за № 662.

32 селения 110 дворов.

Устюжанинов

Местность – г. Великий Устюг, Вологодской губ. Служилый человек, который получил в Устюжском уезде землю. Одно из главных мест исхода будущих вятских людей. 1 тысяча 14 названий Устюжских деревень и починков совпадают по своим корням с фамилиями вятских людей. Велик Устюг – родина наших прадедов. Слава!

13 селения 26 дворов.

Хохлов

Родовое прозвище – хохол (общ) у кого хохол – клок взбитых волос на голове. Родовое прозвище – хохловатый (олон-тер) взъерошенный, клочковатый. Пусть взъерошенный, но весёлый человек, хохол, как гребень у петуха, а вот хохлится не стоит, а то назовут – Родовое прозвище – хохлиться (общ) кто хохрится, хмурится, кто сидит надувшился. Суеверие – хохла (влгд-белоз) нечистая сила в виде мохнатой женщины, живущей в подполье – фамилия, как оберег от нечисти. Место – Хохловский железоделательный з-д.. Пермская губ. и река Хохловка, Нижегородская. Северо-восточный род с 1547 г., на Вятской земле Род известен с 1629 г. – Орловский и Хлыновский уу. Род входит в 5 сотню вятских родов. Орловский Род № 33.

39 селений 160 дворов.

Чарушников

Родовое прозвище – чарушник (вят) большая деревянная чашка, в которой валяют хлебы – мастер таких чашек. Род известен на Вятской земле с 1629 г. – Хлынов, с 1632 г. – Слободской и с 1678 г. – Орловский уу. Род входит в 9 сотню вятских родов. Мурашинский Род № 19, Орловский Род № 51.

26 селений 85 дворов.

Шалагинов

Родовое прозвище – шалага (общ) простофилия, простой, глупый человек, простота – хуже воровства? Родовое прозвище – шалага (олон-пуд) – компания, внушающих опасение лиц. Обычное для Вят-

ки защитное прозвище – шабала, шалай, гуляй – одни гуляки, бродяги, шантрпа, живущие по совим законам, кормящие почти всю Сибирь, Север, Питер, каждый 20-ый или 40-ой солдат – вятский! Слава! Люди, заставившие сказать всю Россию, что Вятка – всему богатству матка! Губерния, где комитеты бедноты не могли собрать, бедных не было. Конечно такие вольные, сытые, не нуждающиеся ни в чьей заботе, кроме своей семьи, достойные люди – Орловский род № 1 – конечно, они внушали опасение. Место – Шалагино, Краснохолмск, Тверская. Род известен на Вятской земле с 1678г. – Котельнический и Орловский уу. Род входит в 1 сотню вятских родов, за № 90. Орловский Род № 1, Котельнический Род № 25, Шабалинский Род № 25, Даровской Род № 37, Мурашинский Род № 45.

96 селений 424 двора.

Шулятиков

Родовое прозвище – шулятиник (общ) коршун – подворник – кто от него пострадал, кто, как коршун ворует в соседних дворах птицу – опасный человек, особенно для мужей – Родовое прозвище – шулята (олон-конд) мужские яйца – хахаль. Такая вот опасная фамилия. Родовое прозвище – шульта – гнилая берёзовая сердцевина, которую бедняки едят в голод. Добегался.

8 селений 25 дворов.

Шушканов

Родовое прозвище – шушкан (олон) неуклюжий, малоподвижный человек, кто шушкается. Место – дер. Шушка, Бабаево, Вологодская и река Шушкан, Нижегородская.

21 селение 77 дворов.

Из Азбучного указателя населённых мест Вятской губернии

В Указателе приведены все известные названия поселений, если названия поселений являются однокоренными с вятскими фамилиями, то следует отсылка к той или иной фамилии, если однокоренных фамилий нет, то приводится	Название поселения	2 название	3 название	Расстояние в км. от районного центра - г. Орлова	Расстояние в км. от губернского города Вятки

объяснение названия. Для каждого поселения приводятся координаты – расстояние от губернского города Вятки, а также от современного районного центра. № по Реестру					
12819	Портенок	р. Портняхи		8 к северу и 19 к западу	1 к северу и 66 к западу
12820	Песковский	Пески		8 к северу и 21 к западу	1 к северу и 68 к западу
12821	Старостины	Соболевский		7 к северу и 19 к западу	65 к западу
12822	Зыковы	Тохтинское раменье		7 к северу и 20 к западу	1 к северу и 67 к западу
12823	Ердяковский	Озерки бол.		5 к северу и 23 к западу	1 к югу и 70 к западу
12824	Кутенеговский	Фомичи	Озерки мал.	5 к северу и 21 к западу	68 к западу
12825	Статенинский	Короли		5 к северу и 23 к западу	1 к югу и 70 к западу
12826	Статенинский	Паничи		5 к северу и 23 к западу	1 к югу и 70 к западу
12827	Статенинский	Онучины		6 к северу и 23 к западу	70 к западу
12828	Статенинский	Лукничи		6 к северу и 22 к западу	69 к западу
12829	Статенинский	Савичи	Озерки мал.	7 к северу и 22 к западу	68 к западу
12830	Сидоровский	Сидоренки		9 к северу и 22 к западу	2 к северу и 69 к западу
12831	Веретейский	Веретенинский	Верется	9 к северу и 19 к западу	3 к северу и 66 к западу
12832	Демаковский	Погудины		8 к северу и 22 к западу	2 к северу и 69 к западу
12833	Шулятиков Леонтий	оз. Лебяжье Между рр. Вотская и Молома		7 к северу и 27 к западу	74 к западу
12834	Хохловы		Хохырь	6 к северу и 26 к западу	72 к западу
13122	Шерстневский	Русаковы	Русановы	7 к северу и 11 к западу	1 к северу и 58 к западу
13123	Крошияковский	Шалагиновы	Левичи	9 к северу и 12 к западу	2 к северу и 59 к западу
13124	Крошияковский	Крошияковы	Крошияки	9 к северу и 12 к западу	2 к северу и 59 к западу
13125	Пуртовское	Пуртовы	Пуртовский	10 к северу и 13 к западу	3 к северу и 59 к западу
13126	Шерстневский	Чарушникова		8 к северу и 10 к западу	2 к северу и 57 к западу
13127	Шерстневский	Лопатенки	Липатенки	8 к северу и 11 к западу	1 к северу и 58 к западу
13128	Шерстневский	Зубари	Зубаревы	9 к северу и 10 к западу	3 к северу и 56 к западу
13129	Тарасов Фома	Мамушкины, Мамушкины	Тарасовский	9 к северу и 11 к западу	3 к северу и 58 к западу
13130	Прохоренок Акила	Крашняковский	Крошияковский	9 к северу и 13 к западу	2 к северу и 60 к западу
13131	Ягодинский	Демиденки		9 к северу и 14 к западу	2 к северу и 60 к западу
13132	Кочуровский	Кочуровы		10 к северу и 11 к западу	3 к северу и 58 к западу
13133	Смердинский	Смердовский	Смердины	11 к северу и 11 к западу	4 к северу и 58 к западу
13134	Шерстневский	Окишевы		8 к северу и 12 к западу	1 к северу и 59 к западу
13135	Ягодинский	Мельниченки		9 к северу и 13 к западу	3 к северу и 60 к западу

13136	Тарасов Иван	Пасынковы	Пасынки	10 к северу и 9 к западу	3 к северу и 56 к западу
13137	Коноваловский	Коноваловы		10 к северу и 12 к западу	3 к северу и 59 к западу
13138	Тарасов Иван	Пасынковы	Горевы	10 к северу и 11 к западу	3 к северу и 58 к западу
13139	Медвежий	Медвежье	Что слывёт Копылы	8 к северу и 14 к западу	1 к северу и 61 к западу
13140	Медвежий	Медвежье	Что слывёт Полушкины	8 к северу и 15 к западу	2 к северу и 62 к западу
13141	Пленкин Иван	Малышевы		5 к северу и 17 к западу	1 к югу и 64 к западу
13142	Пленкин Иван	Помещики		4 к северу и 18 к западу	2 к югу и 65 к западу
13143	Пленкин Иван	Позолотины		6 к северу и 16 к западу	62 к западу
12819	р. Портянка	река, известная своим хорошим, удобным местом для стирки белья, портойна, река в которой много упавших стволов деревьев, которые река, как бы сирает, моёт.			
12822	Тохтинское	Тохтино от тюркского Токта – останавливающийся, буквально – останься! Тахтый – налучник, чехол для лука – переносяно – мешковатый, неуклонный человек.			
12824	Кутенеговский	кутенега – последний коренной зуб – зуб мудрости.			
12829	Статинский	статейный – крепкий, устоявшийся, статейные купцы – купцы с большим оборотом, статейный мужчина – крепкий, стройный, здоровый.			
12831	Веретя	возвышенная грива, не заливаемая полой водой.			
12834	р. Вотская	река Вотская, вотяцкая – удмуртская речка, сегодня р. Вочка.			
13129	Мамушкины	мамушка-кормилица, женщина, кормящая грудью не своё дитя, няня			
13131	Ягодинский	где в окрестностях много ягодников			
13140	Медвежье	сакральное, к медведю относящееся, иное – медвежье солнышко – луна, медвежья лапа в избе – помело, медвежий глаз – сучок.			
13142	Помещики	возможно выходцы из помещичьих земель, или просто вятские помещики – «У кого подсвечник – тот и помещик».			

Земство в истории России: пересмотр*Бен Эклоф*

Наступило время для нового взгляда на место земства в русской истории.

Кроме того, это было бы особенно полезно, если перспективы и научные поиски российских и западных историков смогли бы быть объединены в общем направлении. Рискуя обобщить, я полагаю, что обе стороны имеют уникальные способности и подходы для того, чтобы осуществлять научный вклад. В то же время обе стороны не лишены так называемых «белых пятен», искажений, вызванных историческими традициями, а также конъюнктурными проблемами, ну, и недостатками в концептуализации. Так как я повествую вам о вашей истории как бы со стороны (будучи зарубежным историком), я прошу извинить меня за то, что в такой ситуации неизбежно возникает впечатление того, что я вас «поучаю». Действительно, как вы убедитесь вскоре, я прекрасно понимаю, что с 1991 г. существует значительный комплекс российских исследований по истории земства в форме кандидат-

ских диссертаций, к которым я пока не имел полного доступа¹. Но даже если у меня есть пробелы и ошибки в трактовании, полагаю, вы согласитесь, что в некоторых случаях «со стороны виднее».

Фундаментальная четырёхтомная работа Бориса Веселовского – выдающегося политического деятеля и учёного – всё ещё является вехой в истории земства, и она долго будет таковой². Пусть это и «устаревшая» работа, причём сразу в двух смыслах. Во-первых, исследование Веселовского, по большей части, завершается событиями революции 1905–1907 гг. (хотя он продолжал собирать и издавать библиографию, а затем накануне войны участвовал в издании Юбилейного земского сборника, частично усовершенствовавшего его шедевр). Во-вторых, некоторые думают, что Веселовский, хотя и обладал широким кругозором и являлся талантливой личностью, был ограничен своими меньшевистскими убеждениями о первенстве класса так же, как и общим принятием парадигмы «власти и общественности» поздней царской России.

Но почему земство само по себе важно? Почему пришло время для нового взгляда и для международного сотрудничества? Прежде всего, по причине того, что «большая политика», как её традиционно определяют, играет важную роль в истории... ну, я полагаю, это очевидно вам. Но при этом в последние годы наблюдается некоторое пренебрежение политикой в западной историографии³, прошедшей через волны социальной истории и постмодернизма. Касаемо последнего, Мишель Фуко, как вы знаете, акцентирует внимание на микросистемах власти, внедрённых в семью, школу, язык и так далее. То есть «большая политика» исчезает. Во-вторых, когда западные историки обратили внимание на земство, они оценивали земство как очень важный фактор (субъект, элемент), действовавший на уровне национальной (общероссийской) политики⁴, тогда как российские историки главным образом поглощены изучением документов конкретных земств на уровне губернии или даже уезда (или как Герасименко⁵ – на ключевых моментах и событиях – таких, как 1917 г.)⁶.

В то же самое время некоторые западные историки недавно указали, что «провал местного управления» был «ахиллесовой пятой» российской власти с самого начала современной эпохи и даже простирается вплоть до сегодняшнего дня. В частности, Питер Уолдрон, Дэн Орловски и другие убеждены, что это был крах проекта реформ Столыпина по реформированию местного управления 1908 г. (здесь мы не имеем в виду земельные реформы), что означало определённый поворот поздней царской России от прогрессивной эволюции к

политическому тупику и к окончательному размыванию социальной основы самодержавия⁷. Но эти утверждения до сих пор не оценены посредством изучения местной жизни. Скажу более точно – в прошлом западном поколении значительно изучалось деревенское управление и проекты реформ, связанные с крестьянством⁸. Кроме того, с 1991 г., в связи с расширением доступа к региональным архивам, американские историки начали «доводить до ума» региональную историю, пытаясь «децентрировать» (то есть сместить акцент с изучения центра на изучение регионов) историю России. Несмотря на такой поворот, и структура, и политика, и динамика дел земств на местном уровне до сих пор совершенно игнорируются.

Редактированный сборник, изданный Вучиничем и Эммонсом в 1982 г., содержит несколько полезных статей на тему жизни земств, и это обязательно (явно) заслуживает перевода на русский язык (наверняка следует перевести на русский язык). Однако российский историк быстро отметит, что большинство статей в этом сборнике основано на опубликованной литературе, эмигрантском и дореволюционном материале и отличается лишь вкраплениями архивных материалов (за исключением статьи Томаса Фэллоуса)⁹.

Кроме этого сборника, существуют две другие монографии по теме земства, которые заслуживают внимания, – это работы Фрёлиха и Розенберга (первый отталкивается от социологической перспективы и отмечает «тревогу» социальных элит, вызванную их отдалением от процесса модернизации, который вёл к социальной мобилизации и оппозиции. Второй стремится объяснить тенденцию контрреволюции русских либералов в годы Первой мировой войны и их опасения народного бунта – при этом оба подчёркивают политическое развитие на национальном уровне, хотя Розенберг делает проницательные комментарии относительно напряжённости между губернским и национальным уровнем политики). Также в каждой из этих работ земство выступает только платформой для изучения деятельности либерального дворянства и третьего элемента. А сложная динамика и организация самого земства и отношения с властью на местном уровне и отношения между губернскими и уездными земствами остаются вне поля зрения. Как те, кто изучает Вятское земство, прекрасно понимают, что личная сторона, клановость, шефство сильно сказывались на политике и часто превалировали над идеологией.

Говоря о российской стороне, конечно, отмечу, что советское изучение земства было в значительной степени «загнано в рамки» знаме-

нитого утверждения о том, что оно было «пятым колесом» самодержавия¹⁰. При Сталине «изучение земства было фактически предано забвению», но после 1966 г. возникло некоторое оживление. Хотя близкое знакомство со многими диссертациями, написанными в конце советской эпохи по теме работы земств какой-либо губернии, показывает: многие авторы искали возможность продемонстрировать между строчками, что земство работало плодотворно с целью улучшить народный быт¹¹. Хотя авторы при работе должны были показать классовость земств, продемонстрировать «антинародный характер» земских стараний и осудить его активную антибольшевистскую позицию, взятую в октябре 1917 г., всё-таки некоторым из них удалось представить более сложную картину. С 1991 г. в российской научной школе я вижу главным образом два направления. Первое – обширный пласт работ, многие из которых больше относятся к политической науке, нежели к исторической, эти работы стремятся обеспечить концептуальную и идеологическую основу, историческую связь для создания новых – подобных земствам – институтов в постсоветское время; если можно так выразиться, это делается для обоснования «превосходства» «горизонтальной» власти над «вертикальной». Второе – другое направление учёных (действует главным образом как реакция на строгие догматы и требования советской идеологии) оценивает работу конкретных земств в целом, или индивидуальные сферы, такие, как образование и сельскохозяйственная, медицинская помощь. Они отмечают позитивную, созидающую работу земств, при этом словно подчёркивается контраст с победившими большевиками и их нигилистическими попытками отвергнуть всё старое. Действительно, рискуя обобщить, можно сказать, что вторая тенденция постсоветских научных исследований земств просто переворачивает советскую парадигму: вместо классовой основы и полной неэффективности говорится о том, что лидеры земств занимались самопожертвованием, были дальновидны в своём стремлении улучшить быт населения; а инструменты модернизации часто работали в сотрудничестве с (в некоторых работах) властью на равных, но в конечном итоге были разрушены безответственной радикальной интеллигенцией¹².

При этом странно, как все эти работы не отличаются поиском путей для детального изучения конкретной политической динамики земств; к примеру, клановость и семейный связи (patronage networks) соединяли элиты земств с губернской властью, с коммерческими и земельными интересами и с интеллигенцией¹³. При этом в этих работах

тщательно не изучаются политические союзы земств, которые часто попирали идеологические стереотипы и были неустойчивыми, меняясь от проблемы к проблеме, что открылось мне в результате моего собственного краткого изучения Вятского земства¹⁴. Спорная связь между уездными и губернскими земствами нуждается в переоценке на местном уровне, и это следует делать до того, как делать выводы, которые можно применять на земство в целом, так как местная динамика личности и истории представляется нам как играющая главную роль.

Установившуюся периодизацию истории земства необходимо пересмотреть; для того, чтобы расширить наши знания о земстве, можно отойти от сосредоточения на освободительном движении, и от периода между 1894 и 1907 гг. (примерно). Новые акценты следует сделать на раннем периоде, когда земства только начали формировать-ся (60-е гг.) и на тех «вялых» 1870-1880-х гг., но особенно на периоде после 1907 г., когда политика земства была особенно сложной, когда земская деятельность была сложной и исключительно разнообразной, но до сих пор мало изучена¹⁵. В конечном счёте, новый взгляд следует распространить и на деятельность земств, опять же на местном уровне, эпохи Первой мировой войны. До сих пор главным образом здесь исследования деятельности земств велись на уровне национальных организаций (Земгор), а сейчас следует больше внимания уделять динамике провинциального отклика на войну¹⁶. Как обратили внимание Ярцев и Мацуато, новая работа должна избежать лёгкого соблазна доверия уже изданным материалам, трудам земств (журналы и доклады земских собраний и земских управ, доклады, материалы заседаний исполнительных отделов), вместо этого необходимо исследовать архивные материалы более тщательно¹⁷.

Подводя итог, скажу, что время назрело и для западных, и для российских учёных в плане сотрудничества в области истории земства (и на местной истории в том числе). Эта история должна объединить строгое эмпирическое исследование с таким же строгим пониманием (включая способность проникновения в суть политической и исторической социологии), комбинировать акценты на местном и глобальном (то есть как всероссийский, так и заграничный уровень); также всегда необходимо сознательно учитывать местную специфику, развитие отдельных регионов; нам следует изучать земства, как на уездном, так и на губернском уровнях, а также их взаимодействие; необходимо подробно отражать внутренние процессы в земствах, располагать их в контексте с местной политикой и обществом в целом; не должно иметь места и

отвержение классового подхода, так же, как и трёхсторонней связи между народом, общественностью и властью, но это не должно закреплять или материализовывать эти категории, и действительно должно открывать их противоречия, объясняя, как они (*tropes*) отражаются в восприятии людей и их действиях и формируют историографию уже после факта.

Примечания

¹ [Для ознакомления со списком и анализом русскоязычных диссертаций, вышедших как до, так и после 1991 г., также как и для обзора западных и российских исследований по теме земства см. : Ярцев А. А. и Кимитака Мацуцато. *Земства в политической системе царизма: историографические вопросы // Земский феномен: Политический подход*. Саппоро, Япония, 2001. С. 12–37, для историографического обзора русскоязычных работ см. : Гармиза В. Земская реформа и земство в исторической литературе. *История СССР*, 1960. № 5 ; Lapteva L. E. *Zemskie uchrezhdeniya v Rossii* (Москва, 1993) [Лаптева Л. Е. *Земские учреждения в России* (Москва, 1993)] and Bogatyreva O. N. *Zemskoe samoupravlenie v Viatskoi I Permskoi guberniakh v pereformennyi period (60–90-e gody XIX veka)* (Avtoref. dis...kand. nauk: Ekaterinburg, 1996) [и Богатырева О. Н. *Земское самоуправление в Вятской и Пермской губерниях в позднеформенный период (60–90-е годы XIX века)* : (автoref. дис....канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996)].

² [Веселовский В. В. *История земства за сорок лет* [4 т. : СПб., 1911. Т. IV. С. 645–670. *Исследование В. В. Веселовского посвящено Вятскому земству*]. [Касаемо биографии Веселовского можно обратиться к вступительной статье, написанной Чарльзом Тимберлэйком в переизданном четырёхтомнике *История земства*. Для более негативной оценки Веселовского обратитесь к Ярцеву и Мацуцато]. Для обзора политики в Вятском крае начала XX века см.: Балыбердин Ю. А. *Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 годы)* Москва, 2005]. Also: *Viatskii krai s drevnosti do nashikh dnei* (V. A. Berdinskikh, redaktor: Kirov, 2006). P. 133–234. [См. также: *Вятский край с древности до наших дней* (ред. В. А. Бердинских. Киров, 2006). С. 133–234].

³ [К этому направлению не относится новая работа Питера Гатрелла, Питера Холквиста, Джонатана Гранта, Вильяма Фуллера, В. Брюса Миннинга и других по теме военной промышленности, войны и международной политики].

⁴ [Начальные западные оценки земства были сильно подвержены влиянию известного утверждения британского исследователя жизни России Д. М. Вэлласа. См. его работу : *Россия накануне войны и революции* (Нью-Йорк, 1961: впервые была опубликована в последней четверти XIX в.). К тому же можно обратиться к работам либеральной эмиграции, многие участники которой являлись в свое время членами земств. Эти люди сыграли исключительную роль в создании академических исследований о России в Англии и США. Хорошим примером того, как их работы повлияли на западных исследователей, служит труд Дж. Волкина. *Подъём демократии в России*].

⁵ [Герасименко. *Земское движение* (1990)].

⁶ Свежие работы по теме земства в Вятской и смежных с ней губерниях включают, но не ограничиваются следующими: *Земское самоуправление: Организация, деятельность, опыт : материалы науч. конф.* (Киров, 16–17 августа, 2002). Киров, 2002]; Куликов В. В. *Земское самоуправление* (Киров, 1996), особенно с. 39–67]; [Помелов В. Б. *Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги* (Ки-

ров, 2007) и *Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX в. – 1917* (Киров, 1998)] ; [Соловьёва М. Ф. Учитель земской школы (Киров, 2002) и Земская школа: опыт общественно-государственного управления (Киров, 2002)] ; Загайнова Е. И. *Школа села Усть-Чепца в XIX – начале XX веков* (Киров, 2006)] ; Валеева Н. *Елабужское земство и Россия* (Москва, 2002)] ; Железнякова Ю. Е. *Земская школа Казанской губернии: 1865–1917 гг.* (Казань, 2005)].

⁷ См. Валдрон П. *Междудвумя революциями: Столыпин и политика обновления России* (Декальб, 1998) и его более новую *Управление в России (России)*.

⁸ [Гаудин С., Пэллот Дж., Число Ф. В. *Преобразование сельской России* (Принстон, 1990); Вайсманн Н. Б. *Реформы в царской России: государственная бюрократия и местное управление, 1900–1914* (Брансунк, Нью-Джерси, 1981). Мое более раннее исследование по изучению связи между крестьянством и земством, земством и государством в области выстраивания школьной системы: *Русские крестьянские школы* (Беркли, Калифорния, 1986)].

⁹ *Земство в России: эксперимент местного самоуправления* (Лондон, 1982), работа редактирована Т. Эммонсом и В. Вучиничем. Основные темы (проблемы) этого сборника удачно подытожены Т. Эммонсом в его заключительном очерке «Земство в исторической перспективе», с. 423–446]. The lack of archival sources in these essays is noted by Iartsev and Matsuzato : «недостатком многих статей является смелость суждений при скучной исторической базе» (с. 29).

¹⁰ Очевидно, авторство высказывания принадлежит Салтыкову-Щедрину. Для изучения работ советской эпохи обязательно см. : Захарова Л. Г. *Земская конторреформа 1890 г.* (Москва, 1968)] ; V. G. Chernukha, *Vnutrennaya politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-kh gg. xix v.* (Leningrad, 1978) ; [Чернуха В. Г. *Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.* (Ленинград, 1978)].

¹¹ Это наблюдение Ярцева и Мацузато (с. 24–28) соответствует тому, что я обнаружил в нескольких диссертациях (изданных после смерти Сталина) по проблемам образования и земств в Вятке, Москве, Ярославле и Красноярске.

Ярцев и Мацузато обнаружили большое количество российских диссертаций, но комментируют «...слабым местом большинства региональных докторантурских исследований является их похожесть. Методика их написания уже отработана, задачи и план исследования, набор выводов апробированы предшественниками» (с. 26).

¹³ [Очерк Т. Фэллоуса в *Земство в России: эксперимент местного самоуправления* (Лондон, 1982), редактированный Т. Эммонсом и В. Вучиничем, «Земство и бюрократия», с. 177–242, указывает на эти изменяющиеся союзы и семейные связи между земствами и губернскими властями. Неслучайно, что только этот очерк в сборнике основан главным образом на архивном материале гораздо больше, чем на уже опубликованных источниках. Отличное западное исследование губернаторской власти принадлежит Р. Роббинсу Младшему, *Царские наместники: российские губернаторы в последние годы империи* (Итака, Нью-Йорк, 1987). Среди русских историков, тщательно изучавших связи между губернатором и земством в Новгородской губернии, выделим М. М. Шумилова, *Губернская администрация и органы центрального управления во второй половине XIX века* (Ленинград, 1988) и *Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века* (Москва, 1991)].

¹⁴ Моя выводы главным образом основываются на прочтении двухтомного *Сборника постановлений* также как и на кратком исследовании ежегодных *докладов*.

¹⁵ Труд Скота Серегни [он рассмотрен Ярцевым и Мацузато на с.31–33]. Серегни ярко выделяется среди американских историков тем, что кропотливо работает в реги-

ональных архивах и тщательно перечитывает губернские газеты за 1907–1917 годы. В итоге, он приходит к выводу, что утверждение об огромной пропасти между земскими деятелями и крестьянством для десятилетия после революции 1905 года преувеличено].

¹⁶ См., например : Абрамов В. Ф. «объединения российских земств» в *Земский феномен: политический подход* (Саппоро, Япония, 2001), с. 100–143 (он также работает в направлении систематизации более ранних периодов) и Вильям Глисон, «Общероссийский союз земств и Первая мировая война» и Вильям Розенберг, «Земство в 1917 году и его судьба при большевиках», в *Земство в России*, с. 365–382 и 383–422].

¹⁷ Ярцев и Мацуцато. С. 27–28.

Ценность местной истории

Лэрри Ю. Холмс
(Перевод И. Г. Головачевой)

Провинциальную историю не следует рассматривать, как часто это делают, как девственную территорию для апробирования кандидатских или докторских диссертаций или как дальнюю зарницу, чьи всполохи бросают отдалённый отсвет на центральные события¹.

Недавно была опубликована моя книга «Грандиозный театр: местное управление в Сталинской России, 1931–1941»². Книга об управлении, отвечающем за начальное и среднее образование в отдельно взятом регионе Российской Федерации, – Кировской области. То, что приведено ниже, – это переработанная версия предисловия книги, которая показывает, как сосредоточение на местном материале даёт уникальную возможность понимать историю не только этого региона, но и других регионов и всей страны.

* * *

Комментируя исследование истории Саратовской области, охватывающее период 1590–1917 гг., американский историк Аллан Уайлдмен замечает, что сосредоточение на местном материале «придаёт элемент конкретности всем взаимоотношениям, что невозможно сделать в национальном масштабе». Это может привести, добавляет он, к открытию «многих непредвиденных новых истин и достижению более точного понимания старых»³. В своём «Манифесте местной истории» французский учёный Роберт Люло утверждает, что такая история ищет то, что в противном случае бросает вызов пониманию историка – «сокровенное знание подлинных действий, невидимые аспекты повседневной жизни»⁴. «Принципиально не то, что, а то, как

изучается», – писал русский краевед С. М. Каштанов, и это заставляет любой предмет исследования, включая краеведение, выходить за пределы археологического интереса⁵. Именно в этом духе американский историк Дональд Рейли недавно использовал относительно ограниченный хронологический период с 1917 по 1922 гг. истории г. Саратова для убедительной демонстрации в более широком географическом и хронологическом масштабе маловероятности появления у большевиков другой альтернативы сталинизму⁶.

«Грандиозный театр» рассматривает систему управления не как структуру, какой она была, но как процесс каждодневной работы этой системы в попытке понять процесс, что требует от исследователя внимательного изучения его на примере именно одного региона. Только такое фокусирование на одном регионе позволяет полно раскрыть и понять, как органы коммунистической партии и государственного аппарата выполняли директивы сверху, отвечали за ощутимые успехи и неудачи, решали, какую информацию предоставить, какую скрыть, как реагировали на то, что простые граждане вторгались в систему управления путём письменных запросов и жалоб.

С тех пор, как в конце 1980 – начале 1990-х гг. в России открыли архивы, идёт оживлённая дискуссия среди учёных по российской и советской истории о пользе и правильности использования их фондов. Но какие бы трудности не представлял собой этот источник материала, с самого начала мне было очевидно, что мой проект зависел от доступа к огромному количеству документов, производимых для чиновниччьего аппарата и им самим. Я вынужден был перелопатить это количество документов так же, как это делали в своё время чиновники. Мне нужно было иметь под рукой огромную массу материалов, производимых, как для органов, так и самими органами из различных государственных и партийно-административных слоёв, начиная от самых удалённых уголков региона и заканчивая Москвой. Мой проект требовал, в частности, изучения протоколов, которые велись партячейками городских и сельских районных отделов народного образования и отдельных школ; письменных приказов, издаваемых заведующими отделами народного образования и директорами школ; отчётов школ и отделов народного образования за четверть, полугодие и учебный год; протоколов педсоветов, где школьная администрация встречалась с педагогическим составом; целого воза писем-жалоб и обличений, написанных администрацией, учителями, родителями и даже учениками и представленных на рассмотрение мест-

ным, областным и центральным властям; и ответов на эти письма от органов вверх и вниз по всей цепочке власти. Необъятность количества и видов документов, требующих изучения, заставила, как уже упоминалось выше, сосредоточиться именно на местном материале.

Я узнал из предыдущей исследовательской работы, что архив Московской области содержал мало подобных материалов, если вообще таковые были, я знал из своего собственного опыта государственный архив в Ростове-на-Дону. Многие архивы в России имеют пугающие мало материалов, относящихся к 1930-м гг., в результате нежелания сохранять материалы того неоднозначного периода и преднамеренной попытки уничтожить их в местах, подобных Ростову-на-Дону, под угрозой захвата их наступающими немецкими армиями во время Второй мировой войны.

В 1985 г. во время проведения исследовательской работы в Москве, в библиотеке Академии педагогических наук им. К. Д. Ушинского, я познакомился с коллегой, учёным, работающим над историей российских школ, – Николаем Васильевичем Котряховым. Оказалось, что он из Кирова. Вскоре он рассказал мне о настоящем кладе документов, относящихся к 1930-м гг., в областных партийном и государственном архивах. В то время мне самому было невозможно познакомиться с ними, так как Киров, большой промышленный город, специализирующийся на производстве военной продукции, был закрыт почти для всех иностранцев. С помощью Котряхова я ненадолго приехал в Киров в 1990 г., но не имел возможности изучить архивные описи. Тремя годами позднее благодаря происходившим в Российской Федерации переменам я приехал снова, на этот раз для изучения описей. Я обнаружил их много, гораздо больше того, что ожидал. Спустя семь лет я вернулся для исследований на одиннадцать месяцев и обнаружил даже больше материалов, чем было указано в описях, обнаружил всё, что было нужно, включая клочки бумаги, вырванные из ученических тетрадей, с жалобами на учителя или предмет и сунутые в руки проверяющему госинспектору. Мне было доставлено каждое из более, чем пяти тысяч запрошенных дел, некоторые из них, возможно, рассекречивались, когда я их заказывал. Архивисты доброжелательно вызвались предоставить информацию, которая меня интересовала. Одиннадцати месяцев оказалось мало, и с тех пор я возвращался в Киров и его архивы много раз. Таким образом, я выступал не только как историк, но и как, в определённом смысле, краевед, вглядывающийся в прошлое региона⁷.

Слишком часто архивные материалы, будучи неполными (или поверхностно исследованными), используются для сбора эпизодической информации, доказывающей сначала одну точку зрения, затем другую (иногда противоположную), ставя читателя в тупик. Читателю не хватает изображения ярких личностей, сюжета и тематической связи. А кировские архивы дают возможность создавать иную, более детальную и доступную историческую картину, ту, которая представляет новую информацию, понимание функции управления образованием в более широком смысле, а также природы правительства, общества и личности в Советском Союзе. «Грандиозный театр» отражает всё это, подчёркивая важность идеологии, что было до недавнего времени предметом историографических насмешек. Книга подвергает сомнению целостность таких полярных понятий, как невиновность – вина, вера – неверие, которые являлись очень важной частью учения о личности и её самоопределении в сталинской России. Книга наглядно на основании архивных документов показывает преобладание огромного количества отчётов от всех органов управления, написанных по шаблону, не имеющих отношения к действительности. Кроме этого, «Грандиозный театр» анализирует многочисленные антиженские выпады и резкое отвержение их самими женщинами. Книга также рассматривает существование до 1938 г., а затем ликвидацию границ между личной и общественной жизнью, когда производились осуждение и наказание за личный проступок – профессиональный или политический. «Грандиозный театр» подчёркивает значение «маленьких людей» в управлении, демонстрируя, что государство и общество в сталинской России не были полностью разделёнными и отличными друг от друга структурами. Спешу добавить, что для исследования каждой из этих тем кировские архивы дают достаточно информации об отдельных личностях, что позволяет персонализировать общее направления истории, до некоторой степени придавая оттенки индивидуальности и человеческой драмы историческому повествованию⁸.

И, наконец, методология книги – её сосредоточение на местном материале и опора на архивные доказательства – заслуживает внимания. Иногда говорят, что открытие архивов в бывшем Советском Союзе мало способствовало нашему пониманию российской и советской истории. Но это ни в коем случае не относится к «Грандиозному театру». В моём прочтении советская административная система – это «театр», а документы, производимые самой системой и для неё – «сце-

нарий». Эти же документы, как представляли, так и воспроизводили логически построенную театральную реальность, которая являлась самой сутью сталинского управления, не ограниченного, я полагаю, ни рамками 1930-х гг., ни границами Кировской области или даже СССР.

Примечания

¹Donald Sutherland «The Revolution in the Provinces: Class or Counterrevolution?» in Steven G. Reinhardt and Elisabeth A. Cawthon (eds.), *Essays on the French Revolution: Paris and the Provinces* (College Station : Texas A&M University Press, 1992). P. 119.

²Larry E. Holmes, *Grand Theater: Regional Governance in Stalin's Russia, 1931–1941* (New York : Lexington Books, 2009).

³Allan K. Wildman «Retrospects», in Rex A. Wade and Scott J. Seregy (eds), *Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590–1917* (Columbus : Ohio State University Press, 1989). P. 326–327.

⁴Paul Leuilliot «A Manifesto: The Defense and Illustration of Local History», in Robert Forster and Orest Ranum (eds), *Rural Society in France: Selections from the Annales* (Baltimore : Johns Hopkins Press, 1977). P. 15.

⁵Каштанов С. М. Источниковедение, история и краеведение : Источниковедение и краеведение в культуре России. М. : Рос. гос. ун-т, 2000). С. 11.

⁶Donald J. Raleigh, *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922* (Princeton : Princeton University Press, 2002).

⁷Я глубоко признателен многим учёным и архивистам, которые на протяжении многих лет собирали, сохраняли и классифицировали большой объём документов Вятки, их работа часто проходила в очень тяжёлых условиях. См.: О судьбах и мгновеньях пролетавших... очерки истории гос. арх. службы Киров. обл. Киров : О-Краткое, 2008.

⁸Уильям Чейз убедительно написал о важности микроистории в понимании роли людей и отдельной личности в истории, «аккумулированных неуважений, оскорблений, предательств и завистей». См.: William J. Chase, «Microhistory and Mass Repression: Politics, Personalities, and Revenge in the Fall of Bela Kun», *The Russian Review*. Vol. 67. №. 3 (July 2008): 1.

The wealth of regional history

by Larry E. Holmes

Provincial history should not be seen, as it so often is, as virgin territory for an apprenticeship represented by the Ph.D. thesis or the doctorat, or as a kind of faraway summer lightning, whose flashes cast a distant illumination on central events¹.

I have completed a book-length manuscript entitled *Grand Theater: Regional Governance in Stalin's Russia, 1931–1941*. It focuses on the bureaucracy responsible for primary and secondary schools in a single region of the Russian Republic, the Kirov region. The book will be published in 2009 by Lexington Books, a division of Rowman & Littlefield

Publishers, Inc. What follows below is a revised version of the book's preface, one that emphasizes how a regional focus provides a unique perspective on issues whose importance transcends the history of a single region and even country.

* * *

Commenting on a study of the Saratov region in Russia from 1590 to 1917, the American historian, Allan Wildman, observed that a regional focus «lends an element of concreteness to important relationships that cannot be ascertained on a national scale». It can lead, he added, to the discovery of «many unsuspected new truths and achieve more precise understandings of old ones»². In his «a manifesto for local history», the French scholar, Robert Leuillot, insisted that such history seeks what otherwise defies the historian's grasp – «an intimate knowledge of the actual practices, the invisible aspects of daily life»³. «It is not what», – wrote the Russian regional historian (kraeved), S. M. Kashtanov, «but how something is studied» that makes any subject, including a regional study, transcend antiquarian interest⁴. Precisely in that spirit, the American historian, Donald Raleigh, recently used Saratov in the relatively confined chronological period of 1917 to 1922 to convincingly demonstrate on a much larger geographical and chronological scale the unlikelihood of a Bolshevik alternative to Stalinism⁵.

Grand Theater examines bureaucracy not as the readily identifiable structure, which it certainly was, but rather as a process of day-to-day operation, an ambitious effort requiring an intense focus on a particular region. Only such a focus allows for a thorough discovery and thereby an understanding of how agencies of both the Communist Party and the state apparatus implemented directives from above; responded to perceived successes and failures; chose to produce, share, and conceal information with each other locally and with Moscow; and reacted when common citizens injected themselves into governance by submitting written demands and complaints.

Ever since the opening of archives in Russia in the late 1980s and early 1990s, a lively debate among scholars of Russian and Soviet history has ensued about the usefulness and usage of their contents. But whatever the problems that this source might present, it was apparent from the outset that my project depended on access to the immense amount of documents produced for and by the bureaucracy. The devil was in the details. I would have to grind it out in the archives in much the same way that the bureaucracy had been grinding it out year after year. I needed in hand the enormous body of materials produced by and for organs at various state

and party administrative layers from the remotest corners of a particular region to Moscow itself. My project required, in particular, examination of records left behind by party cells embedded in municipal and rural district departments of education and in individual schools; handwritten orders issued by heads of departments of education and by school directors; quarterly, semi-annual, and annual reports by schools and departments of education; records of pedagogical councils where a school's administrative personnel met with its faculty; the panoply of letters of complaint and denunciation written by administrators, teachers, parents, and even pupils and submitted to local, regional, and central authorities; and the response to those letters from administrators and organs up and down the chain of command. The immensity of the kind and number of documents that required examination made, as mentioned above, a regional focus imperative.

I knew from previous research that the archive for the Moscow province contained few of these materials nor did, I knew from first-hand experience, the state archive in Rostov-on-Don. Many archives throughout Russia have frightfully little from the 1930s, the result of a reluctance to preserve materials from this delicate period and a deliberate attempt to destroy them in areas such as Rostov-on-Don when threatened, then seized, by advancing German armies during World War II.

In 1985 while researching in Moscow's Library of the Academy of Pedagogical Sciences (Ушинка), I became acquainted with a fellow scholar working on the history of Russia's schools, Nikolai Vasil'evich Kotriakhov. He happened to be from Kirov. Before long he told me of the treasure trove of documents from the 1930s in the region's party and state archives. At the time, it was impossible to find out for myself because Kirov, a large industrial city specializing in the manufacture of military hardware, was a closed city beyond the reach of almost all foreigners. With Kotriakhov's help, I visited the area for a brief period in 1990, but without an opportunity to consult the archives' inventories (описи). Three years later, thanks to the momentous changes underway in the Russian Federation, I went again this time to examine the inventories. I discovered in abundance more than I had thought possible. Seven years later, I returned for eleven months of research and found even more than the inventories promised, everything that I needed including scraps of paper torn from pupils' notebooks complaining about a teacher or a course and slipped to a visiting state inspector. Every file of the more than five thousand requested was delivered, some of the items, perhaps, declassified as I ordered them. Archivists kindly volunteered information on items of potential interest.

Eleven months proved insufficient and I have returned to Kirov and its archives many times since. In so doing, I have been not only a historian but also something of a краевед peering into the region's past⁶.

All too often the archival record when woefully incomplete (or understudied) is used to assemble anecdotal information proving first one point, then another (sometimes the opposite) leaving the reader bewildered by it all and yearning for distinct personalities, a story-line, and thematic coherence. Kirov's archives compel the writing of a far different, at once a more detailed and accessible, kind of history. It is one that, I trust, brings new information and insights on the function of bureaucracy and, more broadly, on the nature of government, society, and the individual in the Soviet Union. *Grand Theater* does so by stressing the importance of ideology, a subject of historiographical scorn until recently; questioning the relevance of such bipolar concepts of innocence-guilt and belief-disbelief that have been such a major part of recent scholarship on personal identity and the self in Stalin's Russia; demonstrating over and again the domination of stylized reporting by rote whatever the actual facts of the matter under review; analyzing dominant misogynistic discourse and its bold dismissal by women at which it was directed; charting the denial then, after 1938, the limited acceptance of private and public spheres of life when defining and punishing personal as well as professional and political misconduct; and emphasizing the significance of «little people» in governance thereby demonstrating that state and society in Stalin's Russia were not completely separate and distinct entities. Moreover, as only a regional focus can, *Grand Theater* demonstrates the relationship between ideology and the formation of policy in Moscow and Kirov, on the one hand, and actual administrative practices, on the other, a relationship that in Stalin's Russia had more often than not negative and dysfunctional consequences for both the governed and governing⁷. Let me hasten to add that in the exploration of each of these themes, Kirov's archives yielded enough information about particular individuals to allow a personification of general trends in a manner that gives personality and human drama to the historical narrative⁸. *Grand Theater* thereby demonstrates the role of individuals in what has often heretofore been regarded, when beyond the Kremlin's inner circle, as a highly impersonal system.

Finally, the book's methodology, a function of its regional focus and reliance on archival evidence, invites critical attention. It is sometimes said that the opening of the archives in the former Soviet Union has contributed little to our understanding of Russian and Soviet history. That is definitely

not the case with *Grand Theater*. I read the Soviet administrative system as «theater» and the documents produced for and by that system as «script». The very source of most of this book’s information is the story. The archival record both represented and produced a discursive theatrical reality that was the very essence of Stalinist governance, a bureaucratic phenomenon, which, I suggest, has been limited neither to the 1930s, nor to the Kirov region, nor even to the USSR.

¹ Donald Sutherland, «The Revolution in the Provinces: Class or Counterrevolution?» in Steven G. Reinhardt and Elisabeth A. Cawthon (eds.), *Essays on the French Revolution: Paris and the Provinces* (College Station: Texas A&M University Press, 1992), p. 119.

² Allan K. Wildman, «Retrospect», in Rex A. Wade and Scott J. Sereny (eds), *Politics and Society in Provincial Russia: Saratov, 1590-1917* (Columbus: Ohio State University Press, 1989), pp. 326-327.

³ Paul Leuilliot, «A Manifesto: The Defense and Illustration of Local History», in Robert Forster and Orest Ranum (eds), *Rural Society in France: Selections from the Annales* (Baltimore: Johns Hopkins Press, 1977), p. 15.

⁴ S. M. Kashtanov, «Istochnikovedenie, istorija i kraevedenie», in *Istochnikovedenie i kraevedenie v kul'ture Rossii* (Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2000), p. 11. Emphasis in the original.

⁵ Donald J. Raleigh, *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922* (Princeton: Princeton University Press, 2002).

⁶ I am deeply indebted to the many scholars and archivists who have over the years collected, preserved, and classified Viatka’s rich documentary record, their work often conducted in the most trying of circumstances. See the excellent study: *O sud'bakh i mgnoven'iakh proletevshikh...: Ocherki istorii gosudarstvennoi arkhivnoi sluzhby Kirovskoi oblasti* (Kirov: O-Kratkoe, 2008).

⁷ For the importance of regional archives to understanding the “reality of chaotic, arbitrary administration,” see Peter Holquist, «A Tocquevillian ‘Archival Revolution’: Archival Change in the Longue Duree», *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, vol. 51, no. 1 (2003): 82-83.

⁸ William Chase has written convincingly of the importance of microhistory to an understanding of the role of individuals and of the person in history, of «accumulated slights, insults, betrayals, and jealousies». See William J. Chase, «Microhistory and Mass Repression: Politics, Personalities, and Revenge in the Fall of Bela Kun», *The Russian Review*, vol. 67, no. 3 (July 2008): 1.

Из истории формирования и деятельности купеческого сословного общества в Вятско-Камском регионе

M. С. Судовиков

После издания в 1785 г. екатерининской Жалованной грамоты городам в России начался процесс становления системы самоуправления, неотъемлемой частью которой являлись сословные организа-

ции. Получив особый правовой статус, гильдейские купцы приступили к формированию своего сословного общества.

Основным звеном системы купеческого сословного самоуправления в конце XVIII – начале XX столетия в большинстве губернских и уездных городов страны были старосты. «Частные управления купеческого сословия сосредоточиваются в лице купеческих старост и их товарищей», – говорилось в «Своде законов о состояниях»¹. Выборы на эти должности производились в городах ежегодно на собраниях купеческого общества.

Во время исполнения обязанностей старосты состояли «в четырнадцатом классе государственной службы», могли получать от общества похвальные листы, а от губернских властей – звание «степенных»². В Вятской губернии, по нашим наблюдениям, старостами обычно избирались купцы 2-й гильдии в возрасте от 25 до 50 лет, как правило, занимавшиеся торгово-предпринимательской деятельностью в городе своего проживания и редко выезжавшие из него.

В ряде же крупных городов, прежде всего столичных (Москве, Петербурге), сложилась особая модель купеческого общественного управления, включавшая в себя, помимо старост, собрания выборных, управы, сословных старшин³.

Законодательством чётко определялся круг полномочий купеческих старост, среди них на первом месте стояло «попечение о всех делах, относящихся до купеческого сословия, и представление об оных по принадлежности»⁴.

В архивах сохранились документы купеческих старост, связанные со сбором сведений о членах купеческих семей, с ведением различных денежных сборов, выдачей удостоверений, с перепиской с административными учреждениями, с доведением до купцов сведений по торговым и хозяйственным делам и т. д.⁵ Рассмотрим «столп документов купецкого старости Петра Калинина» (г. Вятка) за 1836 г.

Вначале, после избрания, из Вятской городской думы ему отправили предписание с рекомендацией исполнять свои обязанности «неупустительно на законном основании» и о необходимости принять «дела и книги прежних городовых старост до купецкого общества относящиеся... по описи с роспискою», причём последние нужно было представить в думу⁶. В дальнейшем, получая бумаги с указами Вятского городового магистрата и предписаниями городской думы, Петр Калинин доводил их содержание до купеческого общества. В 1836 г. через старосту купцам предлагалось «явиться в губернское

правление для торгов на покупку... каменной лавки», взять в оброчное содержание покосы, «вольной чрез реку Вятку перевоз на паромах и лодках», ознакомиться с «росписанием о ценах для продажи соли», взять «на себя поставку в будущем 1837 году для полицейской и пожарной команды провианта...» и т. п.⁷

От Петра Калинина купцы г. Вятки узнали и о том, когда нужно явиться в городскую думу для объявления на следующий год капиталов с последующим получением гильдейских свидетельств. Купеческий староста сообщал им о возможности приобретения «Коммерческой газеты» («с платою за оную по 25 руб. и особо за пересылку подлежащее количество весовых и страховых»), внесения пожертвований на строительство каменной церкви в Черниговской губернии⁸. Каждое объявление, сделанное Калининым, предполагало сбор подписей купцов, ознакомленных с ним. Затем купеческий староста должен был «рапортовать» о мнении купеческого общества городской думе или магистрату.

В «делах вятского купеческого старосты» Петра Григорьевича Тихонова, избранного на эту должность в феврале 1894 г., находим его объявления о проведении в городской управе собрания купцов, мещан и цеховых «для прочтения призывающего списка», о проведении 27 июня 1894 г. собрания «для постановления приговора о увольнении из купеческого общества... Петра Васильевича Сунцова для продолжения курса наук в Московском Императорском университете», о «глубоко-печальном известии», связанном с кончиной Александра III и т. д.⁹ Тихонов был озабочен и необходимостью составить заключение по проектам «постановлений о правах лиц купеческого сословия» и Положения о государственном промысловом налоге, высланных в Вятку «Высочайше учрежденной комиссией по общему пересмотру узаконений, относящихся до обложения торговли и промышленности»¹⁰.

Несмотря на право вести внутрисословные дела, деятельность купеческого самоуправления ограничивалась со стороны государства, особенно со второй половины XIX в., после введения городовых положений 1870 и 1892 гг. Как и органы местного самоуправления (городские думы и земские учреждения), они находились в зависимости от губернских властей, что проявлялось, например, в том, что ежегодно избираемый купеческий староста утверждался губернатором. В этом вопросе могли приниматься решения и не в пользу купеческих постановлений. Такой случай произошёл в Котельниче, когда по приговору купеческого общества от 27 января 1897 г. старостой был избран ку-

пец 2-й гильдии Яков Ситников, а его товарищем – купец Александр Казаков, но губернатор по причине неявки на собрание большинства его членов эти кандидатуры не утвердил¹¹. Следующие выборы производились в конце марта и вновь были избраны уже другим, более значительным числом членов собрания те же купцы. На этот раз кандидатуры Я. М. Ситникова и А. П. Казакова губернатор одобрил¹². В 1898 г. по той же причине долгое время не утверждался кандидат на должность яранского купеческого старосты¹³. Зависимость от губернского правления проявлялась и в том, что купеческие старосты в случае ухода в отпуск подавали на утверждение губернатора соответствующее прошение¹⁴. Кроме того, купеческие старосты приводились к присяге, если «при сём избрании не состоят в службе ни по выборам, ни по определению от правительства»¹⁵.

Опека за деятельность купеческого старосты осуществлялась также городскими думами и порой проявлялась в достаточно жёстких формах. В начале 1864 г. староста Н. Куклин (г. Вятка), например, получил уведомление, в котором говорилось: «... Городская дума строго предписывает Вам о скорейшем взыскании городских недоимок, причем предупреждает, что в случае послабления и упущения во взыскании недоимок, таковые будут взысканы лично с Вас...»¹⁶. Данное требование основывалось на том, что купеческий староста по закону был обязан производить «взыскание недоимок» с купцов, и указе Вятского губернского правления от 19 декабря 1863 г., касавшегося этого вопроса¹⁷.

Деятельность органов сословного самоуправления, пусть даже и под контролем административных властей, способствовала формированию купеческого корпоративного самосознания. Его проявления ощущались, например, в благотворительных делах обладателей гильдейских свидетельств¹⁸, в принятых ими коллективных решениях, причём в последних зачастую прослеживался не частный, узкосословный, а общественный настрой. Так, в 1880 г., в год 100-летия со времени учреждения Вятского наместничества, купеческое общество поддержало инициативу Вятской городской думы об увеличении числа призреваемых в общественной богадельне на десять человек и постановило «для этой надобности увеличить... производимый ныне с купцами ежегодный сбор: с первой гильдии пятью и со второй двумя рублями с каждого купеческого семейства»¹⁹. В военные годы в решениях купеческих сословных организаций проявлялся патриотический дух, соединённый с выражением «Его Императорскому Величеству... верноподданнических чувств»²⁰.

Имея, в основном, полномочия исполнительного характера, купеческое самоуправление не вправе было решать вопросы о зачислении в своё сословие²¹. Функция купеческих собраний, на которых присутствовали «начальники капиталов», заключалась, главным образом, в избрании должностных лиц (кроме старост и их товарищей, проводились выборы, например, в члены сиротских судов) и утверждении годового финансового отчёта купеческого старосты, причём бюджеты местных купеческих обществ были весьма скучными. Всё это определяло специфику купеческого самоуправления как структуры, не обладавшей самостоятельными полномочиями, что негативно влияло как на общий процесс консолидации обладателей гильдейских документов, так и на эффективность текущей деятельности их сословной организации. Нередко к работе своего общества купцы относились сдержанно, не проявляя должной ответственности даже в тех случаях, когда могли реализовать те или иные собственные интересы.

В повседневной жизни сказанное проявлялось в следующем. В «список лиц купеческого сословия, имеющих право участвовать в собраниях купеческого общества» г. Вятки, датированном 1878 г., было внесено 123 купца²². В нём значились сначала «потомственные почетные граждане, 1-й гильдии купцы», затем шли «1-й гильдии купцы», «2-й гильдии почетные потомственные граждане» и купцы 2-й гильдии. В то же время в деятельности купеческого самоуправления в тот год, если судить по явке купцов на собрания, активно участвовали только от семи до десяти человек. Остальные своё отсутствие на купеческих собраниях объясняли «отлучками», что, впрочем, вполне логично связано с особенностями их профессиональных занятий, болезнями и другими причинами²³. Однако немалая часть купцов отстранялась от участия в собраниях без видимых причин, и из-за этого затягивались выборы купеческих старост, решение остальных вопросов, связанных с купеческим самоуправлением. Подобная картина не являлась редкостью²⁴.

Индиферентное отношение многих купцов к деятельности сословного общества объяснялось ещё тем, что интересы предпринимателей отстаивались городскими думами, которые имели широкое гильдейское представительство. Не случайно в конце XIX в. местные власти довольно скептически оценивали перспективу существования сословных организаций, отмечая: «...Все частные сословия, ремесленники, купцы и мещане тяготеют к городскому общественному управлению, которое не различает сословность, предоставляя лицам

всех сословий принимать участие в городском управлении, пользоваться городскими угодьями, учреждениями по призрению, народному образованию и т. п.»²⁵.

Купцы также знали, что целый ряд вопросов, так или иначе относящихся к их сословию, решается именно городским самоуправлением. В декабре 1887 г. вятский городской голова Я. Н. Жирухин в письме старосте Михаилу Башмакову обратил внимание на выполнение городской управой таких функций, как «выдача всякого рода документов на купеческие промыслы», паспортов, ведение посемейных списков, привлечение для созыва купеческих собраний рассыльных управы, удовлетворение канцелярских потребностей купеческого самоуправления²⁶. Эти основания стали поводом для требования городского головы передать взимаемый с купцов денежный сбор на канцелярию купеческого старосты в управу «на общие расходы»²⁷. Данный шаг отражал процесс постепенного слияния сословного самоуправления с общегородским.

Вялое участие купечества в работе сословного общества вело к серьёзным нарушениям действующего законодательства, на что губернаторы обращали внимание купеческих старост в своих циркулярных письмах. Так, губернатор Н. А. Тройницкий в марте 1878 г., отметив нарушения, указывал купеческим и мещанским старостам, ремесленным головам, что необходимо «неуклонно следовать установленному порядку при производстве вообще выборов, а именно: выбор производить непременно в начале каждого года, при полном числе избирателей, которых до начала выборов приводить к присяге в беспристрастном выборе ими лиц и присяжные листы представлять мне вместе с баллотировочными списками...»²⁸.

Тем не менее, купеческие сословные организации в городах Вятской губернии продолжали свою деятельность. В книгах «на записку исходящих бумаг Вятского купеческого старосты» за 1890–1892 гг. содержалось в общей сложности 612 записей²⁹, что свидетельствовало об устойчивости этого сословного института в тот период, тогда как в ряде губерний, включая Архангельскую, Олонецкую, Орловскую и другие, они закрылись к концу XIX столетия, а в некоторых регионах сохранялись лишь в губернских городах (Москва, Петербург, Тобольск, Оренбург, Самара и др.)³⁰. В Вятской же губернии на рубеже веков купеческие общества работали в 11 городах, кроме Малмыжа.

В то же время купеческие общества в регионе были обречены на угасание. Развитие буржуазных отношений в стране, правительственно-

ная политика второй половины XIX – начала XX в., в частности Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г., по которому приобретение гильдейских свидетельств уже не являлось обязательным условием для занятий торгово-промышленной деятельностью³¹, подрывали основы существования сословного строя и вместе с ними его организаций. В дальнейшем свои корректизы внёс 1917 г., ликвидировавший наряду с сословиями и купеческое самоуправление. По Декрету советской власти от 11 ноября 1917 г., в соответствии со статьёй четвёртой, имущество купеческих обществ передавалось «немедленно... в распоряжение соответствующих городских самоуправлений»³². В документах отдела по управлению губернией Вятского губисполкома сохранилось распоряжение уездным исполкомам от 21 февраля 1918 г. о ликвидации сословий, гражданских чинов и сословных учреждений губернии со ссылкой на декрет³³. Весной-летом того же года уездные исполкомы рапортовали о его проведении в жизнь³⁴.

В целом наш материал позволяет говорить о высокой степени устойчивости местных корпоративных купеческих обществ даже в конце XIX – начале XX в., что способствовало длительному сохранению сословных начал в системе социальных отношений на северо-востоке Европейской России.

Примечания

¹ Свод законов о состояниях // Свод законов Российской Империи. Кн. II. СПб., 1913. Т. 9. Ст. 589.

² Там же. Ст. 592–594.

³ Там же. С. 86–91.

⁴ Там же. Ст. 595.

⁵ См.: ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 1. Л. 1–135 об.; Там же. Д. 4. Л. 1–76; Там же. Д. 12. Л. 1–174 об.; Там же. Д. 20. Л. 1–114 об.; и др.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 23.

⁷ Там же. Л. 26, 53, 57, 78–79 об., 111.

⁸ Там же. Л. 130–130 об., 135–135 об.

⁹ Там же. Д. 20. Л. 34–35, 39, 54.

¹⁰ Там же. Л. 63–100 об.

¹¹ Там же. Ф. 582. Оп. 43. Д. 66. Л. 5, 10, 14.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же. Ф. 587. Оп. 3. Д. 98. Л. 10–10 об., 12.

¹⁴ Так, 2 июля 1894 г. староста П. Г. Тихонов получил на такое прошение ответ следующего содержания: «...Со стороны губернского начальства не встречается препятствий к увольнению Вас в отпуск на один месяц внутри Империи с тем, чтобы на время этого отпуска обязанности купеческого старосты по купеческому управлению были переданы Вами кандидату купеческого старосты, купцу Николаю Ухову» (ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 20. Л. 47).

¹⁵ Свод законов о состояниях... Т. 9. Ст. 591.

¹⁶ Там же. Ф. 628. Оп. 17. Д. 4. Л. 3.

¹⁷ Там же ; Свод законов о состояниях... Т. 9. Ст. 595.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Судовиков М. С. К вопросу о развитии купеческой благотворительности в российской провинции // Прозоровский альманах : сб. науч.-исслед. материалов. Киров, 2008. Вып. 1. С. 83–98.

¹⁹ ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 11. Л. 66–67. В документе содержатся подписи 35 купцов.

²⁰ Вятская губерния в годы Русско-японской войны : (По «Памятным книжкам Вятской губернии» на 1905 и 1906 гг.) // Памятная книжка Кировской области и календарь на 2005 год : информ.-стат. сб. Киров, 2005. С. 195.

²¹ Свод законов о состояниях... Т. 9. Ст. 531.

²² ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 12. Л. 32–68. В документе, правда, значится 122 купца, хотя в списке называется 123 имени (два купца – Н. И. Ухов и И. И. Ермолин – записаны под одним номером. Л. 39 об. – 40).

²³ Там же. Л. 69–75 об.

²⁴ В 1880 г., например, собрание по выборам вятского купеческого старосты созывалось дважды: 18 и 27 марта. На первое собрание явились только три купца (выборы в тот день не состоялись), на второе – 14 вместо приглашенных 102 купцов (ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 10. Л. 9, 11–15, 16). 21 января 1894 г. на собрание по выбору вятского купеческого старосты явилось три купца, на повторное, состоявшееся 4 февраля – 17 (ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 20. Л. 6, 11). и таких свидетельств немало.

²⁵ История предпринимательства в России. Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1999. С. 220–221.

²⁶ ГАКО. Ф. 628. Оп. 17. Д. 19. Л. 59.

²⁷ Там же. Л. 59–59 об.

²⁸ Там же. Д. 12. Л. 11–11 об.

²⁹ Там же. Оп. 17-а. Д. 12. Л. 1–32.

³⁰ История предпринимательства в России. Кн. 2. С. 220. По данным Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, из 289 городских поселений, учтённых на рубеже XIX–XX вв. в ходе обследования МВД купеческого, мещанского и ремесленного сословий, купеческие общества действовали только в 119, или в 41,2 % (Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М., 2004. С. 90).

³¹ ПСЗ. III. Т. 18. № 15601.

³² Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 72.

³³ ГАКО. Ф. Р-876. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.

³⁴ Там же. Л. 11, 12–14.

Частные и казённые подряды купечества Удмуртии на перевозку грузов водным транспортом в начале XIX–70-х гг. XIX века

Г. И. Обухова

Процесс дальнейшего развития и формирования в первой половине XIX в. всероссийского рынка увеличил интенсивность перевозок грузов сухопутным и водным путём из разных губерний России к

ярмарочным центрам страны, что привело к активному вовлечению в транспортные перевозки купечества, использующего этот вид деятельности для получения дополнительной прибыли.

Б. Н. Миронов в исследовании «Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.» отмечал, что одним из десяти необходимых условий складывания единого национального рынка страны является наличие «путей сообщения и транспорта, позволяющего торговцам перемещать огромные массы товаров из одних районов страны в другие», а также формирование «определенных законодательных и торговых обычаяев (норм, правил ведения торговых операций)¹. По данным Ф. Я. Полянского, в России к концу первой половины XIX в. уже насчитывалось более 43000 ярмарок, привоз товаров на них оценивался в 234 млн руб.²

Как отмечал С. Л. Мельников, во второй половине XIX века «благодаря водным системам и сухопутным путям Удмуртия была интегрирована в транспортную инфраструктуру Европейской России и Урала»³. Территория Удмуртии (для XVIII–XIX вв. составлявшая часть уездов Вятской губернии: Глазовский, Сарапульский, Елабужский и Малмыжский) была тесно связана с крупнейшими торговыми центрами и ярмарками России. Большую роль в развитии торгово-транспортных связей края в этот период сыграло купечество уездных городов Глазова, Сарапула, Елабуги и Малмыжа, деятельность которого в этой сфере, особенно для первой половины XIX в., изучена ещё недостаточно⁴. Большинство исследователей, занимающихся этой проблемой, главное внимание уделяют пореформенному периоду⁵.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с осуществлением купечеством Удмуртии частных и казённых подрядов на перевозку грузов водным путем в первой половине 70-х гг. XIX в.: их правовое регулирование в российском законодательстве; специфика условий подрядной деятельности купечества в транспортных перевозках грузов и их прибыльность; роль и значение в усовершенствовании транспортных средств и путей сообщения в развитии экономики региона.

Источниковую базу исследования составили: Торговый устав; Устав путей сообщения; Устав судопроизводства в коммерческих судах; Устав о торговой несостоятельности; Свод законов гражданских⁶. Ценные сведения имеются в архивных материалах, отложившихся в фондах ЦГА УР, ГАКО, НАРТ, ЦАНО: материалах фондов Вятского, Казанского и Нижегородского губернских статистических комитетов, фондах Сарапульского городского магистратса, контор Камско-Воткин-

ского и Ижевского оружейного заводов, отчётах, ведомостях начальников и смотрителей судовых дистанций, книгах уездных судов по записи частноправовых актов; маклерских книгах и судебных делах между купцами – подрядчиками и их нанимателями.

Поступательное развитие масштабов всероссийского рынка оказывало существенное влияние на законодательство, регулирующее торгово-предпринимательскую деятельность купечества страны, входя в него соответствующие изменения. В 1807 г. в связи с ведением активной внешней политики и возросшими нуждами армии увеличивается количество казённых подрядов военного ведомства, в которых задействованы были представители всех категорий купечества. Это привело к законодательному определению размеров подрядов для всех гильдий купечества: купцы первой гильдии могли брать подряды на сумму до 50 тыс. руб.; второй гильдии – от 12 до 50 тыс. руб.; третьей гильдии – до 12 тыс. руб. Необходимость дальнейшего развития и совершенствования транспорта побудила правительство в этом же году ввести сборы на водные и сухопутные пути сообщения – по 10 % с податного рубля⁷.

В Своде учреждений и уставов торговых, изданном в 1857 г., ст. 2 определяла, что «сверх общего, всем родам торговли свойственного промысла закупки и продажи товаров, к торговым действиям причисляются: 1) промышленность в построении, покупке, починке и найме кораблей и купеческих судов и в отправлении оных; 2) купеческие приказы о закупке, продаже, перевозке и поставке товаров, или так называемые дела комиссионные, экспедиционные и маклерские ... 4) вступление в казённые подряды и откупы»⁸.

Перевозка грузов регулировалась обязательственным правом, оформлялась особыми договорами и контрактами, наиболее подробно разработанными для речных и морских перевозок грузов. В книге III Свода уставов торговых, который назывался «Об особенностях договоров и обязательств по торговому судостроению и мореплаванию», появился раздел «О найме кораблей и судов под грузы». В нём были детально регламентированы все случаи найма корабельщиков и судовщиков (ст. 879–921); их служителей (ст. 922–999); кораблей и судов (ст. 1000–1004); особенности заключения и оформления договоров (ст. 1005); обязанности сторон и их исполнение (1015–1035); пени и неустойки (ст. 2006) и др.⁹ Многочисленные конфликты, связанные с перевозкой грузов, привели к появлению специальных статей в «Уставе судопроизводства в коммерческих

судах» и «Уставе о торговой несостоятельности»¹⁰, а также «Уставе путей сообщения»¹¹.

Большинство современников в первой половине XIX в. давали негативную оценку состоянию путей сообщения Российской империи. Не была исключением в этом отношении и Вятская губерния. И. Савинов в «Статистическом очерке Вятского края» писал: «Путями сообщения Вятский край едва ли не один из беднейших во всей Европейской России... Торговые пути также не могут похвалиться своим благосостоянием, по крайней мере, так было в 1857 г. Один из них идёт на Нижний через Яранск и Семёнов, на расстоянии 600 вёрст и считается довольно сносным, другой – из Нолинска и Уржума чрез Иletский волок в 40 вёрст, в Казань – по дороге ужасной, никогда никем не поправляемой, причём выигрывает расстояние на 50 вёрст. Ирбитский тракт идёт через Глазов на Осу. Самый же важный торговый путь для Вятского края, через который он сбывает свои произведения к Архангельскому порту, находится в таком же положении, как двести лет тому назад, если не хуже»¹².

Характеризуя водный путь от Ношульской пристани до Двины, И. Савинов отмечает, что он «ещё хуже сухопутного и опаснее: быстрая течения Лузы и незначительная её ширина – от 25 до 40 сажень, чрезвычайная извилистость (местами под острым углом) и проносы на берегах – делают водный путь до того опасным, что судно, идущее с грузом от 22 до 25000 пуд., беспрестанно подвергается или попасть в пронос, или сесть на мель»¹³.

В таких условиях подрядные операции на перевозку частных и казённых грузов были достаточно рискованным занятием для местного купечества, так как вместо ожидаемой прибыли могли принести убытки или даже полное разорение. Купечество уездных городов Удмуртии, состоящее, в основном, из купцов 2-й и 3-й гильдии, имевшее не очень большие капиталы в начале XIX в., старалось избегать рискованных коммерческих операций, в том числе связанных с перевозкой грузов на большое расстояние. Так, купечество г. Глазова в этот период чаще всего выступало в качестве подрядчиков на складку сельскохозяйственной продукции, лесных материалов и продукции местных кустарных промыслов для слободских, орловских, котельнических купцов и иностранных комиссионеров, вывозивших товары через Архангельский порт, а позднее из Санкт-Петербурга.

Все подрядные операции купечества оформлялись в Глазовском нижнем уездном суде, записывались в специальные книги крепостных

актов. С. И. Сметанин, подчёркивая важность этого вида источника, писал, что «подряды на перевозки составляют одну из наиболее многочисленных групп маклерских книг»¹⁴. В 40–60-х гг. XIX в. Волковы, Чирковы, Зоновы, Бородины, Сергеевы, Ляпуновы, Колотовы и другие купеческие династии г. Глазова уже расширили свою деятельность, перевозили грузы не только в Вятской губернии, но и в Вологодской, Архангельской, Пермской, Казанской и Нижегородской губерниях, торговали на Ирбитской, Казанской и Нижегородской ярмарках¹⁵.

Купечество г. Малмыжа более активно занималось сухопутными перевозками грузов, поскольку, как отмечала газета «Вятские губернские ведомости» в 1841 г., «из уездных городов Вятской губернии только один этот лежит на Сибирском тракте, идущем от Казани до Перми, который соединяет в себе два тракта: Вятский, Елабужский и Сибирский с западной и южной сторон»¹⁶. В маклерских книгах Казани сохранилось множество договоров купцов и извозчиков о подряде на перевозку грузов¹⁷. Среди крупных оптовых торговцев выделялся малмыжский купец первой гильдии Абдулл Апсалямов с капиталом в 16600 руб. Малмыжский голова писал о нём, что он «с давних лет имеет торговлю разными гуртовыми товарами, как-то, внутри России: в Казани, Москве, Кяхте, по ярмаркам Макарьевской, Ирбитской, Ростовской, отправляет товары каждый день за границу в Бухару, Ташкент, Ходжент через Оренбург и Троицкий»¹⁸. Содержали малмыжские купцы и почтовые станции, перевозили грузы и почту. В 1811 г. малмыжский купец Рыс Абдулов и мещанин Хайбуила Кумков заключили контракт с казной с поручительством за них на сумму 7000 руб. о содержании по Сибирскому тракту на 1812 г. 52 пар почтовых лошадей¹⁹.

Рискованными, но выгодными были подряды на перевозку соли. Поставщиком соли в Вятскую губернию с Дедюхинских заводов был соликамский купец Иван Мещанинов, а его комиссионером – малмыжский купец Андрей Котенев. 31 июля 1801 г. его приказчик Дмитрий Домрачев сообщил магистрату об отправке «с пермских заводов комиссионером Котеневым нагруженных 3 судов солью в г. Елабугу, Малмыж и Царёвосанчурск», которые доплыли до Сарапульской округи с. Колесникова, но «одно судно от великого ветра потонуло, из коего спасено соли до 600 пудов». 5 августа он сообщил, что «с означенной казенной солью судном дошел он до г. Малмыжа благополучно», но «имеющаяся соль поныне не выгружена», просил магистрат приказать соляному смотрителю принять её вместе с оставшейся от

утонувшего судна в казённые магазины²⁰. В 1838 г. малмыжские купцы отправили на Нижегородскую ярмарку 6 судов с грузом в 48491 пуд. стоимостью на 61374 руб.; в 1839 г. – 7 судов с грузом 20682 пуд. на сумму 68614 руб. По рапортам начальников 3-й и 5-й дистанций VI округа путей сообщения с Камского устья до Нижегородской ярмарки была отправлена 22 июля 1840 г. барка малмыжского купца Герасима Леденцова с компаньоном Егором Окуловым с грузом на 14371 руб. 36 коп. (овёс, лубья, рогожи, кули, липовые плахи и мочало); в 1849 г. крестьянин Трофим Сергеев сопровождал плот малмыжского купца Трифона Чернова с грузом брёвен, шестов, лубьев, мочала на 1190 руб., груз был отправлен с Армянской пристани до Саратова, обслуживали перевозку лоцманы и 21 рабочий; в 1852 г. на завозном судне малмыжского купца Ивана Батуева были отправлены с Саратовской пристани обратно до Малмыжа якорные снасти весом 400 пудов стоимостью 400 руб.²¹

В 50–70-х гг. XIX в. малмыжские купцы начинают перевозить грузы на баржах и пароходах. Так, 4 февраля 1869 г. Василий Васильевич Подошевников, потомственный почётный гражданин, купец 2-й гильдии г. Малмыжа взял поставку у потомственного почётного гражданина, санкт-петербургского 1-й гильдии купца Владимира Леонтьевича Кекина и по довериности его двух братьев – Фёдора и Алексея – на доставку их буксируным пароходом «Американец» в навигацию на трёх баржах разного кулевого хлеба в 9-пудовых кулях в 2 рейса до г. Рыбинска с Маинской пристани – 9000 кулей: семени льняного – 1000 четвертей, муки ржаной – 5000 кулей, ржи – 3000 четвертей и овса в кулях 9-пудового веса – 1500 четвертей. Подрядчик поставлял по вскрытию реки баржи на Маинскую пристань, а нагрузку осуществляли за 5 дней на свой счёт Кекины. Доставка производилась в Рыбинск первым и вторым рейсом, выгрузку в течение 10 дней обеспечивал Кекин, рядная плата за доставку с куля по 1 руб. 12,5 коп. серебром, «за полный фрахт – 11250 руб.», при заключении контракта – 400 руб., при погрузке – 2000 руб., а оставшуюся сумму выплачивали после успешной доставки в Рыбинск²².

Свою специализацию в области частных и казённых подрядов на перевозки грузов имело купечество городов Сарапула и Елабуги. Купечество г. Сарапула уже во второй половине XVIII в. занималось частными и казёнными подрядами и поставками; сплавом и перевозкой грузов по Каме до Перми и по Волге в низовые города; а также поставкой хлеба и промышленных товаров, перевозкой грузов на

Камско-Воткинский и Ижевский оружейный заводы; вывозкой с них металла, холодного и огнестрельного оружия по подрядам военного ведомства²³. Наиболее значительные казённые контракты по перевозке грузов с Ижевским заводом выполнял Козловский (позднее сарапульский купец) И. Д. Щерлин, оформивший с 1822 по 1840 гг. более 20 контрактов в заводской конторе²⁴. В «Обозрении торговли Воткинского завода и округа» для Русского географического общества в 1849 г. подчёркивалось, что вся торговля «находится в руках купцов и мещан, не имеющих оседлости в заводе и принадлежащих почти исключительно к обществу города Сарапула...»²⁵

Для Камско-Воткинского завода уже с первой четверти XIX века сарапульские купцы выполняли перевозку грузов, подряжаясь у заводских комиссаров, покупавших товары и материалы на Нижегородской ярмарке, в Казани, Перми, Ирбите и Екатеринбурге. В 1818 г. комиссар завода Винокуров заключил договор с сарапульским купцем Кириллом Ижболдиным на перевозку 1150 пудов казённых грузов для Камско-Воткинского завода стоимостью 20000 руб. из Нижнего Новгорода через Казань до Усть-Реченской пристани. В договоре указывалось, что «погрузку начать с 1 августа и грузить не далее 10 августа», «при прибытии судна в Казань на Бакалде (пристань. – О. Г.) остановиться для погрузки, какие там ... скоплены будут разные припасы или вещи, и погрузить в тоже судно». Комиссар Винокуров платил купцу Кириллу Ижболдину с каждого пуда груза до Усть-Реченской пристани по 85 коп. и выдал задаток 450 руб.²⁶ В 1820 г. другой комиссар Владимир Тимофеев, возвращаясь с Нижегородской ярмарки, нагрузил скопленные товары в судно сарапульского купца 3-й гильдии Василия Мартынова, выдав ему в задаток 19 августа 1000 руб., с условием доставки 500 пудов груза до Усть-Реченской пристани по 80 коп. за пуд груза. При оформлении договора на казённый подряд за Василия Мартынова было оформлено поручительство сарапульских купцов и мещан на сумму 7000 руб.²⁷

Особенно тщательно оформлялись контракты «на перевозку казённых металлов с заводов водным путём, в них подробно оговаривались обязанности обоих сторон»²⁸. Так, в контракте сарапульского 2-й гильдии купца Григория Матвеева Коткова от 30 марта 1864 г. с доверенным контрагентом Горного департамента Томасом Тимофеевичем Бонером указано, что он принимает на себя «доставку водою всех металлов... с Усть-Реченской пристани Воткинского завода и вновь выстроенного завода близь той же пристани до устья реки Камы

или до Богородской пристани, как в весеннем караване, так и в летнем транспорте, включительно по 10 июля, и, если потребуется, то и позднее». Контракт состоял из 16 пунктов, предусматривающих обязанности подрядчика и нанимателя, меры, предпринимаемые для выполнения сроков доставки и сохранности грузов, обеспечения судов для перевозки грузов наёмными рабочими, условий и сроков оплаты, неустойки за неисполнение контракта и компенсации за причинённый ущерб²⁹. Наибольшую активность сарапульское и елабужское купечество проявляло в перевозке грузов водным путём по Каме и Волге. Отмечая значение реки Камы как основной транзитной магистрали Прикамья, В. П. Безобразов писал: «Этому пространству (то есть по реке Каме от Елабуги вверх до Воткинских заводов и потом вниз до Казани) принадлежит важнейшее внешнее значение всей системы Камы в хлебном отношении, связующее её с Волгой западными портами и заграничными рынками»³⁰.

Особенно важными были перевозки грузов по Каме и Волге на Нижегородскую ярмарку. По данным Н. Латышева, в 1820 г. прибыло с верховьев Камы и её системы на Нижегородскую пристань 130 судов с товарами на сумму 5292448 руб. и отправлено с этой пристани вверх по Каме товаров на сумму 696761 руб. Собственно для ярмарки прибыло из бассейна рек Камы – Вятки в этом году более 220 судов с товарами на сумму 16471825 руб. и отправлено с ярмарки вверх товаров на сумму 5521804 руб.³¹

Заметную роль в хлебной торговле для купечества в первой четверти XIX века стал играть и Рыбинск. В 1820–1827 гг. с разных пристаней купцами г. Сарапула и Елабуги сюда было отправлено 28 судов с хлебным грузом 349880 пудов на сумму 329045 руб.³²

В первой половине XIX в. развивались и совершенствовались водные пути сообщения и транспортные средства. В этот период появились и новые пристани: на реке Каме выделяются в 1839 г. 8 главных пристаней (среди них Сарапульская, Каракулинская и Елабужская); на реке Вятке с притоками – 32 пристани (среди них – Малмыжская). К 1849 г. в Камско-Вятском бассейне было уже 23 значительные пристани, с которых сплавлялось ежегодно грузов на 5793863 руб. 50 коп.³³

По данным книг записи судов, проходящих по реке Волге в 1840 г., обнаружены сведения о проводке коноводной кабестанной машиной елабужского купца 1-й гильдии Фёдора Чернова трёх барок и одной коломенки с грузом ржаной муки, овса, круп, льняного семени, кулей и мочала весом более 112010 пудов на сумму 34107 руб.³⁴ В дру-

гой ведомости за 1840 г. по Нижнему Новгороду отмечено, что из Елабуги в июле приплыла коноводная машина с 2-мя шитиками и одной расшивой с грузом 28352 пудов на сумму 21596 руб.³⁵ Из Сарапула прибыло 12 судов: 1 барка, 5 шитиков, 4 коломенки, 2 тихвинки с грузом 93955 пудов стоимостью 21596 руб.³⁶. Внедрение кабестанных машин, а затем и пароходов значительно увеличило возможности грузоподъёмности судов, а также сократило сроки доставки грузов и использование труда бурлаков. По данным И. Савинова, в 30-е годы XIX в. ежегодно из Вятской губернии уходило для занятия бурлачеством до 32000 человек³⁷. Начало пароходства по Каме традиционно связывают с именами судовладельца А. В. Татаринова и его компаньонов – Ивана и Михаила Савельевых Колчиных. В 1841 г. ими был построен и опробован кабестанный пароход «Надежда», поднимавший 600000 пудов, для перевозки хлебных грузов в Санкт-Петербург для военного ведомства. Но поломка шкивного вала во время перевозки привела к срыву сроков поставки. По некоторым данным, А. В. Татаринов продал один из своих пароходов Михаилу Колчину, попытавшемуся продолжить дело.

За весенне-летнюю навигацию купцы могли теперь перевезти большие грузов, снижались затраты на рабочую силу, можно было сделать несколько оборотов капитала, что увеличивало прибыль. Среди купечества появились желающие расширить свою торговую-предпринимательскую деятельность за счёт коммерческой буксировки грузов и пассажирских перевозок. Сарапульские купцы исполняли и казённые подряды на поставку леса Адмиралтейству из лесных дач Камско-Воткинского завода. 11 июня 1840 г. коноводной машиной купца Михаила Колчина были взяты на Ершовской пристани лиственничные корабельные леса для Петербургского Адмиралтейства на 5 подчалках весом 140200 пуд. на 140227 руб. сер.³⁸ Новое дело оставалось по-прежнему достаточно рискованным, Михаил Савельевич Колчин вынужден был даже продать за долги 20 марта 1851 г. с аукционного торга паровые машины «Надежда» и «Опыт» с завозным пароходом за 9021 руб. сер.³⁹ Но его брат – Иван Савельевич Колчин – выкупил в 1857 г. пароход «Надежда», а потом, записавшись купцом 2-й гильдии, основал в Нижнем Новгороде своё первое судоремонтное заведение, ставшее крупным промышленным предприятием, выпускавшим позднее собственные суда⁴⁰.

В 60-70-е годы XIX века купец 2-й гильдии Иван Савельевич Колчин занимался, как частными, так и казёнными подрядами на перевозку грузов, перевозил арестантов на баржах для Главного тюрем-

ного управления, пассажиров по рекам Каме, Волге, Туре, Тоболу, Томи, Иртышу, Оби. В 1864 г. вместе с компаньоном И. И. Игнатовым они основали ещё один завод на реке Туре у Тюмени – Жабынский, на котором выпускались пароходы разного типа⁴¹.

Таким образом, к концу 50-х – началу 70-х гг. XIX в. постепенно складывается система коммерческих грузоперевозок частных и казённых грузов купечеством Удмуртии. Купечество начинает использовать коноводные машины, кабестаны и пароходы, занимается организацией и созданием сначала товариществ, а затем и акционерных обществ, сыгравших большую роль в становлении транспортной системы и развитии всероссийского рынка. Среди купечества городов Глазова, Малмыжа, Сарапула и Елабуги выделяются купеческие династии, специализирующиеся на транспортировке грузов: Волковы, Чирковы, Сергеевы, Колотовы (Глазов); Батуевы (Малмыж); Колчины, Ижболдины, Курбатовы, Шитовы (Сарапул); Стахеевы, Шишкины и Черновы (Елабуга).

Примечание

¹ Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Л., 1981. С. 6–7.

² Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958. С. 30–31.

³ Мельников С. Л. Транспорт и торговля // История Удмуртии: Конец XV–XX века / под. ред. К. И. Куликова. Ижевск, 2004. С. 351.

⁴ См.: Мельников С. Л. Историография речного транспорта Камско-Вятского бассейна второй половины XIX – начала XX вв. // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск, 1993. С. 150–155 ; Его же. Гужевой транспорт в транспортной системе Вятской губернии во второй половине XIX // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы : тез. докл. республ. науч.-практ. конф. Ижевск, 1996. С. 47–49 ; Регулирование речных транспортных перевозок российским законодательством в XIX веке // Вестник УдГУ. 1999. № 3/4. С. 147–159 ; Пионеры пароходства в Удмуртии: купеческая династия И. С. Колчина – У. С. Курбатова // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы международ. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 2008. С. 470–477 и др.

⁵ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начала XX века. Ижевск. 2001. С. 181–209 ; Березин Е. Из истории купеческого флота // Купечество вятское : из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / ред-сост.: М. С. Судовиков, Т. К. Николаева. Киров (Вятка), 1999. С. 36–64.

⁶ СЗ. 1857. Т. XI : Устав торговый ; Там же. Т. XII: Устав путей сообщения ; Там же. Т. : Устав судопроизводства в коммерческих судах ; Там же. Т. XI, ч. II : Устав о торговой несостоительности ; Там же. Т. X : Свод законов гражданских.

⁷ Отечественная история : энцикл. Т. 3. (К–М). М., 2000. С. 213.

⁸ СЗ. 1857. Т. XI : Свод учреждений и уставов торговых. Кн. 1. Ст. 2.

⁹ Там же. Кн. III. Разд. I. Ст. 879–1056.

¹⁰ Там же. Кн. IV. Разд. III. Ст. 1841–1843 ; Разд. V. Ст. 1855–2022.

¹¹ СЗ. 1857. Т. XII : Устав путей сообщения.

¹² Савинов И. Статистический очерк Вятского края // Вестн. Имп. Рус. Геогр. общ. СПб., 1860. № 5. С. 118–119.

¹³ Там же. С. 121.

¹⁴ Сметанин С. И. Маклерские и обывательские книги городов как источник по социально-экономической истории России (по материалам городов Урала 1800–1861) // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 155.

¹⁵ Обухова Г. И. Глазовское купечество и Нижегородская ярмарка в 1-й пол. XIX века // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти исследователя культуры удм. народа Н. Г. Первухина. Глазов, 2005.

¹⁶ Шубин С. В. Описание уездного города Малмыжа // Прибавление к № 34 ВГВ. – ВГВ. 1841. № 17. С. 63.

¹⁷ НА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 391. Л. 3 об. – 4, 32 об. – 33 об., 43 об. – 44;

¹⁸ ГАКО. Ф. 582. ОП. 6. Д. 60. Л. 46.

¹⁹ ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 352. Л. 21–22.

²⁰ ГАКО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 73, 80 об. – 81.

²¹ НА РТ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 9. Л. 23 ; Д. 41. Л. 19 об. – 20 ; Д. 195. Л. 99 об. – 100.

²² НА РТ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 5. Л. 27 об.

²³ Обухова Г. И. Торговые связи купечества Пермской губернии и купечества г. Сарапула Вятской губернии в первой половине XIX в. (по материалам ЦГА УР) // Предпринимательство Прикамья: история и современность : тез. межрегион. науч.-практ. конф., Пермь, 23–24 апр. 2002 г. Пермь, 2002. С. 110–114 ; Её же. О роли купцов и комиссионеров в обеспечении Камско-Боткинского завода сырьём и продовольствием в первой половине XIX в. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы V регион. науч. конф., дек. 2002 г. Екатеринбург, 2003. С. 70–72.

²⁴ Обухова Г. И. Подряды и контракты купечества с правлением ижевского оружейного завода в первой половине XIX в. : (по материалам частноправовых актов) // Историк. Время. Архивы : К 130-летию со дня рождения П. Н. Луппова : материалы науч.-практ. конф. Ижевск, 1998. С. 70–74 ; ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 142. Л. 14–15 ; Д. 155. Л. 13, 18–20, 25 об. ; Д. 166. Л. 25 об. – 26 ; Д. 181. Л. 34 об. – 35, 53–55 ; Д. 192. Л. 19 об., 26 об. ; Д. 214. Л. 25 об. – 26, 30 ; Д. 250. Л. 13 – 33 об.

²⁵ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5778. Л. 25

²⁶ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1306. Л. 89–90.

²⁷ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 2036. Л. 140–146 об.

²⁸ Шубин С. В. Указ. соч. С. 63.

²⁹ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5497. Л. 50–56.

³⁰ Латышев Н. С. 39.

³¹ Там же. С. 39.

³² НАРТ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1–4.

³³ Латышев Н. С. 39.

³⁴ НАРТ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 9. Л. 11 об.

³⁵ ЦАНО. Ф. 1711. Оп. 379. Д. 11. Л. 21 об.

³⁶ Там же. Л. 22.

³⁷ Савинов И. Указ. соч. С. 11–12.

³⁸ НАРТ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 12. Л. 33 об.

³⁹ ЦГА УР. Ф. 237. Оп. 1. Д. 91. Л. 21, 89 об.

⁴⁰ Мельников С. Л. Пионеры пароходства в Удмуртии: купеческая династия И. С. Колчина – У. С. Курбатова. С. 470–471.

⁴¹ Там же. С. 472–473.

**Традиционные народные праздники
Вятской губернии XIX века в историко-этнографических
исследованиях В. Ф. Кудрявцева**

И. В. Корнилова

В фондах Государственного архива Кировской области (ГАКО) прекрасно сохранились рукописи статей и работ учёного-краеведа, этнографа, просветителя, публициста Василия Филипповича Кудрявцева (1843–1910), предназначенные для публикации на страницах «Вятских губернских ведомостей» и «Памятных книжек и календарей Вятской губернии». Многие из них были опубликованы, а часть осталась в рукописном варианте. Все они носят историко-этнографический характер и являются на сегодняшний день важными источниками и справочниками при изучении истории и культуры Вятского края.

Имя В. Ф. Кудрявцева сегодня, к сожалению, несправедливо забыто и практически не встречается в работах российских учёных-историков, не оценен его вклад в изучение истории Вятского края. Подробной развернутой биографии этого незаурядного человека до сих пор не написано. В «Критико-биографическом словаре русских писателей и учёных» С. А. Венгерова Василий Филиппович назван нижегородским и вятским этнографом¹. Действительно, бесспорным признанием его заслуг в области изучения местно-областной старины явилось избрание в 1875 г. действительным членом Нижегородского², а в 1898 г. – Вятского губернского статистического комитетов³.

Интерес к судьбе, личности и творческому наследию В. Ф. Кудрявцева появляется только в 90-е гг. XX в. Его научные интересы были широки, но сквозной темой работы в течение всей жизни являлось исследование истории, этнографии и культуры Елабужского края. Следует заметить, что разыскания тогда ещё учащегося Вятской духовной семинарии Василия Кудрявцева стали появляться в печати уже в 60-е гг. XIX в. Именно с историко-этнографических поисков и начался его путь в краеведение.

Родился Василий Филиппович 2 марта 1843 г.⁴ в г. Елабуге Вятской губернии в многодетной семье бедного священника. Начальное образование, традиционное для семей священнослужителей, он получил в Елабужском духовном училище (1851–1859), основанном Вятской епархией в 1850 г.⁵ Наиболее полная характеристика о Василии, ученике духовного училища, представлена в ведомости за 1859 г., хранящейся в ГАКО. В ней говорится, что В. Кудрявцев «поведения

был весьма честного, способности, прилежание и успехи в учёбе имел очень хорошие⁶. 1859 г. – особый в биографии Василия Кудрявцева: он был зачислен в число учащихся низшего класса Вятской духовной семинарии⁷. Среди семинарских учителей выделялась личность Александра Степановича Верещагина (1835–1908), преподавателя логики, психологии и латинского языка, активного исследователя Вятской старины, прививавшего своим воспитанникам не только любовь к знаниям, но и к изучению прошлого родного края. Он оказал огромное влияние на становление научных интересов молодого В. Кудрявцева. В тесном контакте с А. С. Верещагиным он будет вести работу по исследованию Вятского края и в последующие годы, живя в Москве и Твери.

Первая небольшая статья Василия Кудрявцева по истории родного города «Кулачные бои в купеческой Елабуге»⁸ (1863) написана не без влияния преподавателя А. С. Верещагина, опубликована в период его обучения в Вятской семинарии на страницах «Вятских губернских ведомостей». Кулачные бои не были прерогативой только столичных и губернских городов, простой люд любил позабавиться и в небольших уездных городах, причём, по справедливому замечанию автора статьи, кулачные бои входили в одну из основных забав городского населения купеческой Елабуги первой половины XIX в.

В Елабуге кулачные бои начинались главным образом с первым выпавшим снегом, с так называемого праздника Николы зимнего. Временем расцвета боёв считалась, конечно же, любимая всеми горожанами масленица, когда каждый житель мечтал похвастаться своей силой и удальством. Свообразным водоразделом, делящим город на две части, была речка Буга, поэтому жившие на Спасской стороне именовались спасскими, а собирающиеся с Никольской стороны – никольскими. Но не всегда территориальное деление играло первостепенную роль. Во время боя в драку могли вмешаться проходящие мимо лихачи, и тогда уже трудно было понять, на чьей стороне они боятся. Как указывает автор очерка, в бой часто ввязывались татары, цыгане и сельские жители, но не было случая, чтобы сельские одержали победу над городскими. Ожидание боёв накануне масленицы проходило с большим нетерпением для мещан города, которые составляли, пожалуй, основную массу бьющихся. Елабужские купцы играли немаловажную роль зрителей и ценителей боевого искусства. Они с приближением праздника масленицы прекращали всякую торговлю и полностью погружались в зрелище,

думая только об одном, какая же сторона одержит верх – спасская или никольская?

В. Ф. Кудрявцев считал, что было бы неразумно обвинять елабужан за страсть участвовать в таких диких забавах, за увлечение купцов и другого населения наблюдать за такой жестокостью. Это было сложное и трудное время, и проведение таких кулачных боёв было в характере и духе той эпохи. Елабужане гордились широтой и размахом проводимых кулачных боёв, и купеческая Елабуга по праву считалась незаурядной в этом народном развлечении в сравнении с соседними уездными городами. В. Ф. Кудрявцев с сожалением констатировал, что времена настоящих кулачных боёв в Елабуге уже прошли, и если соберутся потолкаться мещане на масленицу, то это уже совсем не похоже на те битвы, которые проходили раньше, и, как справедливо отмечал историк: «Надобно полагать, что со временем вовсе истребится этот обычай, которым так гордились и интересовались предки, и, вероятно, следы его в Елабуге вскоре останутся только в уличных шалостях мальчишек»⁹. Данная статья – это первый опыт самостоятельного исследования истории и этнографии родного города. Она основана на детских воспоминаниях автора о кулачных боях между Спасской и Никольской сторонами Елабуги.

Безусловно, начало краеведческих интересов Василия Кудрявцева было положено в доме отца. Наблюдая в детстве за его письменными занятиями (священники в XIX в. вели записи в метрических книгах, составляли клировые ведомости) и устными проповедями во время службы в Спасском соборе, Василий получил первые представления об основных источниках сведений о населении, традициях и обычаях горожан.

Смеем предположить, что на формирование взглядов Василия Кудрявцева оказало немаловажное влияние старшее поколение елабужских священнослужителей, сослуживцы и единомышленники отца, которые часто бывали в доме Кудрявцевых. Среди них необходимо отметить священнослужителя, первого елабужского летописца, заложившего подлинно научные основы для изучения истории родного края, – Петра Никитича Кулыгинского (1798–1855), члена-корреспондента Императорского географического общества. Своей главной привязанностью Пётр Никитич считал историю г. Елабуги, изучению которой посвятил большую часть жизни. В 1844–1847 гг. он опубликовал в «Вятских губернских ведомостях» ряд статей по истории местного края и родного города¹⁰. Все эти статьи в большей степени основаны на собран-

ных П. Н. Кулыгинским исторических сведениях, легендах и преданиях, сохранившихся в народной среде.

Заметную роль в судьбе Василия Кудрявцева, учащегося семинарии, сыграл преподаватель словесности Александр Александрович Красовский (1828–1883), вокруг которого сложился кружок из наиболее талантливых учеников. Личная библиотека Красовского давала возможность семинаристам глубже познакомиться с произведениями отечественных авторов и с западноевропейской литературой¹¹. В. Кудрявцев посещал кружок Красовского, который одновременно прививал своим воспитанникам любовь к родному краю. В частности, он рекомендовал учащимся во время летних и рождественских каникул наблюдать и изучать крестьянскую жизнь и писать сочинения на темы из народной жизни: «Крестьянские свадьбы», «Сельские ярмарки и базары», «Народные суеверия» и др.¹² Причём сочинения многих учащихся духовной семинарии были опубликованы в местных губернских ведомостях, за что семинаристы получили от редактора денежный гонорар.

В 1863–1864 гг. Василий Филиппович, работая учителем в Николаевском приходском училище в селе Иксское Устье Елабужского уезда Вятской губернии, собрал интересный и своеобразный этнографический материал о проведении одного из древнейших крестьянских празднеств – святочных праздников. Опубликован был этот материал в «Вятских губернских ведомостях» в 1864 г. в статье «Крестьянские святки в Елабужском уезде»¹³. Редактор «Ведомостей», учитель семинарии А. С. Верещагин, опекая своего ученика, поместил статью без фамилии, ограничившись только псевдонимом с инициалами *K-въ*. События 1863 г. в Вятке, повлекшие за собой исключение из семинарии 60 воспитанников, в числе которых оказался и Василий Кудрявцев, были ещё свежи. Разгадать «инкогнито» удалось известному краеведу Кировской области Г. Ф. Чудовой в работе «Елабуга и Елабужский уезд Вятской губернии: указатель литературы»¹⁴. Авторство статьи подтверждается наличием сохранившейся в ГАКО рукописи, принадлежавшей В. Кудрявцевым для «Вятских губернских ведомостей»¹⁵.

Василию Филипповичу, выросшему в семье православного священнослужителя г. Елабуги, с детства были знакомы эти праздники, так как в семьях православного духовенства в святки каждый вечер происходили различные игры с пением святочных песен. В этих празднествах ещё юношей принимал участие В. Ф. Кудрявцев в г. Елабуге и позже в с. Иксское Устье, поэтому он столь подробно описал все

тонкости проведения праздника, разнообразные обряды и ритуалы. Традиционным был обряд славления Христа, сопровождавшийся хождением по домам и пением особенных песен. «Бывало, что в один дом забегали сразу несколько человек, и каждый затягивал «Рождество» непременно в свою дудку, не соблюдая ни такта, ни меры. Лишь бы скорее отпеть и получить за это копейку и бежать в другой дом»¹⁶. В среде духовенства пение песен не только приветствовалось, но и всячески поощрялось, если это было церковное пение.

В. Кудрявцев обращает внимание и на особенное отношение к славильщикам представителей разных сословий Елабужского уезда – купцов, мещан и крестьян. Так, некоторые хозяева, помимо денег, могли угостить и куском праздничного пирога, а нередко встречались и такие, как «какой-нибудь торговец пряниками либо мылом... не удовлетворившись пением мальчика, заставляет его пропеть «Рождество» во второй раз, обещая ему в случае хорошего громкого пения ещё денег. Некоторые благочестивые крестьяне, особенно зажиточные, во время пения славильщиков, зажигают свечу перед иконами и молятся. В большинстве случаев это бывает тогда, когда попадается грамотный славильщик (из духовного звания) и перед пением прочтёт речь, услышанную из уст отца или прочитанную в старинной книге. За такое славление дают не менее «трёшника», а если попросят повторить речь ещё раз – то и заплатят пятака асс»¹⁷. Под грамотным славильщиком В. Кудрявцев подразумевает, прежде всего, детей священнослужителей, к которым принадлежал и он сам. Традиционно дети священников чаще бывали в церкви и, видя богослужение, повторяли его дома, а в святочные праздники демонстрировали и более широкой аудитории.

Только в Елабужском уезде, в особенности в с. Икском Устье, по утверждению В. Ф. Кудрявцева, существовал обычай бить в святки всякого прохожего по улице ночью, в других уездах Вятской губернии нигде этого не наблюдалось¹⁸. Наряженные обычно ходили по улицам ватагой с гармонью, балалайкой, распевая при этом любимые песни. В статье В. Ф. Кудрявцев привёл тексты обрядовых, игровых, хоровых, величальных песен, народных преданий, сказаний и сказов, показал особенности проведения святок в Елабужском уезде.

Итогом библиографических изысканий явилось выявление ещё одной этнографической работы В. Ф. Кудрявцева «Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде»¹⁹, доселе неизвестной учёным-историкам. Эта работа была опубликована без авторства на страницах «Вятских губернских ведомостей» в 1861 г. Долгое время авторство статьи

приписывали И. М. Краснопёрову. Так, известный этнограф Евгений Иванович Якушкин (1826–1905) в своём библиографическом указателе «Обычное право» упоминает об одной из статей И. М. Краснопёрова с аналогичным названием, опубликованной в «Вятских губернских ведомостях» в 1860 г.²⁰ и относящейся ко времени его учения в Вятской духовной семинарии. В процессе исследования нами была выдвинута гипотеза о принадлежности этой статьи перу В. Ф. Кудрявцева. В фондах статистического комитета ГАКО была обнаружена рукопись статьи «Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде»²¹, предназначенная для публикации в № 2–6 1861 г. «Вятских губернских ведомостей». Тщательное исследование рукописи путём сличения стиля написания, подачи материала и почерка дало возможность сделать вывод о том, что автором статьи является В. Ф. Кудрявцев. Это была его первая проба пера. В статье описана русская крестьянская свадьба с. Икского Устья Елабужского уезда с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитательными и зазывальными.

Елабужанин В. Ф. Кудрявцев всю свою жизнь, включая годы обучения в Вятской духовной семинарии, занимался собиранием документов и описанием истории и этнографии родного Вятского края. Его деятельность – пример труда бескорыстного, подвижнического, рассчитанного на преемников. Прививавшаяся духовным образованием XIX столетия педантичность и скрупулёзность работы с текстами, внимательность к местным обычаям и празднествам позволила ему собрать ценный этнографический материал, выявить новые факты, ввести в научный оборот совершенно новые пласты документов и материалов. В них В. Ф. Кудрявцев разъяснял слова и обороты обходной речи, первоначальный смысл которых утрачен или известен только специалистам. Этнографические исследования Василия Филипповича получили заслуженное признание у читающей аудитории и способствуют осмыслению исторического прошлого, культурной жизни и повседневности российской провинции.

Примечания

¹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1, вып. 1–3. Пг., 1915. С. 428.

² Нижегородский сборник / под ред. А. С. Гацисского. Н. Новгород, 1889. Т. 8. С. 618.

³ Отчёт о деятельности и занятиях Вятского губернского статистического комитета за 1898 год. Вятка, 1899. С. 23.

⁴ См.: НА РТ : Ф. 992. Оп. 1. Д. 175. Л. 6 об., 11 об. ; Там же. Д. 176. Л. 7 об.

⁵ ГАКО. Ф. 215. Оп. 1. Ед. хр. 609. Л. 1–3 об.

⁶ Там же. Ед. хр. 991. Л. 6 об.

⁷ НА РТ : Ф. 992. Оп. 1. Д. 244. Л. 23–24.

⁸ Кудрявцев В. Ф. Кулачные бои в купеческой Елабуге // ВГВ. 1863. № 5, ч. неоф. С. 51–52.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Кулыгинский П. Н. О пожаловании Царём Иоанном Васильевичем Покровской церкви образа Трёх Святителей // ВГВ. 1842. № 43 ; 1844. № 41 ; Его же. О месте чудесного явления, празднуемого св. церковью 1 августа // ВГВ. 1847. № 1–3 ; Его же. Трёхсвяцкое село или нынешняя Елабуга во время Пугачёва // ВГВ. 1847. № 3–8 ; Его же. Акаевщина // ВГВ. 1847. № 34–35.

¹¹ Каталог библиотеки для чтения в Вятке А. А. Красовского. СПб., 1859. С. 3–5, 77.

¹² Краснопёров И. М. Записки разночинца. М., 1929. С. 49.

¹³ К-в [Кудрявцев В. Ф.] Крестьянские святыни в Елабужском уезде // ВГВ. 1864. 11 янв. (№ 2). С. 9–10 ; 18 янв. (№ 3). С. 15–17.

¹⁴ См.: Чудова Г. Ф. Елабуга и Елабужский уезд Вятской губернии : указ. лит., учтённой в краевед. каталоге «Летопись Кировской области». Киров, 1985. Вып. 2.

¹⁵ См.: ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Ед. хр. 27. Л. 11. Рукопись для ВГВ (№ 2–3 за 1864 г.) «Крестьянские святыни в Елабужском уезде».

¹⁶ К-в [Кудрявцев В. Ф.] Крестьянские святыни в Елабужском уезде // ВГВ. 1864. 11 янв. (№ 2). С. 9.

¹⁷ Там же. С. 9–10.

¹⁸ Там же. 18 янв. (№ 3). С. 15.

¹⁹ Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде // ВГВ. 1861. № 2 (ч. неоф.) С. 13–14 ; № 3. С. 25–26 ; № 4. С. 38–40 ; № 5. С. 47–49 ; № 6. С. 57–59.

²⁰ Краснопёров И. М. Крестьянские свадьбы в Елабужском уезде // ВГВ. 1860. № 22–24.

²¹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Ед. хр. 17. Л. 14. Рукопись для ВГВ (№ 2–6 за 1861 г.) «Крестьянские святыни в Елабужском уезде».

Вятские кадеты в 1905–1917 гг.

Ю. А. Балыбердин

Вопрос о деятельности кадетов Вятской губернии до сих пор остаётся изученным крайне слабо. Некоторые сведения о них содержатся лишь в кандидатской диссертации И. В. Нарского¹, хронологические рамки которой ограничены 1905–1907 гг., и двух небольших публикациях Л. М. Андреевой. В первой из них приводятся сведения о количественном и социальном составе кадетских организаций в Вятской губернии², во второй анализируются выходившие на Урале кадетские газеты, к которым Андреева ошибочно приписывает издававшуюся в Вятке «Вятскую речь», не являющуюся кадетским изданием³. Местные историки эту тему не затрагивали.

Из названных публикаций и некоторых других источников⁴ следует, что кадетские организации в губернии были созданы в годы

первой российской революции в г. Вятке и всех уездных центрах, и в них насчитывалось до 400 членов⁵, но эта цифра является приблизительной. Руководители партии неоднократно говорили о том, что местные организации несерьёзно относятся к запросам ЦК об их численности. Спектр социальных слоёв вятских кадетов был шире, чем по стране – от крупных землевладельцев и предпринимателей до среднего крестьянства и низкооплачиваемой интеллигенции. В целом же подавляющее большинство членов партии составляла интеллигенция.

Следует отметить, что в кадетских организациях губернии, наряду с убеждёнными сторонниками конституционного устройства России, была значительная часть членов, оказавшаяся в рядах партии в силу своей политической неопытности или желания проявить свою политическую активность, ставшую в годы революции модной. Увлечённые красноречием кадетских ораторов, они иногда попадали в партию, даже не зная её программы. Были и такие, которые вступали в партию из-за боязни потерять работу. Так, «Вятский вестник» в одном из номеров сообщал, что хозяин одной крупной фирмы предложил своему доверенному в Вятке вступить в кадетскую партию. Последний был вынужден это сделать, да к тому же привлёк в партию своих подчинённых, чтобы те не имели неприятностей от хозяина⁶.

Организаторами большинства кадетских комитетов в губернии были образованные деятели земского и городского самоуправления. В Вятке, например, кадетский комитет сформировали председатель губернской земской управы Л. В. Юмашев, городской голова Я. И. Поскребышев и губернский земский гласный И. В. Овчинников. Все эти люди придерживались умеренных взглядов и выступали за реформирование России мирным путём.

Всплеск политической активности вятских кадетов наблюдался в период выборной кампании в I Государственную думу. В отличие от социал-демократов, которые бойкотировали выборы, кадеты придавали им большое значение, как важному средству выхода России на путь реформ, и активно включились в предвыборную кампанию. Они стали пропагандировать программу своей партии и её основные цели, укладывающиеся в несколько конкретных положений: Россия должна быть конституционной и парламентской монархией, к которой надо идти мирным путём, народу должны быть предоставлены основные свободы и равенство перед законом; каждому гражданину должны обеспечиваться свобода совести и вероисповедания, свобода слова, право устраивать собрания, создавать союзы и общества, получать бесплат-

ное образование и т. д. По рабочему вопросу – 8-часовой рабочий день, по крестьянскому – наделение малоземельных крестьян землёй, в том числе за счёт частичного отчуждения помещичьих земель и др. Эти установки кадетской партии носили во многом популистский характер и оказывали влияние на значительную часть населения губернии.

Основным занятием кадетов в первый период их деятельности была организация предвыборной кампании в I Государственную думу. Для привлечения избирателей на свою сторону кадеты широко использовали предвыборные собрания, на которые они рассылали приглашения с приложением своего «Воззвания» и брошюру антиправительственного содержания⁷, однако в них не было призывов к свержению монархии. Одно из таких собраний прошло, например, кадет В. В. Мышкин 25 февраля 1906 г. в чайной г. Орлова. Он «читал бумагу, где разбирались разные политические партии», «ругал черную сотню» и «партию правового порядка», «хвалил конституционно-демократическую партию»⁸ и призывал поддерживать её на предстоящих выборах.

Бурно прошло предвыборное собрание 11 апреля 1906 г. в здании вятских фельдшерских курсов под председательством протоиерея Н. Огнева, руководителя яранских кадетов. Большинство присутствующих поддерживало кадетскую партию и по предложению председателя собрания приняло решение послать председателю Совета министров телеграмму с требованием полной амнистии для политических заключённых, отмены смертной казни и министрам внутренних дел и юстиции об освобождении из тюрьмы врача кадета Корнильева, выборщика из г. Сарапула⁹. Когда представители правых партий Световидов и Лесников попытались возразить, присутствующие свистом и топотом ног не позволили им говорить¹⁰, за что были осуждены в одной из местных газет.

По мнению корреспондента «Вятского вестника», кадеты все гражданские свободы «желают только для себя и своих союзников слева, а их противникам справа предоставляется только молча выслушивать их освобожденческие резолюции». Оценивая же вятских кадетов в целом, автор пишет, что «партия эта, не имея еще в руках своих фактической власти, уже показывает, насколько ей ненавистны люди других партий, смеющие думать не так, как они – кадеты – думают»¹¹.

Для пропаганды своих идей, в первую очередь, по земскому самоуправлению и земельному вопросу, вятские кадеты использовали также земельные собрания, за что удостоились похвалы из ЦК

партии¹², и легальную печать либерального толка. Активная пропагандистская работа в период выборной кампании в I Государственную думу принесла вятским кадетам весомые результаты: Вятская губерния стала одной из семи губерний Европейской России, где в крестьянской курии победили кадеты¹³. Из 13 депутатов 7 принадлежали к кадетской партии. Избранными оказались П. А. Садырин (агроном с высшим образованием), Н. В. Огнев (протоиерей г. Яранска, окончил курс Санкт-Петербургской духовной академии), И. О. Кузнецов (грамотный земледелец), И. Н. Овчинников (отставной губернский секретарь с университетским образованием), В. С. Нечаев (инспектор народных училищ, окончил курс духовной академии), С. В. Ложкин (земский врач) и С. М. Корнильев (врач). Кроме того, членом Госсовета был избран председатель губернской земской управы кадет Л. В. Юмашев¹⁴.

За короткий срок работы I Думы вятские кадеты активно проявили себя присоединением к депутатским заявлениям и запросам, участием в работе думских комиссий, внесением поправок в законы и т. д. Некоторые депутаты выступили на заседаниях Думы по аграрному вопросу (И. О. Кузнецов, Е. П. Мамаев, П. А. Садырин), который в деятельности Думы был главным.

Ряд вятских депутатов присоединились к проекту 42-х, который предусматривал наделение крестьян землей, отводимой в пользование за счёт отчуждения государственных и частновладельческих земель по справедливой цене. Этот и другие, ещё более радикальные проекты, требующие уничтожения частной собственности на землю и введения уравнительного землепользования, послужили поводом к роспуску Государственной думы.

В знак протеста против её роспуска кадеты вместе с трудовиками призвали население к гражданскому неповиновению – саботировать призыв в армию, не платить налоги и подати, не признавать правительственные займов. В числе подписавших этот документ («Выборгское воззвание») были вятские кадеты П. А. Садырин, И. О. Кузнецов, Н. В. Огнев, И. Н. Овчинников и С. М. Корнильев, за что всех их отдали под суд, а протоиерею Н. В. Огневу запретили священнослужение, позднее привлекли к уголовной ответственности¹⁵.

Для популяризации своих идей, не имея своего печатного органа, вятские кадеты использовали местную печать, в первую очередь, чащинские газеты «Вятская жизнь», «Вятский край», «Вятская речь», выходившие последовательно с конца декабря 1905 г. по декабрь 1917 г.

Издатель этих газет, бывший народник – «чайковец» Н. А. Чарушин официально был беспартийным, но придерживался либеральных взглядов, близких к кадетским.

Позднее, вспоминая о направленности своих газет, Чарушин писал, что он и другие руководители газеты совершенно сознательно не пожелали приурочить своё издание к какой-нибудь из определённых политических группировок левого течения, по существу родственных в социально-экономических задачах и почти тождественных в политической области, полагая, что при данной конъюнктуре, в особенности, в крае, только начинающем жить политической жизнью, не следует бить на разъединение и развитие межпартийной страсти, ослабляя тем самым напор общего врага¹⁶. Такая позиция давала возможность не препятствовать участию в газете представителям различных политических течений и обеспечивать возможность её широкого распространения и влияния на население губернии.

На страницах чарушинских газет печатались статьи лидеров и членов кадетской партии, известных земских деятелей, учёных, публицистов. Например, только в сентябре 1908 г. в «Вятской речи» были опубликованы шесть статей кадета П. А. Садырина о кооперации¹⁷.

В публикуемых статьях отражался весь спектр общественной и деловой жизни губернии. Освещая работу земств, обществ, союзов, кооперативов, газеты отстаивали идеи самоуправления и содействия развитию основ гражданского общества. Публикации газет становились проводником конституционного развития страны и оказывали влияние не только на развитие политического сознания, но и оппозиционного движения. Неслучайно сразу же после выхода первых номеров газеты начались нападки на неё. Губернским и уездным властям не нравилась «тенденциозность» газетных корреспонденций, они считали газету крайне левой. «Вятская жизнь» публиковала известия о революционных выступлениях в разных частях России, о создании политических партий и их программах, о пробуждении крестьянства и т. д.

В январе 1906 г. газета отметила годовщину «Кровавого воскресенья», перепечатав петицию рабочих, шедших к Зимнему дворцу. Много материалов в газете было о злоупотреблениях властей и полиции, о политических ссылочных. В одном из номеров сообщается: «Конный стражник чеченец Узаев, находившийся в распоряжении вятского полицмейстера, будучи пьяным, принял стегать нагайкой проходившего чиновника. Чиновник Двинин заступился за избиваемого. Стражник застрелил его, потом пошел по улице, ведя лошадь

под уздцы, паля напропалую в прохожих. Он застрелил крестьянина Тарбеева и ранил извозчика Киселева»¹⁸.

Подобные примеры не были единичными. В слободе Дымково, например, стражники-чеченцы убили отца и сына Печищевых¹⁹, в селе Сови конные стражники хлестали, кого попало...: «“А вот всажу в тебя все пули, и мне ничего не будет. Такая мне власть дана!” – грозил урядник крестьянину в с. Шестаково револьвером... Не приходит ли в голову нашим укротителям мысль о том, что не всегда же будет длиться такое время, что несмотря на все плети, скоро наступит новый порядок? Думают ли они о том ответе, какой им придется держать перед народными представителями. Вспоминают ли они, разнудавшиеся насильники, русскую пословицу: “Отолются волку овечьи слезы”»²⁰.

В ответ на распуск I Государственной думы Чарушин опубликовал «Выборгское взвывание», которое, как отмечалось ранее, призывало народ к гражданскому неповиновению²¹. Один из уездных исправников с тревогой писал губернатору: «Одним из главных проводников вредного движения в народе как против платежа податей, так и по другим вопросам, служит усиленное бесплатное распространение в деревни и сельские библиотеки изданий “Вятская жизнь” и “Вятская речь”, которую председатель Совета министров называл самой революционной провинциальной газетой в России»²².

Местные власти стали принимать меры по «оздоровлению» общественности.

Против редакторов «Вятской речи» 69 раз возбуждались уголовные дела, при этом 9 из них были приговорены к отсидке, газета выплатила 18875 руб. штрафа, а её издатель Н. А. Чарушин претерпевал непрерывные преследования самого разнообразного характера. Номера газеты часто конфисковывались, а авторы статей и редакторы, чаще всего подставные, наказывались даже по незначительному поводу. Например, за напечатание слова «высочайший» с маленькой буквы был наложен штраф в 500 руб., а выход «Вятской речи» за подписью арестованного редактора закрыли на месяц²³. При отсутствии средств у газеты штрафы отбывались «натурой», благодаря чему некоторые редакторы сидели по несколько раз в год²⁴.

Местные власти не без основания считали кадетов и либеральную печать источником смуты. Немудрено, что назначенный на конец мая 1906 г. губернский съезд кадетов был запрещён²⁵, а за всеми членами партии была установлена слежка.

Выборы во II Думу проходили под строгим контролем полиции. Вятская губерния приводилась к порядку, происходили многочисленные аресты и высылки, была запрещена частная печать. Кадеты оказались в трудных условиях. Местные власти и правые партии причисляли их к революционерам, местные большевики, наоборот, считали их реакционной партией, стремившейся к тому, чтобы отвлечь народ от революционной борьбы и не допустить победы революции²⁶. Разоблачению их «контрреволюционной сущности» были посвящены специальная листовка «Революция и оппозиция» и ряд статей в социал-демократической газете «Рабочий листок». Лидер вятских большевиков В. А. Горбачёв неоднократно выступал на собраниях и в легальной печати с разоблачением «антинародной сущности» кадетской партии. 26 февраля 1906 г. он сказал, что «партия конституционных демократов не может привлечь под свое знамя крестьян и рабочих, так как интересы ее отнюдь не совпадают с интересами пролетариата»²⁷. В письме в газету «Вятская жизнь» Горбачёв подчёркивал, что «кадеты собираются решить аграрный вопрос без крестьян, а рабочий – без рабочих»²⁸. Попытки кадетов пропагандировать свою программу в рабочей среде и создать на заводах свои организации заканчивались неудачно. Так, на публичном собрании 19 марта 1906 г. в Белохолуницком заводе, где кадеты призывали присутствующих голосовать за их партию, один из руководителей местной организации РСДРП А. Елькин заявил, что программа кадетской партии не может служить интересам народа²⁹. В условиях преследования партии и резкой критике её со стороны правых и левых авторитет партии падал, а многие её члены от работы отходили. На выборах во II Думу, состоявшихся в январе 1907 г., местные кадеты не смогли добиться успеха, губернатор, тем не менее, усиливал борьбу с ними, считая их, как и социал-демократов, врагами отечества.

Летом 1907 г. перед выборами в земство он принялся за энергичную чистку «неблагонадёжных». Большинство кадетских деятелей подверглось высылке и неутверждению на новое трёхлетие, «репрессии сыпались как из рога изобилия, исключительно на представителей к-д...»³⁰. Губернские жандармы имели полную информацию обо всех членах партии с указанием возраста, социального положения и местонахождения. Слежки, репрессии являлись основным методом борьбы. Кроме того, кадеты подвергались обыскам, штрафам, высылке и неутверждению в должности.

Разгром II Думы, оказавшейся ещё более левой, чем I, и последовавшее усиление реакции на местах сделали невозможной легальную работу вятских кадетов, а от ведения нелегальной деятельности они отказались, в результате чего к лету 1907 г. работа кадетских организаций в губернии была, в сущности, парализована. Число членов партии стало сокращаться, а многие уездные и сельские комитеты были закрыты, и лишь в период избирательной кампании в III Государственную думу кадеты Вятки стали проводить собрания, на которых разъясняли программу партии и подвергали незначительной критике местную власть. В результате их деятельности из 8 избранных депутатов трое были кадетами.

Перед выборами в IV Государственную думу вятским кадетам удалось создать оппозиционно-прогрессивный блок и выставить списки по городским куриям. «Перед городским избирателем, — писали кадеты, — только два списка: «список черного» и «прогрессивного». Правые борются против конституции и свободы, за произвол и крепостнический строй. Прогрессивный блок — за конституцию и свободу»³¹.

В другом обращении к избирателям говорилось, что всякий голос, отданный за правого, означает усиление гнета и бесправия»³². И все же исход выборов в большей степени зависел не от печати, а от предвыборных дискуссий, где избиратели сопоставляли доводы противоборствующих сторон, знакомились с кандидатами в депутаты. На состоявшемся 30 сентября 1912 г. предвыборном собрании в Вятке собралось более 500 чел. Кадет Трейтер призвал присутствующих избрать в Думу грамотных и честных людей, не посыпать туда ««ходатаев» о ряде мелких улучшений», «так как последние, при общем неустройстве жизни, носили характер заплаты, приноровленной к плохой одежде». Оратора поддержал П. К. Рено: «Какой бы вопрос мы не затронули, — сказал он, — он не может быть решен без гражданской свободы. Необходимо создать законодательную Думу»³³. Однако на состоявшемся в Вятке губернском собрании выборщиков среди 107 чел. только 14 представляли кадеты. Все 8 депутатов, избранных в IV Думу, являлись сторонниками правых³⁴.

Значительное оживление кадетов, преимущественно в центре, наблюдалось в период Первой мировой войны, но их позиции были непоследовательны — то они поддерживали правительство, то требовали его отставки. Так, лидер партии П. Н. Милюков на экстренном заседании Государственной думы 26 июля (8 августа) 1914 г. прямо заявлял о поддержке Правительства: «В этой борьбе мы все заодно,

мы не ставим условий и требований правительству, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника... Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг – сохранить нашу страну единой и нераздельной. Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разъедающие нас разногласия»³⁵.

Это заявление кадетского лидера настраивало членов партии на местах поддерживать все действия правительства для скорейшей победы над врагом, а вопрос о власти отложить.

В дальнейшем позиция Милюкова круто изменяется. А в 1915 г. кадеты вошли в Прогрессивный блок, который потребовал создания министерства общественного доверия, чтобы, как они считали, сохранить внутренний мир. На сессии Думы, открывшейся 1 ноября 1916 г. с программной речью снова выступил П. Н. Милюков, который в отличие от первого выступления в начале войны обвинил правительство и «темные силы» в дезорганизации тыла, в казнокрадстве и тайных контактах с Германией.

В Вятской губернии в период Первой мировой войны кадетских организаций не было, были лишь разрозненные члены этой партии в Вятке и в ряде уездных городов, которые при благоприятной обстановке могли заявить о себе и объединиться. Учитывая это, Департамент полиции постоянно информировал Вятское губернское жандармское управление о деятельности этой партии в стране. Департамент полиции настораживала возрастающая в 1914 г. активность кадетов в центре и целом ряде губерний.

Видные деятели партии «разъезжали по империи с целью агитации и подготовки общественных кругов на местах по вопросам, как связанным с войной, так в особенности, по вопросам, кои должны быть выдвинуты тотчас же по окончании войны»³⁶.

А через год, в октябре 1915 г. циркуляр Департамента полиции информировал начальников ГЖУ о том, что «в последнее время названная партия проявляет исключительную по своей энергии деятельность как в стремлении распространить свое влияние на широкие слои оппозиционно настроенного общества, так и главным образом на всякого рода союзы и возникшие с объявлением войны общественные организации»³⁷.

Директор Департамента полиции неоднократно призывал губернские жандармские управления «иметь неослабное наблюдение... за деятельностью и намерениями членов названной партии и местных

ее организаций, немедленно осведомляя обо всем подробно Департамент»³⁸, так как в оппозиционном движении «партия народной свободы занимает доминирующее положение»³⁹. Столичные власти отмечали, что партия кадетов занимает «резко оппозиционное положение по отношению к правительству и имеет «громадное влияние на все слои общества». В связи с этим министр внутренних дел счёл предполагаемый созыв VI всероссийского съезда партии «недопустимым» и призвал власти на местах принять меры к детальному освещению партийных совещаний на местах⁴⁰.

Но эти напоминания из центра для Вятской губернии были излишними: никаких совещаний и съездов вятские кадеты не устраивали. Известно лишь, что некоторые члены партии иногда проводили разовые мероприятия. Например, они широко распространяли речь своего лидера П. Н. Милюкова, с которой он выступал в Думе 26 июля 1914 г. и призывал поддержать правительство по вопросам войны. А в ноябре 1916 г. служащий земства В. И. Леньков, получив текст речи Милюкова, содержащий резкую критику правительства, активно распространял её «... между видными элементами»⁴¹, а 31 мая 1915 г. кадеты организовали лекцию члена Государственной думы кадета А. И. Шингарева «Трезвый бюджет, война и налоги». Лекция состоялась в помещении городского театра, 25% выручки от нее поступило в пользу Дома инвалидов⁴².

В газете «Вятская речь» кадеты и их сторонники продолжали публиковать разнообразные материалы о жизни страны и губернии, но былая острота статей вятских кадетов постепенно исчезала.

В последних номерах газеты были опубликованы приветственные телеграммы «апостолу русского анархизма» П. А. Кропоткину и Г. В. Плеханову. В одном из номеров был помещен портрет «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской. Однако для кадетов и либеральной печати наступили чёрные дни.

28 ноября 1917 г. декретом СНК кадеты были объявлены партией «врагов народа», а члены её руководящих учреждений подлежали аресту и суду революционного трибунала. Вятские власти приступили к исполнению правительенного декрета с революционным размахом: начались аресты, суды не только членов партии, но и сочувствующих, а все газеты были запрещены. «Вятскую речь» закрыли уже в декабре 1917 г., а против её издателя Н. А. Чарушина возбудили уголовное дело. То, чего не удалось совершить «царским сатрапам», сделали вятские большевики.

Итак, вятские кадетские организации оставили заметный след в общественно-политической жизни губернии. Их победа на выборах в I Государственную думу свидетельствовала о том, что идеи мирного реформирования страны находили отклик у значительной части населения. Закрепить свой успех в других избирательных кампаниях вятским кадетам не удалось из-за отсутствия у них чётких структур, дисциплины и влиятельных лидеров, тем не менее, на протяжении всей своей деятельности они с разной степенью активности вели работу по дискредитации царского правительства и объективно приближали революцию.

Примечания

- ¹ Нарский И. В. Деятельность кадетов на Урале в годы первой российской революции : дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
- ² Андреева Л. М. Социальный состав кадетов Вятской губернии в 1907–1917 гг. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1992. Т. 1. С. 116–119.
- ³ Андреева Л. М. Кадетская пресса на Урале в 1907–1917 гг. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1995. Т. 1. С. 110–112.
- ⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 149. Д. 89. Л. 5, 8, 11, 13, 173 ; Ф. 714. Оп. 1. Д. 431. Л. 4–10 ; Вят. газета. 1906. 23 февр. ; Вят. край. 1906. 29 сент.
- ⁵ Андреева Л. М. Социальный состав ... С. 117.
- ⁶ Вятский вестник. 1906. 15 февр.
- ⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 167. Д. 10. Л. 337, 346.
- ⁸ Вят. вестник. 1906. 9 марта.
- ⁹ Вят. вестник. 1906. 13 апр.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Вят. вестник. 1906. 13 апр.
- ¹² Кувшинов В. А. Кадетский центральный комитет о земском самоуправлении в России // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. Киров, 2008. С. 32.
- ¹³ Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией. 1915–1917 гг. М., 1983. С. 184.
- ¹⁴ Вят. вестник. 1906. 20 апр.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 180. Д. 23. Л. 13.
- ¹⁶ Цит. по кн.: Сергеев В. Д. Из истории вятских газет 1838–1917 гг. Вятка (Киров), 2002. С. 63.
- ¹⁷ Вят. речь. 1908. № 11, 13, 16, 18–20.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1319. Л. 27.
- ¹⁹ Вят. речь. 1908. 15 марта.
- ²⁰ Вят. жизнь. 1906. № 52.
- ²¹ Сергеев В. Д. Из истории вятских газет... С. 65.
- ²² Там же. С. 68.
- ²³ Там же. С. 66.
- ²⁴ Сергеев В. Д. Н. А. Чарушин. Вятка (Киров), 2001. С. 85.
- ²⁵ Елабуж. вести. 1906. 27 мая.
- ²⁶ Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров, 1965. Ч. 1. С. 182–183.
- ²⁷ Вят. жизнь. 1906. 28 февр.

²⁸ Там же. 1906. 11 марта.²⁹ Там же. 1906. 29 марта.³⁰ РГИА. Ф. 579. Оп. 1. Д. 801. Л. 31–31 об.³¹ Вят. речь. 1912. 3 окт.³² Там же. 16 сент.³³ Там же. 2 окт.³⁴ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1333. Л. 83–84.³⁵ Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографические отчёты. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. С. 25.³⁶ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1504. Л. 95.³⁷ Там же. Д. 1599. Л. 60.³⁸ Там же. Д. 1504. Л. 95.³⁹ Там же. Д. 1599. Л. 60 об.⁴⁰ Там же. Л. 59.⁴¹ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1688. Л. 19 об.⁴² Вят. речь. 1915. 19 мая.

Возникновение первых общин евангельских христиан в Вятской губернии в начале XX века

A. A. Машковцев

Определение точной даты появления евангельских христиан на территории края в значительной мере затруднено ограниченностью источников, относящихся к дореволюционному этапу их истории. Первое официальное обращение представителей рассматриваемой конфессии к местным властям датируется 1914 г. 22 ноября 1914 г. 26 жителей Ижевского завода обратились к сарапульскому уездному исправнику с просьбой разрешить им проведение молитвенных собраний в доме М. Д. Самоделкина [1]. Однако несомненно, что евангелизм на юге края появился на несколько лет раньше. Вятский епархиальный миссионер Иоанн Маракулин в работе «Раскол и сектантство в восточном районе Вятской епархии в 1914 г.» указывает, что «евангельские христиане появились в Малмыжском уезде с 1905 г., а на заводе Иж с 1911 г.» [12]. К сожалению, в статье И. Маракулина, насыщенной интересными фактами и глубокими выводами, отсутствуют ссылки на первоисточники, что заметно снижает её презентативность. Однако у нас нет причин не доверять ему в этом вопросе, поскольку он касается лишь датировки появления евангельских христиан на вятской земле, а не анализа их догматики или проповеднической деятельности. Стоит подчеркнуть, что в этом плане Маракулин является достаточно надёжным источником, так как в силу своих должностных обязанностей (губернс-

кий антисектантский и противораскольнический миссионер) он получал точную и объективную информацию о любых инославных христианских исповеданиях края. Но даже, если усомниться в достоверности приводимых им сведений, то из контекста статьи видно, что евангельские христиане появились на южной Вятке значительно раньше 1914 г., поскольку к этому времени они представляли собой сплочённую и организованную религиозную группу, обладавшую солидными финансовыми ресурсами и проводившую активную проповедническую работу.

Архивные документы (в первую очередь материалы Российского государственного исторического архива) также указывают более ранние сроки появления евангельского христианства на вятской земле. Так, в фондах Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА. Ф. 821) содержится отчёт вятского губернатора об уклонистах от воинской повинности, в котором упоминается житель села Верхняя Слудка Малмыжского уезда А. А. Дресвянников. «По документам названный Дресвянников значится православным, но в действительности с осени 1912 г. он вместе с отцом Андреем Лукьяновичем Дресвянниковым уклонился из православия в sectу евангельских христиан, причём его отец причислен к означенной sectе законным порядком 6 июля 1913 г., а Андрею Андреевичу Дресвянникову в этом было отказано как не достигшему тогда гражданского совершеннолетия», – отмечал губернатор [3].

Однако можно предположить, что отец и сын Дресвянникова, так же как и многие их односельчане, стали евангельскими христианами ещё раньше указанной даты, а в 1912 г. лишь легализовали свою деятельность, открыто заявив о своей принадлежности к этой конфессиональной группе. Данную гипотезу мы строим на основании анализа документа, составленного Департаментом духовных дел иностранных исповеданий и озаглавленного «Справка о причинах отпадения от православия в сектантство». В нём, в частности, указывалось следующее: «До 1912 г. многие из отпавших от православия в сектантство формально, по документам оставались православными. Это, конечно, вело ко многим осложнениям, для самих сектантов нежелательным. По сообщению баптистских журналов особенно часто происходили недоразумения при погребении сектантов. Затруднялось и устройство собраний сектантов. Ввиду этого сектантская печать в последнее время стала усердно убеждать сектантов в необходимости легализации и оформления своего вероисповедного

статуса. Под влиянием этого многие сектанты, отпавшие от церкви уже несколько лет тому назад, в 1912 г. стали усиленно хлопотать об оформлении своего перехода в сектантство» [4]. Косвенно эту гипотезу подтверждает и то, что уже в 1913 г. в Верхней Слудке имелась хорошо организованная община евангельских христиан, располагавшая собственным молитвенным домом. Она считалась одним из крупнейших центров распространения евангелизма не только в Вятской губернии, но и в соседних регионах. Проповедники из Слудки разъезжали не только по вятским деревням и сёлам, но бывали и в соседних Пермской и Казанской губерниях. К примеру, в октябре 1915 г. два пресвитера слудской евангелистской общины – Николай Кайданов и Николай Романов – побывали с духовной миссией в старообрядческих населённых пунктах Мадышского уезда Казанской губернии [5]. Естественно, что для создания устойчивой общины, открытия молитвенного дома и развертывания миссионерской деятельности требовалось определённое время, по меньшей мере, несколько лет. А потому утверждение священника Иоанна Маракулина о том, что евангельские христиане появились в Малмыжском уезде с 1905 г. кажется вполне достоверным.

Таким образом, первые евангелистские проповедники стали действовать в губернии в годы Первой русской революции либо сразу после её завершения. Несмотря на издание манифеста «Об укреплении начал веротерпимости», новообращённые евангельские христиане длительное время скрывали свою истинную религиозную принадлежность и лишь с 1912 г. стали открыто заявлять о выходе из православия. Если в 1911 г. в крае не было зафиксировано ни одного случая перехода в евангелизм, то в 1913 г. евангельскими христианами стали сразу 23 человека [6].

Выяснив примерное время появления евангельского христианства на вятской земле, попытаемся установить пути его проникновения на территорию края. По мнению священника Иоанна Маракулина, в Малмыжском уезде евангелизм «был насаждён возвратившимся с военной службы жителем села Верхней Слудки беспоповцем-рябиновцем Елисеем Фалалеевым и сектантами села Ершовки Казанской губернии» [7]. Действительно, жители Верхней Слудки и Ершовки поддерживали между собой самые тесные (в первую очередь, торговые) контакты. Кроме того, многих связывали родственные узы. Так, дочь богатого ершовского коммерсанта – евангелиста Гурьяна

Фёдорова – Евдокия, вышла замуж за зажиточного крестьянина села Верхняя Слудка Савелия Орехова, принявшего евангельское христианство [8]. Коммерческие связи, подобно родственным, в значительной степени способствовали распространению этой протестантской конфессии. Дело в том, что предпринимательская среда была очень восприимчива к религиозным нововведениям и реформации. В. Д. Бонч-Бруевич писал, что баптисты «вербуют своих последователей по большей части из рядов мелкой буржуазии городов, пригородов, местечек, посадов, сёл и деревень, из мещанской и более или менее обеспеченной крестьянской среды» [9]. Причины предрасположенности буржуазных слоёв населения к идеям религиозной реформации детально проанализировал выдающийся немецкий социолог Макс Вебер.

Помимо Малмыжского уезда, общины евангельских христиан и баптистов возникли в Вятке и Ижевском заводе, а также в Уржумском и Яранском уездах. В губернском центре распространителем евангелизма стал некто Чекмарёв, являвшийся книготорговцем так называемого «Комитета по распространению религиозно-нравственных книг». Целью данной организации, учреждённой в 1911 г. Святым Синодом, было распространение среди населения православной литературы. Однако среди книгонош комитета встречалось немало протестантов и сектантов, которые, пользуясь официальным прикрытием, занимались пропагандой своих религиозных взглядов. Впрочем, в рассматриваемый хронологический период деятельность евангелистских проповедников в Вятке большого успеха не имела.

Что касается Ижевского завода, то там, по словам Иоанна Маракулина «секта евангельских христиан насаждена заводскими обывателями Самоделкиным и Игошиным, заразившимися сектантством на военной службе. Большое влияние на появившихся сектантов оказал заводской обыватель Иоанн Андреевич Храмов, 18 лет проживший в Петрограде, и, будто бы, ...уехавший учиться на сектантских богословских курсах» [10]. В Ижевске евангелистские проповедники добились больших успехов, чем в Вятке. Так, уже осенью 1914 г. ижевская община насчитывала около 30 человек, при этом 18 верующих на основе нового религиозного законодательства официально перешли из православия в евангелизм [11].

Согласно данным православных миссионеров, в 1914–1915 гг. евангельское движение получило распространение на территории

Уржумского и Яранского уездов. Вятский епархиальный миссионер Е. Николаев в отчёте за 1915 г. сообщил о появлении евангельских христиан в с. Елсево Уржумского уезда, а также баптистов в с. Ильинском Яранского уезда и в с. Решетники Уржумского уезда [12]. Другой православный священник – уржумский уездный миссионер В. Мартынов – с тревогой писал об активизации баптистов в самом Уржуме, а также в приходе с. Высоково Яранского уезда.

В Уржумском уезде в 1914–1915 гг. протестантские миссионеры работали, главным образом, среди старообрядцев различных со-гласий, добиваясь при этом заметных результатов. Так, в селе Решетниково и деревне Кисели баптистские общины состояли в основном из бывших старообрядцев-беспоповцев. Одним из лидеров баптистской общины Уржума являлся бывший старообрядческий начётчик Н. Чирков. Священник В. Мартынов писал: «Чирков в результате чтения книг разочаровался в расколе. В Саратове он случайно попал на собрание баптистов и был очарован их любезностью. Через короткое время после этого он стал убеждённым баптистом и сейчас усердно старается привить баптизм старообрядцам Уржума» [13]. В целом старообрядческая среда оказалась весьма благодатной почвой для распространения различных форм протестантизма. На это обращает внимание и известный исследователь евангельского движения в Волго-Вятском регионе, доктор философских наук Н. Н. Ярыгин. «Социальной базой для пополнения рядов евангелистов изначально явились здесь старообрядцы, прежде всего беспоповцы, в силу определённой структурной схожести управления общин (отсутствие института священства) с баптизмом», – пишет Н. Н. Ярыгин [14].

В 1914 г. крупная баптистская община возникла в приходе села Высоково Яранского уезда. Её основателем являлся крестьянин деревни Большой Юхтунов Сердежской волости Ф. В. Винокуров, увлёкшийся идеями баптизма во время прохождения военной службы в Пермской губернии [15]. Вернувшись из армии, он создал баптистскую общину в родной деревне, куда вошли многие родственники и односельчане демобилизованного солдата. Вскоре после этого Филипп Винокуров вместе со своим племянником эмигрировали в США, однако местная баптистская община не только не распалась, но и продолжала увеличиваться. Её члены регулярно получали от своих единоверцев религиозную литературу, а также плакаты с библейскими сюжетами, которые раздавали всем желающим. Сам Ф. В.

Винокуров постоянно посыпал письма из США, в которых с восхищением рассказывал о жизни американских баптистов и требовал ни в коем случае не отступать от новой веры. Скорее всего, юхтуновская община стала первой структурой вятских баптистов, установившей прямые контакты с баптистами США.

Таким образом, первые общины евангельских христиан и баптистов в Вятской губернии возникли в Ижевске, а также в ряде сёл Малмыжского, Уржумского и Яранского уездов. Кроме того, протестантские миссионеры вели активную пропагандистскую работу в Вятке, Уржуме и в населённых пунктах на юге края, находившихся на линии строившейся тогда новой железной дороги (Вятские Поляны, Сосновка, Старый Бурец и пр.) [16]. Объектами их агитации являлись не только православные, но и адепты различных старообрядческих согласий, заметно представленные в южных районах края.

Примечания

- ¹ ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 1–2.
- ² Маракулин И. Раскол и сектантство в восточном районе Вятской епархии в 1914 г. // ВЕВ. 1915. № 44. С. 1291.
- ³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 326. Л. 101.
- ⁴ Там же. Оп. 10. Д. 283. Л. 199–200.
- ⁵ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1047. Л. 101.
- ⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 287. Л. 77, 163.
- ⁷ Маракулин И. Указ. соч. С. 1291.
- ⁸ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1047. Л. 69.
- ⁹ Цит. по: Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность. СПб., 1997. С. 249.
- ¹⁰ Маракулин И. Указ. соч. С. 1291.
- ¹¹ ГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 1–2.
- ¹² Вятское епархиальное братство во имя спасителя Чудотворца Николая в 1915 отчёмном году. Вятка, 1916. С. 234.
- ¹³ ГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 180. Л. 8.
- ¹⁴ Ярыгин Н. Н. Евангельское движение в Волго-Вятском регионе. М., 2004. С. 39–40.
- ¹⁵ ГАКО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 180. Л. 4.
- ¹⁶ Там же. Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 39.

**«Правый уклон» в Вятской организации ВКП (б)
по материалам ГАСПИ КО***П. Н. Шарабаров*

Есть в исторической науке темы, интерес к которым с течением времени не утихает. Одной из таковых является развитие СССР на рубеже 1920–1930-х гг. Форсированная индустриализация, масовая коллективизация сельского хозяйства привлекает большое внимание учёных, как в России, так и за рубежом. Сложнейшие политические процессы, происходившие внутри правящей партии – ВКП (б), – неотъемлемый аспект проблем крупнейших преобразований нашей страны, получивших в историографии название «великого перелома».

Как известно, против использования чрезвычайных мер в деле развития СССР, предложенных И. В. Сталиным и его сторонниками в Политбюро и ЦК ВКП (б), выступил ряд высокопоставленных коммунистических деятелей того времени, лидерами которых являлись член Исполкома Коминтерна и его президиума, главный редактор «Правды» и признанный теоретик партии Н. И. Бухарин, председатель СНК СССР и РСФСР, СТО СССР А. И. Рыков, председатель ВЦСПС М. П. Томский. Их теоретические воззрения, стержнем которых было признание целесообразности равномерного развития тяжёлой и лёгкой индустрии, а также ослабления давления на за jakiочные слои деревни, были объявлены «главной опасностью для социалистического развития СССР» того времени¹, а именно «правым уклоном» в ВКП (б). В результате острой двухлетней борьбы в Политбюро и ЦК, на XVI партийном съезде «правый уклон» был объявлен официально разгромленным, а принадлежность к его сторонникам «несовместимым с пребыванием в рядах ВКП (б)»².

Процессы, происходившие в это время в центральных органах партии, а также крупнейших местных организациях ВКП (б), довольно подробно проанализированы с самых различных точек зрения³. Этого нельзя сказать об изучении ситуации, сложившейся в более мелких структурах партии, среди которых была и Вятская организация ВКП (б). Работы по истории вятских коммунистов затрагивают интересующую нас тему либо очень незначительно⁴, либо лишь отдельные её аспекты⁵.

Между тем богатейшими материалами по истории «правого уклона» в рядах вятских партийцев располагают фонды Государствен-

ного архива социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИ КО). Информация, содержащаяся в документах этого архива, даёт нам достаточно полную картину возникновения, развития «правого уклона» в Вятской организации ВКП (б), а также методов борьбы с ним.

В фонде Вятского губернского комитета ВКП (б) (Ф. П-1) содержатся материалы, прежде всего, первичной реакции вятской организации на зарождение «правого уклона» (октябрь 1928 – февраль 1929 г.). В связи с этим интерес привлекают протоколы заседаний бюро губкома⁶, декабря 1928 г. объединённого пленума Вятского губкома и губернской контрольной комиссии ВКП (б)⁷, VII пленума Вятского губернского комитета⁸, XIX Вятской партийной губернской конференции⁹ и материалы к ним. Особую ценность представляют дела данного фонда, полностью посвящённые проработке важнейших этапов борьбы с «правым уклоном» на вятских партийных собраниях самого различного уровня – от губернского до заседания самой маленькой ячейки ВКП (б)¹⁰. К тому же в различных отчётах низовых партийных ячеек имеется информация о реализации установленных идеологических методов борьбы с выявленными проявлениями «правой» оппозиции¹¹.

В фондах окружных партийных комитетов, созданных на территории бывшей Вятской губернии в июле 1929 г. (Ф. П-2 – Вятский, Ф. П-1691 – Котельничский, Ф. П-201 – Нолинский окружком ВКП (б)), отложилась обширная информация о выявлении «правого уклона» в партийных рядах. Интерес представляют спецдонесения ОГПУ по различным вопросам¹², протоколы заседаний бюро окружных комитетов ВКП (б) и выписки из них¹³, пленумов окружкомов и подчинённых им райкомов¹⁴, партийных конференций и сопутствующие им документы¹⁵, а также материалы проверки различных ячеек ВКП (б)¹⁶. Кроме того, в указанных делах содержится информация о подготовке, ходе и результатах чистки и проверки членов и кандидатов ВКП (б) 1929–1930 гг. Отдельный комплекс составляют документы, содержащие отчёты и сводки о состоянии окружных партийных организациях и об их работе¹⁷.

Богатый материал о борьбе с «правым уклоном» в июле 1929 г. – июле 1930 г. имеется в фондах окружных партийных контрольных комиссий (Ф. П-101 – Вятская, Ф. П-2493 – Котельничская, Ф. П-202 – Нолинская контрольная комиссия ВКП (б)). Дела, сохранившиеся в указанных фондах, содержат информацию об эволюции методов про-

тивостояния пробухаринской оппозиции в обозначенный период времени – это, прежде всего, информационные сводки ОГПУ и СТО¹⁸, материалы по привлекаемым к партийной ответственности коммунистам¹⁹, протоколы заседаний контрольных комиссий²⁰, выводы комиссий по проверке ячеек ВКП (б)²¹. По данным документам представляется возможность проследить персональный состав лиц, причисленных к «правому уклону», а также определить характер применяемых к ним санкций.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. округа были ликвидированы. На 1 октября 1930 г. на территории бывшей Вятской губернии было 42 района²², соответственным было и число районных комитетов партии, подчинявшихся Нижегородскому крайкому ВКП (б). В многочисленных фондах районных комитетов партии (к примеру, Ф. П-100 – Вятский городской, Ф. П-563 – Вятско-Полянский, Ф. П-1688 – Котельничский, Ф. П-790 – Нолинский, Ф. П-988 – Слободской райком ВКП (б)) отложились документы, характеризующие конкретные проявления «правого уклона» на Вятской земле после его официального разгрома на XVI партсъезде, а также методы борьбы с ним. Наибольший интерес представляют дела, посвящённые партийным конференциям и пленумам²³, заседаниям бюро райкомов²⁴, районных контрольных комиссий ВКП (б)²⁵, о привлечении коммунистов к партийной ответственности²⁶, документы по результатам проверки партийных ячеек²⁷. Настоящей находкой оказалось дело под заглавием «Информация о правом уклоне в городских партийных организациях за 1931 г.»²⁸, содержащее довольно большой объём информации о критериях, по которым выявлялся «правый уклон» в деятельности тех или иных коммунистов.

Таким образом, в нашем распоряжении находится целый комплекс архивных материалов ГАСПИ КО, позволяющих рассмотреть зарождение, этапы развития «правого уклона», а также факторы, влиявшие на эти процессы; изучить персональный состав оппозиции, её деятельность; выявить степень её влияния на местную партийную жизнь; охарактеризовать методы борьбы с «правым уклоном» на конкретном примере одной из региональных организаций.

Примечания

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 2 ч. Ч. II. М., 1954. С. 419.

² Там же. С. 564.

³ См., например: Чигринов Г. А. Разгром партией правых капитулянтов. М., 1969 ; Ваганов Ф. М. Правый уклон в ВКП (б) и его разгром (1928–1930 гг.). М., 1970 ; Баффа Дж. История Советского Союза : в 2 т. Т. 1 : От революции до Второй мировой войны: Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. / под ред. Е. А. Амбарцумова ; пер. с итал. И. Б. Левина. М., 1994 ; Коэн С. Бухарин : Политическая биография. 1888–1938. М., 1988 ; Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М., 1989 ; Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992 ; Шубин А. В. Вожди и заговорщики. М., 2004 и др.

⁴ Очерки истории Кировской организации КПСС : в 2 ч. Ч. 2 : 1918–1968 / под ред. Е. С. Садырина [и др.]. Горький, 1969.

⁵ Бакулин В. И. Нижегородская краевая организация Трудовой Крестьянской партии: История возникновение и гибели // Бакулин В. И. Листая историю страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке : сб. науч. статей. Киров, 2006. С. 159–178.

⁶ ГАСПИ КО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 15–16 ; Оп. 7. Д. 17, 19, 21 и др.

⁷ Там же. Д. 11.

⁸ Там же. Д. 14.

⁹ Там же. Д. 4.

¹⁰ «Информационные сводки, докладные записки об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП (б)» (Там же. Д. 63), «Протоколы заседаний бюро уездных комитетов ВКП (б) и партийных ячеек по проработке обращения ЦК ВКП (б) к членам партии Московской организации» (Там же. Д. 64), «Протоколы собраний городских парторганизаций и ячеек о проработке решений декабрьского пленума губкома и губКК ВКП (б)» (Там же. Оп. 6. 65).

¹¹ Там же. Д. 71, 101 и др.

¹² Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 23.

¹³ Там же. Д. 18, 127, 132 ; Ф. П-201. Оп. 1. Д. 14, 94.

¹⁴ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 15–66, 159 ; Ф. П-1691. Оп. 1. Д. 14.

¹⁵ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 8, 128, 192 ; Ф. П-201. Оп. 1. Д. 10, 87 ; Ф. П-1691. Оп. 1. Д. 9, 21.

¹⁶ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 168 ; Ф. П-201. Оп. 1. Д. 121 ; Ф. П-1691. Оп. 1. Д. 39.

¹⁷ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 150 ; Ф. П-201. Оп. 1. Д. 18–19 ; Ф. П-1691. Оп. 1. Д. 4.

¹⁸ Там же. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 26 ; Ф. П-2439. Оп. 1. Д. 55.

¹⁹ Там же. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 49 ; Ф. П-202. Оп. 1. Д. 24.

²⁰ Там же. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 3–4 ; Ф. П-2439. Оп. 1. Д. 15, 71 ; Ф. П-202. Оп. 1. Д. 3, 15.

²¹ Там же. Ф. П-101. Оп. 2. Д. 18.

²² 200 лет Вятской губернии : стат. сб. / под ред. В. А. Зырина. Киров, 1996. С. 29.

²³ ГАСПИ КО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 2, 4 ; Ф. П-563. Оп. 1. Д. 26, 39 ; Ф. П-1688. Оп. 1. Д. 47–48, 111 а ; Ф. П-790. Оп. 1. Д. 18, 33–34 ; Ф. П-988. Оп. 1. Д. 22, 73–74, 113.

²⁴ Там же. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 5–6 ; Ф. П-563. Оп. 1. Д. 27, 65 ; Ф. П-1688. Оп. 1. Д. 6 ; Ф. П-790. Оп. 1. Д. 32, 53, 78 ; Ф. П-988. Оп. 1. Д. 77, 93.

²⁵ Там же. Ф. П-1688. Оп. 1. Д. 55, 118 ; Ф. П-988. Оп. 1. Д. 79.

²⁶ Там же. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 29, 69–70, 109.

²⁷ Там же. Д. 138, 158 ; Ф. П-790. Оп. 1. Д. 56.

²⁸ Там же. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 50.

К вопросу о времени основания п. Суна*А. Л. Кряжевских, В. И. Измельцев*

В настоящее время официальной датой времени основания п. Суна (бывш. с. Вознесенское) считается 1571 г. Обоснование этой даты со ссылкой на документ ГАКО «Историческая ведомость церкви» содержится в газете Сунского района «Родной край» за 28 августа 1971 г. В частности, в опубликованной выдержке из этого документа говорится о том, что «Село возникло одновременно с завершением строительства Вознесенской церкви на реке Суна в 1571 г., потому что к этому времени русские стали расселяться в этих краях»¹. Подобная дата фигурировала ещё в нескольких публикациях газеты «Родной край» со ссылкой на тот же источник, а затем перекочевала и во вторую книгу первого тома «Энциклопедии земли Вятской» – «Сёла. Деревни»². Однако в ходе изучения материалов по истории заселения территории современного Сунского района русскими людьми выяснилось, что данным документом и ограничивается круг источников, указывающих на 1571 г. как на время основания посёлка. В то же время попытки с нашей стороны отыскать документ с подобным названием в ГАКО не увенчались успехом. Чтобы уточнить время основания п. Суна, необходимо рассмотреть весь комплекс источников и опубликованных материалов, так или иначе касающихся данной темы.

Впервые в исторической литературе проблему заселения бассейна р. Суна затронул еще А. А. Спицын в 1886 г. В своём труде «Земля и люди на Вятке в XVII столетии» он упомянул о том, что ещё в XVII в. берега р. Суна были необитаемы, а в 1629 г. «дикое раменье» в бассейне рек Суна и Воя взяли на оброк три семьи вятчан. Однако уже в 1647 г. они отдали эту землю Успенскому Трифонову монастырю по причине того, что данный район примерно на 100 вёрст отстоял от ближайших населённых пунктов³.

П. Н. Луппов в своей не опубликованной при жизни работе «К истории населённых пунктов Вятской земли» (закончена в 1940 г.) датировал возникновение с. Суна 1649 г.⁴

А. В. Эммаусский высказал свою точку зрения по интересующей нас теме. В частности, он относил основание села к 1651 г., связывая его с пожалованием крупного участка земли по р. Суна Успенскому монастырю в вотчину. После этого здесь была выстроена Вознесенская церковь, а первыми жителями села стали монастырь-

ские крестьяне, переведённые из других монастырских владений, и вольные нетяглые люди, которые и освоили прежде дикие земли⁵.

Как видно из трудов известнейших вятских историков, все они сходятся во мнении, что территория современного Сунского района не могла быть заселена русскими людьми раньше середины XVII в. Причём, судя по стилю изложения фактических данных, на которых основываются их выводы, эти мнения восходят к одному и тому же документу. Это «Царская грамота воеводе Соковнину, об отдаче на оброк Успенскому монастырю раменья за р. Кирмижем. – 1650 г., сентября 15», впервые опубликованная А. С. Верещагиным в 1881 г.⁶ При сопоставлении информации этого документа с публикациями в газете «Родной край» и трудами уже упомянутых историков получается следующая картина.

Согласно «Грамоте...», в 1628/1629 г. большая часть современного Сунского района, включая земли по среднему и нижнему течению р. Суны, в составе обширной территории, включающей также значительную часть современных Кумёнского и Нолинского районов, была отдана на оброк представителям трёх вятских фамилий: Епифану Федянину, Игнатию Максимову и Василию Буторину⁷. Сочетание «дикое раменье», употребляемое в тексте документа в отношении данной территории, говорит о незаселённости этих мест, о том, что здесь когда-то были земли, расчищенные под пашню, которые ныне заброшены и поросли лесом. К тому же на оброк отдавали только пустующие земли, на которых отсутствовало население. И если бы здесь уже существовала церковь с приходом, как это следует из официальной версии о времени основания п. Суна, то эта территория никак не могла быть отдана на оброк, либо эта мера встретила бы активное сопротивление местного населения. Однако ничего подобного не последовало.

До 1639/1640 г. интересующие нас земли освобождались от податного обложения, а по истечении срока льготы они облагались оброком в пользу государства. Но оброк оказался неподъёмным для Федянина, Максимова и Буторина, и они были вынуждены в 1646/1647 г. передать сунские земли Вятскому Успенскому монастырю на условиях уплаты ранее установленной суммы оброка⁸. Передача земель была вызвана ещё и тем, что, как говорится в тексте грамоты, эти оброчные земли примерно на 100 вёрст отстояли от территорий, населённых людьми, о чём говорил ещё А. А. Спицын⁹. Это прямо указывает на незаселённость бассейна р. Суны в то время.

Успенский Трифонов монастырь исправно платил оброк в течение двух лет, после чего архимандрит Иоаким послал челобитную царю Алексею Михайловичу с просьбой передать указанные («пустые») земли монастырю на условиях уплаты прежнего оброка. При этом ещё в 1648/1649 г. монастырь получил разрешение патриарха на возведение храма Вознесения Господня на месте нынешней Суны, однако без официальной царской грамоты об окончательном закреплении земель за собой «не смел» строить церковь и селить здесь людей. В результате рассмотрения просьбы монастыря последовала грамота Алексея Михайловича от 15 сентября 1650 г., которая закрепляла все упомянутые оброчные земли за монастырём, в том числе по среднему и нижнему течению р. Суны¹⁰. Именно после этого была возведена Вознесенская церковь, давшая название селу, и началось освоение территории современного Сунского района русскими людьми.

Согласно общепринятой традиции, датой основания населённого пункта считается его первое достоверное упоминание в письменных источниках. В соответствии с этим, временем основания п. Суна (с. Вознесенского) следует считать 1650 г. – год издания «Царской грамоты воеводе Соковнину, об отдаче на оброк Успенскому монастырю раменя за р. Кирмижем». В отношении более раннего времени имеются неоспоримые доказательства отсутствия постоянного русского населения на территории современного Сунского района.

Однако даже после установления этого факта существовала вероятность того, что в центральных российских архивах найдутся более ранние документы, неизвестные в Кировской области, в которых могут содержаться сведения по истории заселения бассейна р. Суна и, соответственно, способные удревнить дату основания посёлка. Для уточнения уже изложенных данных В. И. Изместьевым при содействии депутата Государственной Думы РФ И. Н. Кастьянова был сделан запрос в Российский государственный архив древних актов (РГАДА). В ответ на это последовало сообщение о том, что наиболее ранним документом по истории райцентра Суна является «Жалованная оброчная грамота царя Алексея Михайловича вятскому воеводе И. Ф. Соковнину об отдаче архимандриту Успенского Трифонова монастыря Иоакиму на оброк без переоброчки дикого раменя за Кырмыжем до устья р. Суны и по р. Лудяне в Берёзовском стане Вятского уезда»¹¹ от 15 сентября 1650 г. Содержание её практически слово в слово соответствует содержанию ра-

нее опубликованных грамот в приложении ко второму тому сборника «Столетие Вятской губернии» (1881 г.)¹² и в Трудах ВУАК (1906 г.)¹³. Таким образом, и по материалам РГАДА временем основания п. Суна (с. Вознесенского) является 1650 г.

В настоящее время вся имеющаяся по теме информация направлена в администрацию Правительства Кировской области и администрацию Сунского района, поэтому, возможно, скоро и на официальном уровне возраст п. Суна будет пересмотрен.

Примечания

¹ Языком истории // Родной край. Суна, 1971. № 104. С. 2.

² ЭЗВ. Т. 1, кн. 2 : Сёла. Деревни. Киров, 2002. С. 483.

³ Спицын А. А. Земля и люди на Вятке в XVII столетии: очерк истории землевладения. Вятка, 1886. С. 2–3.

⁴ Луппов П. Н. История вятских сёл // ЭЗВ. Т. 4 : История. Киров, 1995. С. 169.

⁵ Эммаусский А. В. Образование древневятских городов // Спутник агитатора. 1980. № 2. С. 31.

⁶ Царская грамота воеводе Соковнину, об отдаче на оброк Успенскому монастырю раменя за р. Кирмижем. – 1650 г., сентября 15 // Древние акты, относящиеся к истории Вятского края : прил. ко 2-му т. сборника «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. С. 129–131 ; См. также: Грамота царя Алексея Михайловича воеводе И. Ф. Соковнину, об отдаче Успенскому монастырю на оброк без перекупки дикого раменя за Кырмыжем до устья р. Суны и по р. Лудяне, 1650 г., сентября 15 // Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580–1764 // ТВУАК. Вып. 1–2. Вятка, 1906. С. 58–60 (Отд. II).

⁷ Царская грамота... С. 129–130.

⁸ Там же. С. 130.

⁹ Спицын А. А. Указ. соч. С. 3.

¹⁰ Царская грамота... С. 130.

¹¹ РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии. Д. 14200.

¹² Царская грамота... С. 129–131.

¹³ Грамота царя Алексея Михайловича... С. 58–60.

История сельсоветов Уржумского района

A. Н. Иконников

К 80-летию Уржумского района вышла работа «История сельских советов Уржумского района. Часть 1. Уржумский район в границах 1945–55 гг.». Тираж – 100 экземпляров. Книга была издана на средства бюджета района (управления культуры) и бесплатно распространена по всем общеобразовательным учреждениям района, музеям и библиотекам.

За пять лет работы в Уржумском архиве мне удалось написать историю 22 сельских советов. Всего на современной территории района их было 48. Сельсоветы, временно входившие в состав бывших Буйского и Шурминского районов, пока не рассматривались. В целом изучена история сельсоветов и колхозов пока на трети территории района.

Рассматривался период 1929–1993 гг. К сожалению, по ряду сельсоветов фонды существуют только с предвоенных лет либо вовсе утеряны. Восстановлен список колхозов, существовавших в каждом из населённых пунктов, по возможности – списки их председателей, механизм укрупнения колхозов в 1950–1951 гг., списки председателей сельских советов, механизм укрупнения советов. По каждому населённому пункту рассмотрена ономастика, составлен список фамилий, распространённых в районе. Это позволило установить пути миграции населения, регионы, откуда заселялся район. В основном, население пришло в Уржум из центральных и южных регионов страны, даже с Урала. Об этом свидетельствуют такие распространённые фамилии, как Пермяков, Перминов, Казанцев, Самарцев, Питерских, Костромин, Костромитинов, Ветлужских, Вотинцев, Чувашов, Татаринов, Пусторжевцев, Рязанов, Стародубцев. Исходя из сведений, почерпнутых у Даля, то же территориальное происхождение имеют фамилии Баглаев (курская), Бастрakov (симб. и перм.), Болдырев (оренб. и астрах.), Буторин (нижегород.), Ваганов (ярослав.), Гмызин (вологод.), Дудоров (тверской и перм. говор), Жернаков (из Пскова), Жмакин (яросл.-тверской), Зыков и Зыкин (рязан.) и пр. Северные фамилии, связанные с Новгородской и Вятской землями, куда менее распространены: Мезенцев, Двинягин, Новгородцев, Сунцов, Тихвинский, Баженов (северные говоры), Булычев (влад. и вят.) и некоторые другие.

Анализ ономастики позволяет установить и внутрирайонные миграции населения в прошлом. Например, в расположенных на противоположных окраинах района 1-м Дубровском и Селенурском сельсоветах распространены одинаковые названия деревень (Дубровка, Дубровский) и фамилии (Гасников, Лянгузов). То же касается д. Ново-Толмацкая (Архангельский с/с) и окраинных в районе Лопьяльского и Витлинского с/с (одинаковые фамилии – Поляков, Белых, Белов).

Рассмотрена история эвакуации в район в годы Великой Отечественной войны, включая город Уржум и посёлок Аркуль (до 1964 г.

был в Уржумском районе). Ввиду плохой сохранности фондов полную картину составить было невозможно. Однако ясно, что подавляющая часть эвакуированных семей прибыла из Ленинградской области (она включала тогда Новгород и Псков), республик советской Прибалтики и Калининской области. Немало эвакуированных было из Мурманской области и из западных районов страны. Характерно обилие евреев и поляков: советская власть спасала, прежде всего, эти народы, заранее приговорённые гитлеровцами к полному уничтожению. Были также немцы и финны, но не в качестве ссыльных, а как советские и колхозные активисты, спасаемые от «земляков». Эвакуировали даже национальный финский колхоз, и его председатель возглавлял колхоз в с. Рождественском Уржумского района. Вывезли персонал (а возможно, и оборудование – из документов советов это не ясно) двух спиртовых заводов с Украины, который возглавлял Андреевский спиртзавод. Из числа эвакуированных вышли многие уржумские руководители военных и послевоенных лет – руководители предприятий, колхозов, председатели и секретари исполнкомов сельсоветов, работники райисполкома и райкома партии. Огромную роль эвакуированные играли в сфере образования, здравоохранения, культуры даже после войны. Так, из семьи эвакуированных в глухой Шиншерский сельсовет ленинградцев вышла поэтесса Светлана Сырнева.

Рассматривались проблемы демографии 1926–2006 гг. (данные переписей населения и похозяйственных книг сельских советов). В 1926 г. на территории современного Уржумского района проживало около 93 тыс. чел. (по переписи 1926 г.). В 1964 г. – 67710 чел. (по оценке райисполкома, исходя из отчётов сельсоветов и горсовета). В 1989 г. осталось 38836 чел. (данные переписи), в 2006 г. – 33832 чел. (данные райадминистрации). В годы войны погибли 13876 жителей района, население ряда сельсоветов сократилось почти вдвое. Однако сохранилась высокая рождаемость (в послевоенных похозяйственных книгах в колхозных семьях отмечают 3–6 детей рождения после 1940 г.).

Вышеприведённая динамика сокращения населения района свидетельствует о том, что в 1926–1964 гг. население района сократилось на треть, а в 1964–2006 гг. – на 40 % при росте населения страны примерно вдвое. Из этого, по моему мнению, следует, что запускение деревень – объективный и прогрессивный процесс урбанизации страны, превращения её из отсталой аграрной России во вторую

индустриальную державу мира – СССР. Резкое падение населения именно в Уржумском районе, по-видимому, имеет и местную причину. На левобережье Вятки с 30-х гг. существовали мощные леспромхозы и другие предприятия (лесхимартель, «Туркменснабсбыт», сплавные конторы и т. п. со всей их социальной сферой). В 1964 г. население промышленных территорий (Уржум, Аркуль, сельсоветы Заречный, Немдинский, Пиляндышевский и Усть-Кильмезский) составляло 41,21 % от населения района в целом. После закрытия леспромхозов произошла деиндустриализация района, но значительная часть заречного населения выехала из района вообще. Анализ фамилий в Заречном сельсовете доказывает что в 30-е и в послевоенные годы лесные посёлки заселялись не мифическими в районе жертвами ГУЛАГа, а крестьянами из соседних, главным образом, прилегающих к Вятке, сельсоветов. Миграция в 1948–1955 гг. была масовой, поэтому нет данных утверждать, что колхозников не отпускали из деревни.

Для определения точного демографического ущерба от политических репрессий в районе надёжные данные отсутствуют. По данным Книги памяти жертв политических репрессий, в 1929–1953 гг. на территории современного района было арестовано и позднее реабилитировано 535 человек, из них освобождено до суда – 46, умерло до суда – 6, оправдано судом – 8, приговорено к расстрелу – 36, к лишению свободы – 372, иные меры наказания применены к 68 осуждённым – ссылка, высылка, порицание). Сколько жителей района было осуждено обоснованно, неизвестно. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что пострадала доля населения, значительно меньшая размера статистической погрешности. (Данные по району в книге сопоставлены с данными по стране, по материалам общества «Мемориал»). Число погибших тогда в районе от репрессий уступает числу ежегодно гибнущих в районе в наше время в результате пожаров, ДТП, алкогольных отравлений, убийств и т. п. Такая же тенденция, возможно, имела место и в 30-е гг.

По мере возможности рассмотрена история коллективизации в районе. К сожалению, документы периода коллективизации сохранились по меньшинству сельсоветов. По данным райисполкома (отчёт о работе за 1931 г.) в районе (включая шурминскую зону, в 1931–1935 гг. входившую в Уржумский район) было к тому времени раскулачено 89 семей. Всего индивидуальными и твёрдыми заданиями по налогам райисполком постановил обложить 4–5 % дворов. При

рассмотрении имеющихся документов сельсоветов выясняется, что эти «твёрдозаданцы» не раскулачивались, многие из них позднее возглавили колхозы и колхозные бригады, сельсоветы. С другой стороны, лишь единицы из раскулаченных занимались сельским хозяйством, при этом оно не было главным источником их дохода. Кулаки того времени – это ростовщики, арендодатели мельниц, сельхозмашины, жилья (в т. ч. в городе даже службы исполкома арендовали помещения у одного из сельских кулаков), нелегальные скопища сельхозпродукции с целью перепродажи и т. п. Документы сельсоветов и райисполкома показывают, что среди кулаков были не только саботажники в уплате налогов и выполнении натуральных повинностей, но и лица, поджигавшие колхозную собственность, покушавшиеся на жизнь активистов и председателей сельсоветов. Многие из раскулаченных – бывшие служащие полиции и колчаковцы.

Большинство крестьян, подвергшихся конфискации имущества, не было раскулачено. Они были осуждены в порядке гражданского, реже – уголовного судопроизводства за деяния, которые в настоящее время считаются налоговыми преступлениями. Это следует из протоколов заседаний сельских налоговых комиссий, групп бедноты и пленумов советов, исследованных мною. Эти крестьяне либо выезжали в города, либо чаще вступали в колхозы.

Что касается механизма раскулачиваний, то инициаторами выступали не советы, а группы бедноты. Сельские и районный советы, краевые органы власти, приёмная М. И. Калинина спасли от раскулачивания многих середняков. Острый конфликт советов с группами бедноты – общественными формированиями, которые пытались подменять собой конституционные органы власти, – привёл к роспуску этих групп. Не только депутаты сельских советов, но и члены райисполкома отмечали, что бедняки вступают в колхоз в последнюю очередь, они «лодыри», которые «сводят личные счёты». Яркий пример такого сведения счётов дают документы Теребиловского сельсовета: группа бедноты раз за разом пыталась раскулачить И. В. Комлева, бывшего председателя сельсовета, одного из тех, кто, собственно, устанавливал советскую власть в деревне, трудолюбивого, зажиточного середняка. Советы не пошли в данном случае на поводу у бедноты. Это и не удивительно: по сохранившимся данным, большинство депутатов составляли середняки. Они же играли руководящую роль в создаваемых колхозах, из их среды вышло большинство пред-

седателей сельсоветов, руководителей отделов райисполкома и т. п. (по данным их личных дел).

Что касается взаимозависимости числа раскулаченных и положения дел в колхозах, то никакой закономерности не усматривается. Были деревни с большим числом раскулаченных или осуждённых по ст. 58, в которых были передовые колхозы (Бутырки, Пиля, Петровское), и, наоборот, были деревни, целые сельсоветы, где не было как будто раскулаченных, колхозы были изначально депрессивными (Верхняя Вичмарь, 1-й Дубровский с/с и др.). Во всяком случае, по данному райисполкома, в 1927 г. средняя урожайность зерновых в районе была 7 ц/га, в 1932 г. – 9,2 ц/га, перед войной в лучших колхозах превысила 18 ц/га. Только в колхозах, как свидетельствуют документы, появились севообороты, посевы клевера, стали вноситься удобренния (единоличники предпочитали, как ни странно, вываливать навоз в реки, а не вывозить на пашню, на что им пеняли на многих сельских сходах 20-х гг.). Падение произошло в годы войны – 3,5 ц/га в 1943 г., 6–8 ц/га – в послевоенные годы.

В основном, моей целью было введение в научный оборот документов районного архива по истории сельских советов. Поэтому подготовленная мною книга имеет ряд приложений. Упор сделан на период коллективизации в районе.

Книга рассчитана на местных краеведов и учащихся, поскольку краеведение является важной составляющей учебного процесса в школах района.

В настоящее время продолжаю работу над второй частью – историей сельсоветов, в 1945–1955 гг. переданных в Буйский район. Впоследствии намерен изучить историю и Шурминского района.

**Уржумское педучилище:
«...Но с благодарностию, – были!»**

В. Б. Помелов

Цель данной статьи – краткое изложение истории развития педагогического образования в Уржумском районе (уезде).

До октября 1917 г. подготовкой учительских кадров в Уржумском уезде Вятской губернии в определенной степени занималась Уржумская женская гимназия, которая была открыта 4 октября 1871 г. и первые годы существовала как прогимназия, размещалась в зда-

нии, специально построенном для этих целей земством. В 1899 г. была преобразована в 7-летнюю женскую гимназию. Некоторые выпускницы гимназии занимались педагогической работой. С осени 1902 г. для желающих получить педагогическое образование при гимназии открывается специальный дополнительный (8-й) педагогический класс, готовивший учительниц для начальной школы: церковно-приходских школ, высших начальных училищ. Только выпуск 1918 г. дал 44 учительницы, среди которых были Александра Ермолова Ямщикова и Елена Аркадьевна Кулигина, впоследствии долгие годы работавшие в родных местах. С 1 октября 1918 г. гимназия была преобразована в так называемую 1-ю Советскую трудовую школу первой и второй ступени, которой 5 ноября 1918 г. было присвоено имя Карла Маркса. Педагогический класс при этом продолжил свою работу. В 1919 г. получили удостоверения учителей 32 выпускницы. 1 июля 1919 г. педагогический класс был упразднён, а сама школа была разделена на две школы – первой и второй ступени.

Школа второй ступени им. К. Маркса находилась в здании бывшей женской гимназии до сентября 1922 г. К началу 1922–1923 учебного года она была объединена со школой второй ступени им. В. И. Ленина и переведена в её здание (помещение бывшего реального училища), а здание школы им. К. Маркса было передано впервые создавшемуся профессиональному учебному заведению по подготовке учителей – педагогическому техникуму. Необходимость открытия педтехникума объяснялась острой потребностью в подготовке учителей. Но сначала 15 июня 1919 г. Уржумский уездный отдел народного образования (УОНО) открыл педагогические курсы, размещавшиеся в здании школы 2-й ступени им. В. И. Ленина (бывшего реального училища), которые впоследствии переименовываются в так называемые «постоянные педагогические курсы».

Таким образом, 1919 г. можно считать точкой отсчёта в организации педагогического образования в Уржумском районе (тогда – уезде).

За время работы курсов (1919–1921 гг.) были произведены два выпуска: двухгодичный (26 человек, время обучения – с 15 июня 1919 г. по 1 сентября 1921 г.) и одногодичный (21 человек, с 20 февраля 1920 г. по 31 декабря 1920 г.). В числе окончивших был Николай Александрович Зубарев, впоследствии известный педагог. Но

всё это полумеры. Необходимо было открыть стационарное полноценное учебное заведение. И вот с 16 октября по 16 ноября 1921 г. педкурсы преобразуются в Уржумский педагогический техникум, получивший 8 февраля 1935 г. имя С. М. Кирова, и переименованный в январе 1937 г., как и все другие учебные заведения этого профиля, в педучилище. Оно просуществовало до 4 августа 1955 г. Впоследствии оставшиеся учебные группы были переведены в Советское педучилище.

За годы работы Уржумского педучилища было произведено 32 выпуска учителей, подготовлено 1685 педагогов, а также 25 политработников (в 1933 г.). Первый выпуск состоялся в 1924 г., последний – в 1955 г. В 1930 г. были два выпуска – основной и досрочный, в 1949 г. выпуска не было. В первые годы срок обучения составлял четыре года, в 1930–1949 гг. – три, затем снова четыре. Часть выпускников педагогических курсов вошла в состав учащихся первого набора и, соответственно, первого выпуска (1924 г.). Поэтому в педагогическом техникуме как таковом они обучались три года.

Кроме того, в 1930–1935 гг. в педучилище действовали семи- и десятимесячные педагогические курсы, готовившие учителей начальных классов. Создание таких курсов было вызвано крайней необходимостью быстрой подготовки учительских кадров для реализации программы всеобуча. Через эти курсы прошли 267 человек. Позднее, в 1944–1945 учебном году, были организованы 10-месячные курсы учителей начальных классов для пополнения педагогического состава, сильно уменьшившегося в связи с военными действиями. Эти курсы окончили 32 человека. В 1936–1948 гг. при педучилище существовал также одногодичный экстернат, куда принимались лица с полным средним образованием, не имевшие педагогического образования. В итоге через экстернат диплом учителя начальных классов получили 210 человек. Деятельность педучилища дополнялась работой средней школы 2-й ступени имени В. И. Ленина г. Уржума, в стенах которой в 1922–1931 гг. в выпускном классе был организован «педагогический уклон», имевший целью подготовку учителей начальных классов. Позднее, в 1962–1970 гг. в той же школе была возобновлена работа педкласса, в котором подготовлены 62 учителя начальных классов, 193 учителя средних школ, из них 104 учителя математики и 89 физруков.

В педагогическом техникуме в разные годы существовали подготовительные курсы, предназначенные для подготовки учащихся к

поступлению на основной курс обучения. Выпускники курсов пользовались преимуществом при зачислении, поступали в педагогический техникум без вступительных экзаменов. Впервые подготовительные курсы были организованы ещё в период существования постоянных педагогических курсов. 20 февраля и 1 сентября 1921 г. были созданы две подготовительные группы: одна с одногодичным, а другая с двухгодичным сроками обучения. Группы существовали по 1933 г. 10 августа 1931 г. в педагогическом техникуме было введено заочное обучение. Организующим центром был заочно-курсовый сектор (затемший Михаил Никандрович Русских). В дальнейшем заочное обучение и организация курсов, хотя и были разделены на два самостоятельных сектора, но дополняли друг друга. Окончившие курсы и тем самым получившие первоначальную педагогическую подготовку охотно поступали на заочное обучение уже с целью получения законченного образования. В 1934 г. заочный сектор преобразуется в заочное отделение. С мая 1933 г. по 1 сентября 1934 г. заочным обучением руководил Фёдор Павлович Бахтин, далее в течение года – Михаил Акимович Бучакчинский, с 15 ноября 1936 г. по 1 октября 1940 г. – Людмила Абрамовна Новосёлова; ее сменила Лариса Павловна Порывкина.

Заочниками были жители Уржумского и ныне не существующего Шурминского районов. Так, в 1938–1939 учебном году заочников из Уржумского района числилось: на 1-м курсе – 18, на 2-м курсе – 17, на 3-м курсе – 12 человек. Данные по Шурминскому району: 1-й курс – 7, 2-й курс – 27, 3-й курс – 10 человек. Среди заочников был особенно большой отсев. Так, из учиившихся заочно в 1936–1948 гг. 224 человека окончили лишь 99 человек. При заочном отделении был учебно-консультационный пункт, который регулировал самостоятельную работу студентов в период между сессиями. Заочное обучение, естественно, имело существенные недостатки по сравнению с очным. Поэтому, когда были решены особенно острые кадровые проблемы в школах, обучение по заочной системе прекратилось (1948 г.).

Первым заведующим педкурсов, постоянных педкурсов и педтехникума был Иван Емельянович Чемоданов. Он родился 22 сентября 1886 г. в деревне Кабашнур Ново-Торъялской волости Уржумского уезда Вятской губернии (ныне Ново-Торъялский район Республики Марий Эл) в семье крестьянина. По окончании Кукарской учительской семинарии (1907) продолжил обучение на Санкт-Петербургских высших (четырёхгодичных) курсах Общества экспериментальной

педагогики по словесному отделению. В 1907–1913 гг. работал учителем в школах Уржумского уезда. Затем в течение четырёх лет работает в столице: в 1913–1915 гг. – учитель начальной школы завода Фёдоровых, в 1915–1916 гг. – учитель русского языка ремесленной школы Петроградского химико-технологического училища, а в 1916–1917 гг. – реального училища. После октября 1917 г. возвращается в родной уезд, где в течение 1917–1918 учебного года заведует школой, педотделом и членом коллегии Уржумского УОНО. В 1918–1919 гг. Чемоданов – уездный школьный инспектор, учитель русского языка в Шурминской школе 1-й ступени. 15 июня 1919 г. назначается зав. педкурсами. После их преобразования в педтехникум становится его первым заведующим по 10 сентября 1925 г., а также преподаёт в нём педагогику, психологию и историю культуры. В дальнейшем, в 1925–1930 гг., работал в Вятском пединституте преподавателем кафедры педагогики и психологии. Об И. Е. Чемоданове как о своём преподавателе с большой теплотой вспоминал в письмах к автору данной статьи профессор из Ленинграда Николай Петрович Борисов (1909–1992), в 1926–1930 гг. учившийся в ВГПИ на физико-техническом отделении. Дальнейшая судьба Чемоданова нам не известна.

Следующим директором был Михаил Александрович Орлов (3.11.1896–3.11.1961). Педагогическую деятельность начал в 1918 г. в школах Слободского уезда. В 1922 г. работает в Вятке воспитателем центрального детского приёмника беспризорных. В 1923–1924 гг. – преподаватель обществоведения Вятского ветеринарного техникума и в школе 1-й ступени им. С. М. Кирова. В 1925 г. оканчивает общественно-историческое отделение Вятского пединститута и направляется в Уржумский педагогический техникум, где выполняет обязанности заведующего с 10 сентября 1925 г. по 18 мая 1931 г., а также в дальнейшем занимает различные должности (завуча, преподавателя педагогики, руководителя педпрактики) вплоть до ликвидации училища. Приходилось ему вести и общественную работу, он возглавлял общество воинствующих безбожников, был членом обществ «Знание» и «Ликвидация неграмотности». В 1943–1945 гг. – заведующий Уржумским районным отделом народного образования.

Николай Николаевич Блинов, полный тёзка известного на Вятке учителя-просветителя второй половины XIX – начала XX вв., родился в апреле 1901 г. в г. Лысково Нижегородской губернии в крестьянской семье. Учительствовал с 1919 г. Образование получил в

Нижегородской губернской совпартшколе 2-й ступени (специальность – «пропагандист»). В 1921–1927 гг. окончил экономическое отделение Горьковского комвуза. Одновременно служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 1919–1925 гг. в должности замполита, участвовал в Гражданской войне на Восточном фронте. В 1930–1932 гг. преподавал экономические дисциплины в средних учебных заведениях, был директором Уржумского педагогического техникума в 1931–1935 гг.

Семён Николаевич Казанцев родился 10 февраля 1900 г. в д. Овинки Сернурского уезда Казанской губернии (ныне Республика Марий Эл). В 1921–1923 гг. работал учителем начальной школы в деревне Мари-Билямор, там же заведовал библиотекой в 1923–1925 гг. В 1925–1926 гг. работал преподавателем марийского языка, математики и обществоведения в Нартасском сельскохозяйственном техникуме Марийской области. В 1926–1927 гг. – инспектор отдела начального образования в Мари-Туреке, там же – заведующий и преподаватель марийского языка в школе-семилетке. В 1931–1935 гг. учился на национальном отделении педагогического факультета академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, По окончании академии был назначен зав. Уржумским педтехникумом и исполнял эти обязанности в течение года.

В 1936–1937 гг. обязанности заведующего Уржумским педагогическим техникумом исполнял Филипп Фёдорович Хохряков. Он родился 1 июля 1904 г. в д. Янки-Тукман Новоторъялского уезда (ныне Республика Марий Эл). Педагогическую деятельность начал в начальной школе д. Пилушань ныне Яранского района Кировской области, затем в 1924–1927 г. – в селе Пижанка, в 1928–1929 гг. – в Яранске районспектором. В 1929–1930 гг. продолжил работу в с. Липово близ Пижанки. В 1930–1933 гг. учился на литературном отделении Вятского пединститута. В 1933–1934 гг. был директором в с. Починки Горьковского края. В 1934–1936 гг. – директор Яранского педагогического техникума.

Следующим директором, о котором удалось собрать биографические сведения, был Алексей Иванович Миров (17.03.1913 – 29.08.1961). Педагогическую деятельность он начал в 1931–1932 гг. учителем русского языка Матвеевской школы крестьянской молодёжи г. Кологрив Горьковского края. В 1932–1934 гг. – зав. образцовой Карегинской начальной школой, в 1934–1936 гг. служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В 1936–1940 гг. учился на филологическом

факультете Вятского государственного педагогического института. В 1940–1941 гг. – завуч, директор Белохолуницкой средней школы. В 1941–1945 гг. – служба в действующей армии в должности командаира пулемётного взвода артиллерийской роты, начальника батальона и помощника начальника разведки дивизиона. Прошёл дорогами войны Польшу, Чехословакию, Австрию, Германию. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями за взятие Берлина, Праги и др. В 1945 г. – учитель русского языка и литературы в Белой Холунице, в 1946 г. – в школе рабочей молодёжи при машиностроительном заводе имени 1 Мая в г. Кирове. В 1946–1950 гг. – завуч и преподаватель, в 1950–1955 гг. – директор Уржумского педучилища.

Уржумское педагогическое училище было закрыто, когда в Кировской области была ликвидирована острая потребность в учителях начальных классов. Поэтому о нём редко вспоминают. Однако деятельность этого учебного заведения заслуживает самых добрых слов и признания потомков.

*(Статья подготовлена
с использованием материалов О. А. Грудцыной).*

История Ластинской школы Пижанского района Кировской области

E. B. Помелова

В своё время М. Горький выдвинул идею создания истории заводов, колхозов, учебных заведений. Данная статья представляет собой попытку кратко рассказать об одной из типичных школ Кировской области, воздать должное её учителям и даже некоторым ученикам.

В 1900 г. в д. Ластик Второй (ныне территория Пижанского района Кировской области) открылась министерская начальная школа. Для неё было построено здание размером 20x9 м, состоявшее из трёх отсеков: в двух велось обучение детей, в третьем помещалась квартира для учительницы. Лес для строительства привозили крестьяне из деревни Обухово на своих лошадях. Строительство велось бригадой плотников из местных крестьян. Первой учительницей в 1900–1905 гг. была Вера Николаевна Увицкая, выпускница Санкт-Петербургской учительской семинарии. В 1905 г. она уехала обратно в сто-

лицу для продолжения образования. Вместо неё прибыл Семён Алексеевич Винокуров (1879–1943), проработавший в школе до 1923 г. В детстве он сумел получить лишь начальное образование, но путём самообразования подготовился к экзамену экстерном, который сдал в Кукарской учительской семинарии и получил звание народного учителя. В последующие годы С. А. Винокуров работал в с. Каракша. В 1900 г. в школе обучалось 32 человека, в том числе 2 девочки. В дальнейшем контингент постоянно возрастал. Расширялся и школьный район, то есть территория обслуживания школы.

После октября 1917 г. районом деятельности Ластинской начальной школы стали 11 деревень: Ластик Первый, Ластик Второй, Ластик Третий, Евсикиво, Кабайчено, Пижанцы, Науменки, Пекшиново, Кривушки, Красный Ключ и Деревянново. Школа была неплохо обеспечена пособиями, имелся даже микроскоп. При организации Никулятской школы Яранского уезда часть пособий была увезена по распоряжению Яранского уездного отдела народного образования в эту школу второй ступени.

С. А. Винокуров проявлял большую заботу о материальном обеспечении школы. При нём были возведены хозяйственные постройки, заложен сад с ягодными кустами и декоративными растениями. Старший сын С. А. Винокурова, Алексей Семёнович, также учил детей в этой школе в 1920–1928 гг., причём знание марийского языка давало ему возможность вести занятия на родном языке детей-марийцев, которых в этом районе немало. После отъезда отца он руководил школой, впоследствии жил с семьёй в Кирове. Постепенно марийская молодёжь потянулась к знаниям, появились первые учителя из мари: Алексей Никифорович и Алексей Родионович Ведерниковых, Иван Леонтьевич Степанов и другие. И. Л. Степанов работал председателем Ластинского сельсовета, впоследствии был секретарём райкома партии в Марийской АССР. Частыми гостями в школе были пожилые марийцы Иван Родионович Тесмеев, Денис Иванович Куклин, Никифор Анисимович Ларионов, Степан Иванович Товкачев, Петр Никифорович Уренцов, приходившие побеседовать с учителями, в том числе на международные темы. В школе по вечерам проводились для населения беседы с показом диапозитивов, устраивались спектакли на марийском языке, работал пункт по ликвидации неграмотности.

В голодный 1921 г. при школе был открыт детский дом, а также пункт по оказанию бесплатной продовольственной помощи нуждав-

шемуся населению. В 1924 г. в деревне Ластик Второй был организованы сельсовет и кредитное товарищество, выдававшее суды населению на приобретение скота и строительство. В 1928–1937 гг. директором школы был Алексей Никифорович Ведерников, уроженец деревни Ластик Второй.

В 1932 г. школа располагалась в двух зданиях. В этом же году Ластинскую начальную школу преобразовали в семилетку, и в таком виде она существовала до 1942 г., когда снова стала начальной. В военные годы учителя школы: Николай Никифорович Степанов, Валентин Владимирович Апакин, Егор Самсонович Павлушкин, Захар Алексеевич Козлов – ушли на фронт и отдали свои жизни за Родину. Именно З. А. Козлов, уроженец д. Мари-Сала Сернурского района Марийской АССР, руководил школой в 1937–1941 гг. по окончании Яранского педагогического техникума (отделение марийского языка).

В 1941–1944 г. директором была Фёкла Васильевна Смоленцева, уроженка д. Большая Лужала Сернурского района. В 1934–1937 гг. она училась в Яранском педагогическом техникуме, по окончании которого работала в с. Мари-Ошаево завучем до апреля 1940 г. Затем перевелась в Ластинскую школу, где вела марийский язык. С 1945 г. до выхода на пенсию в 1973 г. работала в с. Мари-Ошаево. С началом войны ей пришлось не только возглавить Ластинскую школу, но и вести другие предметы, учителей не хватало. Во время войны в школе была организована столовая, продукты, прежде всего овощи, школьники заготавливали сами. Вместе с учителями работали в колхозе, жали, собирали колоски. Вечерами вязали для бойцов варежки и носки, готовили сушёную картошку для отправки на фронт. В обязанности учителей входило проведение агитационной работы, подпись населения на военные займы и даже выявление дезертиров. Оплачивалась лишь работа на одну учительскую ставку, хотя вести приходилось гораздо больше уроков.

В 1944–1948 гг. школой руководил Алексей Михайлович Чепаков, уроженец с. Науменки Пижанского района. Больше сведений удалось собрать о Михаиле Николаевиче Мичанине (1915–1959), директоре школы в 1950–1951 гг., уроженце д. Пекшиново Пижанского района, выпускнике Яранского педтехникума (1933–1936 гг.). После демобилизации в 1945 г. он работал учителем в г. Горьком, в с. Мари-Ошаево, с 1948 г. – в Ластино. В 1955–1957 гг. директором школы был Никанор Иванович Зыков, уроженец д. Шудо-Мучаш Яранского района. После окончания Яранского педтехникума он работал в Мари-

Ошаево, затем – учителем математики и директором в с. Ластино. Снова семилетней школа стала в 1949 г., а в 1960 г. – восьмилетней. В 1951–1955 гг. директором работал Александр Павлович Иванов, в 1955–1957 гг. – Никанор Иванович Зыков, в 1968–1972 гг. – Александр Афанасьевич Петраков, в 1957–1968 гг. и в 1972–1980 гг. – Василий Алексеевич Веденников, в 1980–1986 гг. – Евгений Николаевич Лочаков, с 1986 г. – Алевтина Васильевна Чиванова.

А. П. Иванов (1916–1955 гг.), уроженец д. Нижний Пурт Сердежского сельсовета бывшего Салобелякского района (ныне территория Яранского района), по окончании Яранского учительского техникума работал учителем русского языка в Мари-Ошаево, куда впоследствии и вернулся директором после окончания Великой Отечественной войны. В 1947 г. он был переведен в Ластинскую школу, в 1949 г. окончил Марийский учительский институт.

Н. И. Зыков, уроженец д. Шудо-Мучаш, выпускник Яранского учительского института, длительное время работал в Мари-Ошаево, в 1955 г. переведён в Ластино, где работал директором и учителем математики.

Большой след в истории Ластинской школы оставил В. А. Веденников. Он родился 11 февраля 1920 г. в д. Ластик Второй. В 1931 г. окончил Ластинскую начальную школу, в 1933–1936 гг. учился в Ново-Торъяльском педагогическом техникуме, затем работал в Мари-Ошаевской школе. В 1941–1945 гг. служил в рядах Советской Армии. С декабря 1945 г. – военный руководитель Камско-Устьинской средней школы Татарской АССР. В 1946–1952 гг. заочно учился в Марийском учительском институте, в 1963 г. получил высшее образование в пединституте г. Йошкар-Ола, с 1957 г. – в Ластинской школе сначала учителем истории, а затем и директором. В 1996 г. скончался.

В 1968 г. при поддержке председателя колхоза «Ластинский» Алексея Алексеевича Никифорова началось строительство типового здания школы в кирпичном исполнении на 192 учебных места, которое было завершено только в 1980 г. уже при председателе Альберте Ивановиче Чепакове. В 1987 г. школа стала десятилетней. Первый выпуск 10-го класса в составе 7 человек был в 1989 г. Это А. Яковтаев, В. Чепаков, А. Максимов, А. Климентьев, Р. Шаблакова, Н. Уренцова. В. Тимофеев. В 1999 г. в школе появился первый серебряный медалист Сергей Макаров.

А. А. Петраков родился 15 октября 1925 г. в д. Верхний Пурт Сердежского сельсовета. Участник Великой Отечественной войны.

В 1956–1962 гг. заочно учился в Марийском пединституте по специальности «математика». Педагогическую работу начал в родной Ластинской школе с 1950 г., в разные годы работал также в Мари-Ошаво, руководил спортивным комитетом при райисполкоме Пижанского района. Скончался 31 декабря 1980 г. Е. Н. Лочаков родился 18 февраля 1957 г. в д. Пекшиново Пижанского района. По окончании Марийского пединститута работал учителем истории и директором Ластинской школы. Впоследствии уехал в Санкт-Петербург, где и занят в настоящее время на административной работе.

А. В. Чиванова родилась 17 ноября 1963 г. в д. Борисенки Безводнинского сельсовета Пижанского района. По окончании естественно-географического факультета Кировского пединститута в 1986 г. была назначена директором Ластинской школы. Заместителями директора в 1980–2000-е гг. были Юлия Лукьяновна Уренцова, Галина Аркадьевна Ергунова, Елена Леонидовна Русинова, Зоя Михайловна Уренцова, Александр Николаевич Климентьев, Людмила Валентиновна Тесмееева.

Большой вклад в развитие школы внесли такие учителя, как Гея Ивановна Петракова, работавшая здесь в 1968–1987 гг., Николай Петрович Лочаков (1951–1981 гг.) и многие другие. Всего, по подсчётам учительницы школы Натальи Петровны Климентьевой, бывшей студентки Вятского государственного гуманитарного университета, предоставившей нам фактические данные по Ластинской школе, в этом учебном заведении работали в общей сложности 152 учителя.

В 1997 г. в школе появилось дошкольное отделение. Основное направление работы школы – историко-гражданственно-правовое. Вместе со всеми учебно-воспитательными учреждениями России Ластинская школа стремится к успешному решению всех тех проблем, которые ставит жизнь перед современной школой.

II. КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

А. А. Спицын об истории Вятского публичного музея

А. Л. Мусихин

В Государственном архиве Кировской области в фонде Вятского губернского статистического комитета (ВГСК) хранится статья известного российского археолога и историка Александра Андреевича Спицына, которая называется «Исторический очерк Вятского публичного музея»¹. Это рукописная копия с правками в тексте, сделанными рукой автора. Дата не указана, но в тексте встречается фраза «осенью прошлого (1886) года», то есть статью можно датировать 1887 г. В отделе письменных источников ГИМ хранится ещё один список этой статьи под названием «Прошлое и настоящее Вятского публичного музея»². Это также рукописная копия с правками Спицына³. Список ГИМ датирован 31 марта 1888 г.⁴ Его публикатор Д. В. Серых отмечает, что это дата получения документа П. С. Уваровой⁵. Серых считает, что список ГАКО является черновиком письма Спицына к Уваровой⁶. Однако это не так. В конце списка ГАКО имеется примечание Спицына, позволяющее датировать его более точно. В нём он перечисляет использованные при подготовке статьи материалы: «Материалом для очерка, кроме дел Вятской публичной библиотеки, послужило письмо к нам г[осподина] Алабина от 21 января 1887 г., Вятские ведомости, журналы заседаний двух земских собраний и частью личные воспоминания». Здесь же Спицын сообщает: «Предлагаемая статья была три года тому назад составлена для гр[афии] П. С. Уваровой, собирающей сведения о местных музеях для выработки нормального устава подобных учреждений, обеспечивающего их сохранность и процветание». Отсюда понятно, что копия правилась Спицыным в 1890 г. Таким образом, список ГАКО является окончательной редакцией статьи. За прошедшие между списками

два года тон статьи несколько сменился, стал мягче. Исчезли некоторые резкие выпады в адрес властных структур, от которых зависело открытие и существование музея, разговорные обороты заменены более литературными выражениями.

С председателем Московского археологического общества графиней П. С. Уваровой, как он сам сообщал, Спицын познакомился в 1886 г. в Москве⁷. Вероятно, тогда графиня и дала ему поручение написать очерк о музее для работы, которую она готовила к VII археологическому съезду. Съезд проходил в Ярославле в августе 1887 г., поэтому, вероятно, сбор материалов к статье Спицын начал в конце 1886 г., а писал её в феврале – мае 1887 г., так как летом по поручению той же Уваровой совершил большую экспедиционную поездку по изучению вятских древностей⁸. На съезде Уварова действительно сделала доклад о состоянии провинциальных музеев на основании данных, полученных с мест. Первоначально доклад был опубликован отдельной брошюрой в 1888 г.⁹ Таким образом, можно предположить, что список ГИМ был подготовлен Спицыным к этой публикации. Список ГАКО, вероятно, готовился Спицыным позднее или к отдельному изданию, или к публикации Трудов VII археологического съезда, появившихся в 1891 г.¹⁰ Основные тезисы статьи Спицына были использованы Уваровой в её докладе¹¹.

Предложение написать историю Вятского музея поступило Спицыну не случайно. С 1882 г. после окончания С.-Петербургского университета он жил в Вятке, где работал учителем словесности и педагогики в Мариинской женской гимназии. В Вятке он активно сотрудничал с ВГСК и газетой «Вятские губернские ведомости», к концу 1886 г. опубликовал уже около 15 статей по истории и археологии местного края и, по выражению В. А. Бердинских, стал «самым плодовитым в то время вятским историком»¹². Важная роль музеев в изучении истории и археологии была воспринята Спицыным, вероятно, во время учёбы в университете из лекций его учителя и известного историка К. Н. Бестужева-Рюмина, оказавшего ключевое влияние на становление молодого учёного¹³. В своём основном двухтомном труде «Русская история» Бестужев-Рюмин замечал, что «желательно бы видеть археологию у нас основанную на более прочных началах, что будет возможно при более обширном развитии музеев, при систематической правильности раскопок, при правильном употреблении сравнительного метода» и т. д.¹⁴

В своей статье Спицын подробно останавливается на предыстории музея, безуспешных попытках открыть его, начиная с 1837 г., когда была подготовлена выставка местных изделий к приезду в Вятку цесаревича (будущего императора Александра II). Главной причиной этих неудач, считает Спицын, являлось то, что «общество не имело действительной потребности в музеях, так как в ту пору они могли только иметь значение кунсткамеры, любопытной, но никому не нужной». Кроме того, не было активного, влиятельного в обществе лица, способного возглавить организацию музея. Всё изменилось с появлением в Вятке Петра Владимировича Алабина. Его роль в открытии музея столь значительна, что Спицын отмечал: «История Вятского публичного музея есть, в сущности, страница из жизни одного из симпатичнейших и наиболее памятных провинциальных деятелей прошлого царствования П. В. Алабина». Спицын подробно останавливается на биографии этого незаурядного человека, очень много сделавшего в различных областях деятельности всего за восемь лет своей службы в Вятке. Для музея при Вятской публичной библиотеке он выхлопотал новое просторное здание, где разместились стены с коллекциями, которые также были собраны усилиями Алабина. Он рассыпал письма во все концы губернии, другие города России и даже за границу с просьбой оказать помощь музею деньгами или присыпкой различных вещей и коллекций для создания экспозиций музея. В результате музей был сформирован всего за два с небольшим года. В музей поступила богатая коллекция минералов, образцы различной сельскохозяйственной продукции, пород деревьев, коллекция древних монет, слепков с русских медалей, образцы горных руд и изделий литейного производства, коллекция костей доисторических животных и т. д. «Сарапульская публичная библиотека, по распоряжению губернатора, переслала 645 предметов, собранных для предполагавшегося местного музея»¹⁵. Спицын достаточно подробно описывает, кем какие предметы были пожертвованы в фонды музея. Формирование и систематизация коллекций была произведена самим Алабиным без посторонней помощи, для чего он написал подробные ярлыки на каждый экспонат музея. Музей был открыт 22 января 1866 г. Спицын замечает: «Мы, вятчане, имеем право гордиться, что наш музей был почти первым среди других, создавшихся в это время, и что по своему богатству и по целесообразности своей деятельности он был едва ли не лучшим из тогдашних провинциальных музеев».

Спицын приводит слова Алабина о роли и значении музеев: «Давным-давно, – пишет нам Алабин, – я стал разделять мнение одного учёного, что публичные музеи более всякого другого средства возбуждают и развиваются в обществе интерес к предметам науки тем живым впечатлением, какое выносит из музея, с толком составленного, его посетитель. Исходя из этого убеждения, я всегда действовал в этом направлении, где мог». Спицын добавляет, очевидно, разделяя данное мнение: «Эти слова прекрасно объясняют появление в Вятке музея». Эту же мысль отмечает Спицын и в речи Алабина, сказанной при открытии музея: «Созданный им музей должен быть учреждением прежде всего общеобразовательным, иметь не только научно-изыскательский, сколько научно-преподавательский характер». Спицын вспоминает, что «на нас, подростков-гимназистов, музей действительно оказал влияние». В дальнейшей своей деятельности Спицын всегда осознавал и использовал просветительную и образовательную роль музеев. Когда в 1909 г. создавался музей Сарапульского земства, Спицын писал секретарю Сарапульской уездной земской управы Н. М. Мусерскому: «Вы понемногу можете собрать драгоценные материалы для изучения края в естественном, историческом и бытовом отношениях, музей должен натолкнуть на исследования многие молодые силы. Конечно, он должен иметь и образовательный материал в виде вещей, картин, фотографий, моделей»¹⁶. И. Л. Тихонов отмечает, что, став в 1909 г. преподавателем С.-Петербургского университета, «свои занятия со студентами А. А. Спицын начал с того, что познакомил их с археологическими собраниями Эрмитажа, музеев РАО (Русское археологическое общество. – А. М.) и АК (Археологическая комиссия. – А. М.), этнографического музея АН и другими»¹⁷. И позднее «под руководством А. А. Спицына студенты совершили в 1910–1915 гг. ряд поездок с научными целями в Москву, Псков, Новгород, Старую Ладогу и другие места, где знакомились с местными памятниками древности и коллекциями музеев»¹⁸. В отзыве на проект организации Городского художественно-исторического музея в г. Вятке, составленный А. С. Лебедевым, Спицын 10 февраля 1916 г. писал: «Какой искренний интерес можно внедрить этим собранием молодёжи, городской и деревенской. Как успешно будет он развивать в взрослом населении края сознательное отношение к памятникам древности и старины, привычку сберегать находки. Я с наслаждением прим-

кнул бы к этой жизни Музея, насколько хватило бы моих знаний, воодушевления и сил»¹⁹.

Описав состояние музея и успехи, которых он достиг благодаря усилиям Алабина, Спицын продолжает: «Со времени отъезда Алабина из Вятки (в 1866 г.) уже не было систематических попыток пополнить коллекции музея. Не стало влиятельного по своему общественному положению, энергичного и просвещённого хозяина музея». Музей постепенно стал приходить в упадок. Особенно положение ухудшилось, когда музей был выкуплен Вятским земством и передан во вновь открытое техническое училище²⁰. Спицын отмечает, что «как только музей был поглощён техническим училищем, он, можно сказать, прекращает своё существование. Разбившись по отдельным кабинетам и корпусам, музей исчез как органическое целое, имеющее право на отдельное существование, исчезает самоё название его». Подводя итог, Спицын заключает: «Таким образом, созданный Алабиным Вятский публичный музей не существовал и десяти лет; остальные 10 лет он не проявил решительно никакой жизни и пришёл в такое состояние, что только очень энергическая деятельность может сделать из него что-нибудь доброе».

Но не отсутствие такого энергичного активного лица явилось главной причиной упадка музея. По справедливому мнению Спицына, «роковым для музея вопросом оказался вопрос денежный». Позднее Спицын не раз сталкивался с такого рода проблемой, когда сам составлял каталоги музейных коллекций, занимался переустройством археологических отделов музеев. Очевидно, с этой проблемой он чаще всего успешноправлялся. 30 марта 1907 г. А. А. Спицын был избран хранителем музея Русского археологического общества. По воспоминаниям его ученика С. А. Жебелёва, «с этого времени заметно увеличились поступления в музей, и он был подвергнут полному переустройству, улучшившему и систематизировавшему его коллекции»²¹. Сам Спицын, на закате жизни подводя итог своей творческой научной деятельности, писал: «Так как изучение коллекций провинциальных музеев сильно затрудняется обычною бессистемностью расположения вещей, то там, где это оказывалось возможным, я начинал свои музейные работы с перегруппировки материала, т. е. с переустройства археологических отделов. Так, мною приведены в порядок археологические собрания следующих музеев: Ковенского, Псковского, Минского, Черниговского, Полтавского, Екатеринославского, Херсонского, Тихвинского, Твер-

ского, Ярославского, Костромского, Переяславского, Вятского, Пермского, Саратовского; в Петербурге – Археологического Института, Университета и Русского Археологического Общества. Для последнего мною в 1908 г. был издан каталог²². Всего переустроено было мною 18 музеев²³. Имея такой богатый опыт в организации и обустройстве музеев, Спицын с полным основанием мог давать советы практического организационного характера. Сарапульцам в 1909 г. он советовал: «Самое главное, чтобы они (музейные коллекции. – А. М.) были обозначены помещением, хранением и прислугой, иначе если этого не будет, то лучше и не браться. Вот если бы вы имели здание. ...Вещи должны быть охранены, иначе не будет к музею доверия со стороны местного населения»²⁴. А А. С. Лебедеву в 1916 г. он замечал в постскриптуме к письму: «Если касаться организационной стороны Музея, то казалось бы естественным, что в отношении текущих материальных надобностей он мог бы состоять под деловым покровительством города, а в вопросах научных и художественных – в заведывании особого Совета из специалистов и любителей»²⁵. Как абсолютно справедливо замечает Т. А. Дворецкая, «денежный вопрос всегда был больным для музеев... Пребывание музейных коллекций в сараях, амбара, дровяниках, каретниках, чуланах, чердаках и подвалах станет неотъемлемой чертой музейной истории всех его периодов: досоветского, советского и постсоветского»²⁶.

Не желая заканчивать статью на грустной ноте, Спицын оптимистично пишет, что с 1886 г. новый директор училища В. Н. Виноградский стал проявлять заботу о музее и начал его реорганизацию в рамках училища. «Мы с надеждою смотрим на его намерение привести остатки музея в совершенный порядок, изыскать средства для его пополнения и со временем придать ему в глазах местного общества прежнее значение», – этими словами оканчивается статья Спицына. Однако графиня Уварова, вероятно, по известию Спицына, сообщала, что «к несчастью, г. Виноградский получил другое назначение и переведён из Вятки»²⁷.

Очерк Спицына заслуживает внимания историков и краеведов. Ведь это почти первое²⁸, такое объёмное и подробное, исследование истории Вятского публичного музея. Несомненной ценностью данной статьи являются присланные Спицыну воспоминания Алабина²⁹. Благодаря этому мы из первых уст узнаём историю организации и открытия музея. Данные воспоминания послужили основой

очерка Спицына. Важно также использование в статье дел архива Вятской публичной библиотеки, в настоящее время частично уже утраченных. Интересно проследить, какое значение в дальнейшей научной деятельности и жизни А. А. Спицына имела указанная работа, что отчасти, надеемся, нашло отражение в нашей статье. Чтобы данная работа заняла своё место в научном наследии замечательного вятского археолога и историка, в настоящее время специалистом ГОУ «ГАКО» Р. С. Шиляевой подготовлена её публикация в готовящемся к выходу сборнике избранных трудов Спицына по истории Вятки³⁰. Публикация будет сопровождаться приведением разнотений по списку ГИМ, что позволит наблюдать творческую лабораторию учёного.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1114. Л. 25–72. См.: Пётр Владимирович Алабин и Вятка : биобиблиогр. указ. / сост. В. С. Жаравин. Киров, 1999. С. 95 (№ 678).

² ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 628. Л. 115–164. Опубликовано: Серых Д. В. Новые документы об археологической и музейной деятельности П. В. Алабина // Самарский край в истории России : материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения П. В. Алабина. Самара, 2004. Вып. 2. С. 156–166.

³ См.: Серых Д. В. Указ. соч. С. 152–153.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 169 (Примеч. 50).

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Спицын А. А. Мои научные работы // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием им. Н. П. Кондакова. Прага : Seminarium Kondakovianum, 1928. С. 331.

⁸ Спицын А. А. Краткий отчёт об археологической поездке летом 1887 г. // Вятские губернские ведомости. 1887. 7 нояб. (№ 89). С. 4 ; 11 нояб. (№ 90). С. 4.

⁹ Уварова П. С. Губернские или областные музеи. М., 1888.

¹⁰ Уварова П. С. Областные музеи // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. М., 1891. Т. II. С. 259–328.

¹¹ Уварова П. С. 1) Губернские или областные музеи. С. 17 ; 2) Областные музеи. С. 276.

¹² Бердинских В. А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 405.

¹³ См.: Мусихин А. Л. А. А. Спицын и К. Н. Бестужев-Рюмин: ученик и учитель // Историк и его дело: судьбы учёных и научных школ : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. В. Е. Майера / сост. и общ. ред. Н. Ю. Старковой, Д. А. Черниенко, Н. Г. Шишкиной. Ижевск, 2008. С. 35–43.

¹⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. I. С. 150.

¹⁵ Возможно, эта цифра ошибочна. А. А. Хохлов пишет, что в 1859 г. в Сарапульском музее всего числилось 468 предметов, а в 1864 г. в Вятский музей были переданы различные предметы, в том числе нумизматическая коллекция в количестве 147 экземпляров. (Хохлов А. А. 1) О времени появления первых музеев на территории Вят-

ской губернии // Вятская земля в прошлом и настоящем : материалы респ. IV науч.-практик. конф. : (к 100-летию со дня рождения профессора А. В. Эммаусского) / отв. ред. В. А. Бердинских. Киров, 1999. С. 67 ; 2) «Хранилища музея» : (Музей области) // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1999. Т. 9 : Культура. Искусство. С. 276). Однако Т. А. Дворецкая сообщает, что нумизматическая коллекция, полностью перешедшая в Алабинский музей, включала в себя «более двухсот российских и иностранных медалей и монет XVI–XIX веков». (Дворецкая Т. А. Музейных дней прекрасное начало (Алабинский музей в 1863–1873 гг.) // Музей на рубеже веков: история, состояние, перспективы : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию Киров. обл. краевед. музея. Киров, 2006. С. 7).

¹⁶ Мельникова О. М. Становление профессиональной археологии в российской провинции в начале XX в.: А. А. Спицын и музей Сарапульского земства : (по материалам ЦГА УР) // История и практика археологических исследований : материалы Междунар. научн. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А. А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / отв. ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб., 2008. С. 121.

¹⁷ Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете : историогр. очерки. СПб., 2003. С. 74.

¹⁸ Там же. С. 80.

¹⁹ ГАКО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 14. Л. 87.

²⁰ Вятское училище по распространению сельскохозяйственных и технических знаний и подготовке учителей, с 1880 г. – Александровское реальное училище.

²¹ Тихонов И. Л. О неопубликованной рукописи С. А. Жебелева «История Русского Археологического общества 1897–1921 гг.» // История: мир прошлого в современном освещении : сб. науч. ст. к 75-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 561–562.

²² Спицын А. А. Краткий каталог музея императорского Русского археологического общества. СПб., 1908.

²³ Спицын А. А. Мои научные работы. С. 340–341.

²⁴ Мельникова О. М. Указ. соч. С. 121–122.

²⁵ ГАКО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 14. Л. 87.

²⁶ Дворецкая Т. А. Музейных дней прекрасное начало... С. 3, 6.

²⁷ Уварова П. С. 1) Губернские или областные музеи. С. 17 ; 2) Областные музеи. С. 276.

²⁸ Т. А. Дворецкая сообщает, что первый исторический очерк библиотеки и музея написал в 1869 г. сотрудник музея А. Л. Кущ. (Дворецкая Т. А. Указ. соч. С. 14).

²⁹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1114. Л. 73–85 об. См.: Пётр Владимирович Алабин и Вятка : библиогр. указ. С. 95 (№ 675). Фрагменты письма опубликованы: Вятский публичный музей в январе 1866 года : (Из письма П. В. Алабина А. А. Спицыну от 21 января 1887 года) // П. В. Алабин, Вятка, музей : (Алабинские чтения) / сост. В. С. Жаравин. Киров, 1998. С. 11–15 ; Серых Д. В. Указ. соч. С. 162–164. О письме Алабина см.: Ощепков К. Завещание великого мастера : (Новые открытия писем основателя Вятского публичного музея) // Вят. наблюдатель-2. 1997. 17 сент. (№ 23). С. 3.

³⁰ Спицын А. А. Избранные труды по истории Вятки / ред., сост. А. Л. Мусихин. Киров, 2009. (Серия «Культурное наследие Вятки»). Готовится к печати.

**Попечительный комитет – орган управления
Вятской публичной библиотекой.
1836–1920**

Н. П. Гурьянова

Открывать новые библиотеки в России всегда было довольно сложным делом – как в нынешнем XXI, так и в XIX в. Подтверждением тому является история открытия Вятской публичной библиотеки, затянувшаяся на целых семь лет. Казалось, сама судьба привела в Вятку ссыльного изгнанника Александра Герцена, чтобы именно он завершил дело по организации библиотеки, начатое ещё в 1830 г. после включения губернской Вятки в число 50 городов России, где по распоряжению Министерства внутренних дел должны были открываться публичные библиотеки для чтения. Из центра всё это время в Вятку присыпались книги для библиотеки и складировались. Далее тянуть было уже неприлично.

9 апреля 1836 г. губернатор К. Я. Тюфяев провёл совещание с представителями разных ведомств г. Вятки по поводу подготовки к открытию публичной библиотеки. Заведующим библиотекой был назначен титулярный советник В. Я. Титов, а помощником библиотекаря – титулярный советник А. И. Герцен, «охотно принимающий сию обязанность». На заседании был составлен комитет попечителей, в дальнейшем называвшийся Попечительным комитетом, под председательством губернатора. Были определены обязанности комитета: попечение о библиотеке, изыскание средств на содержание библиотеки, привлечение к попечению других известных деятелей, проявляющих интерес к наукам, и т. д. В списке членов Попечительского комитета библиотеки на 30 апреля 1837 г. числится сотрудник библиотеки А. И. Герцен, ставший по сути первым её библиотекарем. При его активном участии за несколько месяцев было собрано 1313 томов книг и 7000 руб., что позволило обеспечить необходимые нужды будущей библиотеки.

Вятская публичная библиотека была открыта 6 (18) декабря 1837 г. Торжественная речь, произнесённая А. И. Герценом по случаю открытия библиотеки, стала гимном библиотеке и книге и духовным завещанием для вятских библиотекарей.

В уставе библиотеки было записано, что деятельность её руководит Попечительный комитет. С первого года во главе Попечительского комитета стоял губернатор, членами комитета являлись дирек-

тора ведущих учебных заведений, руководители губернских комитетов и ведомств, видные деятели Вятки, священнослужители и библиотекари. Попечительный комитет избирал управляющего, который занимался решением повседневных практических вопросов.

«Памятные книжки и календари Вятской губернии (выходили в 1854–1916 гг.) регулярно публиковали состав Попечительного комитета Вятской публичной библиотеки. Первым здесь всегда указан его председатель – начальник губернии. Так, в первой памятной книжке представлен список в таком виде: «Председатель – гражданский губернатор. Попечители: вице-губернатор, председатель казённой палаты, архимандрит Амвросий, председатель судебной палаты, управляющий палатой государственных имуществ, совестный судья, директор гимназии, старший советник губернского правления, протоиерей Орлов, инспектор семинарии, градский голова, письмоводитель, коллежский секретарь Александр Павлович Хоршавин (библиотекарь)»¹. Такой состав сохранялся в первые десятилетия существования библиотеки, в 60-е годы и позднее был значительно расширен.

3 августа 1891 г. был принят и утверждён в Министерстве внутренних дел новый устав Вятской публичной библиотеки, который определял обязанности Попечительского комитета:

- «а) заботы и мероприятия к благосостоянию библиотеки;
- б) рассмотрение годовой сметы прихода и расхода сумм, годового отчёта о состоянии библиотеки и утверждение их, а равно и смет по ремонту зданий библиотеки...;
- в) составление правил для внутреннего благоустройства и порядка в библиотеке, для пользования книгами её на дому, а также и инструкций для служащих в ней лиц;
- г) утверждение списка книг, периодических изданий, атласов, научных карт и т. п., предполагаемых к выписке на каждый год;
- д) выбор из своей среды трёх членов в ревизионную комиссию из двух кандидатов к ним;
- е) избрание управляющего делами библиотеки... (на три года. – *H. Г.*);
- ж) избрание библиотекаря»².

Именно комитет занимался проблемами размещения библиотеки (до 1863 г. она не имела собственного здания; прежде чем поселиться на Копанской улице в особняке купцов Машковцевых, она поменяла пять адресов), хлопотал о покупке очередного помещения

для библиотеки. Комитет выпускал каталоги книг библиотеки (1863, 1873, 1910 с прибавлениями 1913, 1914 гг.). Кстати сказать, первый каталог 1863 г. подготовил управляющий делами библиотеки П. В. Алабин.

Согласно уставу, Попечительный комитет состоял из непременных, почётных и действительных членов. Непременными членами комитета являлись директора средних учебных заведений, относящихся к Министерству народного просвещения, директор народных училищ и ректор Вятской духовной семинарии.

«Почетными членами комитета именуются все те лица, без различия пола, звания и местожительства, которые или а) оказали несомненные услуги к благоустройству библиотеки, или б) сделали в кассу ее единовременный взнос не менее 300 рублей, или в) обязались вносить ежегодно не менее 50 руб. ... Звание действительных членов присваивается комитетом всем тем лицам, которые, по его убеждению, оказали или могут оказать своим общественным положением, образованием, трудами и т. п. несомненное содействие к благоустройству библиотеки»³.

В 1892 г. непременными членами комитета числились: директор Вятской мужской гимназии С. А. Нурминский, директор Александровского реального училища В. Л. Никологорский, директор народных училищ А. А. Красев, ректор духовной семинарии протоиерей П. И. Смирнов. Среди пяти почётных членов мы видим П. В. Алабина, регулярно присылавшего библиотеке книги в дар после отъезда из Вятки. Среди пяти действительных членов: статский советник А. С. Верещагин, статский советник Н. А. Спасский, надворный советник А. А. Спицын⁴.

В 1916 г., например, помимо губернатора Н. А. Руднева, возглавившего комитет, почётными членами комитета были состоятельные вятские купцы и промышленники Т. Ф. Булычёв, К. И. Лаптев, П. П. Клобуков, И. Т. Вахрушев, Н. В. Мешков (Пермь), известные своими крупными пожертвованиями библиотеке. Непременными членами были ректор семинарии, директор народных училищ. Среди действительных членов Попечительного комитета найдём фамилии известного историка Н. А. Спасского, крупного земского деятеля Л. В. Юмашева, священника И. М. Осокина, губернского архитектора И. А. Чарушина и др.⁵

История показывает, что всегда, казалось бы, в самые тяжёлые годы в истории библиотеки, находились в вятском обществе люди,

которые брали на себя заботу о библиотеке, отдаваясь ей полностью и живя одной жизнью с нею. Так было в начале 60-х годов XIX в. («золотой век» П. В. Алабина), так было и в начале XX в., славное десятилетие А. Н. Луппова (1908–1918).

С самого начала вынужденная существовать на частные пожертвования граждан, библиотека полностью зависела от расположения общества. Она знала разные периоды своего существования: бурного расцвета и полного забвения, когда оказывалась на грани закрытия. Так, к концу 50-х годов XIX в. её положение стало особенно тяжёлым – библиотека медленно умирала без средств и читателей. Некто Пискарёв в газете «Вятские губернские ведомости» рисует удручающее положение библиотеки и заканчивает статью словами: «Остаётся с терпением ждать того счастливого времени, которое рано или поздно должно наступить, потому что всякое полезное учреждение возьмёт своё»⁶.

Обстоятельства снова сложились в пользу библиотеки. В 1859 г. впервые в состав Попечительского комитета был включён управляющий Вятской удельной конторой, на должность которого был назначен энергичный и деятельный человек – Пётр Владимирович Алабин (1824–1896), приехавший в Вятку в 1857 г. За прошедшие два года он достаточно хорошо освоился в губернии, проявил себя на разных поприщах, его неуёмная натура жаждала иного дела. Большой книжник и библиофил, ценитель печатного слова, он имел редкую страсть открывать библиотеки в городах, где проходила его служба (Кукарка, София), а если они уже были открыты к тому времени, то, по крайней мере, активно вмешивался в их судьбу (Вятка, Самара).

Принято считать, что губернатор формально участвовал в делах библиотеки. Но были ситуации, когда вмешательство губернатора имело решающее значение для неё. В конце 1861 г. на заседании Попечительского комитета губернатор М. К. Клингенберг обратил, наконец, внимание его членов на совершенно расстроенные дела библиотеки, сказав при этом, что «стыдно и грешно оставлять ее в том положении, до которого она дошла в последнее время, а еще более стыдно будет совсем закрыть, когда потребность к чтению в публике с каждым годом все более и более растет»⁷. И вслед за этим губернатор предложил кому-нибудь из членов комитета ради общего дела и пользы взять на себя обязанность главного распорядителя по устройству дел библиотеки. «И тогда П. В. Алабин не замедлил со своей стороны добровольно вызваться на этот бескорыстный и хлопотли-

вый подвиг. Что же? Откуда взялись и терпение и время в П. В. – глядишь везде и все сам! И вот, вследствие такой неутомимой деятельности, в самом непродолжительном времени явились и пожертвования, и деньги, и книги, и журналы, и подписчики, и даже даровой библиотекарь! ...Итак, дела публичной библиотеки устроены и доверие к ней публики восстановлено вполне»⁸.

Автор заметки «Вести из Вятки», подписавшийся «Доброжела-тель» и пока не установленный нами, пытается анализировать действия губернатора: «...Общество не может не чувствовать живой призывательности и к своему начальнику губернии М. К. К[лингенбергу], который, несмотря на свои разнообразные и огромные труды по настоящей должности, все-таки находит время и горячо сочувствовать и содействовать со своей стороны всем общеполезным делам и заведениям города. Таким образом, без него и женская гимназия давно бы уже закрыта, и дела публичной библиотеки никогда бы не дошли до своих настоящих отрадных результатов. Еще отраднее видеть то, что во всех этих случаях М. К. старается действовать на общество не начальническими внушениями, а единственными самим делом и примером со своей стороны... в библиотеку М. К. пожертвовал 200 томов разных французских и немецких классиков и др. изданий, и все письма к почетным лицам в губернии писались от имени М. К.»⁹.

Итак, 12 октября 1861 г. П. В. Алабин стал управляющим делами Вятской публичной библиотеки. Познакомившись с библиотекой, он подготовил записку о состоянии её дел,¹⁰ в которой рассказал о проведённых мероприятиях для привлечения публики, показал необходимость покупки постоянного дома, при этом взвывал к добрым чувствам сограждан: «Вятская публичная библиотека надеется, что вятское общество продолжит свое сочувствие к делу библиотеки, которая всеми зависящими от нее средствами будет стараться не отставать от жизни общества и удовлетворять всем его разумным интересам»¹¹.

Человек деятельный, он любил и умел многое делать сам. Библиотечное дело увлекло его. Одним из самых важных дел он посчитал создание каталога имеющихся в библиотеке книг для того, чтобы подписчику (читателю) было легче найти нужную книгу¹². Открывается издание «Правилами для занятий в Вятской публичной библиотеке». Заглянем в некоторые положения и восхитимся литературным стилем П. В. Алабина:

«1. Право занятий в библиотеке предоставляется лицам обоего пола, кои пожелают получить билет от библиотекаря при входе в библиотеку...

4. По прошествии часов, назначенных для занятий в зале, время закрытия библиотеки возвещается звоном колокольчика; после чего посетители благоволят расходиться, возвращая перед выходом все находившиеся у них, принадлежащие библиотеке издания, библиотекарю, и получая от него контрамарку, взятую при входе у швейцара в обмен на отданное верхнее платье и шляпу...

7. Чтобы занимающиеся не были развлекаемы, в общей зале воспрещается всякий шум, стук при отодвигании стульев, топот при ходьбе и громкий разговор. Если бы кто из посетителей, вопреки напоминанию библиотекаря, стал упорствовать в подобном нарушении тишины и порядка, то таковое лицо будет приглашено впредь не посещать библиотеки»¹³.

При П. В. Алабине было проведено много нововведений. Тесное сотрудничество с газетой «Вятские губернские ведомости» позволило Попечительному комитету на её страницах в 1862–1864 гг. помещать еженедельные летописи библиотеки, дающие ныне возможность последовательно изучить все мероприятия по возрождению деятельности библиотеки и установить всё многообразие современных книжных новинок, поступающих в фонды библиотеки. Мечта Алабина об открытии музея при библиотеке становится реальностью – со всех уголков России приходят посылки с экспонатами для музея – минералы, кости, монеты и многие другие замечательные предметы. В 1865 г. библиотека ставит вопрос о слиянии с губернским статистическим комитетом, видя в этом логическую завершённость по собиранию материалов о Вятке объединёнными усилиями – библиотека, музей, статистический комитет. Пожалуй, никому в России такой идеи не пришло в голову. Дружба со статистическим комитетом продолжалась до 1917 г. и главным объединяющим началом здесь было имя А. И. Герцена, с которым связано становление Вятского статистического комитета в 1835–1837 гг.

За возрождение Вятской публичной библиотеки и открытие музея при библиотеке П. В. Алабин в 1866 г. был удостоен звания почётного гражданина города Вятки.

Имя П. В. Алабина, как и имя А.И. Герцена, является чрезвычайно дорогим для библиотеки. Спустя годы она помнила его деятельное участие в своей судьбе: «За 5 лет, пока Алабин был в Вятке, биб-

лиотека стала неузнаваема – была стряхнута пыль с книжных сокровищ, накопившихся за все годы, явились подписчики, начали притекать пожертвования и быстро опережена была частная библиотека (А. А. Красовского. – *Н. Г.*). Сведения о правлении Алабина указывают на его искреннюю любовь к книге, образованность, энергию и остроумие в изобретении способов для “привлечения читателей”... Управляющий делами имел непосредственный доклад у губернатора, состоявшего председателем Попечительного комитета, все мелочи административной волокиты легко могли устраниться. Частная библиотека пробовала бороться, но должна была сдаться...»¹⁴

После отъезда П. В. Алабина из Вятки в 1866 г. библиотека и музей к началу 70-х годов приходят в упадок. Некоторые усилия предпринимал губернатор В. И. Чарыков как председатель Попечительского комитета в конце 1860-х годов. За его подписью ушло более 400 писем с просьбой о содействии библиотеке и музею, «задача которых удовлетворять духовным потребностям публики... Цель библиотеки развивать в публике любовь к разностороннему и серьезному чтению...»¹⁵ Заканчивается письмо весьма подкупающими своей искренностью словами: «Цели эти так священны, что если бы мне удалось, при помощи общества, хотя несколько достигнуть их, то я считал бы себя весьма счастливым». Но, увы! письма не смогли принести какого-либо значительного улучшения в положении библиотеки и музея.

Библиотека, не имея достаточных средств на содержание музея, продала его в 1873 г. губернскому земству. Переговоры о передаче земству вместе с ним и библиотеки не увенчались успехом: земство поставило условие: движимое и недвижимое имущество библиотеки с каменным домом, флигелем, землёй, садом, огородом, службами должно было перейти полностью в распоряжение земства, но Попечительный комитет не согласился. Библиотека впоследствии вынуждена была существовать на плату от немногочисленных подписчиков и арендную плату от сдачи внаём помещений второго этажа, освободившиеся после продажи музея.

В конце XIX в. дела библиотеки всё ухудшались. Губернатор Н. М. Клингенберг отмахивался от нужд библиотеки: «Библиотека для меня дело деятое». И тогда Попечительный комитет решился на отчаянный шаг: выступил с ходатайством о присвоении библиотеке имени императора Николая I, в годы правления которого была открыта библиотека. 11 ноября 1898 г. Высочайшим указом имя было присво-

ено и библиотека стала именоваться так – Вятская губернская публичная библиотека имени Императора Николая I-го. Увы! имя императора не принесло библиотеке желаемого улучшения.

В эти годы библиотека располагалась в нижнем этаже здания, здесь же была квартира библиотекаря. После создания Вятской учёной архивной комиссии в 1904 г. библиотека приютила её во флигеле, брала ежегодную плату 300 руб., затем увеличила её до 420 руб. Верхний этаж сдавался под квартиру губернскому присутствию за 1200 руб. (в 1917 г. – 1500 руб.), второй этаж флигеля – под квартиру губернской землеустроительной компании за 960 руб. Лишь местный отдел, созданный в 1909 г., располагался на втором этаже.

Управляющим делами библиотеки в последнее десятилетие до 1917 г. был земский деятель и чиновник А. Н. Луппов, много сделавший для развития Вятской публичной библиотеки. Он сменил на этом посту в 1908 г. известного вятского историка, преподавателя А. С. Верещагина, автора многочисленных трудов по истории Вятки. А предшественником того ранее был директор народных училищ А. А. Красёв, сменивший на этой должности директора Вятской мужской гимназии С. А. Нурминского, находившегося на этом посту 14 лет – самый продолжительный срок в истории библиотеки. Проводя необходимые преобразования для привлечения молодых читателей, А. Н. Луппов сумел разглядеть в них интерес к истории Вятки и, поддержаный членами Вятской учёной архивной комиссии, в октябре 1909 г. открыл в библиотеке местный отдел. Уже тогда он предрекал славу этому отделу, который «сделался историческим источником для исследовательских работ по изучению местного края, производимых как отдельными лицами, так и учреждениями»¹⁶.

В отчёте библиотеки за 1917 г. отмечалось, что книжный фонд библиотеки превысил 60000 экз. и это позволяло Попечительному комитету считать её «богатой количественно и качественно»: «Она обладает многочисленными материалами, необходимыми для научной разработки различных вопросов и наряду с этим имеет также большое количество хороших научно-популярных сочинений и произведений изящной литературы и может удовлетворить и научного работника, и рядового читателя-гражданина»¹⁷.

События общественно-политической жизни изменили формы управления библиотекой. 4 июля 1917 г. был принят новый устав библиотеки, по которому она отныне управлялась Советом директоров

(5 чел.), избираемых Попечительным комитетом. Совет директоров избирал председателя. Первым председателем Совета директоров стал управляющий делами библиотеки А. Н. Луппов, который сложил с себя полномочия в августе 1918 г. В декабре 1917 г. Совет директоров обратился к губернской земской управе с просьбой принять в своё ведение публичную библиотеку. Но поскольку в 1918 г. земство было упразднено, библиотека оказалась в ведении губернского отдела народного образования, которое предложило разработать заново положение о библиотеке. По новому положению утверждён состав Совета из 4 чел. от Попечительского комитета, учёного библиотекаря и старших библиотекарей; Попечительный комитет состоял из представителей разных общественных организаций и учреждений. В 1919 г. управление библиотекой было передано полностью Совету директоров. Ведение библиотеки легло на учёного библиотекаря Е. В. Гогель. С сентября 1919 г. единственным представителем Совета директоров остался А. С. Лебедев. Совет директоров собирался в 1918 г. 18 раз, в 1919 – 30. Попечительный комитет в 1918–1919 гг. не собирался ни разу. Впервые после 1917 г. Попечительный комитет собрался 5 февраля 1920 г. Председателем комитета был избран А. С. Лебедева, товарищем председателя Н. А. Чарушина, делегатами в Совет были избраны А. Н. Гангес, Н. А. Желваков, А. С. Лебедев и Н. А. Чарушин.

На заседании Совета 12 февраля 1920 г. директором библиотеки была избрана Е. В. Гогель. Так начался новый период в истории библиотеки, который позволил ей после проведённой реорганизации соответствовать статусу научной библиотеки и стать одной из лучших провинциальных библиотек России.

В краеведческом каталоге библиотеки им. А. И. Герцена есть последнее упоминание о Попечительском комитете – ссылка на протокол 4-го собрания Попечительского комитета библиотеки им. А. И. Герцена от 18 марта 1920 г.¹⁸, где состоялось обсуждение вопросов работы местного отдела и его связей с губернским музеем местного края и педагогическим институтом. Так по документам заканчивается деятельность Попечительского комитета Вятской публичной библиотеки. Отдавая ему должное в XXI веке, мы должны сказать, что по мере сил комитет стремился обеспечить существование библиотеки, хотя в разные годы это удавалось по-разному. Библиотека не погибла и не закрылась, как это случилось со многими библиотеками в России, потому что с первого года в ней жили благородные традиции служе-

ния книге, заложенные её основателем А. И. Герценом. Громкие имёна многих членов Попечительского комитета, преданных библиотеке, говорят о том, что для них было честью участвовать в делах библиотеки. Каждый из них преподнёс ей в дар лучшие издания из своей личной библиотеки, тем самым помогая формировать её книжные коллекции.

Примечания

¹ Памятная книжка о состоявших в государственной и общественной службе по Вятской губернии на 1854 год. Вятка, 1853. С. 19.

² Устав Вятской губернской публичной библиотеки. Вятка : Губерн. тип., 1891. С. 7–8.

³ Там же. С. 5–6.

⁴ Отчет о состоянии Вятской губернской публичной библиотеки за 1892 год. Вятка, 1893. С. 5–6.

⁵ Отчет о состоянии Вятской губернской публичной библиотеки за 1916 год. Вятка, 1917. С. 1–2 ; То же // ПКВГ на 1916 год. Вятка, 1917. С. 9–10 (Отд. 1).

⁶ Пискарёв. Нечто о Вятской публичной библиотеке // ВГВ. 1857. № 4, ч. неофиц. С. 17.

⁷ Вести из Вятки // Журн. м-ва нар. просвещения. 1862. Ч. CXIV. С. 186 (Отд. IV). Подп.: Доброжелатель.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 187.

¹⁰ Алабин П. В. Записка заведывающего делами Вятской публичной библиотеки о мерах, принятых к ее устройству // ВГВ. 1862. 24 февр. (№ 12, ч. неофиц.). С. 90–92 ; То же. Вятка, 1862. 9 с.

¹¹ Там же. С. 92.

¹² Каталог Вятской публичной библиотеки / составил попечитель ее П. Алабин в 1862 году. Вятка, 1863. IV, 210, LIII, 4 с.

¹³ Там же. С. III.

¹⁴ Отчет государственной публичной библиотеки имени А. И. Герцена за 1918–1919 гг. // ГАКО. Ф. Р-2483. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–2об.

¹⁵ Документы об организации пожертвований на содержание библиотеки: (текст обращения губернатора В. И. Чарыкова) // ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 468. Л. 3–3 об.

¹⁶ Луппов А. Н. О Вятской публичной библиотеке // Герценка : Вят. записки : [науч.-попул. альм.]. Киров, 2006. Вып. 10. С. 7.

¹⁷ Отчет о состоянии Вятской губернской публичной библиотеки имени А. И. Герцена за 1917 год. Вятка, [1918]. С. 13. Машинопись // КОУНБ им. А.И. Герцена. Краеведческий отдел. Д 291.

¹⁸ ГАКО. Ф. 2483. Оп. 1. Д. 3. Л. 64–67.

**Вятское земство и библиотечное дело
в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)***A. В. Патрушев*

Многогранная деятельность российского земства за свой сравнительно небольшой по времени исторический промежуток включала и внешкольное образование. Оно было достаточно ёмким по своей структуре; сюда входила книжная торговля, организация экскурсий, чтений, спектаклей, создание народных домов и музеев, библиотек и многое другое.

Процесс создания доступных народных библиотек был напрямую связан с земским образованием и теми явлениями в жизни общества пореформенной России, что ярко проявлялись во второй половине XIX в., – социальным и нравственным освобождением, становлением правовых институтов, изменением политических взглядов в обществе и управлении и т. д. Всё это вызывало живой неподдельный интерес к печатному слову практически во всех слоях российского общества. Поэтому характерным явлением, в первую очередь для земских губерний России 70–80-х годов XIX в. и начала XX в., стало массовое появление библиотек, создаваемых земскими организациями. Применительно к Вятской губернии, впрочем, как и по всей стране, это было самодеятельное творчество на местах, опирающееся не только на общероссийские проблемы и приоритеты, но прежде всего на свои интересы и нужды, на здравый смысл. Создание народных библиотек получило горячую и всестороннюю поддержку в обществе, и к началу XX столетия земства имели видимые успехи в этом начинании. Прежде всего, были выработаны определённые правила открытия и содержания библиотек, правила пользования ими. Определились круг читателей, их интересы и перечень востребованной литературы. Возросло в численном отношении количество земских библиотек, увеличился их книжный фонд, закрепилось наработанное опытом их разнообразие (публичные, районные, волостные и т. д.).

Процесс становления земского библиотечного дела в целом под воздействием ряда факторов продолжал своё развитие. Так, в Вятской губернии стали появляться библиотеки, носившие имена видных земских деятелей (А. П. Батуева и М. М. Синцова), стали выпускаться издания губернского земства, ориентированные, прежде всего, на крестьян («Вятская газета» и др.), были проведены обследования

библиотек, анкетирование читателей и т. д. Несмотря на некоторые препятствия (новые правила пользования библиотеками при низших училищах 1912 г., недостаток средств и т. п.), дело внешкольного земского образования принесло развивающемуся обществу существенные успехи, что и отмечали современники тех событий. В юбилейном земском сборнике, вышедшем в 1914 г. по случаю полувекового юбилея земств, отражено мнение известного специалиста в области народного просвещения В. И. Чарнолусского, который даёт высокую оценку земствам в организации библиотечного дела. В числе выдающихся в этом направлении он называет Олонецкое, Уфимское, Вятское и Харьковское губернские земства¹.

Интерес к вопросам становления и развития народных библиотек дореволюционной России в последнее время довольно значителен. Исследованиям в этой области посвящён ряд работ, выступлений, касающихся, как России в целом, так и Вятской губернии в частности². Вместе с тем, годы Первой мировой войны – последний, по сути, период в деятельности земских учреждений, выпадают зачастую из поля зрения исследователей.

Следует отметить, что традиции в области внешкольного образования, наработанные в предшествующие десятилетия, были продолжены и в военное время. К их числу относём борьбу с неграмотностью. Например, на заседании Вятского уездного земского собрания во время проведения 50-ой очередной сессии (сентябрь 1916 г.) указывается на 74,9 % неграмотного населения уезда (по данным за 1912 г.), отсюда – необходимость занятий со взрослым населением. На сессии подробно рассмотрены источники и средства, нужные для этих целей³. Рост сети народных библиотек, ассигнования на их открытие – ещё одна традиция, не забытая в военные годы (по крайней мере, в начале войны). В ходе работы Вятского губернского земского собрания на очередной 47-ой сессии (декабрь 1914 г.) утверждены суммы пособий на открытие и содержание земских и общественных библиотек по уездам губернии. В среднем на районную библиотеку губернское земство отпускало по 300 руб. в год, на библиотеки-читальни – по 175, на волостные – по 25 руб. Однако суммы по уездам значительно отличаются: так, на Елабужский уезд – 1425, а на Глазовский – 7400 руб., на вновь открываемые библиотеки в Вятском уезде – по 825, а в Уржумском – по 300 руб. и т. п. Общая же сумма ассигнований губернского земства выразилась в 56592 руб.⁴ По-прежнему сохранялась прочная связь между земс-

кими организациями и публичными библиотеками, куда первые регулярно отправляли отчёты о своей деятельности. К примеру, в фондах Вятской публичной библиотеки имени Николая I оседали отчёты о деятельности уездных и губернских управ, журналы заседаний земских собраний, доклады к ним (которые сегодня являются серьёзнейшим источником для исследователей)⁵. Традиционным оставалось снабжение библиотек специализированной литературой для земской интеллигенции (например, для учителей ежегодно выписывались такие издания, как «Школьная жизнь», «Воспитание и образование», и др.).

Вместе с тем война обострила существующие ранее проблемы размещения и особенно финансирования земствами библиотек⁶. Но не эти новшества стали приоритетными в организации библиотечного дела местными органами самоуправления. На первый план выходило то новое, что внесено было в повседневную жизнь населения нуждами и тревогами Отечественной войны. Прежде всего, спрос на информацию о ходе военных действий, о раненых, пленных близких. Способы удовлетворения народного спроса земствами избирались различные: это снабжение библиотек средствами массовой информации (прежде всего, газетами), пользующимися в обществе доверием; так называемые «телеграммы»—послания губернского и уездных земств в волостные правления, которые, как отмечала газета «Вятская речь», в деревне ценят, берут нарасхват. Но высказывались и пожелания: информации мало — нужен обзор военных действий и внутренней жизни страны⁷. Земствами была отмечена ещё одна информационная тенденция тех дней — в библиотеки всё чаще стали приходить люди с просьбами — прочесть или рассказать о войне. Заведующие библиотеками не всегда были подготовлены, отсюда возникло предложение по их учёбе и обмену опытом⁸. К другим способам информирования населения тех лет, которые использовало земство, привлекая возможности народных библиотек, можно отнести организацию и чтение различных лекций, докладов и т. п. Необходимо отметить, что в период Первой мировой войны стали появляться издания на национальных языках народов Вятской губернии (марийском, татарском, удмуртском), в том числе публикующие информацию о событиях на фронте, как например, газета на марийском языке «Война увер», в организации которой приняло участие губернское земство Вятки.

Ещё одним направлением деятельности, где земства использовали силу печатного слова, стала организация досуга населения, особенно в сельской местности. С введением запрета на продажу крепких спиртных напитков возникла проблема культурного времяпрепровождения (особенно на селе), для решения которой земства через библиотечную сеть стремились дать народу здоровую духовную пищу. Были успехи и в этом начинании: как отмечала пресса тех лет, крестьяне собирались в библиотеках, избах-читальнях, обсуждали прочитанное, иногда на стенах вывешивали карты военных действий, где отмечались события на фронте⁹.

По-новому стали звучать и названия некоторых книг, изданий, приобретаемых для библиотек (особенно публичных) в годы Первой мировой. Среди них мы встретим такие: «Чего ждать России от войны?» Туган-Барановского, «Борьба с немецким засильем в акционерном деле» Башмакова, «Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства», «Дороговизна жизни и борьба с нею» и т. д.¹⁰

Заботясь о повышении культуры сельского труженика, эффективности его труда, земства через газеты информировали об условиях жизни европейских крестьян, уровне их хозяйствования, достижениях. Так, в феврале 1915 г. газета «Вятская речь» публикует цикл статей о поездке крестьян Малмыжского уезда в Моравию, где даётся описание увиденного, сравнение жизни российского и чешского крестьянина. Выводы сделал на страницах газеты уездный земский агроном А. Машковцев¹¹. Эти и другие публикации через библиотечную сеть становились доступны для жителей села.

Таким образом, в период Первой мировой войны земства России и Вятской губернии смогли сохранить основные традиции библиотечного дела, направленные на развитие провинциальной культуры. Вместе с тем в новых условиях они смогли использовать потенциальные возможности народных библиотек для удовлетворения изменившихся потребностей общества и государства. Многое из наработанного опыта (в том числе и за последний период) стало фундаментом новой советской библиотечной системы в последующие годы.

Примечания

¹ Богданов В. Г. Олонецкое земство и внешкольное образование (земские библиотеки) // Материалы 4-й науч. конф. «Рябининские чтения-2003» : сб. науч. докл. Петрозаводск, 2003.

² См. напр.: Валеева Н. Г. Библиотечно-просветительская деятельность Казанского и Вятского земств, 1865–1915. М., 2005 ; Богданов В. Г. Указ. соч.; Киценко О. С. Со-

циально-культурная деятельность земских учреждений Саратовской губернии (1866–1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005.

³ ЖВУЗС 50-й очередной сессии 1916 г. Вятка, 1916. С. 284–286.

⁴ ЖВГЗС 47-й очередной сессии 1914 г. Вятка, 1915. С. 77–82.

⁵ См., напр.: ГАКО. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–2, 14.

⁶ ЖВУЗС 50-й очередной сессии 1916 г. Вятка, 1916. С. 280–281.

⁷ Вят. речь. 1915. 21 янв. (№ 16). С. 2.

⁸ ЖВУЗС 50-й очередной сессии 1916 г. Вятка, 1916. С. 279.

⁹ Вят. речь. 1915. 21 янв. (№ 16). С. 2.

¹⁰ См., напр.: ГАКО. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 165. Л. 34.

¹¹ Вят. речь. 1915. № 32–34, 37. С. 2–3.

Дворянские книжные коллекции в Поволжском kraе

Э. Н. Валеев

Николай Михайлович Карамзин в издаваемом им «Вестнике Европы» в 1802 г. писал о возрастающем интересе дворян к чтению: «Я знаю дворян, которые имеют ежегодного дохода не более 500 рублей, но собирают библиотеки, радуются. Читают каждую книгу несколько раз и перечитывают с новым удовольствием»¹. Книги в домашних собраниях удовлетворяли потребности дворян в духовно-нравственном чтении, позднее – в наметившейся тенденции к занимательному чтению романов зарубежных авторов, в переводах и в подлинниках, стихотворений, драм, комплектов журналов. Известный исследователь «дворянских гнёзд», один из организаторов «Общества изучения русской усадьбы» А. Н. Греч (1899–1938) писал: «Исклучительная своеобразность старинных русских библиотек создаётся благодаря обилию в них французских книг XVIII в. Французская книга XVIII в. не только в России, но и во всём мире была тем же, что и латинская для XV–XVI вв. Всё лучшее, появлявшееся в других странах, переводилось на французский язык»². Французский язык в России во второй половине XVIII в. был языком общения дворянской интеллигенции. Французская изящная словесность была представлена от Рабле, Мольера, Лафонтена (XVI–XVII вв.) до Мопассана, Золя, Роллана (вторая половина XIX в.). Новые издания, как правило, выписывались из-за границы. «Из 839 романов, переведённых в XVIII веке с иностранных языков на русский, было переиздано 336, из 104 оригинальных русских романов – 55»³. Усадебные библиотеки были весьма разнообразны. Их со-

став отражал характер, склонности, занятия владельцев. Иные книжные собрания формировались в библиофильских целях. Исследование личных книжных коллекций позволяет по-новому осветить некоторые аспекты формирования мировоззрения провинциального дворянства, показать истоки духовности.

Появление дворян в поволжских губерниях явилось результатом политики императрицы Екатерины II. Генеральное межевание с целью упорядочения и юридического оформления казённого и частного землевладения было проведено согласно Манифесту 19 сентября 1765 г. С 1775 г. дворяне становились не только землевладельцами уезда, но и его администраторами: периодически избирались уездные предводители дворянства. Через своих представителей дворянство участвовало во всех текущих делах административно-территориальных образований. Усиление земледельческих прав дворян отмечалось и в последующие годы. Дворянское землевладение в Поволжье было расширено за счёт ликвидации вольных крестьянских заимок, продажи помещикам из казны по низкой цене степных земель, не имевших законных владельцев. Период недолгого царствования Павла I (1796–1801) был ознаменован массовой раздачей казённых земель. Многие из помещиков, получившие незаселённые участки, продавали их тем, кто собирался переселять туда своих крепостных крестьян. Так, в поволжских губерниях появились многочисленные дворянские поместья, усадьбы, непременным атрибутом которых стали личные библиотеки их владельцев. Книжные собрания родовитой аристократии становились приметным явлением культурно-исторической жизни страны, составляли глубокий пласт её культурного наследия. На страницах книжной периодики всё чаще появлялись корреспонденции, содержащие правила организации и размещения в домашнем пространстве книжного собрания, давались советы по расстановке книг: «При небольших библиотеках книги лучше переплетать одинаково, в переплёты одного цвета, в более крупных – можно разнообразить цвета переплётов книг по отраслям наук или по шкафам. Заглавие, оттиснутое на переплёте, должно сопровождаться номером книги по счёту и номером шкафа, в котором она находится. Обязанности библиотекаря всегда может взять на себя один из менее занятых членов семьи, заботливо поддерживая порядок и чистоту среди книг»⁴. В формировании книжных коллекций лучших представителей российских аристократов проявлялись государственные интересы дворян. Ху-

дожественные, творческие, читательские вкусы семейств запечатлены в книгах по мировой истории, географии, в духовной литературе, естественнонаучных и философских трактатах, в сочинениях русской и зарубежной классики.

В Симбирской губернии в первой трети XIX в. широкую известность получила библиотека дворян Языковых, особую популярность которым принёс Николай Михайлович Языков, поэт пушкинской плеяды. Пётр (1798–1851), Александр (1799–1874) и Николай (1803–1846) Языковы слыли образованными людьми своего времени. Пётр Михайлович Языков, старший брат, был одним из инициаторов создания памятника Н. М. Карамзину, поддержал идею организации в Симбирске Карамзинской общественной библиотеки, стал первым председателем её комитета. Личная библиотека братьев Языковых несла на себе печать времени. Она состояла из книг, альманахов, журналов, в которых была запечатлена эпоха XIX – начала XX в. Тексты художественных произведений античного мира и средневековья, труды известных учёных-историков, философов, лингвистов свидетельствуют о глубоких научных, общественно-политических, эстетических интересах её владельцев. Знакомство с этой библиотекой высвечивает в целом духовную жизнь не только их владельцев, но и отчасти российского провинциального общества.

Основу коллекции составляло собрание книг поэта Языкова. Первые опыты по формированию личной книжной коллекции относятся к 20-м годам XIX столетия. В то время семнадцатилетний юноша Языков перебрался из Петербурга в Дерпт и готовился к поступлению в университет. Им приобретались книги по словесности, теории и истории литературы. Рабочий характер личного собрания проявился также в наличии разнообразных словарей, энциклопедического лексикона А. Плюшара, историко-географических и статистических справочников.

В Ульяновской областной научной библиотеке сохранилась часть фонда книжной коллекции дворян Языковых, насчитывающая около 2000 экземпляров. Визуальный осмотр этого собрания подтверждает серьёзность намерений владельцев, потребность в чтении которых вызвана в большей степени их профессиональной деятельностью. Среди книг братьев Языковых важное место занимала «изящная словесность» – сочинения в прозе и стихах русских авторов-современников, греческие и римские классики, книги по теории и истории литературы, теоретические и практические лингвистические труды.

Сочинения современников приобретались у столичных издателей, порой получали в дар от братьев по «литературному цеху», со многими из которых поэта Языкова связывала тесная дружба. Наряду с сочинениями А. С. Пушкина (1799–1837), И. А. Крылова (1769–1844), В. А. Жуковского (1783–1852), А. А. Дельвига (1798–1831), Е. А. Баратынского (1800–1844), Д. В. Веневитинова (1805–1827) имеются книги менее известных авторов. Например, казанской поэтессы Александры Андреевны Фукс (1805–1853), устроительницы литературных салонов, среди посетителей вечеров были симбирские поэты Языков и Озношишин. Николай Михайлович Языков посвятил ей одно из стихотворений:

*Завиден жребий ваши: от обольщений света,
От суетных забав, бездушных дел и слов
На волю вы ушли, в священный мир поэта,
В мир гармонических трудов⁵.*

Классическим примером дворянского книжного собрания являлась усадебная библиотека князей Куракиных в родовом имении Надеждино Сердобского уезда Саратовской губернии. Известный государственный деятель Российской империи, князь Александр Борисович Куракин (1752–1818), действительный тайный советник I класса, член Государственного Совета в период правления императрицы Екатерины II удалился из столицы, поселился в Надеждине, роскошно устроил свою резиденцию, собрал громадную библиотеку и зажил жизнью богатого барина. Коллекция полотен «Храм Лады. Вид в парке имения Куракиных. Надеждино», «Храм терпения», «Храм истины» русского художника Василия Петровича Причетникова (1767–1809), хранящихся в художественном музее Твери, запечатлела уникальную усадьбу начала 1800-х годов и вобрала высокий духовный порыв её хозяина. Портрет А. Б. Куракина кисти Владимира Лукича Боровиковского (1757–1825) украшает залы Третьяковской галереи.

Библиотека князей Куракиных состояла из книг XVIII – XIX вв. по богословию, философии, логике, медицине, земледелию, истории, внешней политике, текстов художественных произведений в подлинниках и переводах, в основном, с французского языка. Большую ценность представляют рукописи семейного архива для изучения истории XVIII–XIX вв. «Переписываясь со своими приятелями о придворных и других важных событиях, делая для себя извлечения из иностранных газет, он в то же время выслушивал внимательно доклады

своих подчинённых, обращался к ним за практическими советами, изучал законы и правительственные инструкции и составлял подробные записи. Из накопившихся деловых и хозяйственных бумаг, писем, справок, извлечений образовался со временем архив. Бумаги по каждому году или по нескольким годам князь собственноручно отделял в особый том, отдавал тома в переплёт. К каждому тому прилагал собственноручную записку о его содержании на корешках⁶, – писал о нём Николай Васильевич Калачов (1819–1885), директор московского архива Министерства юстиции, инициатор и основатель учёных архивных комиссий и Археологического института в Петербурге. При разгроме усадьбы в 1917 г. все реликвии были уничтожены. Такая участь постигла многие другие усадебные коллекции. Более 1000 экз. книг из личного собрания дворянина Николая Валерьевича Алашеева были уничтожены крестьянами в 1917 г. Эта библиотека находилась в его родовом имении, в с. Токмашка Елабужского уезда Вятской губернии. Н. В. Алашев, председатель уездной земской управы, депутат II Государственной Думы от Вятской губернии, попечитель многих народных школ в городе и уезде, детских приютов, слыл гуманным и образованным человеком. Большую часть его библиотеки составляли книги по истории религии, философии, отечественной и всемирной истории.

Каждая библиотека имела совершенно особый, индивидуальный характер, в котором отражалась духовная жизнь, образовательный, культурный уровень представителей различных генераций семейств. В книжной коллекции дворян Ознобишиных в с. Троицкое Симбирской губернии оседали «местные», краеведческие материалы, что давало основание современникам «причислять библиотеку к числу основных источников для изучения Симбирской губернии»⁷. Эта библиотека начиналась в XVII веке. Её основание было положено прадедом, дедом и отцом поэта Дмитрия Петровича Ознобишина (1804–1877), а затем его сыном и внуком Дмитрием Ивановичем, который, уезжая из России в 1903 г. после окончания полного курса Академии Генерального штаба, вывез в Париж часть книжного собрания.

Идентифицирующим признаком книжной коллекции Ознобишиных явилось также наличие трудов известных учёных-ориенталистов. Эта особенность была подмечена казанской поэтессой А. А. Фукс, которая посетила дом поэта в 30-е годы XIX столетия. В письме мужу, Карлу Фёдоровичу Фуксу (1776–1846), профессору медицины Казанского университета, она сообщала: «Я слушала его [Дм. Петр.] с боль-

шим удовольствием, он не только поэт, но и учёный, знает многие языки, даже восточные, очень любит историю. Я видела его библиотеку и получила позволение брать из неё книги. Они также получали все русские журналы⁸. Ещё одной важнейшей чертой книжного собрания Озношиных был его библиофильский характер. На редких и особо ценных экземплярах не ставились никакие пометы. Лишь любовью к собирательству объясняется нежелание поэта дарить книги в Карамзинскую общественную библиотеку.

В книжных собраниях российских дворян, не стеснённых денежными средствами, нередко встречались и русские первопечатные книги, и масонская книга, и литература по богословию. Это труды отцов Церкви, философов, богослужебная книга. Их состав отвечал идеалам просвещения XVIII в. А сама усадьба представляла собой симбиоз «литературного гнезда» и «сельского уюта» с садами, прудами, липовыми аллеями, разнообразными постройками прикладного назначения. Для библиотеки дворян Аксаковых в имении Куроедово Уфимской губернии характерен универсальный состав и многоязычие книжных текстов. Коллекция насчитывала более 15000 томов по богословию, истории, социологии, философии, логике, литературной критике. Книги на старославянском, латинском, французском, немецком языках принадлежали писателю Сергею Тимофеевичу (1791–1859), выпускнику Казанской гимназии и университета, и его сыновьям, писателям, философам, публицистам – Константину Сергеевичу (1817–1860) и Ивану Сергеевичу (1823–1886).

Помещичье дворянство XVIII–XIX вв. чаще всего формировало книжные коллекции для членов своей семьи, они были недоступны для посторонних. «Библиотеки берегли больше всей прочей обстановки старинного дома. Иногда, во время какого-нибудь спора, владелец усадьбы подходил к шкафу, отворял скрипящую стеклянную дверцу шкафа, доставал нужную ему для справки книгу»⁹. Такие библиотеки часто переходили детям и внукам, которые пополняли их новыми книгами нового времени. Книга часто заменяла общение с людьми, являлась средством познания и осмысливания человеческого бытия. Как не вспомнить здесь афористичные высказывания о книгах мудрой, но ещё юной Марине Ивановны Цветаевой (1892–1941), которые она изложила в письме Максимилиану Александровичу Волошину (1877–1932) в апреле 1911 г. Она, Цветаева, будто бы сама из трепетно любимого ею «осмынадцатого» века. «Я забываюсь только одна, только в книге, только над книгой!.. Книги

мне дали больше, чем люди. Воспоминание о человеке всегда бледнеет перед воспоминанием о книге»¹⁰.

Изучение дворянских книжных собраний интересно историко-литературными подробностями, позволяет глубже понять духовное начало высшего сословия страны, способствует воссозданию ярких исторических портретов людей, которые снискали уважение и почтение потомков.

Примечания

¹ Карамзин Н. М. О книжной торговле и любви к чтению в России // Вестник Европы. 1802. Май (№ 9). С. 59–60.

² Греч А. Н. Венок русским усадьбам // Памятники Отечества. М., 1994. Вып. 32. С. 34–35.

³ Куфаев М. Н. История русской книги в XIX веке. М., 2003. С. 45.

⁴ Фрейтаг Г. Устройство домашних библиотек // Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольфа. 1902. Апр. (№ 7). С. 70.

⁵ Языков Н. М. Стихотворения : в 2 ч. СПб. : Тип. Академии наук, 1858. Ч. 2. С. 54.

⁶ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т 1, кн. 2. Киев : Тип. Ун-та св. Владимира, 1892. С. 1132–1133.

⁷ Библиотека Озибишиных : каталог / сост. В. В. Морозова. Ульяновск, 2006. С. 9.

⁸ Фукс А. А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 46–47.

⁹ Гласко Б. Старые русские помещичьи библиотеки // Русский библиофил. 1912. № 2. С. 21.

¹⁰ Цветаева М. И. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6 : Письма. М. : Эллис Лак, 1995. С. 46–47.

Литературные веечера в Елабуге середины XIX века (по материалам вятской прессы)

A. A. Уткин

Российская провинция долгое время оставалась малоэнергичной к культурной модернизации России, попыткам её европеизации, истоки которых восходят к преобразованиям Петра I начала XVIII в. За исключением культурных центров страны – Петербурга, Москвы, их окрестностей, а также некоторых губернских центров, прежде всего университетских, новшества, довольно низкие, с качественной точки зрения, выражались, в основном, во внешней подражательности в быту. Ещё в начале XIX в. значительная часть провинциального дворянства, чиновничества, духовенства, купечества оставалась малообразованной, развитие культуры ограничивалось чаще всего лишь внешней имитацией столичной моды. Общественная жизнь в

уездных городах страны, которые по внешнему облику были схожи, скорее, с сельскими поселениями, протекала в рамках традиционной культуры.

В первой половине XIX в. культурно-массовая жизнь Елабуги, уездного центра Вятской губернии, не отличалась разнообразием и, по-видимому, ограничивалась проведением празднований каких-либо значимых государственных и религиозных событий. Интеллектуальная жизнь находилась на крайне низком уровне. Корреспондент «Вятских губернских ведомостей» в 1862 г. отмечал, что в Елабуге «уездная жизнь ограничивается исполнением праздничных и очередных визитов с их обыкновенными закусками, кофе и разговорами о службе, о своих и чужих семейных обстоятельствах, о нарядах и т. п. и вечерними собраниями знакомых с обычными же угожениями, скучою, иногда с танцами и непременно картами...»¹

Оживление общественно-культурной жизни Елабуги приходится на начало 1860-х гг. Под влиянием «оттепели» начала царствования императора Александра II, в целом либерализации внутриполитического курса складываются условия для активизации деятельности демократической интелигенции. На рубеже 1850–1860-х гг. в столичных и крупных провинциальных центрах страны ширится движение за развитие просвещения и культуры в широких народных массах. Проявлением этого стало возникновение воскресных школ, развитие женского образования, организация публичных лекций, литературных и музыкальных вечеров. К началу 60-х гг. XIX в. волна демократического движения за развитие культуры и просвещения докатилась и до уездной Елабуги. В 1862 г. «Вятские губернские ведомости» отмечают, что в Елабуге впервые было устроено несколько литературных вечеров.

Практика их проведения в России уже сложилась в 40–50-х гг. XIX в. К началу 1860-х гг. они стали одной из массовых форм интеллектуального проведения досуга, как в столичных, так и многих провинциальных городах². На них, как правило, читались отрывки из литературных произведений, литературная критика, публицистика. Литературные вечера являлись формой просветительской деятельности передовых слоёв общества, развивали интерес к чтению, служили расширению кругозора, повышали образованность присутствующих. В их организации и проведении принимали активное участие либеральные и радикальные деятели общественного движения.

Инициатива проведения литературных вечеров в Елабуге принадлежала городовому врачу, директору Александринского детского приюта, писателю Николаю Александровичу Иозефовичу, а также двум преподавателям уездного училища – Алексею Николаевичу Калугину и Александру Герасимовичу Пухову. Кроме организаторов, в проведении литературных вечеров приняли участие ещё семь человек, среди которых были две женщины – А. А. Иозефович и Дмитриева, а также два священника – законоучители уездного и женского училищ³. Таким образом, заслуга в проведении литературных вечеров в Елабуге принадлежит представителям демократической интеллигенции, связанной, прежде всего, со сферой образования. Вятская губернская газета отмечала, что данным начинанием и участием в нём женщин Елабуга «не уступает губернскому городу, а участием священников опередила не только Вятку, но едва ли не все другие города, сделав этим значительный шаг к сближению и объединению в общественной жизни чуждающихся и почти не прикасающихся друг к другу (так называемых) духовного, чиновного и градского сословий»⁴. Данное указание имеет весьма существенное значение. В провинции женщины в середине XIX в. ещё традиционно считались принадлежностью только семейно-бытовой жизни; среди них редко встречались представительницы с наличием какого-либо уровня образования. Массовое женское просвещение в России только начало о себе заявлять на рубеже 1850–1860-х гг. Традиционно вне сферы общественно-политической жизни находилось духовенство, которое в своей подавляющей массе оставалось приверженным крайним консервативно-патриархальным взглядам. Применительно к середине XIX в. мы можем назвать лишь считанное количество известных деятелей Русской православной церкви, которые выступали за более тесную связь церкви с обществом.

Литературные вечера в Елабуге проводились в здании уездного училища⁵. Их содержание отличалось разнообразием. На первых трёх вечерах Н. А. Иозефовичем были прочитаны его заметки «О кофе», «О чае», «О табаке». На следующих – «Параллель заграничных городов с русскими», литературные статьи, а также «Лекции проф. Бабста»⁶.

Профессор кафедры политической экономии и статистики И. К. Бабст принадлежал к числу либеральной профессуры Казанского университета. Он одним из первых в Казани публично выступил с прогрессивными либеральными идеями. В 1857 г. И. К. Бабст пере-

шёл на службу в Московский университет. Его лекции в то время не публиковались. Смеем предположить, что они были завезены в Елабугу одним из его многочисленных студентов. Не исключено, что на одном из елабужских литературных вечеров была оглашена имевшая большой общественный резонанс его речь, прочитанная в 1856 г. на актовом собрании Казанского университета «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», вскоре вышедшая отдельными изданиями в Казани и Москве. Обширные выдержки из неё в своё время были опубликованы в ряде центральных журналов, в том числе таких популярных, как «Современник» и «Русский вестник». В этой речи И. К. Бабст едва ли не первым среди общественных деятелей России высказался в печати за освобождение крепостных крестьян, а также против злоупотреблений администрации, критиковал потребительский образ жизни и сословный монополизм двоинства, выступил за свободу предпринимательства⁷.

В дальнейшем на литературных вечерах в Елабуге отдавалось предпочтение классикам русской литературы. Были прочитаны отрывки из произведений И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя «Мёртвые души», «Записки сумасшедшего», «Нос», «Повесть об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче», «Ревизор», несколько басен И. А. Крылова, стихотворения М. Ю. Лермонтова «Поэт» и «Молитва» и их разбор В. Г. Белинского, стихотворения Т. Г. Шевченко. Священники – законоучители уездного и женского училищ – читали статьи духовного содержания, среди которых «Прогресс и христианство» из журнала «Православное обозрение»⁸. Всего зимой – весной 1862 г. в Елабуге было проведено 12 литературных вечеров⁹, вызвавших живой интерес у общественности. В «Вятских губернских ведомостях» указывалось, что «на первом вечере посетителей было человек 25, на втором более 50, а на последующих ещё более»¹⁰. Вечера проводились бесплатно, что также можно рассматривать как проявление демократизма их организаторов. Однако вятская губернская газета упрекала их за это, указывая на полезность введения платы за посещение вечеров для последующего направления выручки на дело общественной благотворительности¹¹.

После зимы – весны 1862 г. на страницах «Вятских губернских ведомостей» ещё несколько раз упоминается о проведении литературных вечеров зимой 1862–1863 гг.¹² и одного литературно-музыкального вечера с благотворительной целью – в 1876 г.¹³ Сокращение их количества, возможно, было вызвано усилившимися с

1862 г. правительственными ограничениями на проведение литературных вечеров, что являлось реакцией на использование данной формы просветительской работы представителями радикального движения с целью пропаганды революционных идей¹⁴. К числу причин постепенного прекращения проведения литературных вечеров также можно отнести появление и развитие в Елабуге второй половины XIX в. других форм массового культурного досуга – любительских спектаклей, театра, концертов, различных благотворительных мероприятий и др.

Таким образом, литературные вечера в Елабуге явились первым опытом организации культурного досуга с просветительской целью, дали импульс использованию других форм культурно-массовой работы, способствовали началу общественного пробуждения елабужской провинциальной общественности.

Примечания

¹ ВГВ. 1862. 31 марта (№ 13, ч. неофиц.). С. 100.

² Литвина Ф. А. Легальные формы пропаганды разночинцев-демократов 60–70-х гг. XIX в. : (Литературные вечера, чтения, собрания). Казань, 1986. С. 33.

³ Литературные вечера в Елабуге // ВГВ. 1862. 31 марта (№ 13, ч. неофиц.). С. 100 ; Уездные литературные и музыкально-литературные вечера // Там же. 5 мая (№ 18, ч. неофиц.). С. 137–138 ; ПКВГ на 1860 г. Вятка, 1860. С. 86–89.

⁴ ВГВ. 1862. 5 мая (№ 18, ч. неофиц.). С. 138.

⁵ Литературные вечера в Елабуге // ВГВ. 1862. 12 мая (№ 19, ч. неофиц.). С. 146.

⁶ ВГВ. 1862. 31 марта, № 13, ч. неофиц. С. 100. Слова в Вятских губернских ведомостях «...на последующих (были прочитаны – А.У.) лекции проф. Бабста, учителем истории «Параллель заграничных городов с русскими», другими – статьи литературные». И. П. Шишкным, на наш взгляд не совсем правильно интерпретировались как «лекции профессора Бабста о параллели заграничных городов с русскими...» (См.: Шишkin И. П. История города Елабуги с древнейших времён. Елабуга, 2007. С. 131). Можно предположить, что на одном из литературных вечеров в Елабуге читались отрывки из путевых заметок И. К. Бабста из заграничного путешествия, печатавшиеся в 1858 г. в либеральном журнале «Атеней» и впоследствии вышедшие отдельной книгой «От Москвы до Лейпцига».

⁷ Бабст И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала // Бабст И. К. Избранные труды. М., 1999. С. 100–127. О нём см.: Уткин А. А. Социально-политические взгляды И. К. Бабста (казанский период) // Проба пера : сб. ст. молодых историков / науч. ред. Г. П. Мягков. Казань, 1998. Вып. 2. С. 45–61 ; Уткин А. А. Либеральная интеллигенция Казани на рубеже 50–60-х гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 57–70.

⁸ ВГВ. 1862. 5 мая (№ 18, ч. неофиц.). С. 137–138 ; 12 мая (№ 19, ч. неофиц.). С. 146.

⁹ Там же. С. 137.

¹⁰ Там же. 31 марта (№ 13, ч. неофиц.). С. 100.

¹¹ Там же. 5 мая (№ 18, ч. неофиц.). С. 138.

¹² Там же. 1863. 9 марта (№ 10, ч. неофиц.). С. 94.

¹³ Там же. 1876. 1 мая (№ 35). С. 3.

¹⁴ Литвина Ф. А. Указ. соч. С. 99–106.

**Царевококшайский альбом:
страницы истории и культуры российской провинции
конца XIX – начала XX веков**

C. B. Старикин

Среди современной краеведческой литературы видное место занимают издания по филокартии – вспомогательной исторической дисциплине, изучающей открытки. Старинная иллюстрированная открытка была и остаётся важнейшим источником нашего познания не столь давнего прошлого. Россия рубежа XIX–XX вв. нашла в открытке достойное отражение. Открытками с видами русских городов иллюстрируют сегодня многие краеведческие издания. Выходит в свет специальная серия книг, альбомов, наборов открыток, посвящённых отдельным городам России. Коллекционеры-филокартисты открывают свои собрания людям, проводятся выставки, презентации.

В последние годы получила распространение такая форма иллюстрированных изданий, как старинный альбом. Она позволяет представить картину жизни уездного или губернского города через открытку и фотографию. Комбинированные книги-альбомы включают в себя старинные открытки с видами города, фотографии горожан, имевших место событий, поздравительные почтовые карточки, адресованные горожанам, рекламные сюжеты и прочий местный иллюстративно-документальный материал.

Одними из первых обратились к этой форме подачи краеведческого материала тверские филокартисты. Сначала они начали публикацию серии брошюр «Тверская губерния на почтовых открытках». Это каталоги старинных открыток по городам, монастырям и сёлам губернии. Сегодня опубликовано 15 выпусков¹. По Твери в 2005 г. был издан «Бабушкин альбом»². Кроме того, издатель тверской серии А. Н. Семёнов подготовил и издал «Старый московский альбом»³, а также «Волжский альбом Дмитриева»⁴. Эти издания интересны тем, что представляют собой своеобразные каталоги открыток. Так, «Волжский альбом Дмитриева» включил практически все открытки волжских серий, изданные знаменитым фотографом, фо-

толетописцем Волги Максимом Петровичем Дмитриевым. При этом автор альбома разместил открытки таким образом, что они иллюстрируют Волгу от истока до устья. Полиграфическое исполнение этих альбомов весьма хорошее. Репродукции с открыток выполнены в полноцветной гамме. Страницы тверских альбомов исполнены в стиле старинного альбома.

Самарские краеведы-филокартисты В. Е. Кузнецов и С. Ф. Рудняев выпустили «Самарский альбом»⁵. Это фундаментальное издание самарских открыток конца XIX – начала XX вв. Впервые тщательно подобраны виды Самары по улицам и площадям, представлены тематические сюжеты. Открытки кратко описаны, включены свидетельства современников, путешественников, что оживляет рассказ о старой Самаре. К альбому приложена старинная карта Самары. Альбом выполнен в тоновой коричневой и чёрно-белой гамме.

Издания открыток в альбомной форме были предприняты и в других городах⁶. Автор данной статьи в конце 2008 г. опубликовал свою новую книгу «Царевококшайский альбом: эпоха, город и горожане на старинных открытках и фотографиях»⁷. Замысел книги состоял в том, чтобы ввести читателя в эпоху, дать ему возможность совершить путешествие в прошлое с помощью старинной открытки, писем, фотографий, свидетельств современников той эпохи, чтобы он почувствовал дух времени, осознал, что прошлое всегда с нами, всегда рядом. Оно тысячами нитей связано с современностью, является той кладовой, из которой мы черпаем силу, где бьют родники нашей истории и культуры. Образ старинного альбома, на наш взгляд, позволяет задуматься о своих истоках, о своём существовании, обрести своё истинное предназначение.

«Царевококшайский альбом» включил в себя четыре раздела. Первый – «Секреты старинного альбома» – вводит читателя в мир старинной русской открытки, которая в начале XX в. была не только открытм письмом, посыпавшимся по почте, но и несла в себе уникальные образовательные, познавательные и культурные функции. Открытка превратилась в универсальное средство познания мира. Увлечение открыткой стало символом той эпохи: альбомы с открытками имелись во многих семьях. Читатель откроет для себя секреты старинного альбома: какие открытки собирали и хранили, какими особенностями обладали альбомы учителей, врачей, земских деятелей, купцов. У каждого альбома были свои секреты. Открыть их – значит понять ушедшую эпоху.

Второй раздел «Виды Царевококшайска» рассказывает о видовых открытках, которые запечатлели облик уездного Царевококшайска. Автором собраны практически все виды города на открытках и фотографиях, включая ранние, сувенирные открытые письма, фотокарточки, почтовые карточки. Подробно рассказывается об издателях открыток, сюжетах.

Уникальны материалы о серии почтовых карточек с видами Царевококшайска, изданной братьями Александром и Амфилохием Козлихиными в 1915–1916 гг. Читатель совершает прогулку по улицам и площадям Царёва города на Кокшаге, побывает в храмах, обозревая их святыни, посетит ярмарку на Базарной площади, царевококшайскую почту. С ним поделятся своими впечатлениями писатели, путешественники, посетившие город в XIX – начале XX вв., современники и старожилы города.

Третий раздел «Горожане и городская жизнь», тесно связанный с двумя предшествующими, повествует о фотографической летописи Царевококшайска. Старинные фотографии запечатлели облик царевококшайцев – горожан разных сословий, чинов и званий. Читатель узнает, где фотографировались жители города, каких мастеров светописи они предпочитали. «Царевококшайский альбом» представляет городские власти, полицию, видных общественных деятелей, знаменитых царевококшайцев – уроженцев города, которые внесли свою лепту в развитие русской науки, литературы и культуры, учительскую и земскую интеллигенцию, медицинских работников, духовенство, специалистов лесного дела, купцов, торговцев, военных и просто горожан. Немало страниц альбома отведено участию царевококшайцев в общероссийских событиях и починках, их верности своему Отечеству в дни торжеств и бед народных, военному подвигу на фронтах Первой мировой войны.

Выход альбома был приурочен к 425-летию города Йошкар-Олы в 2009 г. Он вместил на своих страницах более 420 старинных открыток и фотографий. Работа над ним – итог почти двадцатилетней деятельности по собиранию, изучению и популяризации материалов о Царёве городе на Кокшаге – одном из малых городов Российской империи эпохи Государя Императора Николая II.

Создание подобных альбомов по другим городам России – настоятельная необходимость. Именно в форме старинного альбома, как нам представляется, можно использовать старинную видовую открытку и фотографию с максимальной эффективностью. Альбомный ва-

риант позволяет ощутить пульс и колорит ушедшей эпохи, проникнуть в неё, подарить читателю и зрителю минуты приятного соприкосновения с нашим прошлым, ощущения гордости и своей сопричастности к истории нашего Отечества.

Примечания

¹ Корчева на старых открытках. Тверь, 2003 ; Красный Холм на старых открытках. Тверь, 2004 ; Калязин на старых открытках. Тверь, 2004 ; Кимры на старых открытках. Тверь, 2004 ; Верхневолжье фотографа М. П. Дмитриева. Тверь, 2004 ; Весьегонск на старых открытках. Тверь, 2005 ; Монастырь Нилова Пустынь на старых открытках. Тверь, 2005 ; Зубцов на старых открытках. Тверь, 2005 ; Старица на старых открытках. Тверь, 2006 ; Бежецк на старых открытках. Тверь, 2006 ; Ржев на старых открытках. Тверь, 2006 ; Погост Буйлово на старой открытке. Тверь, 2006 ; Село Каменное на старых открытках. Тверь, 2006 ; Осташков и его окрестности на старых открытках. Тверь, 2007 ; Кашин на старых открытках. Тверь, 2008.

² Бабушкин альбом: Губернский город Тверь глазами тверских фотографов на открытках конца XIX – начала XX веков / под ред. : В. Л. Руденко, А. Н. Семенова. Тверь, 2005.

³ Старый московский альбом: Москва на открытках конца XIX – начала XX века / сост. и ред. А. Н. Семенов. Тверь, 2007.

⁴ Волжский альбом Дмитриева / сост. и ред. А. Н. Семенов. Тверь, 2008.

⁵ Самарский альбом: Самара в открытках и фотографиях конца XIX – начала XX века / сост.: В. Е. Кузнецов, С. Ф. Рудняев. Самара, 2006.

⁶ Петраков В. В., Машковцев В. П. Маленький Париж: Елисаветград в старой открытке. М., 2004 ; Максимов Е. К., Сафонов Ю. А. Старый Саратов на фотографиях и открытках. Саратов, 2004.

⁷ Старики С. В. Царевококшайский альбом: эпоха, город и горожане на старинных открытках и фотографиях. Йошкар-Ола : Периодика Марий Эл, 2008. 303 с.

A. С. Пушкин как образец

B. K. Семибратов

Большой популярностью в учебных заведениях дореволюционной России пользовался «Практический курс правописания с материалом для упражнений в изложении мыслей» Н. Я. Некрасова в двух выпусках. Так, в 1908 г. 2-й выпуск этого одобренного училищным советом при Святейшем Синоде и «допущенного к употреблению в церковно-приходских школах и народных училищах» руководства увидел свет в 20-й раз. Издавал и распространял эту и другие многочисленные книги Н. Я. Некрасова «Петербургский учебный магазин», в который обращались со всей России.

Не явилась исключением и Вятская губерния, подтверждением чему служит хотя бы экземпляр 18-го издания «Практического курса

са...» (1905 г.) со штампом Слободского уездного земства на обложке. Со временем книжка оказалась в одном из сёл современного Уржумского района Кировской области, где и была найдена. Для любителя инскриптов экземпляр примечателен, в частности, владельцескими надписями некоего Михаила Юмина, сделанными в советское время. Но есть на страницах книжки и дореволюционные записи. Так, на с. 40-й неизвестный школьник поперёк всего листа чернилами написал: «*Коль нужен вам салдат* (так! – В. С.)», а на с. 41-й рядом с известной строчкой из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина крупно вывел: «*Жиль стариц со ст.*». О причинах, подвигнувших его на это, можно только гадать.

Что же касается великого поэта, то в книжке Н. Я. Некрасова немало места удалено как его личности, так и творчеству. Например, на с. 4-й в упражнении, где следует «при списывании подчеркнуть собственные имена», находим: «*Александр Сергеевич Пушкин написал много прекрасных стихотворений*». На с. 8-й в другом задании читаем: «*Александр Сергеевич Пушкин сочинял стихи*».

Фрагменты этих стихов, многие из которых давно приобрели хрестоматийную известность, щедро рассыпаны по книжке: «*Сквозь волнистые туманы пробирается луна*»; «*Мчатся тучи, вьются тучи...*»; «*Что ты ржёшь, мой конь ретивый?*»; «*Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна?*» и др. Немало цитат из романа в стихах «Евгений Онегин» и пушкинских сказок.

Огромное количество ссылок на пушкинские тесты содержится и в «Практическом курсе правописания» Н. Я. Некрасова, рассчитанного на изучение «в двухклассных и второклассных церковно-приходских школах в качестве учебного пособия по русскому языку». В нашем собрании имеется четвёртое издание 3-го выпуска книги, выпущенной в свет всё тем же «Петербургским учебным магазином» в 1903 г. На её переплётте сохранился штамп: «*Троицкая двухклассная церковно-приходская школа Котельнического уезда*», однако, судя по чернильной записи на с. 45-й от «1915-го года Апреля 18-го дня», какое-то время хозяином пособия был «*Деревни Толгинской Ключевской волости Котельнического уезда Вятской Губернии Павел Алексеевич Малков*». Возможно, он и испещрил страницы ручкой и карандашом многочисленными надписями, подчёркиваниями и знаками для памяти.

Первый отдел книги составили «сведения из этимологии и синтаксиса». Стихотворения и поэмы А. С. Пушкина в упражнениях

первого раздела процитированы около 50 раз. На с. 25-й, где речь идёт о правописании числительных, наряду с прочими примерами, дан такой: «*Пушкин родился 26 мая 1799 года*».

Второй отдел представляет собой «*краткое знакомство со словесностью*». Здесь также приведены некоторые цитаты из произведений великого поэта, при этом на с. 73-й в главке «*Виды сочинений*» применительно к разделу «*Жизнеописание*» учащемуся рекомендуется «*написать вкратце чью-либо из прочитанных тобою биографий, напр. Пушкина, Крылова, Кольцова и др.*». Рассказывая о жанре сказки, автор на с. 74-й замечает, что, в отличие от народных, «*литературные или художественные сказки составлены известными лицами (Пушкиным, Жуковским, Андерсеном и др.) и появились на свет Божий сначала в рукописном, а потом в печатном виде*». Для лучшего уяснения, что такое роман и повесть, школьникам даётся задание «*вкратце письменно изложить*» содержание ряда произведений русской классики, в том числе пушкинских «*Капитанской дочки*» и «*Дубровского*».

Имя А. С. Пушкина и цитаты из его трудов часто встречаются и в других учебных книгах Н. Я. Некрасова.

Значение дарственных надписей в современных гуманитарных исследованиях

H. H. Горишкова

Книга хотя и является хрупким материальным предметом, нередко переживает своих владельцев и читателей, хранит отпечатки их социальных связей, интеллектуальной и эмоциональной жизни, окружающего быта. Одним из таких отпечатков являются дарственные надписи. Под ними принято понимать «собственноручную надпись автора, издателя, бывшего владельца или другого лица, адресованную лицу или организации, которым книга подарена» [1]. Дарственная надпись на книге не является ни литературным произведением, ни самостоятельным историческим источником, однако она отражает культурный фон своего времени и добавляет скромные, но, безусловно, достоверные детали к историческим и культурологическим знаниям.

Относительно недавно ценная информация, содержащаяся в записях на книгах – дарственных, владельческих, читательских, вклад-

ных и прочих – была полностью исключена из культурного и научного оборота по ряду причин, в том числе идеологического характера. В современной библиотековедческой печати можно увидеть публикации о личных книжных собраниях известных людей. Дарственные надписи открывают целый ряд тем для исследований.

В фондах Центральной научной библиотеки Казанского научного центра Российской академии наук (далее ЦНБ КазНЦ РАН) хранятся книги из множества коллекций, принадлежавших людям разных профессий, социальных групп, национальностей. Среди них много экземпляров с дарственными надписями. При исследовании оказалось, что наибольшее их количество – более 30 автографов – адресовано Василию Васильевичу Егереву. Кто был этот человек, к которому обращались авторы небольших книжечек с самыми уважительными, тёплыми, дружескими словами? Вот что написано о нём в «Татарском энциклопедическом словаре»: «Егерев Василий Васильевич (1886–1956), инженер-архитектор, архитектурoved. В 1931–1941, 1946–1956 гг. преподавал в Казанском институте инженеров-строителей нефтяной промышленности, в 1941–1946 гг. – в Казанском химико-технологическом институте» [2]. Ему принадлежит ряд специальных работ. Однако главная книга – монография «История архитектурной застройки Казани» – осталась неизданной. После смерти Егерева были изданы лишь два фрагмента из неё, посвящённые казанским зодчим XIX в., – «Архитектор М. П. Коринфский» и «Архитектор П. Г. Пятницкий». По библиофильским и краеведческим материалам, накопленным за долгие годы, Егерев тоже не успел ничего опубликовать. Среди этих работ – уникальная по документированности брошюра «Дома, связанные с пребыванием А. С. Пушкина в Казани». Она вышла в 1956 г.

По воспоминаниям жены Егерева, Софьи Алексеевны, Василий Васильевич не жил без книги ни дня. Одни издания он покупал, другие были ему подарены. Ежедневно в его библиотеке появлялась новая книга. Что же собирал этот влюблённый в книгу человек? Основу его коллекции составляли книги по архитектуре, живописи и прикладному искусству. Однако интересы владельца не замыкались профессиональными рамками. В его собрании имеются книги по истории и археологии, религиоведению и этнографии, древнерусские рукописи, автографы известных людей, мемуары, рисунки, плакаты. Более всего коллекционера привлекали казанские издания, сочинения о Казани, рукописи казанцев [3].

Среди библиофилов давно ведётся спор о том, что является книжным памятником. Автограф делает экземпляр любой книги, даже самой многотиражной, ценностью самого высокого уровня. На книге советского востоковеда, академика АН СССР, первого президента Академии наук Армянской ССР (1943–1947) Иосифа Абгаровича Орбели [4] «Мусульманские изразцы», изданной в Петербурге в 1923 г. и подаренной В. В. Егереву, автором оставлена дарственная надпись: «Глубокоуважаемому В. В. Егереву на добрую память о начале знакомства от Орбели» [5]. Эта маленькая книжечка и короткая надпись на ней – большая библиографическая и историческая ценность. Ведь второй такой же надписи тому же человеку на той же книге автор никогда не сделает. Надпись свидетельствует о знакомстве и взаимном уважении этих двух людей, живших в довольно отдалённых друг от друга местах и не связанных профессионально. Кто знает, где и по какой причине они встретились? Каким образом пересеклись их интересы? Возможно, более глубокое изучение данной надписи позволит ответить на эти вопросы.

Личная библиотека раскрывает как профессиональные, так и личные интересы владельца, даёт возможность исследовать некоторые страницы его жизни. Расшифровка помет, воспроизведение дарственных надписей помогают открыть не одну новую страницу в биографии известных людей. Часто дарственные надписи дают точное указание на пребывание автора или того, кому дарят книгу, в том или ином городе. Надпись: «Приятному человеку, симпатично му В. В. Егереву в воспоминание о пребывании невольном автора в Казани», сделанная известным археологом Николаем Емельяновичем Макаренко на книге «Борзенські емалі и старі емалі Україні взаголі» (Київ, 1927) [6], может рассказать о многом. Неспокойный учёный был сослан в Казань за выступление против разрушения Софийского собора и Михайловской церкви XII в. в Киеве. В Казани Макаренко работал консультантом в Центральном музее и читал лекции. В 1936 г. он был вновь арестован и выслан уже в Томск, а через год расстрелян как враг народа [7] (по другим сведениям, свои дни Николай Емельянович закончил на Соловках) [8]. Должно быть, одним из светлых событий в этот период жизни учёного было знакомство и общение с В. В. Егеревым, о чём свидетельствуют теплые слова дарственной надписи.

Книга искусствоведа Петра Евгеньевича Корнилова «Узгент и его памятники», посвящённая окрестностям Ферганы, была издана в

Казани в 1931 г. [9]. К этому времени автор, 10 лет проработавший в Центральном музее ТАССР, уже год жил в Бухаре. Затем в 1932 г. Переехал в Ленинград [10]. Между этими двумя периодами Корнилов вновь побывал в Казани. Возможно, он был здесь проездом, всего лишь несколько дней. Это подтверждает сама книга и надпись на ней: «Дорогому В. В. Егереву на добрую память о проведённых днях в Казани. – С прощальным приветом от автора. Этот пустяк мне дорог по воспоминаниям. 20/1, 1931. П. Корнилов».

Дарственные надписи открывают нам огромный мир человеческих взаимоотношений, помогают очертить круг общения владельца или писателя, чьи книги хранятся в той или иной коллекции. Обзор автографов на изданиях из собрания В. В. Егерева позволил установить связи владельца с различными людьми. По характеру надписей можно определить и тип отношений. «Глубокоуважаемому В. В. Егереву» дарили свои книги те, кто был знаком с ним как с архитектором, искусствоведом, библиофилом. Среди них: художник Кондрат Максимов и этнограф А. П. Смирнов, коллекционеры М. А. Густов и Г. М. Залкинд, историк и искусствовед К. В. Тревер. Книги, подаренные «на дружескую память» «дорогому Василию Васильевичу», свидетельствуют о дружбе с искусствоведами П. М. Дульским и П. Е. Корниловым, этнографом Н. И. Воробьевым, историком архитектуры А. С. Башкировым, историком Н. Ф. Калининым.

Сколько чувств и раздумий скрывает порой автограф! Иногда они представляют собой краткие авторские исповеди, выражают личные пристрастия, выливаются в законченные полемические тексты. Они вызывают желание оживить всё то, что скрывает от нас время, узнатъ, что связывало дарителя и адресата, каковы мотивы дара. Так, надпись «Дорогому Василию Васильевичу Егереву на память о наших общих интересах к „Старой Казани и ее иконографии“ от „неисправимого и безнадёжно погибшего в пороках“ автора», оставленная на книге П. Е. Корнилова «Материалы к иконографии Казани» (Казань, 1930) 8 августа 1930 г. [11], наводит на размышления. Про «общие интересы» всё понятно. И Корнилов, и Егерев были краеведами, интересовались историей Казани, её иконографией. Были связаны «Старой Казанью» и в профессиональной деятельности. Но каким образом «неисправимо и безнадёжно погиб в пороках» уважаемый автор, искусствовед, сотрудник Центрального музея ТАССР, библиофил, один из основателей Казанского общества любителей книги? Какие события стоят за этими словами? Может быть, с ними

связан и отъезд Корнилова из Казани? Это загадка для биографов П. Е. Корнилова.

Кроме всего прочего, дарственые надписи – это миниатюрные литературные произведения. Пожалуй, их можно выделить в отдельный литературный жанр, подчас выходящий за рамки чисто дарственных понятий. Ведь это – не отписка, это – художественный экспромт, точное выражение своих мыслей и чувств. Они могут носить прозаический, поэтический или смешанный характер.

Дарственные надписи дают представление о творческой программе автора, расширяют круг его знакомых, указывают характер их взаимоотношений, отражают ту эпоху, в которой жил автор и тот человек, которому он подарил свою книгу. По ним можно судить кем, кому, в каких случаях преподносились книги, о стиле взаимоотношений представителей разных социальных групп, профессий и возрастов. Многое можно понять о неписанных законах этикета, если как следует рассмотреть дарственные надписи прежних лет. В конце XIX – начале XX в. традиция дарения в России соответствовала европейской – книги подписывали либо на внешней стороне обложки, либо на титульном листе, но обязательно в верхней части [12]. Это мы видим и на изданиях из коллекции В. В. Егерева.

Во многом стиль дарственной надписи определён эпохой. Но следует помнить и о характере конкретного человека. Скажем, этнограф Н. И. Воробьёв предпочитал оставлять короткие надписи: «Дорогому В. В. Егереву». Другие дарители более многословны. Чем более значима для человека книга, тем сильнее стремление придать ей отпечаток своей личности.

С помощью дарственных надписей значительно облегчается работа по восстановлению состава личных библиотек, также удаётся проследить читательскую судьбу определённых изданий того или иного автора. Библиотеке, собранной Василием Васильевичем Егеревым, повезло. Его коллекция древнерусских рукописей и автографов деятелей русской литературы и искусства хранится сейчас в Российской государственной библиотеке (Москва), а наиболее ценная часть книжного собрания и интереснейших рукописей – в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского [3]. Небольшое количество (более 30) книг местного издания находятся в фонде ЦНБ КазНЦ РАН. Об этом стало известно совсем недавно, в ходе изучения личных коллекций, хранящихся в библиотеке. Ведь владельческого знака на подаренные книги Егерев по каким-то причинам не наносил. Хотя на

других книгах из его коллекции есть владельческая надпись «В. В. Егерев», сделанная чёрными чернилами.

Дарственные надписи как специфический жанр письменного общения, практически не изучены. А ведь они важны не только как источник информации о конкретной книге и конкретном авторе. А. С. Пушкин писал об автографах: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа» [12]. Эти записи, в буквальном смысле несут на себе печать истории. Всевозможные пометы, инскрипты, записи, штампы и рисунки мизансцен – бесценный материал для историков, исследователей-биографов.

Далеко не все тексты дарственных надписей сохранились, далеко не все доступны. Написанные скорописью, они не всегда понятны современному читателю. Необходима работа специалиста по их расшифровке. В настоящее время публикации дарственных надписей распылены по различным изданиям. Создание библиографического указателя их публикаций принесло бы неоценимую пользу историкам и социологам литературы, библиофилам.

Примечания

¹ Шамурин Е. И. Словарь книговедческих терминов для библиотекарей, библиографов, работников печати и книжной торговли. М. : Сов. Россия, 1958. С. 67.

² Татарский энциклопедический словарь / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань : Ин-т Тат. энцикл. АН РТ, 1999. С. 183.

³ Аристов В., Ермолаева Н. Всё началось с путеводителя. Поиски литературные и исторические. Казань : Изд-во КГУ, 1975. С. 175.

⁴ Орбели, Иосиф Абгарович. URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁵ Орбели И. А. Мусульманские изразцы. Pg., 1923.

⁶ Макаренко Н. Е. Борзенські емалі і старі емалі Україні взаголі. Київ, 1927.

⁷ Ионина Н. А. Руннические книги из библиотеки Анны Ярославны. URL : <http://bibliotekar.ru/100sokr/40.htm/>

⁸ Шевченко Ю. Ю., Т. Г. Богомазова Древнейший сохранившийся христианский храм Руси. URL: <http://www.rusarch.ru/shevchenkol.htm/>

⁹ Корнилов П. Е. Узент и его памятники. Казань, 1931.

¹⁰ Татарский энциклопедический словарь. С. 291.

¹¹ Корнилов П. Е. Материалы к иконографии Казани. Казань, 1930.

¹² Актуальные проблемы теории и истории библиофильства : (тез. сообщ. науч.-практ. конф., Ленинград, окт. 1985). Л. С. 28.

30-летняя история Короленковских чтений в ГПИ в лицах, фактах, цифрах

Н. Н. Гущина-Закирова

130 лет назад В. Г. Короленко отбывал вятскую ссылку. 100 лет спустя в Глазове прошла первая конференция, приуроченная к вековой годовщине пребывания писателя в городе на Чепце.

История города Глазова – одного из центров науки и культуры современной Удмуртии – необыкновенно богата. Но особое место в судьбе Вятского края, Глазова и Удмуртии занимает личность В. Г. Короленко.

Многие поколения россиян воспринимали Короленко как учитель и свою собственную совесть, а приобщение к его наследию и сегодня оборачивается «процессом обогащения ума и очищения души» (С. Залыгин).

130 лет назад безвестным студентом прибыл он в глазовскую ссылку. И хотя пробыл он здесь недолго (с 3 июня по 25 октября 1879 г.), но, по его собственному признанию, именно на нашей земле начался процесс постепенного избавления Короленко от народнических иллюзий, продолжалось активное самообразование, ссылочный вёл просветительскую работу среди местного населения и наконец решал для себя вопрос о жизненном предназначении: писатель побеждает в нём революционера. Ярким свидетельством значимости для мировоззрения и творчества В. Г. Короленко глазовской полосы в его судьбе являются произведения о городе и его обитателях. Характерно, что эти наблюдения фигурируют не только в созданных по горячим следам событий ранних короленковских текстах, но и продолжают волновать его до последних лет жизни. Глазовские страницы представлены в наследии писателя в самых различных жанрах: в очерках «Собор с зароком», «Ненастоящий город», «Чудная», в повести «Глушь», в рассказах волжского цикла «Ушёл», «Птицы небесные», в романе «История моего современника», в письмах, дневниках, многочисленных автобиографиях, записных книжках.

Понятно, что и обращение вятских корреспондентов с просьбой об участии В. Г. Короленко в печально знаменитом Мултанском процессе было связано с предшествовавшим ему пребыванием писателя в глазовской ссылке и Берёзовских Починках.

Жизнь, личность, талант Короленко уникальны. Память о нём в Удмуртииувековечена в названиях улиц, библиотек, театра, села (Ст-

рый Мултан ныне село Короленко). Более полувека из своих шестидесяти лет носит имя Короленко Глазовский педагогический институт. И не случайно интерес к писателю, свойственный всем глазовчанам (работникам музея, библиотек, краеведам), в стенах ГГПИ превратился в постоянно пульсирующую золотую жилу: из индивидуальных частных наблюдений отдельных преподавателей кафедры литературы он перерос в коллективную, общекафедральную, а затем и факультетскую научную госбюджетную тему, к которой, судя по последним конференциям, питают интерес и педагоги, и историки, и методисты, и даже музыканты.

У истоков короленковедения в недрах ГГПИ стоит работавший в институте в 1940–1950-е гг. доцент Н. С. Смолко. Его статьи «Три редакции очерка В. Г. Короленко «Ненастоящий город»», «Молодой Короленко и Глеб Успенский» и «Первый период литературной деятельности В.Г. Короленко», вышедшие в 1964 г., пожалуй, заложили базис основным направлениям, по которым продолжает развиваться «глазовское» короленковедение в последующие годы: биографический, социологический, краеведческий, текстологический, историко-литературный и сравнительно-типологический аспекты. К сожалению, публикации учёного появились уже в период его работы в Киргизии в Пржевальском пединституте. Но эстафета была подхвачена пять лет спустя Л. А. Чешковой, доцентом кафедры литературы Глазовского пединститута. Она открыла короленковскую тему публикацией «Идейно-художественное своеобразие очерка В. Г. Короленко «Ненастоящий город»» в ижевском сборнике. Интерес к короленковской тематике в научном наследии Л. А. Чешковой отличался завидным постоянством, неожиданностью и свежестью наблюдений, глубиной и обстоятельностью анализа, пропагандой знаний о творчестве писателя в Польше, Болгарии, Украине.

Выход в свет в 1971 г. книги краеведа М. И. Буни «Глазовские находки», а затем работы «В. Г. Короленко в Удмуртии», встреча автора с коллективом кафедры литературы, развернувшаяся научная дискуссия стимулировали изучение глазовского периода в жизни и творчестве В. Г. Короленко, без освещения которого была бы неполной история Глазова.

С середины 1970-х годов в ГГПИ начинается доскональное изучение подлинных документов архивов Кирова, Ижевска и его глазовского филиала, устанавливаются связи с авторитетным московским литературоведом и библиографом, членом Союза журналистов СССР

А. В. Храбовицким (1912–1989), студентами выполняются курсовые и дипломные работы по короленковской тематике. Возглавил эту работу кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ГГПИ, заслуженный деятель науки Удмуртской АССР А. Г. Татаринцев. Под его руководством в 1979 г. в Глазовском институте состоялось межвузовское координационное совещание по творчеству писателя, приуроченное к столетию его пребывания в Глазове. Из заявленных 26 докладов 14 было подготовлено преподавателями ГГПИ, остальные – гостями из Ижевска, Кирова, Воронежа, Костромы, Волгограда. Были рассмотрены различные аспекты короленковедения, прежде всего ранний этап творчества и судьбы писателя, проблематика, жанровая специфика его наследия, особенности языка и стиля В. Г. Короленко. В отдельных докладах осмысливался сравнительно-типологический аспект в короленковедении.

При всём многообразии тематики докладов они не были разбиты на секции и прозвучали для всех участников совещания, к началу которого были изданы тезисы.

Следующая Короленковская конференция состоялась в ГГПИ пять лет спустя (в 1984 г.), вновь она была названа межвузовским координационным совещанием теперь уже по конкретной проблеме «В. Г. Короленко и русская литература». Помимо глазовских исследователей, в нём участвовали учёные из Воронежа, Свердловска, Ижевска, Кирова, Якутска. В прозвучавших на конференции 15 докладах анализировались различные аспекты проблемы внутрилитературных связей: от короленковской интерпретации древнерусской литературы до выявления традиций писателя в литературе Якутии.

Подлинным праздником литературоведения назвала тогда конференцию кандидат филологических наук С. Е. Шамаева (Воронеж). Её коллега из Свердловска Б. Е. Лосев отметил значимость этого события: «Мы не только узнали о новых достижениях в конкретном анализе проблемы, но и обогатились в методологическом плане». А доктор филологических наук, профессор А. А. Слинько (Воронеж) подчеркнул: «Главное – координационное совещание внесло полезную лепту в изучение Короленко как художника, общественного деятеля, критика в контексте литературного движения эпохи. Материалы совещания могут составить основу ценного сборника научных работ по изучению творчества писателя».

Восемь из прозвучавших на конференции докладов стали основой межвузовского сборника научных трудов «В. Г. Короленко и рус-

ская литература», включающего статьи, соотносящие В. Г. Короленко с И. С. Тургеневым, (Н. П. Изергина), Г. И. Успенским (Н. Н. Гущина, Ю. Г. Гущин), Д. Н. Маминым-Сибиряком (Л. А. Чешкова), В. М. Гаршиным (В. В. Захаров) и др.

Пожалуй, только на этом этапе в ГГПИ по-настоящему утвердилась короленковская проблематика, она была зарегистрирована в научном секторе как госбюджетная научная тема кафедры литературы, коллектив которой под руководством А. Г. Татаринцева подготовил в 1988 г. книгу «Глазов в жизни и творчестве В. Г. Короленко».

На основе многочисленных архивных документов, литературоведческого анализа авторский коллектив (А. Г. Татаринцев, В. В. Захаров, Н. Н. Гущина, С. И. Софонова, Ю. П. Дёмина) достаточно полно и конкретно восстанавливает обстоятельства пребывания В. Г. Короленко в Глазове (круг общения, места проживания и маршруты, реально-бытовую основу, прототипов героев произведений и т. д.) и в итоге характеризует значение глазовского периода в жизни и литературной деятельности писателя. Вышедшая в издательстве «Удмуртия» небольшим тиражом, эта книга стала библиографической редкостью и получила высокую оценку самого взыскательного короленковеда А. В. Храбовицкого.

В третий раз Короленковская конференция в ГГПИ состоялась в октябре 1991 г., по сравнению с первыми двумя совещаниями она получила статус зональной научной конференции и стала называться Короленковскими чтениями. Её участники работали два дня в двух секциях. В чтениях приняли участие свыше 30 учёных, учителей-методистов, работников музеев и библиотек страны. Значительно расширилась «география»: помимо ижевчан, кировских и свердловских завсегдатаев, конференция привлекла внимание учёных из вузов Москвы, Нижнего Новгорода, Челябинска, Арзамаса, Донецка, Орска, исследователей из Якутии, Марийской Республики, восточного Казахстана, представителя Министерства образования РСФСР.

К началу работы конференции были изданы тезисы, в них отражены такие проблемы, как преемственность и традиции в русской литературе, общественная деятельность, литературно-критическое и публицистическое наследие В. Г. Короленко, методика изучения его произведений в вузе и школе.

Внучка В. Г. Короленко, С. К. Ляхович, приветствуя открытие конференции, в телефонограмме обратилась к её участникам со сле-

дующими словами: «В трудное время собрались вы проводить эту конференцию. В 1991 году два горьких юбилея: 70-летие со дня смерти Короленко и 100-летие страшного голода в Поволжье. Я рада, что память о Короленко жива, а интерес к нему всё возрастает. Свидетельство тому и ваши III Короленковские чтения! Приветствую всех участников конференции и студенчество Глазовского института». А познакомившись с материалами конференции, Софья Константиновна телеграфировала из Москвы: «С большим интересом прочла тезисы докладов о Короленко и автореферат диссертации Н. Н. Гущиной. Очень благодарна сотрудникам кафедры за доставленную радость, за большой ваш труд... Ляхович».

К моменту проведения в Глазове IV Короленковских чтений (1996 г.) ГГПИ снискал себе славу центра короленковедения, в котором интерес к личности писателя диктуется не временными всплесками и модой на «возвращённого» Короленко, а характеризуется стабильным, многолетним серьёзным изучением наследия писателя.

Красноречивы статистические данные: 38 участников научно-практической конференции из различных регионов (от Москвы до Лесосибирска) работали два дня в трёх секциях («Короленковедение и проблема изучения русской литературы», «Литературное краеведение и региональный компонент в образовании», «Методика изучения художественных произведений в вузе и школе»).

Короленковские чтения собрали не только исследователей творчества Короленко, но и фольклористов, этнографов, краеведов, методистов, библиотекарей, лингвистов, сотрудников музеев.

Участниками чтений, помимо ГГПИ, выступили Комитет по делам национальностей при правительстве Удмуртской Республики, отдел культуры администрации г. Глазова, Публичная научная библиотека им. В. Г. Короленко, в стенах которой работала самостоятельная секция и была организована для участников конференции культурная программа (игра «Колесо истории», выставки, обзоры, выступление фольклорного ансамбля). К началу конференции были изданы тезисы докладов.

Вообще печатная продукция глазовских короленковедов растёт в геометрической прогрессии: если за 30 лет до 1979 г. было опубликовано всего 3 статьи, за последующие 10 лет их стало в 5 раз больше! К сегодняшнему дню счёт идёт не на тезисы и статьи, а на сборники, монографии, учебные пособия, диссертации (2 кандидатских, готовится 1 докторская) специально по короленковской тематике. Не

говоря о том, что преподаватели института публикуются в сборниках литературоведческой, краеведческой, педагогической направленности, издаваемых в ГГПИ и других вузах (Уфы, Ижевска, Перми, Кирова, Челябинска, Орска и др.), оставаясь верными короленковской тематике в различных её аспектах.

Пятые Короленковские чтения, начавшиеся открытием бюста писателя у здания ГГПИ, значительно шире предыдущих по географии участников: от Мурманска до Тайваня, от Якутска до Мюнхена. Из заявленных 72 докладов на межрегиональной конференции сформировано пять секций, три из которых отражают методический аспект гуманитарного образования. Это яркое свидетельство того, что накануне XXI в. ГГПИ стал центром короленковедения в России.

«Дорогие друзья-сподвижники!

Дорогие коллеги по интересу к жизни и творчеству великого гуманиста!

Дорогие гости!

Как бы я хотел быть с вами, не могу выразить словами! Поблагодарить всех «разом» и каждого по отдельности, особенно «ветеранов» короленковедения нашего института, за то доброе и в высшей степени полезное, как теперь это уже видно, дело, которое было начато ещё 20 лет назад, подхвачено, продолжено вами и продолжается ныне! Не мне уж, а вам судить, такое ли уж это большое дело. Пусть каждый задумается над этим вопросом. Уверен, каждый и скажет: «Нет, не уронили мы звания института имени В. Г. Короленко. Напротив, оправдали его, доказав, что не ради престижса только мы взяли на себя роль инициаторов, а ради истины, которая, говоря словами А. Н. Радищева, «есть высшее... божество!». Истины не вообще, а конкретно истинных обстоятельств жизни и творческих замыслов В. Г. Короленко в Глазове и о Глазове же. Нам не пришлось, как это бывает порой, «пробивать» задуманное дело. Мы получили всю возможную поддержку, одобрение, помочь со стороны ректората, получаем и, уверен, получим её впредь.

Поздравляю всех с 60-летием института! Желаю успеха в работе конференции, удовлетворения от участия в ней,

Ваш «соучастник», заслуженный деятель науки Удмуртской республики. А. Г. Татаринцев».

Это письмо-обращение к участникам V региональной научной конференции – своего рода завещание заслуженного деятеля науки, профессора Александра Григорьевича Татаринцева, который внёс

большой вклад в изучение жизни и творчества В. Г. Короленко и явился одним из главных организаторов Короленковских чтений в Глазовском педагогическом институте.

На пленарных и секционных заседаниях присутствовало свыше 200 студентов. Они могли оценить достижения в области короленковедения и гуманитарных наук преподавателей ГГПИ, докторов наук А. С. Измайловой (Ижевск), Л. И. Донецких (Ижевск), Т. Н. Доценко (Пермь), а также молодого исследователя из Германии (Мюнхен).

VI Короленковские чтения проходили уже в новом XXI в. их работа началась 1 октября 2002 г., в день 75-летия основателя и организатора короленковского движения в Глазове, заслуженного деятеля науки Удмуртии Александра Григорьевича Татаринцева.

Коллеги известного учёного, а также исследователи из Кирова, Челябинска, Нижнего Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга сосредоточили своё внимание на горизонтах современного короленковедения и методике его преподавания в вузе и школе. Специальная секция «Фольклор и краеведение» – дань памяти юбиляру, основателю богатейшего в республике фольклорного фонда, на материале которого издаются сборники, научные статьи, диссертации, курсовые и дипломные сочинения.

В рамках Всероссийской научной конференции прозвучали выступления о В. Г. Короленко по проблемам русской и зарубежной литературы, по краеведению. Отдельная секция объединяла доклады по актуальным проблемам гуманитарных наук. Впервые в истории Короленковских чтений появилась возможность поделиться своими изысканиями и опубликовать тезисы докладов студентов и школьников.

Короленковские чтения привлекают не только россиян, но и исследователей из других стран (Испании, Германии, Америки, Китая, Финляндии). Начиная с Седьмых, Короленковские чтения стали по своему статусу международными.

В минувшем году к 155-летию писателя и 330-летию Глазова прошла восьмая по счёту короленковская конференция «Культура провинции: история и современность». В ней участвовало 75 исследователей. Работало 5 секций: по проблемам этнокультуры народов России, глазововедению, по вопросам гуманитарного образования и воспитания, библиотечному делу и, разумеется, по проблемам изучения жизни и творчества В. Г. Короленко.

Основной состав участников международного короленковского форума – учёные вузов Удмуртии, Татарии, Башкирии, Чувашии,

представители различных городов России – от Москвы до Омска, а также исследователи из Финляндии, США, Франции. В их числе учителя, сотрудники музеев, библиотек, учреждений культуры, а также студенты и школьники. Открылись VIII Короленковские чтения митингом у памятника писателю. Важным достижением этой конференции стала инициатива ректора ГГПИ А. А. Мирошниченко по включению в учебный план изучения студентами гуманистических идеалов писателя на всех факультетах вуза!

Профессионализм глазовских короленковедов сегодня общепризнан. Особенно приятно это подчеркнуть в юбилейный год ГГПИ, по праву носящего имя В. Г. Короленко.

Важно, что формируется молодое поколение короленковедов из числа студентов ГГПИ, ежегодно выполняющих курсовые и дипломные работы, участвующих в спецкурсах, спецсеминарах, выступающих с докладами на межвузовских и международных конференциях. Члены студенческой проблемной группы по изучению жизни и творчества В. Г. Короленко, помимо учебной деятельности, обеспеченной методической базой, связанны с короленковедами страны и родственниками писателя, проводят экскурсии для школьников и гостей института в Короленковской галерее, увлеченно пропагандируют знания о писателе в период педагогических практик, активно используя различные формы и методы учебной и внеклассной работы с учащимися.

Отрадно, что крепнут связи между короленковедами разных регионов и стран. В августе 2008 г. свои Восьмые Короленковские чтения прошли в пос. Афанасьево Кировской области, а Седьмые Короленковские чтения – в Полтаве. В них принимали участие и глазовские учёные. Установлены контакты с Полтавским музеем В. Г. Короленко, с американским исследователем Марком Конлиффом, а украинский короленковед А. В. Труханенко инициировал к 130-летию пребывания писателя в Глазове издание в Львове международного проекта «Этюды о жизни и творчестве В. Г. Короленко». Короленковские традиции продолжаются!

III.

ВЯТСКИЙ КРАЙ В ЛИЦАХ

Вятский вице-губернатор В. А. Ратьков-Рожнов и его мемуары

Д. Н. Шилов

Всеволод Александрович Ратьков-Рожнов – личность весьма примечательная в истории Вятского края. Более полутора десятилетий, с ноября 1879 г. по июль 1895 г., он занимал важнейший в системе местного управления Российской империи пост вятского вице-губернатора. За всю историю Вятской губернии не было ни одного губернатора и лишь один вице-губернатор, который занимал свою должность дольше него. Вся предыдущая служба Ратькова-Рожнова прошла в Петербурге, покидая столицу он с неохотой, но затем, по свидетельству современника, «так долго прожил в Вятке, так сжился с местными жителями и так много видел от них внимания и доброго расположения, что Вятку стал считать своей второй родиной»¹.

В Вятке же Ратьков-Рожнов начал писать мемуары. Они не были доведены до конца, автор успел завершить только первую их часть – до первых дней по прибытии его в Вятку. Тем не менее, и этот текст представляет значительный интерес, как для истории центрального государственного управления Российской империи в середине XIX столетия, так и для истории Вятского края. Рукопись мемуаров, однако, мало известна исследователям и до сих пор редко ими используется.

Текст мемуаров В. А. Ратькова-Рожнова хранится ныне в отделе рукописей Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга². Рукопись представляет собой автограф, создана она после 1885 г., а в 1895 г. в ней была внесена авторская правка. Текст написан на страницах тетради форматом 27,5 на 22 см в оранжевом твёрдом переплете, на обложке вытеснено: «Служебные воспоминания Всеволода

Александровича Ратькова-Рожнова. 1854–1894 гг. Часть I». Заголовок обведен овалом. Общий объем текста рукописи составляет 3? авторского листа.

Автор воспоминаний, В. А. Ратьков-Рожнов, родился 26 января 1833 г. в имении матери, селе Воронцово Буйского уезда Костромской губернии. При рождении он именовался Ратьковым. Ветвь восходящего к началу XVII в. русского дворянского рода Ратьковых, к которой принадлежал отец Всеиволода Александровича, на протяжении многих поколений владела поместьями в Костромской губернии. Отличительной особенностью этого рода была морская служба многих его представителей – для дворянства в целом в то время несвойственная. Отец В. А. Ратькова-Рожнова, Александр Сергеевич Ратьков (1785 – не ранее 1860), как сказано в мемуарах, «был помещик Кинешемского уезда, по воспитанию и службе первоначально моряк, а впоследствии долго служил по выборам дворянства и в гражданской службе». Мать, Пелагея Алексеевна (1802 – не ранее 1860), происходила «из богатого рода Рожновых Ярославской и частью Костромской губерний; в 1850 году она осталась младшею и последнею в своём роде, почему для сохранения своей родовой фамилии утруждала государя императора просьбой о присоединении фамилии Рожнова к фамилии мужа» (л. 10). 28 января 1860 г. отставному капитан-лейтенанту Александру Ратькову с детьми было высочайше дозволено именоваться Ратьковыми-Рожновыми³.

Как уже указывалось, многие Ратьковы были моряками, в том числе и старшие братья Всеиволода Александровича. Николай Александрович Ратьков-Рожнов (1826–1918) долгое время занимал ответственный пост судьи военно-морского суда Петербургского порта (1867–1883) и в 1886 г. вышел в отставку в высоком чине вице-адмирала. Геннадий Александрович Ратьков-Рожнов (1826–1897) в 1865–1866 гг. командовал фрегатом «Камчатка», а с 1866 г. плавал на коммерческих судах, в 1879 г. вышел в отставку контр-адмиралом. Алексей Александрович Ратьков-Рожнов (1829–1909) оставил действительную морскую службу капитаном 2-го ранга, десять лет был петербургским нотариусом (1868–1878), затем поступил на службу в центральное управление Морского министерства: был делопроизводителем Главного морского штаба (1886–1892) и начальником архива министерства (с 1892), достиг генеральского чина действительного статского советника (1894), стал кавалером орденов Владимира 3-й степени (1895) и Станислава 1-й степени (1896)⁴.

Ещё один брат, Модест Александрович (1828–1894), выбрал карьеру инженера путей сообщения. Наибольшей известности достиг один из младших братьев Всеволода Александровича, Владимир, действительный тайный советник (1898), в 1893–1898 гг. занимавший пост петербургского городского головы, а в 1904 г. ставший сенатором. Самым младшим был Александр Александрович Ратьков-Рожнов (1840–1890), служивший по судебному ведомству и бывший в последние годы жизни мировым судьёй в Петербурге. Единственная сестра, Людмила (1830–1900), была женой потомственного дворянина, титулярного советника Лермонтова⁵.

Определяющую роль в судьбе Всеволода Александровича сыграла его мать. Он писал в мемуарах: «Старшие братья мои по желанию отца воспитывались в Морском кадетском корпусе, куда был отдан и я, но по усиленному настоянию матери на второй день по поступлении был взят обратно с непременным намерением меня и двух следующих за мной братьев направить по гражданской службе. Попечением матери я и получил первоначальное образование в частных учебных заведениях, а 14-ти с лишком лет определён по экзамену в Императорское Училище правоведения, где пробыл полный семилетний срок» (л. 10 об.).

По окончании Училища правоведения В. А. Ратьков был в мае 1854 г. произведен в титулярные советники и определён на службу в Сенат, в 3-й департамент сверх штата, в декабре того же года получил должность младшего помощника секретаря общего собрания первых трёх департаментов и Департамента Герольдии, в июне 1856 г. стал старшим помощником секретаря, а в мае 1858 г. – секретарём 1-го департамента Сената⁶. На этом посту в ноябре 1859 г. он был награждён своим первым орденом – Анны 3-й степени. «Это был первый орден, которым украсилась грудь 28-летнего молодого человека, имевшего наружный вид только юноши, – вспоминал Ратьков-Рожнов. – В то время только что вышло новое положение [...] о награждении орденами не в порядке постепенности, начиная с низшего, а сообразно занимаемой должности, и потому, будучи секретарём Сената, я, обойдя орден Станислава 3-й степени, удостоился получения ордена св. Анны; таким образом, на моём сенатском мундире, довольно красивом, после пяти лет службы, имелись уже два знака отличия: маленький Анненский крест и тёмная бронзовая севастопольская медаль на голубой Андреевской ленте» (л. 11–11 об.).

Тогда же, в ноябре 1859 г., Ратьков был назначен министром юстиции графом В. Н. Паниным младшим чиновником для производства дел по возложенной на сенатора А. О. Дюгамеля ревизии Олонецкой губернии и в декабре отбыл в Петрозаводск. «В названной губернии не было сенаторской ревизии с 1820 года, и потому ревизия 1859 года взволновала местные органы чиновного мира», – вспоминал Ратьков-Рожнов. Далее он отмечал: «Высоко образованный и в высшей степени гуманный сенатор наш, Александр Осипович Дюгамель, как мне кажется, был весьма удачно избран для ревизии этой губернии, где не было вовсе ни особенных злоупотреблений, о которых доносил в Петербург губернатор Волков, ни выдающихся отступлений [от] общего строя управления, но, скорее, в избытке проявлялся и ранее, и при тогдашнем губернаторе произвол власти: военный генерал слишком увлекался дисциплинировкой гражданских начальников отдельных частей, забывая иногда установленный законом строй гражданского управления. Поэтому сенаторская ревизия 1859 года принесла краю немалую пользу водворением там духа законности и значительным обновлением личного состава служащих. Сенатор нашёлся вынужденным уволить по неблагонадёжности только одного старшего советника губернского правления и, оценив весьма верно личные достоинства губернатора, признавал лишь полезным назначение нового лица на настоящую должность. Дальнейших карательных последствий ревизия не имела. Губернатор вскоре за тем был отозван и причислен к министерству (не помню, военному или внутренним дел) с сохранением своего содержания и, спустя год или два, произведён в чин генерал-лейтенанта. Но по ходатайству сенатора, начиная с вице-губернатора, действительного статского советника Барановича, многие из чинов губернского управления получили почётные награды и, по его же, сенатора, указаниям, назначены на новые должности многие из местных чиновников, деятельность которых ранее не была отличаема» (л. 12, 15–15 об.). Был награждён и Ратьков-Рожнов – по ходатайству Дюгамеля в июле 1860 г. он был удостоен ордена Станислава 2-й степени.

Вскоре по возвращении из Олонецкой губернии Ратькову-Рожнову выпала командировка совсем иного рода. Он был назначен участвовать в церемонии объявления о перевозке и погребении тела покойной императрицы Александры Фёдоровны (жены Николая I) в качестве секретаря при герольдах. «Церемония эта заключалась в том, – вспоминал он, – что два герольда и два секретаря, одетые в особые

чернобархатные облачения (вроде чего-то средневекового) верхами на черных конях, в сопровождении двух трубачей и отрядов кавалерии, обезжают в два раза (один после другого через несколько дней) город Петербург, сначала в полном составе, по площадям всех дворцов, и затем, разделяясь на две отдельные группы, по всем остальным людным местам (торговым площадям, рынкам, пересечениям больших улиц и где вообще заметно особое скопление народа) и, останавливаясь, привлекают внимание людей трубным звуком и затем громогласным чтением напечатанного во множестве экземпляров объявления, читаемого по знаку герольда состоящим при нем секретарем. Знак герольда подает жезлом, который все время езды держит в левой руке, а секретарь, по прочтении объявления, тут же и раздает экземпляры его желающим. Каждая поездка по городу требовала не менее часов пяти, и начало езды открывалось из главных ворот Зимнего дворца, куда заранее прибывает эскадрон гвардейской кавалерии и приезжают в придворных экипажах одетые в траурное облачение герольды и секретари. [...] Для лучшей себя выправки и правильной посадки на лошади мне пришлось, предварительно торжественных наших выездов, практиковаться в верховой езде в манеже, так как до настоящего случая мне, кроме Олонецкой губернии, не приходилось ни разу садиться на лошадь, и потому я был очень не уверен в своем искусстве. Но, слава богу, общей фигуры церемонии не испортил» (л. 19 об. – 20 б.).

Основная служба Ратькова-Рожнова на протяжении четверти века протекала в Правительствующем Сенате. Его непосредственным начальником в начале 1858–1863 гг. был обер-прокурор 1-го департамента М. Н. Любощинский, будущий сенатор и член Государственного совета. Отличая Ратькова-Рожнова за его служебные достоинства, Любощинский в мае 1861 г. провёл своего protеже на ключевой пост обер-секретаря департамента. На этом месте Всеволод Александрович оставался пять с половиной лет, после чего был переведён на ту же должность в Общее собрание первых трёх департаментов и Департамента Герольдии. В общей сложности он был обер-секретарём Сената более 18 лет, пройдя в рамках этого поста иерархический путь от скромного коллежского асессора до гражданского генерала.

В воспоминаниях Ратьков-Рожнов чрезвычайно интересно и подробно описывает подробности деятельности старейшего государственного учреждения Российской империи – Правительствующего

Сената, и в особенности важнейшего из его департаментов, Первого, в 1850–1870-е годы. Автор указывал: «Этот департамент разбирает споры всех министерств (кроме Министерства двора и уделов) с частными лицами и регулирует деятельность высшей администрации, служа как бы камертоном всем делам нашего разнообразного управления. В этом департаменте при разборе споров и разрешении важных вопросов всегда участвуют или лично сами министры, или, как их заместители, товарищи, и докладывают обстоятельства дела секретари непременно изустно, с чтением только наиважнейших, существенно необходимых выдержек из подлинного дела. При всяком докладе обязательно присутствует обер-секретарь, который выяснянием существенных данных дела старается склонить сенаторов к резолюции, сообразной с законами, а при недостижении этой желаемой цели имеет по закону право и обязанность объяснять обер-прокурору об упущеных существенных обстоятельствах при подаче проекта состоявшегося в Сенате по данной резолюции определения.

Персонал служащих в 1-м департаменте Сената в 1860–1880-х гг. подобран был чрезвычайно удачно из цвета молодых людей, окончивших курс или в университетах, или в Училище правоведения, за единичными исключениями; правда и беспристрастие с полной энергией к деятельности были отличительными качествами всех ступеней личного персонала этого департамента, начиная с помощника секретаря и кончая обер-прокурором. Эти последние были преисполнены разных прекрасных качеств людей высокообразованных, больших практиков, юристов и неоценимых по своей сердечной доброте и необычной простоте в обращении с [о] своими подчиненными. Дух строгого и недоступного начальничества всем нам был совершенно чужд, и мы всегда и все обращались, как равные с равными, а к главному своему начальнику обер-прокурору относились как к ближайшему нашему сердечному попечителю, другу и любящему своих птенцов старейшему члену семьи, почему прямо и открыто шли к нему генералу со всеми личными надобностями. Приходили к нему одинаково свободно как в присутствие Сената, где он обыкновенно восседал за особым столом, так и на дом, и не как чиновники, трепещущие перед начальником, но как бы сослуживцы, совершенно запросто и даже в обыкновенном домашнем плаТЬЕ» (л. 23–23 об.).

Характеризуя личный состав 1-го департамента Сената, Ратьков-Рожнов отмечал, что все обер-прокуроры, служившие в его время, «по

знанию дела и необычайному трудолюбию были людьми выдающиеся, и как сами работали много, так умели заставлять неустанно работать и свою канцелярию секретарей и обер-секретарей; пройти школу под руководством этих дельцов значило научиться многому и выработать из себя полезного деятеля. За мое время лучшие докладчики в Сенате, так же как и составители деловых журналов всегда были в 1-м департаменте. В состав присутствия этого департамента входили обыкновенно весьма дельные и сведущие сенаторы, хотя они и не всегда были из юристов, и докладывать серьезное дело таким судьям было отрадно. В сенаторы 1-го департамента попадали или бывшие же обер-прокуроры сего департамента, или директора разных департаментов министерств, люди, привыкшие к занятиям, но за мое время не было ни одного случая назначения строевых армейских генералов; им чаще оставлялись кресла в Межевом департаменте и Департаменте Герольдии, или же по уголовным департаментам. Не попадали, по счастью, в наш 1-й департамент и бывшие губернаторы, великие, как я подмечал по последующей моей службе в Общем Сенате собрании, самодуры, привыкшие в губерниях в большинстве случаев действовать зря, не сообразуясь с законами, но увлекаясь только своими светлыми, на их личный взгляд, идеями и редко требованиями самой жизни» (л. 24–24 об.).

Не довольствуясь добросовестным исполнением повседневных служебных обязанностей, В. А. Ратьков-Рожнов в этот период своей жизни оставил след и на общественном поприще. По предложению Петербургской городской думы он принял на себя обязанности участкового попечителя Санитарной комиссии для принятия гигиенических мер по случаю бывшей холерной эпидемии. «Эта обязанность, – писал он в мемуарах, – требовала от меня неослабного наблюдения за соблюдением строгой чистоты и отстранения вредно влияющих испарений с[о] дворов обитаемых домов, осмотр самих квартир нанимателей с целью немедленного принятия мер к оздоровлению воздуха в жилых помещениях. Сознавая важность возложенных на санитарных попечителей обязанностей, и притом самого неприятного свойства, я, как житель в то время Литейной части г. Петербурга, несмотря на массу своих занятий по Сенату, ежедневно почти обходил район своего участка и путем постоянных напоминаний или убеждений достиг того, что поднятый на меня домовладельцами *ропот* за составление многих актов о найденных крайне беспорядочных выгребных ямах, отхожих местах и нечистоте содержимых дворов,

при усиленных действиях полиции к устраниению оказавшихся неисправностей, *совсем замолк*, и собственники-хозяева, сами убедившись в пользе всех принятых мер и неустанности санитарного надзора, стали сами предупреждать возможные со стороны попечителя распоряжения, что и принесло желаемую пользу отсутствием почти смертности в моем участке, хотя местность та изобиловала торговыми заведениями и ремесленным людом при весьма густом населении» (л. 28 об. – 29 об.).

Наконец, в последние годы службы в Сенате, «ввиду тех выдающихся дел, которые проходили через мои руки по Общему собранию», Ратьков-Рожнов собственными средствами и единоличным трудом издал сборник решений Общего собрания первых трёх департаментов и Департамента Герольдии Правительствующего Сената за одиннадцать лет, с января 1864 года до конца 1874 года⁷. Этот сборник был последним изданием практики Сената прежнего устройства и составлял непосредственное продолжение изданных в 1864–1866 гг. первых трёх томов сборника решений Сената за предыдущие годы.

Во время ревизии Олонецкой губернии Ратьков-Рожнов познакомился и сблизился со служившим на Александровском литейном заводе в Петрозаводске по приёмке артиллерийских орудий полковником Лелонгом и его женой, Любовью Андреевной. Несколько лет спустя овдовев, в 1868 г. Л. А. Лелонг стала супругой Всеволода Александровича. В июне 1870 г. у них родилась дочь Лариса. К несчастью, перемена климата не пошла на пользу Любови Андреевне: у неё развился туберкулёт, и в июле 1876 г. она скончалась⁸. Впоследствии В. А. Ратьков-Рожнов женился ещё раз – на потомственной дворянке Зинаиде Францевне фон дер Фихс, от которой также имел нескольких детей.

Долгое время не получая повышений по службе (что, судя по мемуарам, его весьма задевало), В. А. Ратьков-Рожнов в конце 1879 г. принял неожиданное для себя предложение министра внутренних дел Л. С. Макова перейти в его ведомство на вице-губернаторский пост. Разговор с министром, в котором они оба высказали свои взгляды на положение высшего губернского управления в современной им России, весьма подробно пересказан Ратьковым-Рожновым в мемуарах (л. 59–65). Он пытался убедить министра назначить его сразу на должность губернатора, однако тот не согласился, мотивировав это отсутствием у Всеволода Александровича опыта службы на местах, знания провинциальных реалий. Не согласившись с этой

мыслью Макова, Ратьков-Рожнов всё же не решился отказаться от предлагаемой должности. Назначение состоялось 30 ноября, а во второй половине декабря 1879 г. новый вице-губернатор прибыл в Вятку. Министр также выхлопотал для него дополнительное (к полагавшемуся по закону) пособие на переезд в размере 800 руб.

«Морозы в эту зиму (1879 года) долго превышали 30 Реомюра, вспоминал Ратьков-Рожнов, – а я ехал со всей семьей, состоящей из жены, трудного ребенка с кормилицей и маленькой девочки с нянейницей, так что благодаря только купленному в Нижнем весьма вместительному возку одного из сибирских архиереев мы разместились в экипаже сам-шесть и с некоторыми остановками в попутных городах прибыли в Вятку дня за два до праздника Рождества Христова. В Вятке в тот год морозы продолжались по нашем приезде с неделю, но ежедневно градусник показывал 33 Реомюра; итак, первое ощущение в этой новой местности было очень холодное. Едва наступил новый 1880 год, а я еще и не успел практически ознакомиться с моей новой должностью и взглянуться в самый город, как мне пришлось править должность губернатора, за выездами последнего сначала в уезды, а скоро за тем и в отпуск в Петербург. Так я управлял губернией, не считая коротких сроков, в 1880 году с 29 января по 12 февраля, со 2 марта по 3 апреля, с 21 мая по 26 июля, а в 1881 году, за новым увольнением губернатора в отпуск, с 21 августа по 28 сентября. По возвращении из отпуска губернатор поторопился дать мне поручение обревизовать некоторые уезды губернии. [...]»

Произведенная мною за губернатора ревизия трех северных уездов губернии обратила особенное внимание местного губернского правления как полнотою своею, так и меткими указаниями на многие обнаруженные в деятельности полицейских управлений отступления от законного порядка, и эта ревизия послужила основанием для циркуляра по губернии, коим дано было знать всем управлениям о том, как должно вести их делопроизводство и чего именно желается для правильной и сообразной с значением полицейской власти деятельности от подлежащих чинов полиции. Состав губернского правления в Вятке, к великой моей радости, я нашел прекрасным, особенно советников, которые подавали добрый пример прочим чиновникам своей безукоризненной честностью, добросовестностью труда и знанием дела. Мне лично пришлось усиленнее поработать в губернском правлении не более двух месяцев, чтобы

ознакомить моих дальних сотрудников с несколько лучшим изложением редакции журналов и более ясным языком деловых бумаг, и затем все пошло как по маслу. Впоследствии мне подавались такие журналы, которые приводили меня в полное удовольствие и могли бы выдержать самый строгий суд Правительствующего Сената» (л. 65–66).

Один из отпусков вятского губернатора Н. А. Тройницкого присоединился на трагические события начала марта 1881 г. Управлявший вместо него губернатор Ратьков-Рожнов вспоминал: «По случайному стечению обстоятельств первоначально посланная об этом ужасном событии губернаторам телеграмма от министра внутренних дел графа Лорис-Меликова не дошла в Вятку (может быть, как-нибудь была и забыта к отправке), а между тем, рано утром 2 марта были получены отдельные телеграммы представителями военного управления и прокурорского надзора от их министров. Поставленный в недоумение неполучением телеграммы на имя губернатора, я снесся около полудня с казанским губернатором, прося его подтвердить справедливость полученных в Вятке другими путями сведений о случившемся событии. Пока пришло уведомление, подтвердившее справедливость ужасной вести, в промежуток времени более пяти часов по городу начали распространяться смутные известия, которыми легко могли воспользоваться неблагонамеренные люди для произведения какой-либо сумятицы, – почему, в предупреждение этого, я лично обратился к получившим телеграммы не делать никаких по ним распоряжений до получения уведомления на имя губернатора, о чем предупредил одновременно и епархиального архиерея. Но отдельные начальники, получившие телеграфные извещения от своих министров, в свою очередь, не считали возможным приостанавливать распоряжение по приводе к присяге чинов, им подведомых, и начали батальон и всех военных приводить к присяге в Александро-Невском соборе. Местный же архиерей, не дожидаясь губернаторского извещения и несмотря на ранее сделанное мною предупреждение, руководствуясь сообщением воинского начальника о полученной им телеграмме военного министра, велел служить в соборе панихиду и после нее читать присягу для народа, находившегося в церкви, без всякого участия и присутствия гражданского начальства.

Таким образом, выходило: в городе народ видит какую-то суевицу, не знает, вследствие чего она происходит, повсеместно толкуют, будто бы получено известие о кончине государя, но оповещений о том

от местной гражданской власти не имеет; военный начальник приводит к присяге войска, архиерей совершаает торжественно в соборе панихиду (не имея на то ни указа Синода, ни распоряжения губернатора) и затем распоряжается сам приводить к верноподданнической присяге присутствующих в храме, без участия лица губернатора. Картина полного безуправия, и потому, что распоряжение идет не от одного лица, и притом главного, а производится отдельными начальниками по собственному усмотрению. [...]

Описанная мною неурядица, которую собственно произвели сами отдельные начальники вкупе с архиереем, происходила в Вятке от полудня до двух часов дня, а я получил уведомление казанского губернатора о кончине государя в семь часов вечера 2 марта и тогда только мог распорядиться приводом населения города к присяге к девяти часам вечера того же дня, дав одновременно соответствующие предписания по телеграфу уездным полицейским властям. Опять явились в кафедральный собор все бывшие и присягавшие там утром, а виновный в утренней неурядице архиерей Аполлос, изумленный моим распоряжением, сам в собор не прибыл, прислав за себя викарного, преосвященного Нафанаила.

О всех усмогренных мною беспорядках в свое время было доведено до сведения высшего начальства, с присовокуплением заключения, что если день 2 марта 1881 года прошел в Вятке совершенно благополучно, несмотря на то, что почва для беспорядков была подготовлена несогласованием распоряжений отдельных властей с властью губернатора, то благодаря только выносливости натуры природных вятчан, их покорности вообще властям и глубокой преданности своему государю» (л. 66 об. – 68).

«Я чуть было не упустил, – писал чуть дальше мемуарист, – сообщая об описанном печальном событии, передать и о другом бес tactном распоряжении епархиального архиерея Аполлоса, который, полагаю, по старости лет, выживал уже из ума, но оставаясь при управлении епархией, свободно, хотя далеко не всегда разумно, распоряжался. На другой день после 2 марта 1881 года, не имея указа Святейшего Синода или особого по телеграфу распоряжения последнего, и без всякого со мною сношения как с правящим должностю губернатора, преосвященный Аполлос велел праздновать восшествие на престол торжественной литургией и трехдневным колокольным звоном, что являлось и неуместным и совершенно произвольным. Неуместным ввиду живости впечатления, постигшего Россию от по-

трясающей мучительной смерти государя Александра II, когда совсем некстати было какое-либо празднество, ибо верноподданные своего государя не могли еще прийти в самообладание от постигшего нас ужасного события. В то же время распоряжение пастыря церкви было и произвольно, без распоряжения высшей власти, которая значительно позже установила день и порядок празднования восшествия на престол. Целый день 3 марта 1881 года в Вятке непрерывно звонили во всех церквях, и никто не знал, ради какого радостного события; такой же звон начался и с утра 4 марта, что и вынудило меня около полудня того дня поехать к преосвященному и просить отменить свое распоряжение, так как о каком-либо праздновании дня восшествия на престол я не имею никаких сведений. На этот раз старик архиерей меня послушал, и звон прекратился, но все-таки неумелое распоряжение было сделано: целые сутки бесцельно звонили, и было торжественное богослужение в соборе без представителя власти» (л. 69–69 об.).

Вообще, насколько можно судить по его мемуарам, В. А. Ратьков-Рожнов не отличался покладистым характером. Вероятно, этот факт отрицательно сказался на его карьере, развивавшейся не столь успешно, как у многих его сослуживцев. Собственно говоря, об этом в предисловии к воспоминаниям несколько высокопарно писал и он сам: «Служба моя вообще невыгодно для меня слагалась, так как я отдавал ей в избытке и свой труд, и не щадил своим здоровьем, а сам получал очень мало. Думаю, что натура моя не удовлетворяла житейскому неотвязчивому требованию быть ловким человеком, с чем обязательно соединялось тщательное старание подделываться к недостаткам и слабостям окружающих и влияющих на нас людей власти, – но лесть и неправда всегда претили мою душу» (л. 3 об.).

Весьма критичны мемуары Ратькова-Рожнова и в отношении лиц, в том числе и непосредственных его начальников. Современные ему вятские губернаторы удостоились от него в предисловии наименования «невозможные администраторы», а ниже в тексте – нелестных характеристик. Ратьков-Рожнов писал: «Мне пришлось в Вятке служить последовательно с двумя губернаторами, из которых один попал на эту должность на 32 году жизни, совершенно неподготовленным к этой серьезной и ответственной должности, поэтому, имея за собой мало опыта и много уверенности, он высоко мнил о своих достоинствах, в действительности же был потешен в своей представительной роли⁹, – а другой, напротив того, был назначен почти в престарелом возрасте и если и имел 60 с небольшим лет, то от

прежней бурной жизни представлялся человеком совсем отжившим, для которого полный покой казался целесообразнее всякой деятельности¹⁰. Первый губернатор прослужил в губернии 6–7 лет, а последний 4 года, и из Вятки оба они были переведены в другие губернии, не принеся никакой пользы Вятской губернии, хотя оба перед выездом из губернии городским общественным управлением были избраны в почетные граждане г. Вятки. [...]

Один из названных мною лиц на должности губернатора был лицеист и весьма еще молодой, а потому не в меру очарован собой; в силу этих достоинств он еженедельно творил бес tactности, всюду совался с своим носом, нередко неумело обращался с людьми и никогда не обращался за советом к лицам губернской администрации, признавая себя за лучшего администратора. Предшествовавшее служебное его прохождение заключалось в пребывании весьма короткого времени в должности старшего советника в Самаре и восьми или шести лет вице-губернатором в Ярославле при весьма дальном и конечно полезном для него губернаторе вице-адмирале Унковском.

Престарелый же вятский губернатор имел такую же почти подготовку, ибо будучи помещиком Рязанской губернии, большую часть своей продолжительной жизни провел в должности уездного предводителя дворянства в то блаженное старое время, когда праздные дворяне выбирались в эти звания только для чинов и ничем серьезным не занимались, кроме разве периодического кормления обедами дворян своего уезда. Из уездных предводителей, прожив собственное большое состояние, случайно попал в Рязань вице-губернатором, оставаясь в этой должности 16 лет и уже на склоне своих дней назначен был министром внутренних дел графом Толстым вятским губернатором.

По формуляру этого губернатора значилось, что он получил домашнее воспитание, сам же он отзывался о себе как о московском студенте, действительно захаживая в университет как любитель для слушания иногда лекций гремевших в то время профессоров юридического факультета. Личность эту в свое время благополучная судьба одарила всеми земными благами: он унаследовал от богатого отца хороший фамилии 300 тысяч наличного капитала, благоустроенное имение в Михайловском уезде Рязанской губернии и барский дом в Москве в Газетном переулке, а при такой привольной обстановке баловень судьбы, конечно, никогда ничем трудным не занимался, да и мало вообще был ознакомлен и с практической стороной жизни, не

сумев даже выработать и собственного своего характера. В Вятку он прибыл совершенно разоренным, с оставшимися долгами и одним воспоминанием невозвратного прошлого с мучительной подагрой. Трудно было ожидать хорошего управления губернией от такого деятеля, да вряд ли и мог подобный человек проявить что-либо самостоятельное, он всецело отдался привезенному им с собою правителю канцелярии, к которому питал полное доверие по прежней совместной службе в Рязани. В Вятке четырехлетнее управление этого сановника так и слыло по фамилии правителя канцелярии, а не губернатора, и, благодаря мирному настроению нравов и ровной деятельности, все обошлось благополучно. Ваш покорный слуга, пишущий эти строки, и сам однажды, встречая служебное затруднение в направлении известного рода дел, обратился за личным советом к опытности седовласого администратора, но вместо ожидаемого разрешения получил в ответ: «Позвольте мне хорошенько об этом подумать и посоветоваться с правителем моей канцелярии» (л. 3 об., 6 об. – 86.).

Пятнадцать с лишком лет деятельности В. А. Ратькова-Рожнова в Вятской губернии не могут быть сколько-нибудь полно рассмотрены нами в рамках данного очерка. Заметим лишь, что он отнюдь не ограничивался, как то нередко бывало, ролью исполнителя воли губернатора и бессловесного его заместителя в дни редких отлучек начальника губернии. Даже сухие строки формуллярного списка Всеволода Александровича показывают, что ему пришлось быть фактическим соправителем края, постоянно, иногда подолгу замещая губернаторов на их посту. Так, например, в 1880 г. его заместительство длилось в общей сложности более четырёх месяцев, в 1881 г. – более трёх, в 1882 г. – четыре, в 1884 г. – два с половиной, в 1887 г. – более четырёх, в 1890 г. – более трёх, а в 1894 г. – почти полгода! Кроме того, время от времени по поручению губернатора Ратьков-Рожнов совершал объезды губернии для ревизии уездных присутственных мест: в 1888 г. он посетил Нолинский уезд, в 1890 и 1893 гг. – Слободской и Глазовский, в 1892 г. – Малмыжский, Елабужский и Сарапульский. Иногда поручения носили и явно неприятный характер: так, весной 1889 г. Ратькову-Рожнову пришлось руководить на месте действиями батальона пехоты, вызванного для водворения порядка в четырёх волостях Уржумского уезда вследствие оказанного крестьянами этих волостей неповинования при взыскании с них податных недоимок. В 1890 г. город Малмыж был опустошён пожаром, и управлявший в то время губернией Ратьков-Рожнов сам ездил туда,

чтобы выяснить положение потерпевших и оказать им помощь, руководил на месте временным комитетом для распределения поступавших пожертвований¹¹. Впоследствии признательное городское общество ходатайствовало о присвоении ему звания почётного гражданина города, на что и последовало высочайшее соизволение в апреле 1896 г., уже после увольнения Ратькова-Рожнова от должности вице-губернатора. Ещё более тяжелое испытание выпало на долю Всеволода Александровича во время его управления Вятской губернией летом 1892 г., когда в ней свирепствовала эпидемия холеры. Здесь ему неожиданно пригодился опыт, полученный при борьбе с этой болезнью в Петербурге (о чём упоминалось выше).

По должности вице-губернатора Ратьков-Рожнов был обязан участвовать в деятельности различных местных комитетов и комиссий, официальных и полуофициальных организаций и объединений. Везде, где бы он ни работал, он вносил своей деятельностью энергию и неравнодушие в предпринятое дело. С 1880 по 1894 г. он был товарищем председателя местного управления Красного Креста – в то время основного правительенного органа, занимавшегося социальными и благотворительными вопросами. Одновременно с 1885 по 1894 г. Ратьков-Рожнов состоял товарищем председателя Вятского статистического комитета. Приняв на себя это звание, Всеволод Александрович обратил особое внимание на издававшийся комитетом «Вятский календарь» и «много приложил забот к тому, чтобы сделать это издание возможно полезной и интересной книгой, дабы в будущем календарь послужил ценным материалом для всесторонней истории обширного и небезынтересного Вятского края»¹². Отметим, что за время выпуска ежегодного «Вятского календаря» в 1880–1916 гг. не было пропущено ни одного года, что в целом для изданий такого типа, выходивших по всей Российской империи, было нехарактерно.

Перегруженный, как и все добросовестные дореволюционные чиновники, служебными обязанностями, Ратьков-Рожнов, тем не менее, находил время и для литературной деятельности. Поскольку до 1894 г. «Вятские губернские ведомости» оставались единственной выходившей в губернии газетой, Всеволод Александрович приложил немало труда к оживлению этого официального органа интересной и актуальной информацией. Нередко он сам помогал редакции: или готовил для неё краткие извлечения из других газет и журналов, или писал самостоятельные статьи. При этом он обычно не подписывал

под ними свою фамилию, вследствие чего выявление списка принадлежащих ему публикаций весьма затруднительно.

Деятельность Ратькова-Рожнова в Вятской губернии регулярно отмечалась очередными наградами. В отличие от службы в Петербурге, за четверть века которой он получил лишь три низших ордена, в Вятке Всеиволод Александрович удостоился трёх более высоких – Владимира 3-й степени (1881), Станислава 1-й степени (1884), Анны 1-й степени (1889) – за одно десятилетие. В мае 1895 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново исходатайствовал ему ежегодное денежное пособие в размере 1200 руб.

С 1894 г. самочувствие Всеиволода Александровича начало ухудшаться. Кроме того, угнетало его и отсутствие шансов на дальнейшее продвижение по службе, на занятие губернаторского поста, обещанное когда-то ему Л. С. Маковым в ближайшем же будущем. «В начале 41 года службы (в феврале 1895 г.) я подал прошение об отставке, мотивируя его тем, что не имею дальнейшей цели продолжать государственную службу», – написал он в предисловии к воспоминаниям. Высочайшим приказом 8 августа 1895 г. Ратьков-Рожнов был уволен от занимаемой должности с 27 июля, с назначением пенсии 2000 руб. в год.

Выйдя в отставку, Всеиволод Александрович решил не возвращаться в Петербург и остался в полюбившейся ему Вятке, посвятив свой досуг общественной и литературной деятельности. Он участвовал в работе почти всех благотворительных и культурно-просветительских обществ города. В 1896 г. был назначен председателем очередной сессии губернского земского собрания. В последние годы жизни Ратьков-Рожнов активно интересовался научно-богословской литературой, писал статьи в этой области, небольшую часть которых опубликовал в «Вятских епархиальных ведомостях» (несколько биографических очерков и житие священномуученицы Пелагии). Незадолго до смерти им было окончено «Житие св. Всеиволода, князя Псковского» (осталось, по-видимому, ненапечатанным)¹³.

В. А. Ратьков-Рожнов скончался 15 февраля 1898 г. в Вятке и был похоронен на кладбище Успенского Трифонова монастыря¹⁴.

Примечания

¹ А. Ш. Памяти Всеиволода Александровича Ратькова-Рожнова. (Перепечатано из № 15 и 16 «Вят. губ. вед.»). Вятка, 1898. С. 27. Судя по тексту некролога, его автор активно использовал мемуары В. А. Ратькова-Рожнова.

² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 1148. В дальнейшем ссылки на воспоминания В. А. Ратькова-Рожнова приводятся в скобках в тексте.

³ Общий морской список. Ч. 8. СПб., 1894. С. 108–109.

⁴ Подробнее о морской службе братьев см.: Там же. Ч. 11. С. 321–327.

⁵ Подробнее см.: Дубин А. С. Ратьковы-Рожновы в С.-Петербурге и на Урале // Сплетались времена, сплетались страны... Вып. 10. СПб., 2002. С. 60–72.

⁶ Все сведения о служебной биографии В. А. Ратькова-Рожнова, если не оговорено иное, заимствованы нами из дела о его службе вятским вице-губернатором (РГИА. Ф. 1284. Оп. 44. 1895 г. Д. 1163).

⁷ Сборник решений Общего собрания 1-х 3-х департаментов и Департамента Герольдии Правительствующего Сената за последнее (1864–1875 гг.) одиннадцатилетие. Т. 1–5. СПб., 1876.

⁸ Новодевичье кладбище. СПб., 2003. С. 346.

⁹ Имеется в виду Николай Александрович Тройницкий (1842–1913), вятский губернатор (1876–1882), впоследствии сенатор.

¹⁰ Имеется в виду Аполлон Николаевич Волков (1825–1896), рязанский вице-губернатор (1866–1882), вятский (1882–1887) и пензенский (1887–1889) губернатор.

¹¹ А. Ш. Памяти Всеволода Александровича Ратькова-Рожнова. С. 17–18.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 28–29.

¹⁴ Шилов Д. Н. Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича по городу Вятке // Герценка: Вятские записки. Киров, 2008. Вып. 13. С. 142.

Из формулярного списка и переписки Александра Ивановича Герцена

A. Л. Рацковский

В журнале «Русская старина» (1888, № 3. С. 769–770) А. Н. Молосов опубликовал материалы формулярного списка А. И. Герцена из архива Новгородского губернского правления. Этот документ имеет огромную ценность, так как заполнен с личным участием Александра Ивановича. Удивительно, но эта публикация не была замечена историками и краеведами. Вот данные из формулярного списка.

«Герцен Александр Иванович, воспитанник гвардии капитана Яковleva, родился в 1810 году (во всех публикациях указывается, что Герцен родился 25 марта 1812 года. – A. P.). 10 декабря 1820 года он уже поступил на службу в ведомство экспедиции Кремлёвского строения с чином канцеляриста.

12 октября 1831 года, при преобразовании экспедиции в Московскую дворцовую контору, Герцен остался за реформой и из ведомства конторы был уволен. Однако через год он снова был определён на службу в Московскую дворцовую контору. Состоя на службе и

получая чины, Герцен, с дозволения начальства, был допущен к служению в Московском университете профессорских лекций. Окончив курс по отделению физико-математических наук, он удостоен степени кандидата. За лучшее на заданный предмет сочинение и за отличное поведение 3 июня 1833 года Александр награждён серебряной медалью. В 1834 году Герцен произведён в титулярные советники. В 1835 году, по Высочайшему повелению, направлен в Вятку, где был определён на службу в должности переводчика губернского правления. В Вятке Герцен прослужил 2,5 года и 30 ноября 1837 года был переведён на службу во Владимир, в канцелярию гражданского губернатора, где ему было поручено редактировать прибавление к «Владимирским губернским ведомостям».

16 марта 1839 года он определён старшим помощником правительства канцелярия, а 31 августа 1839 года – чиновником по особым поручениям при гражданском губернаторе. 11 января 1840 года Герцен утверждён в должности члена Владимирского тюремного комитета с возложением на него обязанностей секретаря комитета.

В феврале 1840 года он, согласно прошению, переведён на службу в Министерство внутренних дел с прикомандированием для занятий в канцелярии Министра (впоследствии департамента общих дел). При этом Владимирский губернатор отметил, что в течение двухлетнего служения во Владимирской губернии Герцен исполнял обязанности службы с отличным старанием. При хорошем образовании своём был вполне полезен для службы и отличался всегда похвально правильной нравственностью.

Прослужив год в Москве и, получив, по выслуге, чин коллежского асессора, Герцен в мае 1841 года был назначен советником губернского правления в Новгород.

В формулярном списке Герцена отмечено, что он имел имение 229 душ в Костромской губернии».

Мосолов отметил, что до получения чина коллежского асессора он не мог владеть крепостными, не будучи потомственным дворянином. В 1830–1840-х годах чин коллежского асессора сообщал дворянство.

Заметим также, что Мосолов был единственным представителем Вятской губернии в Государственном Совете Российской империи.

Из письма А. И. Герцена – А. Л. Витбергу от 1 января 1838 г. из Полян:

«Я сижу в пресквернейшей избе, наполненной тараканами, до которых госпожа Медведева небольшая охотница, и пью до которого

Витберг не охотник. Оно не замерзло, и я имел терпение везти его от Бахты».

Из письма А. И. Герцена – А. Л. Витбергу от 3 января 1838 г. из Владимира:

«Между нами говоря, теперь только я понял, что в смысле внешней жизни Вятка лишена всех гражданских удобств и что мы только там прижились. Зато славные люди там».

Из письма А. И. Герцена от 13 января 1838 г.:

«Мы чужие – я и Вятка. Скворцов и Полина – вот самые близкие родственники, но они счастливы своей любовью.

Витберг, – несмотря на всю нашу симпатию, мы никогда не были близки».

Из письма А. И. Герцена от 22 февраля 1838 г.:

«От Витберга имею много писем. Я в самом неприятном положении относительно его: дружба заставляет меня обличать ему все гадости, которые делает брат его жены (Пузырёвский, живший в Москве). Я не могу молчать, потому что он расточает последний кусок его хлеба».

Из письма А. И. Герцена от 24 февраля 1838 г.:

«Г. И. Ключарев, приятель Витберга, помог ему в устройстве имущественных дел, сообщив, что Пузырёвский растрачивает последние крохи и продаёт оставленные в Москве вещи».

Из письма А. И. Герцена от 3 июня 1838 г.:

«Деньги на брак фурнированы были благородным Косьмой Васильевичем Беляевым».

Из письма А. И. Герцена – А. Л. Витбергу от 14 июля 1838 г.:

«Александр Лаврентьевич! Вас удивлят приложенные 1000 рублей. Деньги это не мои. Они принадлежат одному человеку, душою преданному Вам и, который, имея деньги в руках, мог, нисколько не стесняясь, дать взаймы 1000 руб.».

**Француз на русской службе:
учитель Евдоким Эро в Вятской ссылке**

Т. А. Дворецкая

На государственной службе Российской империи издавна состояло немало выходцев из других стран. Не была исключением и сфера образования. В школах Вятской губернии служили пруссаки А. Ил-

лиус и И. Глейнинг, поляки А. Руссецкий, И. Верниковский, И. Смукрович, Ф. Лозинский¹, швейцарец В. Берштеккер, венгр С. Андрасси, итальянец по происхождению Н. Декарлино, французы Ф. Лоран и Е. Эро. Их судьбы имели зачастую причудливый и экзотический характер: вёрсты, расстояния, разность языков, культур и обычаяв не значили ровным счётом ничего. Не все они оказывались здесь по собственной воле, многие попадали сюда в ссылку. Но, несмотря на это, некоторые из них оставили у своих учеников добрую память о себе, высокую оценку их родителей и коллег-учителей.

Интересна в этом отношении судьба французского подданного Евдокима Иоакимовича (Яковлевича) Эро (Геро). История его короткого пребывания на Вятской земле служит как бы иллюстрацией к многочисленным повестям, мемуарам пушкинской эпохи, когда не-пременным элементом воспитания дворянского дитяти был француз-губернёр. Вспомним целую их когорту, описанную Пушкиным: Бопре из «Капитанской дочки», Дефорж из «Дубровского» и знаменитый месье L'Abbe из «Евгения Онегина».

В ночь на 12 июня 1812 г. наполеоновская «Великая армия» перешла реку Неман: началась Отечественная война. А незадолго до этого 6 июня в Вятку из Москвы прибыл 20-летний «иностраниец Эро, говоривший непозволенные о России слова», как писал в со-проводительном письме граф Гудович². Он был выслан в «сибирские города на время настоящих обстоятельств». Но, по-видимому, последующие обстоятельства (война) изменили планы, и Эро из Вятки был отправлен в Нолинск под надзор тамошнего городничего Дрейера. В это время на театре военных действий уже шли кропотливые бои, и в далёком Нолинске смотрели на француза, как на врага. Городничий предпринял экстраординарные меры: как «изволил предписать» ему губернатор фон Брадке, он отвёл Эро «неважную квартиру» невдалеке от собственной, а предписание «иметь всякой час над поступками его внимание» исполнил буквально: приставил к Эро караул из двух часовых. А в Вятку хлынул поток жалобных писем нолинского узника. Все они перлюстрировались, переводились на русский язык, и из них губернатор знал всё, что происходит в Нолинске. Дело в том, что за те три месяца, что Эро жил в Вятке, он влюбился в сестру учителя Иллиуса Александру (Александрин). Его письма – это крик души одинокого, всеми покинутого человека, унижаемого ежеминутно. «Я здесь назначен быть под стражей двух солдат! Чем я заслужил такое оскорбление? Ка-

кая моя вина? Какое преступление? <...> Народ здешний ожесточён против моей нации и пылает мщением против всех французов за то зло, какое причинил только один человек. Меня здесь в городе почитают состоятельным. Чернь каждый день приходит смотреть меня к моей квартире, а иногда слышу, как они мне грозят, и я не знаю, куда мне уйти, куда скрыться». Прочитав эти строки, Брадке понял, что городничий несколько перегнул палку. В Нолинск отправляется следующее начальническое наставление: «<...> сей француз не есть под караулом, но под надзором вашим, следовательно, ему часового ставить не должны <...> да вразумить ему, когда молебствие идёт в церкви о нонешней войне, ему при оном не следует быть». Но любовь к несравненной Александрин так сильна, что француз готов стать россиянином. В одном из писем он пишет: «Я бы желал быть русской человек», а городничему заявляет, что «имеет желание принять на себя святое крещение и долг присяги на подданство Его Императорскому Величеству».

Тогдашний этикет не позволял Эро напрямую обращаться к любимой. Адресатами его писем были учитель рисования гимназии и одновременно смотритель Вятского уездного училища Александр Герасимович Иллиус и директор гимназии Иван Виллимович (Вильгельмович) Глейниг. Они, вероятно, были немало удивлены напором, пылкостью и откровенностью чувств молодого француза. «Для меня, — пишет Эро, — остается только одна слабая надежда: может быть, моя Александра ещё не знает о моей любви, может быть, также, и она меня любит, и, может быть, её брат или Агафья Васильевна делают препону нашему счастью. Ах! Уверьте их, что любовь, которую имею к Александре, не есть легкомысленная страсть, уверьте их, что сия любовь основана на самом сердечном почитании и нежности». А вот письмо к Иллиусу: «Милый друг и милостивый государь Александр Герасимович! Ваша милая сестрица Александра имеет всё то, что может лестно быть для супруги <...> не удивляйтесь, если я её люблю <...> я желаю быть её мужем <...> Могу ли я надеяться, могу ли я ожидать, что Вы будете столько же благосклонны, чтобы спросить и узнать от сестры, что она думает обо мне. <...> Пожалуйста, скажите Агафье Васильевне, что я буду её тоже любить и что я буду стараться ей нравиться. <...> Отдайте мне надежду или смерть. Ваш покорный слуга Е. И. Эро». Он просит Глейнига: «Пожалуйста, скажите Александру Герасимовичу, его жене, его сестре: просите, чтобы они меня не забыли. <...> Если я не могу любить, я должен уме-

реть». И, наконец, в Вятку отправляется письмо с ценным вложением и просьбой: «Прикажите отдать Александре сие кольцо, которое я носил; я имею его от моей матери и от моей сестры. Вот всё, что я имею самого драгоценного. Я прошу, чтоб она его носила в знак незабвенной памяти самого нежного любовника и самого несчастного из всех». По-видимому, последняя просьба переполнила чашу терпения брата возлюбленной, который возвратил Эро письмо с припиской: «Когда вы будете свободны и зависеть сами от себя, тогда будет зависеть от Вас об этом говорить, а теперь прошу Вас меня не беспокоить и оставить переписку». Впоследствии придет и освобождение, и место государственного служащего, но брак не состоится: по документам 1816 г. Эро значится холостым.

Между тем положение француза постепенно упрочивалось, жизнь налаживалась. Война подходила к концу, и отношение к нему менялось. В одном из писем он сообщает: «Городничий особливо мной интересуется. Он приглашает меня к своему дому <...> Я начал обучать его детей – девиц». Он получает пособие. Сохранились расписки: «Я получил деньги одиннадцать рублей. Француз Э. Эро». В феврале 1813 г. городничий сообщает губернатору, что «инострaneц Геро обучать юношество желает».

Желание вполне понятное. Перед нами профессиональный учитель, имеющий, несмотря на молодость, уже четырехлетний педагогический стаж. Не случайно в его ближайшем окружении – учителя гимназии: выдержав испытания, он имел аттестат Московского университета на право преподавания французского языка и преподавал в Москве с 1808 г.³. Правда, аттестат этот вместе со всеми бумагами остался в его сундуке в канцелярии московского полицеимейстера г. Ивашкина ввиду спешного отъезда Эро из Москвы. На запрос о судьбе сундука пришел ответ, что «означенный сундук, оставаясь в канцелярии, по-видимому, сгорел при нашествии неприятеля»⁴. Впрочем, Эро предлагал вновь «подвергнуться надлежащему испытанию». Кроме того, за плечами молодого француза был Парижский лицей, где он в 1801–1808 гг. «обучался языкам: французскому, латинскому и английскому, истории, географии, математике, мифологии, философии, музыке и танцеванию»⁵.

В октябре 1813 г. Эро был переведен в Вятку. Здесь его ремесло было, что называется, нарасхват, следствием чего явилось предписание губернатора вятскому городничему: «Как француз Эро занимается в разных домах обучением детей и от того имеет себе доста-

точное содержание, то посему предписываю Вам выдачи ему более не производить⁶.

Эро пришёлся как нельзя более кстати вятскому бомонду, не желавшему отставать от столиц и мечтавшему видеть своих отпрысков свободно разговаривающими по-французски. Возможно, пригодились Эро и уроки «танцевания», полученные в Парижском лицее. Вспомним воспитание столичного денди Евгения Онегина:

*Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умён и очень мил.*

Вятский свет оценивал воспитание человека теми же мерками. Среди клиентов Эро вскоре оказывается бригадный начальник полковник Бистром, который претендует на полное завладение педагогическими талантами француза. Он пишет письмо губернатору: «Желаю я, чтобы находящийся здесь французской учитель Эро обучал родного моего племянника при моём виде, а посему покорнейше прошу Ваше Превосходительство не оставить кому следует приказать означенного Эро иметь в квартире моей. Касательно о содержании его равно и в поведении, то я беру на свою поручительность⁷.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Личность полковника Бистрома, а также «родного его племянника», несмотря на сугубо частный семейный характер их отношений, остались на скрижалях вятской истории. Полковник был необычайно любящим дядей. Редкий отец так заботится о своём сыне, как он о племяннике. Начало истории дяди и племянника относится к 1809 г. Тогда в Вятке ещё не было гимназии, но открылся частный пансион для «благородных детей» пастора Алберга, куда вятская элита, гораздо больше ценя иностранцев, чем учителей Главного народного училища, поспешила отдать своих отпрысков. Кроме того, сюда принимали и девочек. Среди них, к примеру, была дочь вице-губернатора Наталья фон Стакельберг. Племяннику Бистрома было тогда семь лет, и он был самым юным в пансионе Алберга. Впрочем, продержался он здесь недолго. Спустя два месяца мальчик был отправлен домой с письмом для дяди о неспособности к наукам и чрезмерной шаловливости. Дядя был страшно зол. Встретив на улице пасторшу Алберг, он набросился на неё с ругательствами, угрозами изгнания из города и даже за-

махнулся тростью. Он обвинил пастора в избиении любимого племянника, у которого на голове от этого остались будто бы «знаки». Однако, пансионеры, будучи допрошены, не подтвердили этого факта⁸. В 1811 г. открылась гимназия. И, конечно же, среди учеников «предуготовительного класса» мы видим уже знакомого нам Яшу Бистрома. Учителя на редкость единодушны в оценке его поведения: «резв» и «очень резв». Успехами Яша тоже не блещет: здесь две оценки «плох», одна «годится», две «порядочен»⁹. Как дальше проходило его ученье в гимназии, неизвестно, но среди её выпускников он не значится. Ну, а сам выбор Бистрома, зная его любовь к племяннику, говорит о высокой оценке Эро как педагога.

В октябре 1814 г. Эро получил освобождение с правом остаться в России или выехать за границу. В первом случае он должен был находиться под «неприметным надзором». Эро решает остаться на некоторое время в Вятке, так как уже третий год не имеет никаких известий от родителей из Франции, а также от знакомых и покровителей в России. Пока что он подаёт прошение о принятии в гимназию на освободившееся за увольнением Франца Лорана место учителя французского языка. Объясняет он свой выбор самыми благородными побуждениями: «Я выбрал остаться в России в намерении загладить пятно, происходящее не от меня самого, но от несчастия, и пожелал вступить в Российскую службу»¹⁰. С 1815 г. до самого отъезда из Вятки в 1817 г. он преподаёт в гимназии, не оставляя при этом и частных уроков. Отзывы о нём с той и другой стороны весьма положительные. Осмотревший гимназию попечитель Казанского учебного округа Салтыков объявил Эро благодарность «за ревностное и успешное исполнение должности, должную почтительность к г. директору, примерное согласие с сотрудниками и отличное благонравие»¹¹. В 1816 г. совет Казанского университета предлагает Эро место преподавателя французского языка в университете. Более всего недоволен этим приглашением губернатор Добринский: Эро обучает его собственных детей. Он просит совет университета отозвать своё предложение¹². Но в университет Эро не поедет. Спустя год он отправится в Петербург, предварительно спиавшись с тамошними знакомыми Николаем Дефоржем и Александром Лефебром.

Так закончилась вятская страница жизни французского учителя Эро. Но им не исчерпывается тема французского образования на Вятке. У Эро были предшественники и последователи. К первым

относится уже упомянутый Франц Яковлевич Лоран, воспитанник Лозаннской академии, учитель французского языка Вятской гимназии в 1812–1814 гг. «Вятское благородное общество с губернатором во главе в 1811 году прибавило от себя для привлечения учителя 600 рублей. Лоран дал согласие, но не ехал в течение целого года и, наконец, осведомился, каждый ли год он будет получать эту прибавку. Губернатор на это написал директору, что Вятское общество «по настоящим обстоятельствам» (охлаждение к кандидату или война?) не желает иметь Лорана, после чего Лоран, взяв от совета Казанского университета подорожную, явился в Вятку к самому началу учебного года, но через две зимы вышел в отставку по болезни ещё до экзаменов»¹³. По примеру жены, содержательницы женского пансиона в Казани, открытого ещё в 1802 г.¹⁴, Лоран открыл в Вятке свой пансион, отличавшийся от русских частных вятских школ значительно более высокой платой.

В 1822 г. по требованию попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого собирались сведения об учителях-иностранных в Вятской губернии. Оказалось, что в Чернореченском заводе Орловского уезда проживает Антон де Гресс (Грессе), бывший поручик французской службы, военнопленный 1812 г. Но, «будучи удручен слабостию здоровья», обучает французскому языку не он, а его жена Мария Павловна, казанская дворянка, имеющая аттестат Казанского университета, где она экзаменовалась в 1818 г. Её ученики – дети смотрителя завода Аристова¹⁵.

Вернёмся к Пушкину. Вспомним, с чего начиналось воспитание Онегина:

*Судьба Евгения хранила:
Сперва Madame за ним ходила...*

Была такая Madame и в Вятке. Это Филиберта Шарль, учительница детей и компаньонка жены вятского вице-губернатора Ермолова.

Имя её сохранилось в истории благодаря поданной ею самому губернатору жалобе на работодателя. В ноябре 1822 г. мадам Шарль пожаловалась ему на своего хозяина, которого она после двухлетней службы оставила «по поводу дурных его поступков» и даже вынуждена была «прибегнуть под защиту полиции». Причитающееся ей содержание она не получила, хотя прошло уже полтора месяца. Губернатор П. М. Добринский взял беглянку под свою защиту. «По званию моему обязанность моя, чтобы каждому был способ к удовольствию законным образом: и о иностранцах, кто бы ни был, не могу

не надведать, чтоб они даже по партикулярностям уважали в нас дух великодушной и справедливой, какой делает честь нашей нации», — пишет он в письме Ермолаеву. Ответ вице-губернатора выдержан в не менее высоком стиле: «...Я, имея щастие принадлежать службою к высочайшему двору Его Императорского величества всемилостивейшего нашего Государя, коего благость и щедроты известны людям всех наций, и притом происходя родом из природных русских дворян, всегда отличавшихся великодушным гостеприимством, вовсе не способен оказать иностранке ни малейшей несправедливости»¹⁶. Он не только отказался платить бывшей учительнице, но и угрожал «представить, куда следует подробнейшим образом особые причины, которые побудили меня выслать французинку Шарль из моего дома»¹⁷. Но француженка недолго оставалась не у дел. Уже в феврале нашелся желающий заполучить учительницу для своей дочери. Это, по-видимому, владелец Холуницкого завода (подпись в письме неразборчива), которому Добринский предложил кандидатуру мадам Шарль и на которого беседа с ней произвела прекрасное впечатление. Семья нового хозяина жила в Москве, куда и предстояло отправиться мадам Шарль.

Многие современники отмечали как отличительную черту русского дворянства — галломанию. Особенно это было характерно для столиц. Вот как пишет об этом посетивший Россию в 1826 г. француз Ф. Ансело: «В Петербурге немало пансионов; они заведены и управляются французами. Преподаватели, обучающие детей, образцы, которым их учат подражать, мысли, сообщаемые юным умам, — всё французское. Наша национальная гордость должна быть польщена этой честью, оказываемой нашему языку, литературе и обычаям, но, оценивая эту систему с философской точки зрения, не найдём ли мы в ней грубейших изъянов? Расстояние, отделяющее высшие классы общества от тех, кого называют народом, огромно. Но не служит ли принятый способ воспитания молодых аристократов к дальнейшему его увеличению и не разрушает ли он всякую их связь с низшими классами? Склад ума, чувства, язык, обычай — всё иное. Да и могут ли иностранные преподаватели привить своим ученикам любовь к их стране? Могут ли они образовывать русских? Не думаю и полагаю, что настоящий патриотизм можно найти только в народе. <...> Разве редкость в Петербурге образованные люди, прекрасно изъясняющиеся на французском, английском и немецком языках, которых задача написать несколько страниц по-русски ставит в серьезное затруднение?

ние? Отнюдь, и я могу назвать одного вельможу, занимающего очень высокую должность, который пишет бумаги по-французски и отдаёт переводить секретарю»¹⁸.

Мы видим, что стремление к французскому воспитанию имело место и в российской глубинке. Французские учителя здесь были в чести, им неплохо платили. Но в вятской глупши они не задерживались: провинция не выдерживала конкуренции со столичными перспективами.

Примечания

¹ Об учителях-поляках см.: Дворецкая Т. А. Вятские учителя-поляки – современники А. И. Герцена // Герценка: Вятские записки. Киров, 2007. Вып. 12. С. 136–142.

² Здесь и далее цит. по: ГАКО. Ф. 582. Оп. 125. Д. 269. Л. 1–140.

³ Там же. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3515. Л. 39.

⁴ Там же. Ф. 582. Оп. 125. Д. 269. Л. 83 об., 85.

⁵ Там же. Ф. 205. Оп. 4. Д. 3515. Л. 39.

⁶ Там же. Ф. 582. Оп. 125. Д. 269. Л. 54.

⁷ Там же. Л. 58.

⁸ Там же. Оп. 6. Д. 634. Л. 13–16.

⁹ Там же. Ф. 211. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об. – 2.

¹⁰ Там же. Ф. 582. Оп. 125. Д. 269. Л. 130.

¹¹ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 353. Л. 11 об.

¹² Там же. Ф. 582. Оп. 125. Д. 269. Л. 140.

¹³ История Вятской гимназии за 100 лет её существования / сост. М. Г. Васильев. Вятка, 1911. С. 29.

¹⁴ Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. Казань, 1903. Т. 3. С. 194.

¹⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 45. Д. 515. Л. 31–33.

¹⁶ Там же. Д. 600. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ Ансельо Ф. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 57.

Представители купеческого рода Альмухаметовых в Елабуге*

A. M. Рафиков

Для Российской империи рубеж XIX–XX вв. стал временем завершения становления капиталистических отношений, господствующих в передовых странах мира. Важную роль в овладении новыми рыночными механизмами управления экономикой играло купечество. Активное участие в торгово-промышленной жизни страны принимали не только крупные столичные предприниматели, но и провинци-

альные. По словам И. В. Масловой, «создание объективной картины социально-экономического развития России во второй половине XIX – начале XX вв. невозможно без изучения деятельности провинциальных купцов и промышленников»¹.

На сегодняшний день пробелы, связанные с изучением торгово-предпринимательской, общественной и благотворительной деятельности провинциального купечества, активно заполняются. История вятского купечества нашла наиболее полное отражение в работах И. В. Масловой, М. С. Судовикова, Н. П. Лигенко², написан ряд диссертаций, посвящённых крупнейшим купеческим династиям и купечеству отдельных городов Вятской губернии (И. В. Есиева, Л. Г. Гафиатуллина, И. В. Маслова)³. Однако в работах названных исследователей представлено, главным образом, русское купечество Вятской губернии. Имена же многих, не менее достойных представителей местных купеческих династий, принадлежащих к другим национальностям, по-прежнему остаются незаслуженно забытыми. Не является в этом отношении исключением и татарское купечество Вятской губернии. Между тем, в Сарапульском, Уржумском, Елабужском, Малмыжском и некоторых других уездах края численность его была достаточно велика. Наглядным примером этого служит история татарского купечества Елабужского уезда Вятской губернии. Профессор Н. Г. Валеева совершенно справедливо отмечает, что «активное участие елабужских купцов в земском движении, их широкая благотворительная деятельность на ниве просвещения во благо народов России достойна глубокого исследования и осмыслиения»⁴.

В XIX – начале XX вв. Елабуга была одним из крупнейших по численности гильдейского купечества городов Вятской губернии. К началу 80-х гг. XIX в. в этом отношении она уступала лишь Вятке и Сарапулу⁵. В числе гильдейских купцов города числились и татарские предприниматели: братья Шакир и Шигабутдин Заитовы, Ахмет-Гарей Гайсин, Мухаметзян Мухаметвалиевич Сюндиюков, Хузяхан Габдрахманович Массагутов и др. Одним из крупнейших представителей татарского торгового мира в Елабужском уезде являлся Мухамет-Валей Альмухаметов.

В 1900 г. Альмухаметов объявил капитал по второй гильдии и вместе с семьёй записался в купечество г. Елабуги. Согласно отечественному законодательству, после принятия в 1898 г. «Положения о государственном промысловом налоге» для вступления во вторую купеческую гильдию требовалось купеческое свидетельство II раз-

ряда, а также промысловое свидетельство на торговое предприятие II разряда или на промышленные предприятия IV–V разрядов⁶. Стоимость купеческого свидетельства второй гильдии составляла 20 руб. в год⁷. Цена промыслового свидетельства зависела от классификации местности, которая осуществлялась по пятиразрядной шкале. Елабужский уезд относился к местности IV разряда, промысловое свидетельство II разряда стоило здесь 35 руб.⁸

Необходимо отметить, что после реформы 1898 г. большинство сословных купеческих льгот (освобождение от телесных наказаний, паспортной прописки, рекрутской повинности, возможность получения почётного гражданства и др.) утратило своё социальное значение. В связи с этим многие лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью (особенно представители крестьянского сословия), перестали стремиться к входению в гильдейское купечество для повышения социального статуса. Количество гильдейского купечества в целом по Российской империи и отдельным её регионам в этот период значительно сократилось⁹. Большим спросом стали пользоваться временные купеческие свидетельства, при получении которых по желанию владельца его сословная принадлежность сохранялась. Исчезла также существенная социальная разница между первой и второй купеческими гильдиями. В целом по Российской империи, в том числе в Поволжье, в количественном отношении значительно преобладало купечество второй гильдии. Например, по данным Л. Г. Гафиатуллиной, в 1898 г. в Европейской части России было выдано 273264 торговых свидетельств II разряда и лишь 23830 – первого¹⁰. При этом гильдейская принадлежность не всегда соответствовала истинному объёму торговых операций предпринимателей и их имущественному положению. Именно так было в случае с Валеем Альмухаметовым.

Основной сферой торговых интересов Альмухаметова являлась лавочная торговля. Пик предпринимательской активности купца пришёлся на начало XX столетия. Так, например, в 1905 г. Альмухаметов имел 4 торговых предприятия в г. Елабуге¹¹ и 3 товарных склада. Одна из лавок предпринимателя находилась на Покровской улице. Здесь продавались бакалейный товар, чай, сахар, посуда. Годовой торговый оборот заведения составлял 6000 руб. (для сравнения годовой оклад школьного учителя в это время равнялся 300 руб.)¹². Лавкой заведовал приказчик – Вафетулла Фахретдинов, кроме этого, имелся ещё один работник¹³. Второе торговое предприятие

Альмухаметова было расположено на Рыбной площади г. Елабуги. Торговля в данной лавке велась предпринимателем по свидетельству III разряда, несмотря на это годовой финансовый оборот заведения соответствовал уровню свидетельства II разряда и составлял 5000 руб. В лавке продавались аналогичные товары, заведовал ею также приказчик¹⁴.

Одно из основных торговых заведений Альмухаметова находилось при его доме на Московской улице, здесь же имелся товарный склад. В этой лавке продавались фрукты, чай и бакалейные товары. Аналогичный товар хранился здесь же на складе, а также во втором складском помещении на Казанской улице. Общий годовой оборот двух складов и лавки составлял в 1905 г. 91940 руб.¹⁵

Необходимо отметить, что фрукты являлись товаром, не характерным для торгово-предпринимательской деятельности татарского купечества Вятской губернии, которое, в основном, специализировалось на продаже чая, сахара, крупы и тканей и было отстранено русским купечеством от участия в торговле наиболее прибыльными товарами. К их числу относились, например, мёд и пиво, доход от продажи которых в указанное время составлял в Елабужском уезде 12–15 %, шорный товар – 10–12 %, соль – 15–30 %, мясо – 10–12 %, парфumerия – 15 % и т. д. Торговля же мануфактурным и бакалейным товаром давала доход не более 7–8 %, чаем и сахаром – 2 %. Что касается торговли фруктами, то прибыль от неё составляла 12 %¹⁶.

Помимо фруктов, Альмухаметов торговал ещё одним редким, не только для татарского, но и для русского купечества, товаром – куриными яйцами. На Татарской улице находилась лавка предпринимателя для их оптовой скупки. Предпринимательская деятельность в данном торговом заведении велась купцом по свидетельству II разряда, годовой финансовый оборот лавки составлял в 1905 г. 25000 руб. Здесь же находился склад, предназначенный для хранения товара¹⁷. Из числа елабужских предпринимателей-татар яичной торговлей занимались всего 4 человека, не считая Альмухаметова (Изятуллин Хабибулла, Каримов Мухаметзян, Мусин Муфтахитдин и Фаткулин Мухамет-Садык). Доход от оптовой яичной торговли не превышал 8 %¹⁸. Но, в то же время, яйца пользовались большим спросом по всей стране, и торговать ими было выгодно. В силу специфики данного товара не каждый предприниматель готов был заниматься яичной торговлей. В связи с этим конкуренция на яичном рынке была не так сильна. Примером, подтверждающим выгодность и

одновременно сложность торговли товаром, является предпринимательская судьба малмыжского купца первой гильдии, современника Альмухаметова, – «яичного короля» Гизятуллы Хамидуллина. Купец вёл обширную торговлю яйцами с годовым оборотом до миллиона рублей, выходом на зарубежные рынки (Англия) и вполне оправдывал прозвище, данное ему современниками. Начинал Хамидуллин с нуля, долгое время состоял в крестьянском сословии и занимался мелкой лавочной торговлей. Необычайного предпринимательского успеха ему удалось добиться исключительно благодаря торговле яйцами. Однако в последующем, будучи уже в преклонном возрасте, Хамидуллин разорился, потеряв при перевозке в Англию крупную партию яиц (3 млн ящиков)¹⁹.

Торговля яйцами велась Альмухаметовым на достаточно высоком уровне. Так, например, в 1903 г. он отправил с Елабужской пристани партию яиц в 254 ящика стоимостью 2590 руб.²⁰ В 1904 г. купец значительно расширил объём яичной торговли и отправил с Елабужской пристани партию в 719 ящиков яиц стоимостью 7110 руб.²¹ Наконец, как отмечалось выше, на 1905 г. им было приобретено свидетельство II разряда для скупки и перепродажи яиц. Необходимо подчеркнуть, что по объёмам яичной торговли купец опережал многих татарских предпринимателей Елабужского уезда. В частности, торговые обороты Хабибуллы Изятуллина в 1905 г. составляли 18000 руб., Мухаметзяна Каримова – 20000 руб. На одном уровне с Альмухаметовым торговал Муфтахитдин Мусин. В указанный период оборот его яичной торговли составил 25000 руб.²²

В то же время необходимо отметить, что Елабужский уезд являлся исключением в отношении конкуренции. Соперничество на местном яичном рынке было весьма серьёзным. Так, неоднократно в Елабужском уезде продавал свой товар Гизятулла Хамидуллин. Например, в 1903 г. он отправил с пристани яиц на сумму 1890 руб.²³ На следующий год купец снова привёз в Елабугу очередную партию товара²⁴. Торговлей яйцами занималось также местное товарищество «Беккер и К°», которое только с апреля по сентябрь 1904 г. отправило с Елабужской пристани 1105 ящиков яиц на сумму 11020 руб.²⁵ Естественно, что соперничать с такими конкурентами было сложно.

Помимо яиц, Альмухаметов осуществлял речную торговлю и другим товаром. В частности, в указанное время с Пьяноборской пристани им было отправлено 274 пуда резины и сукна на сумму 561 руб.,

в этом же году купец доставил с Елабужской пристани в Нижний Новгород партию гороха²⁶.

В дополнение ко всему Альмухаметов являлся крупным домовладельцем. В собственности купца находился каменный дом на Московской улице г. Елабуги, оцененный городской управой в 2500 руб.²⁷ Для сравнения: средняя стоимость одноэтажного деревянного дома в Елабуге в то время составляла 60–80 руб. Минимальная цена хорошего двухэтажного дома на центральных улицах города достигала в среднем 2000 руб. Например, ровно столько стоил дом купца первой гильдии И. Г. Стакхеева²⁸. В связи с этим недвижимость Альмухаметова представляла собой отдельный значительный капитал.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что Валей Альмухаметов являлся одним из крупнейших татарских предпринимателей Елабужского уезда Вятской губернии. Только за 1905 г. совокупный торговый оборот купца, с учётом стоимости его недвижимости, составил более 130000 руб. Этих средств было вполне достаточно для вступления в первую купеческую гильдию.

Помимо торговли, купец принимал самое живое участие в общественной жизни Елабужского уезда. Общественная деятельность предпринимателя является темой отдельного исследования. В связи с этим мы ограничимся лишь перечислением должностей, которые он занимал в разное время. Земская карьера Альмухаметова началась в 1903 г. В это время купец являлся членом Городского попечительства для сбора пожертвований, оказания помощи нуждающимся и постоянных наблюдений за ними. Эту должность он занимал до 1908 г. включительно²⁹. В попечительстве Альмухаметов работал с такими авторитетными общественными деятелями Елабужского уезда, как Г. Ф. Гирбасов, И. И. Тарасов, А. К. Стакхеев и др.³⁰ В дополнение к этому с 1907 по 1909 гг. купец входил в раскладочное по промысловому налогу присутствие³¹. Второй раз он занимал эту должность в трёхлетие с 1913 г.³² Данные присутствия создавались согласно «Положению о государственном промысловом налоге», избранные в них лица (Альмухаметов избирался в присутствие как «член по избранию городской думы») выполняли важную и ответственную работу. Они составляли различного рода запросы, требования, объявления и извещения, которые рассыпались плательщикам раскладочного сбора. Кроме этого, члены присутствия устанавливали нормы оплаты раскладочного сбора, распределяли торговые и промышленные заведения, личные промысловые занятия по родам и видам коммерческой

деятельности. Избираться в присутствие могли только грамотные, авторитетные и успешные предприниматели.

В 1908 г. купец стал одним из членов правления Дома трудолюбия в г. Елабуге³³. В период с 1913 по 1915 гг. включительно он входил в присутствие по государственному налогу с недвижимых имуществ³⁴. Кроме этого, Альмухаметов активно участвовал в работе органов земского самоуправления. В четырёхлетие с 1906 г. купец являлся гласным Елабужской городской думы. Необходимо отметить, что в данное четырёхлетие представительство татар в Елабужской городской думе было весьма значительным. Из 18 гласных трое, включая Альмухаметова, являлись татарами – купец второй гильдии Мухаметзян Мухаметвалиевич Сюндюков и князь Чингиз Измаил бек Ахматгириевич³⁵.

Карьера земского деятеля Альмухаметов завершил в должности гласного Елабужского уездного земского собрания, которую он занимал в трёхлетие с 1914 г. На этот раз купец был практически единственным (наряду с гласным Ахметзианом Музаровым, который являлся одним из наиболее авторитетных общественных деятелей татар Елабужского края) представителем татарской национальности в органах местного самоуправления Елабужского уезда³⁶. Необходимо отметить, что работа в земских учреждениях, а также различных комиссиях и ведомствах, создаваемых ими, осуществлялась исключительно добровольно и на общественных началах. Всё это свидетельствует об особенно прогрессивном характере работы земских деятелей, которую смело можно сравнить с благотворительностью.

Исходя из всего сказанного, не вызывает сомнения, что татарское купечество в лице наиболее крупных представителей принимало самое живое и активное участие в социально-экономической жизни Вятской губернии.

Примечания

* Статья написана на материалах исследований, проведённых в рамках Молодёжного научного гранта АН РТ.

¹ Маслова И. В. Купеческая династия Стакеевых. Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2007. С. 3.

² Маслова И. В. Указ. соч. ; Её же. Торговый дом «Григория Стакеева Сыновья» в Елабуге // Эхо веков. 1999. № 34 ; Её же. Благотворительная деятельность уездного купечества Вятской губернии в сфере здравоохранения в XIX – начале XX вв. // Бехтеревские чтения в Елабуге : материалы всерос. науч. конф. Елабуга, 2007 ; Её же. Приёмы организации предпринимательской деятельности и ценностные ориентиры российского купечества XIX столетия // Третьи Стакеевские чтения. Елабуга, 2008 ; Судовиков М. С. Купечество в истории вятских земских учреждений // Вятскому зем-

ству 130 лет : материалы науч.-практ. конф. Киров, 1997 ; Его же. К истории купечества Вятского края // Петряевские чтения 1998 : тез. докл. Киров, 1998 ; Его же. Купечество в системе местного самоуправления России второй половины XIX – начала XX в. // Российская государственность: уровни власти : Историческая динамика. Ижевск, 2001 ; Его же. Региональное купечество в истории политических партий начала XX в. // Вест. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2002. № 7 ; Его же. Участие регионального купечества в работе земских учреждений // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии : материалы науч.-практ. конф. Киров, 2007 ; Его же. Деловые качества российского купечества: источники формирования, особенности // Третья Стажеевские чтения. Елабуга, 2008 ; Лигенко Н. П. Торговля Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.) // Новые исследования по истории Удмуртии. Ижевск, 1991 ; Её же. Базары, ярмарки, торжки – активная сфера межэтнических контактов. XIX – начало XX в. // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня. Ижевск, 1996 ; Её же. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001.

³ Есиева И. В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX века – 1918 год) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004 ; Гафиатуллина Л. Г. Торгово-экономическая жизнь Чистополя во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007 ; Маслова И. В. Купеческая династия Стажеевых (вторая половина XIX–1917 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000.

⁴ Валеева Н. Г. Елабужское земство и Россия: гуманистично-просветительская деятельность Елабужского земства (1867–1917). М. : Аграф, 2002. С. 9.

⁵ Маслова И. В. Купеческая династия Стажеевых... С. 34.

⁶ СЗРИ. Т. 9. Р. 3. Ст. 532.

⁷ Там же. Ст. 533.

⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 176. Л. 34.

⁹ Баханов А. Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1985. № 4. С. 108.

¹⁰ Гафиатуллина Л. Г. Торгово-экономическая жизнь Чистополя во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 124.

¹¹ НА РТ. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.

¹² Список учительского персонала земских школ Елабужского уезда за 1905/6 год // Журн. XXXX очеред. сессии Елабуж. уезд. зем. собр., 15–24 окт. 1906 г. Елабуга, 1907. С. 575.

¹³ НА РТ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 42. Л. 21–21 об.

¹⁴ Там же. Л. 82 об. – 83.

¹⁵ Там же. Л. 39 об. – 40.

¹⁶ НА РТ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 5. Л. 85 об. – 86 об.

¹⁷ Там же. Д. 42. Л. 151 об. – 152.

¹⁸ Там же. Д. 5. Л. 87.

¹⁹ Саломатов Н. Яичный король // Сельская правда. Малмыж, 1988. 7 янв. (№ 3). С. 4.

²⁰ НА РТ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 5. Л. 22 об.

²¹ Там же. Д. 36. Л. 34.

²² Там же. Д. 42. Л. 151 об. – 152, 153 об. – 154.

²³ Там же. Д. 5. Л. 24.

²⁴ Там же. Д. 36. Л. 39.

²⁵ Там же. Д. 36. Л. 32.

²⁶ Там же. Л. 25 об., 51 об.

²⁷ Там же. Д. 47. Л. 113.

²⁸ НА РТ. Ф. 1291. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.²⁹ См: Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // ПКВГ. 1903–1908 гг.³⁰ ПКВГ за 1904 г. Вятка, 1905. С. 157.³¹ Там же за 1907 г. Вятка, 1908. С. 83.³² Там же за 1913 г. Вятка, 1914. С. 96.³³ Там же за 1908 г. Вятка, 1909. С. 163.³⁴ Там же. 1913–1915 гг.³⁵ ГАКО. Ф. 587. Оп. 11. Д. 13. Л. 14.³⁶ Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // ПКВГ за 1914 г. Вятка, 1915. С. 114.**Малоизвестный судовладелец А. Е. Шубин***E. V. Березин*

В истории вятского судоходства остаётся много недостаточно изученных страниц. До недавнего времени очень скучны были сведения о пароходстве А. Е. Шубина.

Первое упоминание о его существовании автор этих строк встретил в заметках путешествовавшего по реке Вятке в 1887 г. Н. Миролюбова, который, характеризуя малую интенсивность судоходства, отметил: «Только один раз в сутки попадётся вам здесь встречный пароход... Булычёва, или случайно набежит один из пароходиков купца Тырышкина или Шубина – и река снова погружается в мёртвый сон...»¹

Казалось, в таком же непробудном сне исторической памяти на всегда затерялась информация о таинственном пароходстве Шубина, сведения о котором пришлось собирать буквально по крупицам.

Уж так получилось, что отставному вятскому дьякону (среди интересующихся историей речного флота его принято называть дьячком) Александру Егоровичу Шубину (ок. 1826–20.04.1897)² не досталось известности его современников и конкурентов Т. Ф. Булычёва (1847–1926) и Я. Ф. Тырышкина (1839–1903). Объединяет их судьбы разве что забвение потомков, которые уничтожили могилы Булычёва – на Богословском, Шубина – на Ахтырском кладбище и Тырышкина – в Трифоновом монастыре, да звание потомственных почётных граждан.

Родом Александр Егорович (Георгиевич) Шубин из г. Орлова Вятской губернии, там же начинал пономарём Троицкой церкви³, но церковной карьеры не сделал. Не принесло ему известности и занятие судоходством.

Обоим своим главным конкурентам уступал Шубин и численностью флота. Уже упоминавшемуся Н. Миролюбову в навигацию 1887 г. мог встретиться только «Константин» – единственный тогда пароход А. Е. Шубина.

Свой «первенец» Александр Егорович приобрёл у провизора Слободской вольной аптеки Леонтия Павловича Рябинского. История этого парохода пусть коротка, зато настолько примечательна, что о ней стоит рассказать подробнее.

Построен он в 1885 г. в г. Слободском под названием «Труженик». Какими-либо данными о паровом судостроении в своём городе слободские краеведы не располагают, не так уж много знают и о первом владельце судна Л. П. Рябинском⁴.

Если бы не помочь бескорыстного исследователя истории речного пароходства С. А. Парфёнова (г. Москва) с его великолепным до машним архивом, то ничего о единственном пароходе слободской постройки не смог бы написать и автор этих строк.

Отличительной конструктивной особенностью «Труженика» был деревянный корпус. Деревянным судостроением Слободской уезд Вятской губернии известен издавна. Не случайно в 1860 г. три деревянные баржи, предназначенные для работы с первыми вятскими пароходами – «Вятка» и «Орлов», были заказаны слободским «мастерам добрых пропорций»⁵.

Видимо, хлопоты и затраты, связанные с постройкой «Труженика», охладили интерес Л. П. Рябинского к организации парового судоходства, поскольку через два года он продал своего первенца А. Е. Шубину, а последний назвал его «Константином» в честь подрастающего сына.

Для нас интересно, что в судовых справочниках пароходная машина мощностью 30 номинальных сил (или 120 более привычных для нас лошадиных) и паровой котёл значатся изготовленными на Холуницком заводе. А это позволяет сделать вывод: «Труженик» – «Константин» полностью построен вятскими мастерами.

После 1897 г. унаследовавший пароходство отца Константин Александрович Шубин продал названный в свою честь пароход. К тому времени износ деревянного корпуса достиг критического уровня, требовавшего полной его замены. Покупателя, а им стал крестьянин Костромской губернии В. А. Кузнецов, интересовалась паровая машина, переставленная им на собственный пароход «Татьяна», на котором она использовалась вплоть до гибели судна от пожара в 1905 г.⁶

А мы, сопоставив даты, можем сделать ещё один вывод: двадцать лет работы паровой машины – показатель высокого качества изготовления и сборки механизмов мастерами из Белой Холуницы.

Зимой 1892–1893 г. в г. Вятке на заснеженном берегу затона «за песками» царило оживление. Дымили переносные кузнечные горны, на которых докрасна раскаляли железные заклёпки, а рядом, на деревянных клетках, вырастал буквально на глазах металлический корпус судна.

Любопытный, решивший посмотреть вблизи, как мастеровые при помощи заклёпок и увесистых кувалд скрепляли листы металла, рисковал оглохнуть – такой громкий перезвон разносился окрест импровизированного стапеля.

Так вятский судовладелец А. Е. Шубин строил хозяйственным способом буксиро-пассажирский пароход «Александр».

К весне корпус был готов.

После ледохода, в высокую воду, корпус парохода, сооружённый на затапливаемом берегу, закачался на воде, а вскоре к нему пришвартовалась деревянная коломенка, добравшаяся до г. Вятки в составе большого каравана барок с продукцией Холуницкого завода. В её трюме стояли паровая машина мощностью 60 номинальных (240 лошадиных) сил и паровой котёл, изготовленный в Белой Холунице.

Монтаж механизмов прибывшими на той же коломенке заводскими специалистами занял не так уж много времени, а когда он завершился, зажгли огонь в топке, машинист (так в то время именовали судового механика) поднял пар «до марки», и вновь построенный пароход отправился в пробный рейс.

Так или примерно так в 1893 г. произошло рождение нового вятского парохода – второго в составе немногочисленного флота А. Е. Шубина.

Этот же пароход претендует на роль первого парового судна, построенного в г. Вятке.

Сведения об эксплуатации «Александра» на р. Вятке скучны. Пока удалось найти только одно упоминание парохода в местной печати, относящееся к 1898 г.: «В начале прошлой недели... были случаи остановки пароходов на перекатах. На Петровском перекате вода опускалась до пяти четвертей, так что буксируй пароход Шубина «Александр», идущий вверх с баржей, нагруженной мостовым железом для железной дороги, поставил на мель баржу (осадка баржи 10 четвертей)»⁷.

Последний раз «Александр» упомянут среди вятских пароходов в «Списке речных паровых судов европейской России по переписи 1900 года».

«В дальнейшем история этого парохода не прослеживается. Надо смотреть «Списки...», сравнивать характеристики пароходов. В общем, «белых пяти» ещё много», – констатировал знаток темы С. А. Парфёнов.

Таким образом, первый из построенных в г. Вятке пароходов и второй пароход А. Е. Шубина на р. Вятке служил недолго – около семи лет.

Появление третьего шубинского парохода стало заметным событием навигации 1896 г., о чём поспешила сообщить местная газета: «В воскресенье, 28 апреля, в 6 часов вечера, отошёл от пристани Булычёва пароход «Шубин», совершивший свой первый рейс. Пароход «Шубин» полностью построен в г. Вятке... На пароходе было много публики, отлично прокатившейся под музыку бывшего на трапе оркестра любителей»⁸.

«Фамильный» пароход не выделялся размерами, числился буксиро-пассажирским.

В 1898 г. его приобрёл волжский судовладелец Мелетий Яковлевич Кожебаткин.

Чем же приглянулся ему построенный в г. Вятке небольшой пароход?

Очевидно, с помощью «Шубина» он планировал поправить свои дела.

Напомним, что в отличившемся мелководьем 1897 г. пароходство М. Я. Кожебаткина и А. И. Сергеевой с флотом из 14 пароходов и 60 барж потерпело крах. Рассчитанные на волжские глубины пароходы оказались бессильны перед обмелевшими перекатами, а мелкосидящий вятский пароход мог выручить попавшего в сложное положение судовладельца.

Видимо, надежды, возлагавшиеся на «Шубина», не оправдались, поскольку в 1900 г. он – под названием «Василий» – был уже в волжском пароходстве Н. П. Сергеева и П. К. Наумова. Навигацию 1903 г. «Василий» завершал на Оке. Вечер 29 октября того же года оказался последним в биографии бывшего вятского парохода. Во время его стоянки в Чернореченском затоне загорелась нефть в машинном отделении. Огонь распространился чрезвычайно быстро. Пароход сгорел полностью. Экипаж не пострадал.

Короток оказался срок службы последнего из построенных в г. Вятке пароходов – «Шубин» – «Василий» – всего семь навигаций, из них на р. Вятке – не более трёх.

Численность флота А. Е. Шубина в три паровых судна – типичная для судовладельцев-одиночек. Столько же пароходов было у его современников Александровых и Небогатиковых.

Напомним, что первое Вятское пароходство А. С. Куклина все 16 навигаций до прекращения своей деятельности в 1875 г. располагало всего двумя пароходами.

Такое же количество паровых судов было у вятского купца А. А. Казенина и его наследников в период с 1875 по 1905 год⁹.

Орловский купец Ф. Т. Булычёв, сын которого, Тихон Филиппович, впоследствии стал крупнейшим вятским судовладельцем, с 1863 по 1870 год обходился одним пароходом.

Единственный пароход держал на р. Вятке с 1896 по 1910 год самарский купец А. А. Таратин.

Таким образом, численностью флота пароходства А. Е. Шубина не выделялось среди других частных вятских судоходных предприятий. Зато оно оказалось уникальным по составу – в нём были паровые суда только местной постройки. В шубинском флоте мы видим три из одиннадцати пароходов, построенных в бассейне р. Вятки в период с 1881 по 1903 год. Впрочем, в последующие годы паровых судов здесь не строили вовсе.

Остаётся невыясненной численность служащих пароходства. Пока удалось узнать, что среди машинистов Товарищества Вятско-Волжского пароходства в 1910 г. значился «малограмотный» мещанин г. Котельнича Николай Авксентьевич Чемоданов, 1861 года рождения, выпускник Котельничской комиссарской ремесленной школы. Оказывается, он один год служил «...у Шубина»¹⁰. Остаётся только гадать, на котором из трёх пароходов: «Константине», «Александре» или «Шубине».

Примечания

¹ Миролюбов Н. Очерк Вятского пароходства // ВГВ. 1887. 3 апр. (№ 79, ч. неофиц.).

² Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало (От Засоры до Раздеришинской). Киров (Вятка), 2007. С. 9, 14.

³ Там же. С. 568.

⁴ Сообщил О. В. Рогожников (г. Слободской).

⁵ Хроника // ВГВ. 1860. № 4, ч. неофиц.

⁶ Данные московского исследователя С. А. Парфёнова.

⁷ Хроника // ВГВ. 1898. 13 июня (№ 46, ч. нефиц.). С. 6.⁸ Местный отдел // ВГВ. 1896. 1 мая (№ 34).⁹ Хроники // Вят. вестник. 1905. 9 апр. (№ 80). С. 1.¹⁰ Послужные списки машинистов пароходов Товарищества Вятско-Волжского пароходства // ГАКО. Ф. 201. Оп. 3. Ед. хр. 87 б.**Иван Никандрович Кибардин –
просветитель и общественный деятель Прикамья***Д. В. Кондрашин*

Иван Никандрович Кибардин (1848–1918?) родился в семье потомственных священнослужителей с. Совынского Слободского уезда Вятской губернии¹. Многогранность личности Ивана Никандровича, проявившаяся в просветительских, общественно-политических начинаниях, предопределилась активной этнографической, просветительской, краеведческой деятельностью отца, св. Никандра Герасимовича Кибардина (1813–1863), корреспондента Русского географического общества, действительного члена Вятского губернского статистического комитета².

Окончив высшее отделение Вятского духовного училища и полный курс Вятской духовной семинарии, получив права и звание студента, И. Н. Кибардин, согласно собственному прошению, в августе 1870 г. был определён учителем русского и церковнославянского языков в Елабужское духовное училище³. Приехав в Елабугу, Иван Кибардин поселился у Александра Петровича Кобычева, который был довольно известен в городе, так как основал первую в Елабуге типографию. Ранее А. П. Кобычев проживал в Вятке, где имел переплётную мастерскую⁴. В течение первого пятилетия профессиональной деятельности в Елабужском духовном училище И. Н. Кибардин был единогласно избран делопроизводителем и членом училищного правления, определён на должность помощника смотрителя училища, неоднократно исполнял обязанности смотрителя, избирался членом временного строительного комитета. Вплоть до окончания преподавательской деятельности в 1895 г. И. Н. Кибардин неоднократно избирался Елабужской городской думой в члены уездного училищного совета. Указами Правительствующего Сената за усердный труд получил звание надворного советника, предоставившее ему личное дворянство⁵. Итак, педагогическая деятельность, отмеченная карьер-

ным ростом, стала определяющим этапом, подготовившим И. Н. Кибардина к активной общественной деятельности в органах местного самоуправления.

Яркой страницей в жизни Ивана Никандровича являлась его просветительская деятельность, проявлявшаяся в многочисленных общественных начинаниях. В конце 1870-х годов И. Н. Кибардин открыл в своём доме библиотеку, получив на это разрешение вятского губернатора. Несмотря на плату за предоставление услуг, библиотека была широко востребована учащимися и учителями города. Вскоре выяснилось, что ввиду платы за пользование в библиотеку затруднён доступ учителям уезда. Понимая, как важно дело просвещения села, Иван Никандрович обратился к уездному земскому собранию с целью оказания материальной поддержки, необходимой для содержания библиотеки и введения бесплатного обслуживания учителей сельских народных школ⁶.

С разрешения Вятского губернатора, полученного в декабре 1879 г.⁷, И. Н. Кибардин открывает в мае 1880 г. в Елабуге вторую типографию, известную вначале под названием «Русская печатня И. Н. Кибардина»⁸. За непродолжительный период времени она стала востребована далеко за пределами губернии. Заказы на распечатку журналов и докладов, денежных смет, циркуляров, похвальных листов поступали от Елабужского, Мензелинского, Чистопольского земств. По специальным заказам инспекторов народных училищ Елабужского уезда печаталась методическая и учебная литература: «Методическое руководство обучения письму» (1884) преподавателя Елабужского реального училища А. К. Гортова, «Слово о полку Игореве» (1885) инспектора народных училищ Мензелинского уезда К. В. Шейковского, «Курс русского правописания для начальных народных училищ» (1886), составитель инспектор народных училищ Елабужского уезда В. А. Ислентьев. Вскоре на средства известных елабужских меценатов Ф. П. Гирбасова, Н. Д. Стакеева, И. Г. Стакеева, П. К. Ушкова были напечатаны несколько довольно значимых изданий: «Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда», содержащий «Руководство для учащих и ключ к переводам с русского языка на вотский и с вотского на русский» (1888), «Руководство к преподаванию грамоты и русского языка по букварю первой учебной книжки и учебнику для вотяков» в 2-х частях (1889), «Букварь и первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда» (1889), составленные В. А. Ислентьевым⁹. Появление этих книг имело огромное значение для образования де-

тей-вотяков (удмуртов), которые по выражению рецензентов «сидели во тьме и сени смертной»¹⁰.

Печатня И. Н. Кибардина выполняла данные заказы совместно с типографией императорского Казанского университета, в частности, по объяснению Елабужского издателя, в Казани приходилось печатать вотский текст учебников¹¹. К 1893 г. «Русская печатня И. Н. Кибардина» вошла в четвёрку самых производительных типографий Вятской губернии, оборудование которых позволяло выполнять крупные и мелкие книжные заказы, тогда как остальные типографии ограничивались лишь печатью бланков, журналов и отчётов¹². В одном из периодических изданий можно встретить презентацию деятельности типографии: «Типолитография И. Н. Кибардина в Елабуге, исполняет всякого рода типографские работы в лучшем виде, аккуратно и по ценам дешевле Казанских и столичных типографий, литографские же заказы исполняет по прейскурантам Московских и Петербургских литографий, так что местные заказчики выигрывают в упаковке и пересылке»¹³. На этот период времени имелось также отделение «Русской печатни» в г. Мензелинске.

В июне 1880 г. И. Н. Кибардин получил разрешение открыть книжную лавку¹⁴. В августе 1882 г. ему разрешается издавать в Елабуге под редакторством, с предварительной цензурой, еженедельную газету «Камский листок объявлений», подписная цена которой за год составляла 1 рубль¹⁵. Деятельность титуллярного советника Ивана Никандровича не могла оставаться незамеченной, поэтому его статус стремительно рос. Так в 1883 г., явившись уже дворянином, он фигурирует в списках лиц, имеющих право быть присяжными заседателями¹⁶.

До начала XX в. И. Н. Кибардин сумел проявить свой талант, послуживший не только становлению его личного имени, но и развитию народного просвещения в Елабужском крае.

В июле 1906 г. преуспевающий издатель впервые вошёл в состав гласных Елабужского уездного земского собрания и уже 23 октября, в результате выборов должностных лиц земства на новое трёхлетие, был избран председателем Елабужской уездной земской управы¹⁷. Так началась управленческая карьера И. Н. Кибардина. Вместе с председателем обновился и весь состав управы. В итоге оказалось, что все избранные являются новичками в земском деле, хотя и входили ранее в состав гласных, либо являлись волостными старшинами. Деятельность нового председателя началась с жёсткого наведения дис-

циплины среди служащих, для чего были чётко расписаны часы работы, обеда и отдыха. Ликвидируя запущенность состояния доставшегося ему земства, И. Н. Кибардин вынужден был увольнять нерадивых сотрудников, его внимание сосредотачивалось даже на исполнении обязанностей фельдшеров, учителей, дорожных смотрителей и т. д.¹⁸ Анализ деятельности Елабужского земства за 1906–1909 гг. указывает на активность управы в решении социальных проблем населения, вопросов народного здравия, ветеринарии, страхования, сельского хозяйства. Приоритетное положение при этом занимали вопросы народного образования. Наряду с приобретением в Москве и Петербурге лучших школьных принадлежностей новая управа предпринимала решительные меры для ликвидации основных причин, препятствующих нормальному обучению: беспорядку, холodu, грязи. По инициативе И. Н. Кибардина пересматривались контракты, заключавшиеся с содержателями школ, в пользу усиления их ответственности за содержание предоставляемого помещения¹⁹. Для исполнения обязательств по содержанию школ управа вводила правило выдачи квартирной платы только после отзыва преподавателей о содержании школьных помещений²⁰. Особое внимание уделялось обучению грамотности нерусского населения. И. Н. Кибардин справедливо считал, что Елабужское земство до настоящего времени «для национальных магометанских школ делает очень мало. Это несправедливо, ибо мусульмане составляют значительную часть местных налогоплательщиков»²¹. С именем И. Н. Кибардина связано учреждение первых библиотек для читателей-мусульман. Инициированное И. Н. Кибардиным учреждение школьной комиссии и постоянной ставки инспектора народных училищ также способствовало качественному росту начального образования.

Управленческий талант председателя земства выдвинул его на более высокий пост, в 1910 г. И. Н. Кибардин был избран городским головой. Впервые Елабугу – крупный торговый центр Прикамья – возглавил представитель не из купеческого сословия. Заботясь о благоустройстве и торговько-экономическом развитии города, разрабатывая пути расширения его промышленной инфраструктуры, он стремился к увеличению финансирования общественных интересов. В частности, самой крупной статьёй расходов городского бюджета с 1910 по 1914 г. являлось народное образование, что справедливо связывается с именем И. Н. Кибардина, видевшего в образовательных и просветительских аспектах поступательное развитие общества. В

1915 г., решая сотни проблем, связанных с размещением войск для фронта и обустройством бараков для пленных в условиях малого города, занимаясь улучшением быта населения и сдерживанием роста спекуляций на товарах первой необходимости, он никогда не забывал о духовном развитии своего края. Например, осенью 1916 г. И. Н. Кибардин стал одним из вдохновителей создания Елабужского образовательного общества. Главной целью организации стала культурно-просветительская деятельность, осуществлявшаяся через распространение научных знаний о естественноисторическом, антрополого-этнографическом, археологическом, художественном, экономическом положении Вятского края сохранение памятников природы, старины, культуры. Планировалось проведение экскурсий, выставок, организация лекций, воскресных занятий, концертов, открытие библиотеки и музея родиноведения²².

Вклад Ивана Никандровича Кибардина в развитие Елабужского края поистине многогранен. Его позитивную роль на всех постах трудно переоценить, он является собой ярчайший пример человека, на протяжении всей жизни содействовавшего делу просвещения и духовного развития своего Отечества.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Ед. хр. 1286. Л. 122–125.

² Чудова Г. Ф. В те далекие годы : очерки по истории краеведения Вятской губернии. Киров, 1981. С. 37.

³ Там же. Ф. 205. Оп. 5. Ед. хр. 283. Л. 1 об.

⁴ Там же. Ф. 574. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 18.

⁵ Там же. Ф. 587. Оп. 15. Ед. хр. 131. Л. 17 об. – 18 об.

⁶ Валеева Н. Г. И. Н Кибардин – просветитель Елабужского уезда // Восьмые Герценовские чтения. Киров, 2002. С. 116.

⁷ Там же. С. 116

⁸ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 18 об.

⁹ Там же. Л. 19 об.

¹⁰ ВГБ. 1889. 22 апр. (№ 31/ 32). С. 4.

¹¹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Ед. хр. 74. Л. 19 об.

¹² Там же. Л.54.

¹³ Там же. Л. 38.

¹⁴ Там же. Ф. 582. Оп. 160. Ед. хр. 294. Л. 76 об.

¹⁵ ВГБ. 1882. № 64, ч. офиц.

¹⁶ Там же. № 94.

¹⁷ XXXX очередное Елабужское уездное земское собрание, 15–24 октября 1906 года и чрезвычайное 13 июля 1906 года : журн. собраний, докл. управы, комиссий, представления, ходатайства и проч. Елабуга : Печатня И. Н. Кибардина, 1907. С. 713–714.

¹⁸ Вят. край. 1907. № 36. С. 4.

¹⁹ XLI очередное Елабужское уездное земское собрание 5–13 октября 1907 года и чрезвычайные 20 марта и 20 июля 1907 года : журн. собраний., докл. управы, комиссий, представления, ходатайства и проч. Елабуга : Печатня И. Н. Кибардина, 1908. С. 276–277.

²⁰ Там же. С. 277.

²¹ XXXX очередное Елабужское уездное земское собрание, 15–24 октября 1906 года ... С. 531.

²² ГАКО. Ф. 616. Оп. 5. Ед. хр. 613. Л. 30 об.

Вятские страницы чеховского «Острова Сахалина»

T. K. Nikolaeva

Через несколько месяцев весь мир будет отмечать сто пятьдесят лет со дня рождения Антона Павловича Чехова. Сегодня это самый популярный драматург не только в Европе и Америке, но и в странах Азии, в Японии, ставят его и в Африке. К счастью, наши театры тут впереди не только Европы всей. Практически все пьесы, включая и первые, и незаконченные, постоянно не сходят с подмостков русских театров. И у нас на Вятке чеховская драматургия всегда пользовалась вниманием режиссёров.

Связи А. П. Чехова с нашей землёй были крепкими и многосторонними. Он очень любил, уважал людей и высоко ценил творчество наших выдающихся земляков: Петра Ильича Чайковского, уроженца Воткинского завода Вятской губернии, «вятского мужичонка» Фёдора Ивановича Шаляпина, художников Виктора и Аполлинария Васнецовых. Немало и других земляков были знакомы с Чеховым. Особое место среди них занимает московский врач Николай Иванович Коробов. Он принадлежал к известнейшей династии вятских купцов Коробовых, окончил в Вятке мужскую гимназию и поехал поступать в Московский университет. По каким-то загадочным причинам отец, Иван Александрович Коробов, человек очень богатый, поместил сына в бедную семью Чеховых нахлебником. Сам Антон Павлович только что приехал из Таганрога с двумя приятелями – Савельевым и Зембулатовым, тоже ставшими студентами-медиками и нахлебниками в дружной чеховской семье. Четверо друзей сфотографировались в дни начала учёбы. Приятельские отношения Чехов поддерживал со своими земляками-однокашниками и в дальнейшем, а с Николаем Ивановичем Коробовым был по-настоящему дружен всю жизнь. Последнее письмо, полученное Антоном Павловичем в Баденвейлере за несколько дней до смерти, было от Коробова.

Самая же главная ниточка, связывающая Чехова с Вятской землёй, – это Ольга Леонардовна Книппер, жена писателя, известная русская актриса, лучшая исполнительница женских ролей в пьесах своего выдающегося мужа. Ольга Книппер родилась в семье управляющего одним из заводов в Глазове. Семья уехала из Вятской губернии, когда маленькой Оле было три года, но мы же знаем, как важны и сильны впечатления именно первых лет жизни, какое влияние они оказывают на дальнейшую творческую деятельность.

Это всё факты более или менее известные, но есть много связей великого русского писателя и наших земляков, которые ещё не прослежены или недостаточно выявлены. Одна из таких связей, вернее, целый букет связей Чехова и вятских людей, обнаруживается на Сахалине. И, может быть, самое важное – это пересечение путей писателя и нашего известного архитектора Ивана Аполлоновича Чарушина.

Напомню коротко историю того, как попал Чехов на Сахалин.

В 1890 г. Чехов был уже популярным автором не только юмористических рассказов, но и повестей «Степь» и «Скучная история», на шумевших рассказов «Припадок», «Именины», новаторской пьесы «Иванов». Многих удивило желание 30-летнего писателя, слава которого росла и ширилась, бросить всё и ехать (по нашим меркам – чуть ли не пешком идти) через Урал, Сибирь, Дальний Восток на каторжный остров. Современники не знали, каким серьёзным и глубоким человеком был Чехов, как ответственно он относился не только к писательству, но и к своей медицинской деятельности. Ему хотелось совершить что-то важное, что бы компенсировало его уход от активной врачебной практики.

9 марта 1890 г. Антон Павлович писал А. С. Суворину, редактору популярной в то время газеты «Новое время»: «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий... Я хочу написать хоть 100–200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как Вам известно, свинья. Быть может, я не сумею ничего написать, но всё-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу. Я ещё не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочёл теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей и чего я имел невежество не знать раньше. К тому же, полагаю, поездка – это непрерывный полу-

годовой труд, физический и умственный, а для меня это необходимо, так как я хохол и стал уже лениться. Надо себя дрессировать...»

Это привычная для Чехова интонация трезвого и даже критического отношения к своему таланту, однако, в следующих строках сменяется ещё более критическим отношением к общественному мнению. «Пусть поездка не даст мне ровно ничего, но неужели всё-таки за всю поездку не случится таких 2–3 дней, о которых я всю жизнь буду вспоминать с восторгом или с горечью?.. Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов... Сахалин – это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересована вся Европа, а нам он не нужен? Не дальше как 25–30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно богоугодить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди, и только сидим в четырёх стенах и жалуемся, что бог дурно создал человека. Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нём решали страшные, ответственные задачи и теперь решают. Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение... Из книг, которые я прочёл и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч вёрст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и всё это сваливали на тюремных красноносых смотрителей...»

Готовясь к поездке, Чехов прочитал громадное количество книг, журналов, газетных статей и статистических отчётов. Одно замечание по этому поводу, на мой взгляд, чрезвычайно актуально и сегодня. Он писал Суворину 25 февраля 1890 г.: «Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. – ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять. Но зато важности и серьёзности, хоть отбавляй. В сущности, это свинство». В наше время точно так же по-свински стали писать и историки, и филологи, и культурологи. Я думаю, что предстоящий юбилей великого писателя даст нам образчики такой дремучей необразованности, что дух захватит. Уроки Чехова, увы, впрок не пошли.

Почти никто из современников не почувствовал меру серьёзности и ответственности, с которой молодой писатель, ещё недавно счи-тавшийся юмористом и шутником, готовился к своей поездке.

Самое начало дороги Чехова от Москвы до Сахалина пролегло по рекам Волге и Каме, в том числе и по территории Вятской губернии. Первые его впечатления от нашей земли были не самые лучшие. 24 апреля он писал родным с парохода «Пермь – Нижний»: «Друзья мои тунгусы! Плыту по Каме, но местности определить не могу; кажется, около Чистополя. Не могу также воспеть красоту берегов, так как адски холодно; берёза ещё не распустилась, тянутся кое-где полосы снега, плавают льдинки – одним словом, вся эстетика пошла к чёрту... На палубу не выхожу – холодно. По ночам идёт дождь, а днём дует неприятный ветер».

Через пять дней в Екатеринбурге он снова вспоминал своё плавание: «Кама прескучнейшая река. Чтобы постигать её красоты, надо быть печенегом, сидеть неподвижно на барже около бочки с нефтью или куля с воблой и, не переставая, тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам чёрт не сумеет дуть так резко и противно. Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулуках, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца. Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи – единственное занятие. На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода – событие... по-видимому, ни один из них не получает больше 35 рублей, и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь».

В тот год весна была во всей России поздняя, холодная, неприветливая. Чехову не повезло.

После трудной, иногда мучительно трудной дороги 11 июля 1890 г. Чехов на пароходе «Байкал» прибыл в пост Александровский и телеграфировал родным: «Приехал. Здоров...»

11 сентября он послал Суворину первый отчёт о проделанной работе: «Прожил я на Северном Сахалине ровно два месяца... Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною немало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое ещё не

сделано, а теперь, когда уже я покончил с каторгою, у меня такое чувство, как будто я видел всё, но слона-то и не приметил.

Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд... Был у всех знаменитостей. Присутствовал при наказании плетьми, после чего ночи три-четыре мне снились палач и отвратительная кобыла. Беседовал с прикованными к тачкам. Когда однажды в руднике я пил чай, бывший петербургский купец Бородавкин, присланный сюда за поджог, вынул из кармана чайную ложку и подал её мне, а в итоге я расстроил себе нервы и дал себе слово больше на Сахалин не ездить».

На южном Сахалине Чехов прожил до начала октября и продолжал свою работу. 6 октября он писал матери: «Здравствуйте, дорогая Мама! Пишу Вам это письмо почти накануне отъезда своего в Россию. Со дня на день ждём пароход Добровольного флота и уповаляем, что придёт он не позже 10 октября. Это письмо я посыпаю в Японию, откуда оно пойдёт к вам через Шанхай или Америку. Живу я в Корсаковском посту, где нет ни телеграфа, ни почты и куда заходят корабли не чаще одного раза в две недели. Вчера пришёл пароход и привёз мне с севера кучу писем и телеграмм... Вчера в полночь я услышал рёв парохода. Все повскакивали с постелей: ура, пароход пришёл! Оделись, пошли с фонарём к пристани; смотрим вдаль – в самом деле, огни парохода. Большинством голосов решили, что это «Петербург», на котором я поеду в Россию. Я обрадовался. Сели мы на лодку и поплыли к пароходу... Плыли, плыли, наконец, видим в тумане тёмный корпус парохода; один из нас кричит хриплым голосом: «Что за судно?». И получаем ответ: «Байкал!». Тьфу, ты, анафема, какое разочарование! Я соскучился, и Сахалин мне надоел. Ведь вот уж три месяца, как я не вижу никого, кроме каторжных или тех, которые умеют говорить только о каторге, плетях и каторжных. Унылая жизнь».

13 октября 1890 г. из поста Корсаковский на южном Сахалине Чехов сел на пароход «Петербург» и отправился в Одессу, затем в Москву.

На том же самом «Петербург» на Сахалин прибыл молодой архитектор, только что окончивший Академию художеств, Иван Аполлонович Чарушин. Он был всего на два года моложе Чехова, но его творческая жизнь только начиналась. Прибыл он в пост Александровский – центр тогдашней сахалинской каторги. Вероятнее всего, Чехов с Чарушиным в том октябре не могли видеться, но слышать о молодом архитекторе Чехов мог. Интеллигенции на острове было совсем мало, буквально несколько человек, и приезд нового архитектора должен был занимать умы тамошних жителей.

В главе XX своей книги «Остров Сахалин» Чехов писал о сахалинской интеллигенции и дал пространную сноска о её быте, развлечениях, болезнях, указал и размеры жалования: начальник острова получал 7000 руб., а архитектор – 3100. Сахалинским архитектором по документам Чарушин числился с июля 1890 г.

Чарушин родился 24 февраля 1862 г. в уездном городке Орлове Вятской губернии в семье письмоводителя. В детстве будущий архитектор и будущий писатель испытали горькую нужду. Чехов с отроческих лет взял на себя обязанность кормить многочисленную семью. Семья Чарушина была ещё больше – 12 человек, и они остались без кормильца после смерти отца в 1866 г. Маленький Иван пережил и голод, и холод, и долгие вечера с лучиной. И в той, и в другой семье спасала положение энергия и беззаветная любовь матери. И Антон Чехов, и Иван Чарушин не обладали крепким здоровьем, но силой духа, упорством, огромной любовью к выбранному виду творчества сумели преодолеть все трудности и добиться прекрасных результатов.

После окончания Вятского земского училища для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей Иван Аполлонович поступил в архитектурный класс Петербургской академии художеств.

После окончания академии в 28 лет Чарушин и отправился на Сахалин. Почему именно на Сахалин? Мы можем только догадываться. Но, на мой взгляд, причина была сродни той, что позвала на каторжный остров Антона Павловича Чехова. Они оба выросли в атмосфере последствий крестьянской реформы, которая затронула не только взаимоотношения крепостных крестьян и их владельцев, но и все остальные слои русского населения, все сферы жизни России. Активно зарождался новый класс разночинной интеллигенции, ратовавший за свободы более широкие, чем были дарованы царской ад-

министрацией. В атмосфере ожиданий будущих свобод и формировалось мировоззрение двух незнакомых между собой талантливых людей, которые сумели внести огромный вклад в русскую культуру.

В своей книге «Остров Сахалин» Чехов подробно описал свою жизнь на каторжном острове, в том числе и самые первые впечатления. Поскольку подробных записей Иван Аполлонович не оставил, мы смело можем предположить, что впечатления его не сильно отличались от того, что переживал Чехов. Вот как Антон Павлович описывал своё прибытие на Сахалин: «На берегу несколько домиков и церковь. Это Александровский пост. Тут живут начальник поста, его делопроизводитель и телеграфисты». Здесь же поселился и Чарушин. «Мы на другой день, 10 июля, в полдень пошли поперёк Татарского пролива к устью Дуйки, где находится Александровский пост. Погода и в этот раз была тихая, ясная, какая здесь бывает очень редко. По совершенно гладкому морю, пуская вверх фонтаны, гуляли пароочками киты, и это прекрасное, оригинальное зрелище развлекало нас на всём пути... Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. Сквозь потёмы и дым, стлавшийся по морю, я не видел пристани и построек и мог только разглядеть тусклые постовые огоньки, из которых два были красные. Страшная картина, грубо скроенная из потёмоク, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастическою. На левом плане горят чудовищные костры, выше них – горы, из-за гор поднимается высоко к небу багровое зарево от дальних пожаров; похоже, как будто горит весь Сахалин».

Чехова привезли в административный центр Сахалина – Александровский. Писатель заметил, что местность здесь унылая, низменная, «ни ёлки, ни сосны». «Александровский пост, или, короче, Александровск, представляет из себя небольшой благообразный городок сибирского типа, тысячи на три жителей. В нём нет ни одной каменной постройки, а всё сделано из дерева, главным образом, из лиственницы: и церковь, и дома, и тротуары. Здесь резиденция начальника острова, центр сахалинской цивилизации. Тюрьма находится близ главной улицы, но по внешнему виду она мало отличается от военной казармы, и потому Александровск совсем не носит того мрачного острожного характера, какой я ожидал встретить». Именно здесь предстояло жить и Ивану Аполлоновичу, и именно Чарушин сумел радикально изменить вид этого маленького поселения – молодой архитектор создал первый на Сахалине кирпичный завод.

В первый же день Чехову довелось познакомиться с человеком, связанным с Вяткой. Когда писатель зашёл в лавочку купить какой-нибудь еды, хозяин лавочки пригласил его к себе на обед. Чехов засстал в «столовой» ещё четырех гостей, чиновников. Один из них, старик без усов и с седыми бакенами, похожий лицом на драматурга Ибсена, оказался младшим врачом местного лазарета...» Это был Борис Александрович Перлин (1834–1901). В своё время он окончил Казанский университет и работал врачом в разных губерниях, в том числе и в Вятской. К сожалению, вятские краеведы ни разу не заинтересовались этим самым доктором. А стоило бы. Чехов создал довольно колоритный портрет этого человека. Перлин был, с одной стороны, правдолюбцем и защитником несправедливо гонимых, а, с другой стороны, он показал Чехову целую кипу прошений, жалоб, рапортов и доносов. Очень любил канареек, но пользовался бесплатными услугами прислуги из каторжников.

Иван Аполлонович Чарушин попал на Сахалин тем путем, которым Чехов возвращался в Россию – через Чёрное, Средиземное, Красное море, Индийский океан, Китайское и Японское моря. Он оставлялся в Константинополе, Порт-Саиде, Коломбо, Шанхае, Сингапуре, Гонконге. В путешествии архитектор делал много зарисовок карандашом и акварелью. Рисовал Чарушин отлично. Так что, когда мы решим познакомиться с тем, каким увидел Сахалин наш земляк Чарушин, нам поможет книга А. П. Чехова. А путешествие Антона Павловича с Дальнего Востока вокруг Азии для нас будет понятнее, если мы обратимся к зарисовкам молодого архитектора.

Е. А. Андреева, исследователь творчества Чарушина, так характеризует начало самостоятельной деятельности архитектора: «На Сахалине Чарушин работал чрезвычайно много и упорно, составляя до 50 проектов в год. До его приезда должность архитектора долгое время оставалось вакантной. А. П. Чехов писал, что на острове «контроля над постройками со стороны администрации нет, вероятно, по той причине, что между чиновниками нет ни одного, который знал бы, как нужно строить избы и класть печи. По штату, впрочем, на Сахалине полагается архитектор, но при мне его не было». Прибывшему на службу в октябре 1890 г. Чарушину приказом начальника острова В. О. Кононовича в первый же год вменялся широкий круг обязанностей. Прежде всего, «составление предложений для разного рода строительных, дорожных и мастерских работ и наблюдение за их исполнением, так равно по контролю те-

кущей отчётности, связанной с этим делом... о расходе рабочей силы и всякого рода материалов, заготовляемых местными средствами или приобретаемых на ассигнуемые для этой надобности кредиты». А также поручалось предоставить «на утверждение планы следующих зданий: сельской церкви на сто богомольцев, сельской школы, тюремно-казарменного корпуса поместительностью не менее 100 человек, казармы на 150 нижних чинов, лазаретного барака на 25 больных, квартиры для семейного и холостого чиновника или офицера, надзирательского помещения в поселениях с комнатой для проезжающих по службе лиц и станционного домика, кухни, пекарни для рабочих в не заселённых ещё местностях, по которым пройдёт просека под будущую дорогу и телеграфную линию на Южный Сахалин». В приказе указывалось, что «планы эти, которые будут в копиях разосланы по округам, должны быть составлены со всеми объяснительными деталями, облегчающими исполнение без непосредственного технического надзора, и было бы лучше приложить к каждому особую экспликацию, не оставляющую места каким-либо сомнениям насчет размеров и рисунка закладных рам, оконных переплетов и дверей».

Разумеется, большинство построек, за которые Чарушин нёс ответственность, не были плодом архитектурного творчества. Он, например, строил склад для каменного угля при Александровском руднике, различные пристройки к домам, деревянный сарай для зимовки катеров, деревянный амбар и ледник. Все эти проекты свидетельствуют об экономичности и целесообразности предложенных решений, умении добиваться высокого качества работ при сравнительно небольших расходах. Но были и гораздо более значительные объекты: больницы, школы, казармы, шоссейные дороги, столярные, слесарные, токарные, котельные, бойлерные мастерские, морская пристань.

А. П. Чехов писал, что «затевать здесь новые постройки трудно – людей нет; если достаточно плотников, то некому таскать брёвна; если людей ушлют за бревнами, то не хватает плотников», однако основная трудность, заключалась в том, что «на Сахалине нет извести и хорошего камня и потому каменных построек нет».

Приведу ещё одну цитату из монографии Е. А. Андреевой.

«Действительно, до приезда архитектора на острове невозможно было встретить ни одного каменного сооружения. Огнеупорный кирпич выписывали из Одессы за довольно высокую цену (200 руб. за тысячу). Другие строительные материалы: камень – цемент, гипс –

ввозили также морским путем из европейской России. Постройки из дерева считались недостаточно прочными, поскольку выросшие на болоте при сильных морозах и ветрах сырье ель и лиственница были плохим строительным материалом. Брёвна трескались, конопатка и штукатурка не могли предохранить их от пурги и частых ветров. Перед отъездом на Сахалин Чарушин изучил производство кирпича на загородных петербургских кирпичных заводах и прошел строительную практику у В. А. Шретера и И. С. Китнера, родонаучальников и пропагандистов «кирпичного стиля» в архитектуре. На Сахалине И. А. Чарушин наладил производство цемента и начал возводить первые каменные постройки. О его успешной работе сообщалось в «Неделе строителя» в 1894 г.: «Цемент теперь найден в открытых г. Чарушином песчаниковых известняках. Добываемый из них раствор содержит до 60 % песку, 30 % едкой извести и 10 % посторонних примесей и окислов железа и алюминия. Раствор хорошо гасится, не требует песку и даёт отличную связь», – отмечал корреспондент газеты. Успехом увенчались и поиски огнеупорной глины. Архитектор обнаружил залежи мергеля. «Теперь Сахалин снабжён не только известью, но и кирпичом, и на этой далёкой окраине уже высится каменная часовня в память избавления наследника цесаревича в г. Отсу в Японии».

Центром южного Сахалина, куда Чехов переехал после напряжённой работы на севере острова, был пост Корсаковский.

«Я... отправился к секретарю полицейского управления, у которого мне была приготовлена квартира... Когда я повернулся направо, послышались голоса и громкий смех, и в темноте показались ярко освещённые окна, и стало похоже, будто я в захолустном городке осенней ночью пробираюсь к клубу. Это была квартира секретаря. По ветхим скрипучим ступеням я поднялся на террасу и вошёл в дом. В зале, точно боги на облаках, в табачном дыму и в тумане, какой бывает в трактирах и сырых помещениях, двигались военные и штатские... Меня подвели к столу, и я тоже должен был пить водку, то есть спирт, наполовину разбавленный водой, и очень плохой коньяк, и есть жёсткое мясо...»

Через месяц в Корсаковский приехал Чарушин и наверняка тоже всходил по этим же ветхим ступеням на ту же террасу, очень может быть, что участвовал в таких же вечеринках, ведь в этом доме собирались самые интересные люди, работавшие на Сахалине. В черновом варианте своей книги Чехов вполне определённо называл вече-

ринку у Фельдмана одним из самых приятных сахалинских воспоминаний.

Степан Алексеевич Фельдман писал Чехову чуть ли не до кончины писателя. Даже, когда переехал с Сахалина в Херсон, продолжал писать письма и почти в каждом вспоминал о сахалинских встречах: «Я всё-таки не могу позабыть вашего пребывания в Корсакове, которое всех нас заставило очнуться от той безобразной, бесцельной жизни, свидетелем которой вы были сами». Мы не знаем, говорили ли на этих вечеринках о вновь приехавшем архитекторе, но то, что при Чарушине и с Чарушиным говорили о только что уехавшем Чехове, сомнению не подлежит.

Если к Фельдману-младшему Чехов относился с явной симпатией, то его отец, Алексей Степанович, вызвал к себе совсем другое отношение. По фамилии в «Острове Сахалине» он не назван, но его нетрудно узнать в таком, например, отрывке: «От телесных наказаний грубоют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании... другой, старик, говорил арестанту с злорадством: «Что ты кричишь, господь с тобой? Ничего, ничего, подержись! Всыпь ему, всыпь! Жигани его!»». Еще резче писали об А. С. Фельдмане те, кто бывал на Сахалине после Чехова. В печати появлялись сведения о нём как о человеке жёстоком и злом, который чуть ли не наслаждался видом истязаний.

Дочь этого самого А. С. Фельдмана, бывшего смотрителя Дуйской тюрьмы, сестра секретаря полицейского управления, Степана Алексеевича Фельдмана, вскоре стала женой молодого архитектора. Быт этой семьи Чехов описал довольно подробно.

«Когда во втором часу ушли гости, и я лёг в постель, послышались рёв и свист. Это задул норд-ост. Значит, недаром с вечера хмурилось небо... В комнате стало холодно и сыро, было, вероятно, не больше шести-семи градусов. Бедный Ф., секретарь полицейского управления, молодой человек, никак не мог уснуть от насморка и кашля... Утром было холодно и в постели, и в комнате, и на дворе. Когда я вышел наружу, шёл холодный дождь, и сильный ветер гнул деревья, море ревело, а дождевые капли при особенно жестоких порывах ветра били в лицо и стучали по крышам, как мелкая дробь... Я прогулялся по улицам, по берегу около пристани; трава была мокрая, с деревьев текло. На пристани около сторожки лежит скелет молодого кита, когда-то счастливого, резвого, гулявшего на просторе северных морей, теперь же белые кости богатыря лежали в грязи и

дождь точил их... Главная улица шоссирована и содергится в порядке, на ней тротуары, фонари и деревья, и метёт её каждый день клеймёный старик. Тут только присутственные места и квартиры чиновников, и нет ни одного дома, в котором жили бы ссыльные. Дома большую частью новые и приятные на вид, и нет той тяжкой казёнщины, как, например, в Дуз. Вообще же в Корсаковском посту, если говорить о всех его четырёх улицах, старых построек больше, чем новых, и не редкость дома, построенные 20–30 лет назад. И старых зданий, и старажилов среди служащих в Корсаковске относительно больше, чем на севере, а это, быть может, значит, что здешний юг более располагает к оседлой и покойной жизни, чем оба северных округа».

Читая эти строчки, невольно думаешь о том, что тут же часто бывал и Чарушин, ходил по этим улицам, мимо этих домиков. И кто знает, не относительная ли мягкость климата, не чистота ли посёлка сыграли роль в возникновении романа молодого талантливого архитектора и Марии Алексеевны Фельдман. Мария Алексеевна была девушки образованной, владела иностранными языками, увлекалась живописью, поэзией, следила за литературными новинками. Однако счастливый брак длился недолго. Молодая жена в возрасте 24 лет скончалась от туберкулёза. Семья Фельдмана пережила немало трагедий. Кроме дочери Марии, у Алексея Степановича от чахотки умерли ещё два сына. Сахалинский климат, видимо, располагал к этой неизлечимой тогда болезни. А ведь Чехов знал, что и в их семье чахотка уже начала своё разрушительное действие. Как одарённый диагност, он не мог не знать, что и в его организме, к сожалению, поселились бациллы туберкулёза, и всё же решился на трудную, нервную поездку на каторгу. Или, может быть, потому и поехал, что чувствовал свою недолговечность и торопился сделать что-нибудь реально полезное для родины и её будущего?

Степан Алексеевич Фельдман сопровождал Чехова в поездках по южному Сахалину. А иногда и Чехов становился сопровождающим лицом. Однажды он ездил с делегацией сахалинских чиновников награждать орденами сотрудников японского консульства. «Случилось, что при мне были получены ордена, Анна и Станислав третьей степени, пожалованные гг. Кузе и Сузуки. Г-н Белый, майор Ш. и секретарь полицейского управления г. Ф., в мундирах, торжественные, отправились в Кусун-Котан вручать ордена; и я поехал с ними. Японцы были очень тронуты и орденами, и торжественностью, до которой они такие охотники; подали шампанское».

Можно ли представить себе, что молодой архитектор, довольно скоро сблизившийся с семьёй Фельдмана, не слышал об этой и других поездках Антона Павловича Чехова? Впрочем, работы для архитектора на острове оказалось так много, что, вероятно, было и не поездок, и не до разговоров.

На Сахалине в то время не было квалифицированных чертёжников и строителей, выполнять все чертёжные работы приходилось самому Ивану Аполлоновичу. Он должен был наблюдать за ведением строительных работ. А поскольку строительство велось не только в центральных посёлках округов, то ему приходилось много ездить, чтобы следить за удалёнными друг от друга постройками. Иван Аполлонович контролировал заготовку стройматериалов, выполнение кузнецких и слесарных работ. То есть он был не только архитектором, проектировщиком, но и чертёжником, и строителем-практиком.

Уже в самом начале своего пребывания на острове Чарушин решил создать первый сахалинский кирпичный завод с машинным производством. Это впоследствии значительно повлияло на характер строительства острова.

Поначалу для приобретения строительных материалов зодчий часто ездил в Китай и Японию, где попутно знакомился с особенностями традиционного японского строительства, повлиявшего на зарождавшуюся в те годы «органическую архитектуру». Впечатления от этих поездок, от экзотических построек не могли не отразиться и в творчестве архитектора в последующие периоды его работы. Человек он был впечатлительный, увлекающийся. Следы увлечения востоком нетрудно сегодня разглядеть и в некоторых вятских постройках.

Но любимым стилем того времени для Чарушина был «русский стиль». Надо заметить, что этот стиль в архитектуре был тогда модным, русским духом веяло от построек многих других архитекторов. Но для очень многих мода прошла, кончились, начались другие увлечения, а И. А. Чарушин до конца своих дней был приверженцем русского духа особенно в культовых постройках. Это не значит, что он не развивался, не учился, не знал новых течений. Но всё же церкви его пропитаны красотой и величием, которые были присущи старорусским церквам.

До нашего времени сохранилось только два проекта сахалинского периода, выполненных в русском стиле. Первый из них – церковь Покрова Пресвятой Богородицы в посту Александровском, спроектированная в 1891 г., – была построена и освящена в 1893 г.

«Мотивы вышивок, орнаментов, резьба по дереву переносились на архитектуру, и в этом соотечественники видели олицетворение народности, – отмечает Е. А. Андреева. – В данном случае проект церкви в посту Александровском – удачная попытка создать произведение, не лишённое своеобразной национальной романтики. Покровская церковь представляет собой центральный квадратный сруб с шатровым завершением, к которому примыкает апсида, а с западной стороны – колокольня, увенчанная шатром с главкой. В оформлении северного фасада детали играют важную роль: резные столбы, крыльцо, карнизы, причёлины и наличники покрыты простой по рисунку пропильной резьбой, традиционной для второй половины XIX века. Дощатая обивка стен, широкие окна, богато разработанные фризы в технике измельчённой резьбы – во всех этих архитектурных формах ощущается специфика деревянных конструкций здания, присущая им лёгкость и нарядность. Архитектор сумел добиться живописности и многообразия форм, узорчатости и своеобразного простодушия, которое импонировало вкусам народа».

В том же году Чарушин спроектировал и построил кирпичную часовню в посту Александровском в честь «чудесного избавления Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича от угрожающей опасности». Во время долгого морского путешествия по Дальнему Востоку в 1891 г. Николай II прибыл в Японию. В строю полицейских, выстроившихся в почётном карауле, оказался один из фанатичных патриотов, который саблей ударил будущего русского императора по голове. К счастью, удар оказался не очень опасным, но рана была всё же значительной. Наследник престола благополучно вылечился. Россияне увидели в этом событии недобroе пророчество, оно как бы предрекало более жестокий удар, который нанесла Япония России в войне 1904–1905 гг. Часовенка вышла прелестная, она очень нравилась жителям Сахалина. Фотографию часовни, как и Покровской церкви, публиковали в литературных журналах начала века, на почтовых открытках. В 30-е годы эти здания были разрушены.

К сожалению, не все чарушинские постройки на Сахалине известны. Календари извещали, что во время пребывания Ивана Аполлоновича на острове в 1890–1893 гг. появилось три здания деревянных церквей. Поскольку тогда Чарушин был единственным архитектором Сахалина, то, несомненно, он спроектировал и построил Ново-Михайловскую церковь в с. Ново-Михайловское Александров-

ского округа, Ильинскую церковь в с. Деринское и Казанскую церковь в с. Таковское Тымовского округа.

«Побывал Чарушин и во Владивостоке, – пишет исследователь творчества Чарушина, петербургский искусствовед Е. А. Андреева. – Летом 1891 г. по приказу генерал-губернатора Приамурского края барона А. Н. Корфа организовывал и оформлял временную выставку природных богатств и изделий декоративно-прикладного искусства Сахалина по случаю приезда на Дальний Восток наследника русского престола, будущего царя Николая II. Современная печать высоко оценила выставку: «Она представляла для посетителей живой интерес, так как выставленные предметы – продукты местного производства, труд каторжников, между которыми есть очень много образцовых мастеровых по разным специальностям. На выставке были образцы минеральных богатств Сахалина, столярных, слесарных, литейных, кузаческих, гончарных, войлоковых, крапивных изделий, образцы типографических, чертёжных, фотографических работ, разных древесных пород – словом то, чем богата природа и каковы могут быть там производства». За эту работу архитектор был награждён золотыми часами работы Павла Буре с вензелем императора».

К сожалению, активная, плодотворная деятельность не спасла Ивана Аполлоновича Чарушина от жизненной трагедии. В июле 1892 г., через год после женитьбы у него родилась дочь Катя. А вскоре от чахотки умерла жена, Мария Алексеевна. Иван Аполлонович решил возвратиться в центр России, хотя в профессиональном плане у него всё складывалось отлично. Но оставаться с новорождённым ребёнком в таком труднейшем климате, в неустроенных бытовых условиях было попросту невозможно. Ему предлагали работу и в Москве, и в Петербурге, но он выбрал Вятку и служил на благо её жителей славно и долго. Оставил ли Сахалин свой след непосредственно в архитектурном творчестве Чарушина? Я думаю, не будет большой ошибкой вновь обратиться к результатам поездки Чехова. В конце концов, мы говорим о вполне сопоставимых дарованиях. То, что Чехова знают во всём мире, а зодческий талант Ивана Аполлоновича признан только в России, не умаляет сам этот талант.

Современники, увы, и после возвращения Антона Павловича с каторжного острова продолжали недоумевать. Каждый маленький писатель и журналист искал некие невысказанные мотивы для этой поездки – то ли корыстные, то ли карьерные. Посильное служение

медицине, соотечественникам, родине было им непонятно и вызывало подозрение в неискренности. Каждый ведь судит по себе.

В январе 1891 г. Чехов приехал в Петербург. 14-го он писал сестре Марии Павловне: «Меня окружает густая атмосфера злого чувства, крайне неопределённого и для меня непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть. За что? Чёрт их знает. Если бы я застрелился, то доставил бы большое удовольствие девяти десятым своих друзей и почитателей. И как мелко выражают своё мелкое чувство!.. Всё это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая-то плесень».

Не этой ли атмосферы недоброжелательности опасался в столицах Чарушин? Не это ли заставило его стать провинциальным архитектором при всём таланте и авторитете его в профессиональных кругах?

Чехов позднее, отвечая на упрёки в том, что он не пишет рассказов и повестей о каторжной жизни, удивлялся: «Мне кажется, что у меня всё творчество просахалинено». Исследователи замечают, что и во многих позднейших постройках Чарушина тоже чувствуется «просахалиненность».

Знаменитый уже к тому времени писатель продолжал помогать сахалинским жителям до конца своих дней. Он переписывался со многими из тех, с кем познакомился на острове. Помогал школам, собирал и отправлял книги, учебники, пособия для учителей, помогал тем, кто вернулся с трудного служения в центр России и ждал поддержки. И много, трудно, тщательно работал над систематизацией грандиозного количества материала, который он привёз с собой. Среди этих материалов было немало таких, которые связаны с вятыми людьми.

В декабре 1890 г. Чехов писал Суворину, который так упорно отговаривал Антона Павловича от поездки на каторжный остров: «Как Вы были неправы, когда советовали мне не ехать на Сахалин! У меня и брюшко теперь, и импотенция милая, и мириады москв в голове, и чёртова пропасть планов, и всякие штуки, а какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома. До поездки «Крейцерова соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бесполковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошёл – чёрт меня знает... Привёз я с собой около 10 тысяч статистических карточек и много всяких бумаг. Я хотел бы быть женат теперь на какой-нибудь толковой девице, чтобы она помогала мне разбираться в этом хламе».

Чехов сразу начал работать над книгой о Сахалине, но работа шла очень трудно. Большой объём разнородных документов, многочисленные цензурные ограничения, желание написать так, чтобы и читать было интересно, и чтобы книга стала по-настоящему научным трудом – всё это делало работу медленной, кропотливой и напряжённой. Результатом сам автор до конца не был доволен. Но он считал, что сделал всё, что мог и как мог. А в том, что «Остров Сахалин», вышедший в 1895 г., не стал ни сенсацией, ни книжным шлягером, сыграли свою роль те перемены, которые происходили в жизни. В этот период уже начала строиться железнодорожная магистраль от российского центра до Дальнего Востока. Это в корне изменило ситуацию и в краю дальневосточном, и на островах. И всё-таки книга Чехова остаётся уникальным памятником писательской честности, самоотверженности и человеколюбия.

На Сахалине Чехов встречался и с другими вятскими людьми или теми, кто имел то или иное отношение к нашей земле.

Ещё один вятский уроженец прославлен был на каторжном острове весьма необычно. Чехов писал: «Рыковское, или Рыково, основано в 1878 году, место для него довольно удачно выбрал и указал смотритель тюрьмы унтер-офицер Рыков». В воспоминаниях И. П. Миролюбова «Восемь лет на Сахалине» автор сообщал, что Рыков был уроженцем Вятской губернии и «известен в памяти сахалинских старожилов как честный и распорядительный служака… Ведя простой образ жизни и практически зная ссыльнокаторжных, Рыков заслужилуважение от ссыльных». Какая, однако, занятная фамилия – Рыковы!

Если начало жизни и творческой деятельности двух замечательных русских художников – писателя Чехова и архитектора Чарушина – было в значительной мере схожим, то в последующий период их судьбы различны. Чехову болезнь не позволила сделать многое из того, что он задумывал, о чём мечтал. Иван Аполлонович Чарушин жил и работал долго, успешно, оставил во многих городах России замечательные здания. Да, пожалуй, и в целом облик тех городов, где работал Чарушин, сформировался под влиянием его деятельности. Очень может быть, что и характер живущих на Вятской земле меняется под влиянием того, что создал наш замечательный земляк. Важно только не быть манкуртами, родства не помнящими, неблагодарными потомками, чтобы не сетовать на судьбу. Её благоприятствование зависит от того, как мы сами живём на земле, как чтим предков, что оставляем потомкам.

Примечания

Все цитаты в тексте приводятся по:

¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Наука, 1987. Т. 14–15.

² Указ. соч. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1987. Т. 4.

³ Андреева Е. А. Архитектор Иван Чарушин. Ижевск, 2007.

**Судьба коллекционера А. М. Вилькена и его коллекции
в свете исторических перемен**

C. A. Лучкина

История Поволжья конца XIX – начала XX вв. связана с именами замечательных учёных-краеведов, внесших заметный вклад в развитие науки, культуры и образования края, чьи судьбы неразрывно сплетены с историческими коллизиями нашего общества. Среди них человек незаурядный, дворянин по происхождению, профессор естествознания знаток и страстный собиратель книг, владелец крупнейшей в Поволжье начала XX в. частной книжной коллекции Александр Модестович фон Вилькен.

Впервые в печати о его деятельности коллекционера упоминается в 1920 г. в статье ученого историка-этнографа Н. Ф. Катанова «Несколько слов о казанских коллекционерах» [1]. Анализируя состояние коллекционирования более чем за 25 лет (1894–1920), он насчитал 34 коллекционера, причём «по обилию книжных редкостей, относящихся до естествознания, а также до истории географии и литературы, библиотека А. М. Вилькена занимает в Казани первое место».

В Казанской губернии дореволюционного периода центром либерального-демократического движения являлись местный университет и другие учебные заведения [2]. А. М. Вилькен встречался и сотрудничал с прогрессивными профессорами и преподавателями того времени. Несомненно, в этой творческой среде формировались его научные и гражданские взгляды и позиции. Необычайно широк круг его интересов и деятельности. Много лет Александр Модестович принимает участие в работе общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете, с 1899 г. являясь его действительным, а с 1909 г. пожизненным членом. В октябре 1920 г. при Казанском отделении государственного издательства создаётся кружок «Друзей книги», который с 1921 г. начинает издавать критико-библиографический журнал «Казанский библиофил». Вилькен

стоит у истоков этой организации и является активным участником редколлегии журнала казанских книжников.

Общественная деятельность А. М. Вилькена представлена в статье А. Кудинова «Педагогический музей в Казани» [3], где говорится о входении его в состав комиссии по реорганизации педагогического музея при управлении Казанского учебного округа.

Данные о научной деятельности находим в хронике казанской научной и литературной жизни за 1921 г. [4], где говорится о выдаче Вилькену субсидий научным отделом Татнаркомпроса за «Обзор работ по зоологии Камского-Волжского края». В том же году известный казанский искусствовед Д. Дульский приносит «глубокую благодарность... А. М. Вилькену и лицам, содействовавшим мне в отыскании старинных казанских изданий» [5]. В мае 1918 г. чувашская национальная организация начала создавать в Казани чувашскую национальную библиотеку и обращалась к Александру Модестовичу принять звание члена Совета библиотеки.

В последующие годы упоминаний о Вилькине и его собрании не было вплоть до декабря 1950 г., когда его вдова передала часть изданий в фонд Госмузея ТАССР.

Несколько слов о жене Александра Модестовича – Вере Петровне Вилькен (Фёдоровой). Человек большой эрудиции, страстный любитель литературы, преподаватель русского языка в Козьмодемьянске и Казани, научный сотрудник музея-усадьбы «Остafьево» и «Новодевичьего монастыря», она на протяжении всей совместной жизни являлась верным помощником, другом и хранителем интересов мужа. Семья Вилькенов постоянно испытывала материальные затруднения, поскольку приобретение коллекционных документов часто шло в ущерб основным семейным нуждам.

В. П. Вилькен удостоена почётного звания «Заслуженный учитель ТАССР», награждена медалью «За трудовую доблесть» и Почётными грамотами. 17 ноября 1956 г. Вера Петровна составляет завещание и делает следующее распоряжение: «Принадлежащую мне библиотеку я завещаю Казанскому филиалу Академии наук СССР».

В 1957 г. в фонд библиотеки Казанского филиала АН СССР (в настоящее время Центральная научная библиотека Казанского научного центра Российской академии наук) родственниками А. М. Вилькена была передана основная часть его обширной коллекции, более 12 тыс. книг и журналов, вместе с его семейным архивом, включающим несколько сотен единиц хранения. Несколько десят-

ков книг коллекции было продано Верой Петровной в трудные годы войны через букинистов и 40 единиц хранения находится в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского КГУ. Коллекция и имя её собирателя становятся широко известными в академических и научных кругах Казани.

Однако работы о книгах и рукописях из коллекции Вилькена, находящихся в библиотеках РАН и КГУ, а также опыт написания биографии коллекционера были сделаны лишь в 2000 г. [6, 7, 8], а исследование вятского периода в 1993 г. [9]. Сложившаяся картина жизни и деятельности А. М. Вилькена основана, в основном, на анализе тех документов, которые хранятся ЦНБ КазНЦ РАН.

Основные вехи его биографии (1874–1934)

Родился Александр Модестович 13 ноября в г. Риге. Окончил Казанскую первую мужскую гимназию, затем естественное отделение физико-математического факультета императорского Казанского университета, получив диплом первой степени. С 1898 г. Вилькен начинает педагогическую деятельность, которая продолжалась до 1934 г. Он преподавал естествознание в Казанском промышленном училище. С 1902 г. работал наставником естествоведения, географии и физики в Казанской учительской семинарии. А. М. Вилькен – человек, умеющий созидать. Энергия и знания его используются в деле становления новых организаций. Так, много сил он отдал созданию Бугурусланской учительской семинарии, которую возглавил в 1912 г. Вилькен в 1914 г. становится директором вновь открытого Вятского учительского института. В 1917 г. Александр Модестович возвращается в Казань и избирается на должность преподавателя естествознания, минералогии, геологии и физики Казанского политехнического училища, которое в 1919 г. преобразуется в Политехнический институт, где до 1930 г. (в год ликвидации института) Вилькен состоял профессором кафедры прикладного естествознания.

Были тяжёлые переломные моменты в жизни и деятельности Александра Модестовича. Например, увольнение от должности директора института в Вятке в 1917 г. по требованию 28 студентов, которым не нравилась «немецкая фамилия и приверженность старому режиму». Разбирая личные бумаги и документы А. М. Вилькена, поражаешься чёткому порядку их хранения. Документы обработаны, подшиты. Там, где невозможно было иметь оригинал, снята копия. Понимаешь, что это характер: скрупулезный, последовательный, требовательный, глубокий, который в анархичном 1917 г. был, конечно, по-

нят неправильно. В 1934 г. происходит освобождение его от ведения курсов геологии и петрографии в Казанском институте инженеров коммунального строительства. Сложность политической обстановки, избыточная идеологизация общества делали трудной жизнь истинных интеллигентов, таких, как А. М. Вилькен: добросовестных, благородных, деятельных и увлеченных. Чета Вилькен не раз вынуждена была менять место жительства и подвергалась уплотнению жилплощади в Казани. По воспоминаниям библиотекарей КФАН, принимавших коллекцию в 1957 г. и общавшихся с наследниками квартиры, был период, когда книги хранились в сарае, взятом в наём специально для этой цели. Но более всего поразительна была сама небольшая квартира, в которой не было мебели. Ничего, кроме книг.

Анализ трудовой деятельности Вилькена выявил характерную закономерность: первое и последнее место его работы – библиотека. В библиотеке при кафедре университета он начал работать ещё студентом. В дальнейшем Александр Модестович всегда совмещал педагогическую работу и библиотечную деятельность. Заведовал Казанской публичной библиотекой, Вятской губернской библиотекой им. А. И. Герцена, академической библиотекой Казанского политехнического института. Был главным библиотекарем фундаментальной библиотеки институтов Химико-технического, Коммунального строительства и Энергетического университета. Интересный документальный факт. В 1929 г. согласно расчётной книжке № 31 заработная плата за педагогическую работу составляла 60 руб. 27 коп., за заведование библиотекой – 100 руб. в месяц. Трудовая деятельность А. М. Вилькена была отмечена орденами св. Станислава и св. Анны, грамотами, благодарностями, премиями.

В 1926 г. профессор А. М. Вилькен выдвигается месткомом Политехнического университета за выдающуюся 27-летнюю службу делу посвящения в Герои труда и утверждается в этом звании общегородским собранием Союза работников просвещения.

Любовь Александра Модестовича к книге, а также воспитание и профессиональная деятельность послужили мотивацией к коллекционированию. Несмотря на изменения государственного устройства России, власти и её политики в отношении личности, А. М. Вилькен продолжал кропотливую работу по пополнению коллекции в период революции 1905-1907 гг., Первой мировой войны 1914 г., революции 1917 г., в годы Гражданской войны и в далеко не простые годы социалистических преобразований. Вначале собирались книги по различ-

ным разделам естествознания: физике, химии, минералогии, ботанике и т. д. Затем круг интересов расширяется, коллекционируются книги по истории литературы, языкоznанию, краеведению, библиографии, художественные издания, старопечатные и рукописные книги. Коллекция А. М. Вилькена, содержащаяся в ЦНБ КазНЦ РАН, выделена в отдельный фонд и имеет около 7000 книг на русском языке, порядка 500 печатных единиц на иностранных языках и 5500 экз., периодических изданий. Временные рамки документов – XVI – начало XX вв.

Хотелось бы отметить методику собирательства. Творчество большинства писателей представлено как пожизненными изданиями и роскошными подарочными экземплярами, так и пятикопеечными книжками «для народа», т. е. приобреталось всё, что выпускалось различными издательствами в разные годы. Переписка с библиофилами, приобретение каталогов, библиографических обзоров позволяли Вилькену целенаправленно подбирать свою коллекцию. Примером может служить первое издание биографической библиотеки Ф. Ф. Павленкова (147 печ. ед.).

Небольшой раздел истории книги и печати чрезвычайно интересен для историков и книговедов. Из раритетных изданий можно выделить каталоги книжных магазинов А. С. Смердина 1840 г., Глазуновых 1845–1882 гг., В. Г. Готье за 1884–1894 гг., каталоги антикварных книг В. И. Ключкова, П. П. Шибанова, каталоги личных библиотек Д. Н. Шереметьева и др.

Интересна также подборка по хронологической росписи старославянских книг (например: Н. Сахаров 1842 г., И. Карапаев 1861 г.) и книги по палеографии Н. П. Лихачев 3 тома (1899), В. Н. Щепкин (1920). В коллекции собрано 1400 энциклопедий, словарей, атласов, календарей. Здесь 30 томов издания «Российский театр или полное собрание всех Российских сочинений 1787–1794 гг.», «Русский биографический словарь» (1896) и др. 3250 печатных единиц составляют книги по различным отраслям наук. Украшением этой части коллекции являются первое издание «Арифметики» Л. Ф. Магницкого (1703) и «Российская грамматика» М. В. Ломоносова издания 1755 г.

Особая, можно сказать, трагическая участь постигла ту часть коллекции Вилькена, которая включала в себя старопечатные и рукописные книги XVI–XIX вв. Пока трудно дать, людную картину судьбы этих документов. Известно, что они разделены между тремя учреждениями. В ЦНБ имеются документы, в которых сказано, что по иде-

ологическим соображениям и распоряжению Главлита старые книги были сданы в спецчасть Казанского филиала. По-видимому, часть из них затем попала в неосвоенный фонд библиотеки. Только с 2002 г. ведётся работа по идентификации, изучению, описанию и составлению каталога редких книг, оставшихся в ЦНБ. Так была собрана по частям и исследована старопечатная Псалтырь, напечатанная в Москве Андронником Невежею в 1602 г. [10].

Следует подчеркнуть, что несмотря на все сложности жизни А. М. Вилькена, собрание его книг всегда было открыто для желающих почитать и приобщиться к редкостям.

В настоящее время в ЦНБ КазНЦ РАН систематически изучаются как жизнедеятельность Александра Модестовича, так и его коллекция. Целью этой работы является: введение в научный оборот коллекции А. М. Вилькена путём создания полного каталога и представление его в Интернет, а также возрождение к жизни забытого имени А. М. Вилькена – гражданина, педагога, учёного, общественного деятеля; сделать достоянием общественности мысли и творческие исследования человека целеустремленного, сильного духом, создававшего в течение всей своей жизни ставшую теперь легендой в Казани «коллекцию Вилькена», пронесшего демократические идеи свободного творчества, просветительства через сложные времена коренных переломов Российской государственности.

Примечания

¹ Катанов Н. Несколько слов о казанских коллекционерах // Каз. музейн. вестн. 1920. № 7/8. С. 36–37.

² Долгов Е. Б. Либералы и их место в социально-политическом движении России в XIX – начале XX вв. // Власть и общество: грани взаимодействия : тез. докл. и сообщ. resp. науч.-практ. конф. Казань, 1996. С. 84–85.

³ Кудинов А. Педагогический музей в Казани // Каз. музейн. вестн. 1921. № 3/6. С. 75.

⁴ Поощрение научных трудов // Каз. библиофил. 1921. № 1. С. 94.

⁵ Дульсикй П. Книга и её художественная внешность // Каз. библиофил. 1921. № 1. С. 28.

⁶ Карташева Н. А., Лучкина С. А. А. М. фон Вилькен – педагог и библиофил // Музей в системе ценностей евразийской культуры : материалы всерос. науч.-практ. конф., 25–28 сент. 2000 г. Казань, 2000. С. 147–150.

⁷ Лучкина С. А., Морозкина С. М. Собрание книг из коллекции А. М. фон Вилькена в библиотеке КФТИ КНЦ РАН им. Е. К. Завойского // Там же. С. 150–152.

⁸ Фролов А. Г. Коллекция рукописей А. М. Вилькена в библиотеке Казанского университета // Там же. С. 153–156.

⁹ Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров, 1993. С. 9.

¹⁰ Лучкина С. А. Исследование старопечатной Псалтыри // Библиотековедение. 2009. № 3. С. 42.

О Николае Чарушине замолвите слово...*Г. В. Нагорничных*

По прошествии времени зачастую случается так, что какие-либо факты из биографии известного человека начинают трактоваться по-другому, чем это есть в действительности. И в такие моменты очень важно установить историческую справедливость, не дать распространяться ложным фактам, особенно если они основаны на предвзятости и некомпетентности их излагающих.

В ГОУ «Государственный архив социально-политической истории Кировской области» в фонде «Коллекция рукописей историков и краеведов» хранится дело под № 59, включающее в себя документы за 1988–1989 гг. В нём собраны статьи историков и краеведов, написанные в связи с публикацией в газете «Кировская правда» от 25 августа 1988 г. статьи «О Н. А. Чарушине – вопреки правде», авторами которой выступили краевед Н. Г. Комаров и кандидат исторических наук, доцент Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина В. Ф. Суходоев.

Данная статья имела широкий резонанс среди общественности города Кирова. Особенно горячо протестовала против искажения правды о Н. А. Чарушине Г. Ф. Чудова, библиотекарь-библиограф Кировской областной библиотеки им. А. И. Герцена. В архивном деле имеются её статьи «Вопреки правде» и «Н. А. Чарушин и 1917 год»; письма заведующему партийным архивом Кировского областного комитета КПСС Ю. Г. Каракарову по поводу своих статей о Н. А. Чарушине, а также с просьбой узнать о судьбе репрессированного сына Н. А. Чаршина, Владимира Николаевича, и документах о преследованиях самого Н. А. Чаршина. «...Его (Чаршина. – Г. Н.) имя, – писала Г. Ф. Чудова, – принадлежит не только истории Кировской области. Оно – собственность всей России, и мы просто не имеем права волонтаристски распоряжаться этим именем...»¹

После выхода статьи Н. Г. Комарова и В. Ф. Суходоева, распоряжением Кировского областного комитета КПСС, была создана группа для проверки материалов по этой статье. В неё вошли заведующий партийным архивом Кировского областного комитета КПСС Ю. Г. Каракаров; кандидат исторических наук, доцент Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина А. И. Лахман и краевед В. Ф. Пономарёв. Итогом работы группы стало официальное заключение, в котором говорится: «...Жизнь есть жизнь. Она не бывает однозначной. И, пожалуй, любого деятеля своего вре-

мени, не отступив от жизненной правды, нельзя обрисовать одной белой или одной чёрной краской. В действительности дело обстоит всегда гораздо сложнее, многограннее, чем кто-то пытается описать. Так и с Чарушиным... Вместе с тем, комиссия отмечает, что утверждение о ренегатстве и провокаторстве Н. А. Чарушина, содержащееся в статье Н. Комарова и В. Суходоева, документально не подтверждается, ничем не доказано. Материалы свидетельствуют, что Н. А. Чарушин был человеком твёрдых убеждений и своих взглядов придерживался до конца, даже если был не прав, в частности, в оценке событий Октябрьской революции...»²

Кроме того, в деле имеется ещё одно заключение по исследованию материалов статьи Н. Г. Комарова и В. Ф. Суходоева, сделанное комиссией в составе: доктора исторических наук, профессора Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина В. Ф. Антонова; доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института истории СССР Академии наук СССР Б. С. Итенберга; доктора исторических наук, профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова М. Г. Седова; доктора исторических наук, профессора Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского Н. А. Троицкого. Выводы комиссии таковы: «...Считаем своим долгом отметить крайнюю предвзятость статьи Н. Комарова и В. Суходоева «О Н. А. Чарушине – вопреки правде» (Киров. правда. 1988. 25 авг.). Авторы плохо знают историю русского революционного движения, но очень не любят революционера Чарушина и пытаются опорочить его память, не гнушаясь подлогами. Почти всё, о чём они пишут, было не так, а иначе...»³

Откликнулся на статью Н. Г. Комарова и В. Ф. Суходоева и В. Д. Сергеев, кандидат исторических наук, доцент Камчатского педагогического института. Далее приводим его статью «С компетентностью и без нетерпимости. К спорам о Н. А. Чарушине», рукопись которой также хранится в выше упомянутом архивном деле. Статья ранее не публиковалась, в связи с чем, хочется надеяться, будет интересна историкам и краеведам. Текст приводится без изменений и сокращений.

С компетентностью и без нетерпимости

К спорам о Н. А. Чарушине

Представим на миг, что нашлись люди, которые воспротивились бы увековечиванию памяти Софии Перовской или Петра Кропоткина. Трудно предположить такое.

В Крыму открыт музей отважной народоволки, а имя князя-анархиста носят два города – в Краснодарском крае и в Иркутской области.

Но что же происходит с памятью другого революционера-народника, нашего земляка Николая Аполлоновича Чарушина, который был ещё и талантливым фотографом, журналистом, литератором, краеведом-библиографом? В нашей области (по счастью, не в стране) к нему имеется весьма странное отношение. Упоминание имени Чарушина в краеведческих работах вызывает активную реакцию противников сохранения его памяти.

Недавно на страницах «Кировской правды» высказались и те, кому близко и дорого имя Н. А. Чарушина, и те, кто занимает противоположную позицию. К первым относятся писатель А. В. Рева, увлечённый исследователь историко-культурного прошлого нашего края, и известный библиограф-краевед Г. Ф. Чудова. (Имеется также и отклик одного из ведущих специалистов по истории революционного народничества, доктора исторических наук, профессора Саратовского университета Н. А. Троицкого, который, видимо, тоже будет опубликован в областной газете). Иное мнение у краеведа Н. Г. Комарова и кандидата исторических наук В. Ф. Суходоева, авторов статьи «Об Н. А. Чарушине – вопреки правде».

Доживший до событий 1917 года и проживший ещё два десятка лет участник революционного движения н. 70-х годов Н. А. Чарушин так и остался во власти народнических взглядов. Изменения устоявшихся воззрений требовать от него было бы наивно и неисторично. Это равносильно тому, чтобы от декабриста, дожившего до эпохи Чернышевского (а такие были), ожидать революционно-демократических убеждений.

В 1917 г. газета «Вятская речь», которую издавал Н. А. Чарушин, предоставляла место высказываниям кадетов и эсеров против большевиков. (Заметим, объективности ради, что газета печатала и заявления Вятского комитета РСДРП (б)).

Да, Н. А. Чарушин высказывался, и довольно резко, против Советской власти. Это может впечатлить человека, приученного к одномерному восприятию истории. Вдумчиво прочитав то, о чём он тогда писал, можно понять испуг перед грандиозными событиями октября 1917 года. Чарушин был напуган ими, как и многие представители русской интеллигенции. Однако, в контексте последующих лет, нельзя ли предположить, что старый революционер опасался рево-

люции постольку, поскольку она способна порождать ту накипь, появление которой, к сожалению, сопровождает революционную бурю.

Ещё в юные годы, состоя в «Большом обществе пропаганды», Чарушин и его товарищи решительно отвергали «нечаевщину», генеральство, попытки узурпирования власти в революционной среде. Н. А. Чарушин был мудрый и проницательный человек. Многое из того, что предвидел он в 1917–1918 гг., через двадцать лет стало, увы, реальностью. Что как не «моровое поветрие», вакханалия над трудовым крестьянством, уничтожение генофонда русской нации, надругательство над историческим прошлым, попранье демократии, отсутствие гарантий человеческому достоинству и даже самой жизни. (Жертвой сталинских репрессий оказался и младший сын Николая Аполлоновича).

Ничуть не снимая с Н. А. Чарушина ответственности за его политическое поведение в 1917 году, заметим, однако, что местные деятели «Верховного Совета» спекулировали на его имени, пользуясь авторитетом старого революционера в городе и губернии. Следует всё же определить чётко степень и характер участия Чарушина в деятельности «Верховного Совета». Одно дело – его убеждения, которые он не старался скрыть, иное дело – конкретные действия. За убеждения большевики-ленинцы не преследовали своих идейных противников. Что же касается практических дел, то трудно предположить наличие в квартире престарелого народника склада оружия для заговорщиков-контрреволюционеров или его участие в организации разлития спирта из винных складов. Для обвинения не в убеждениях, а в реальной деятельности нужны весомые доказательства.

В Гражданскую войну, когда Советская власть прочно утвердила, гонителями Н. А. Чарушина оказывались не защитники молодой Советской республики (трудно представить «гонителем» Петра Ка-пустина), а пресловутые «губернские Робеспьеры», леваки и перегибщики. Об одном из них О. М. Кошкарёва, вторая жена Чарушина, отзывалась не иначе как о «страшном человеке». (Не называю имени сознательно. Не о нём сейчас речь, хотя уверен, что стирание «белых пятен» в местной истории коснётся и его. Замечу лишь, что от старожилов Вятки слышал много тёплых слов об участниках Октября и Гражданской войны. Об этом – ни разу!) Именно этот человек и в двадцатые, и в тридцатые годы безжалостно травил ветерана освободительного движения. Мне не довелось видеть оценки деятельности Н. А. Чарушина «специальными комиссиями губкома и обкома партии

с участием научных работников в 1927 и 1957 гг.», о которых пишут Н. Г. Комаров и В. Ф. Суходоев. Однако же стоит призадуматься над их беспристрастностью, если к ним имел, хотя бы косвенное, причастие названный деятель.

Но не только такие люди решали дела в прифронтовой Вятке 1919 года.

Вс. Лебедев заметил в «Вятских записках»: «Местное, вятское терялось среди сильных, решительных лиц». Из таких, приезжих, оказался и В. К. Блюхер, который весной 1919 г. лично освободил Чарушина из очередного заключения. Ольга Михайловна Кошкарёва рассказывала мне, как обошла все учреждения Вятки, прося за мужа. Кто-то посоветовал обратиться к Блюхеру как к «самому интеллигентному начальнику в Вятке» (слова О. М.). Блюхер откликнулся на призыв отчаяния. Такая деталь из рассказа Ольги Михайловны (и я не могу ей не верить!) – Блюхер приказал явиться к воротам тюрьмы взводу музыкантов. При выходе Николая Аполлоновича они начали исполнять «Марсельезу».

Сложны и неоднозначны были события революции и Гражданской войны для русской интеллигенции, которая мучительно старалась разобраться в них. Этими вопросами терзался и М. Горький в так и не переизданных у нас после 1918 года «Несвоевременных мыслях». Его «неласковый взгляд» на нашу страну и её историю в настоящее время просто целебен после стольких лет некритических самовосхвалений. Так почему же мы должны ожидать от старого народника Чарушина только «своевременных мыслей»?

При чтении статьи Н. Г. Комарова и В. Ф. Суходоева заметно их слабое знакомство с историей освободительного движения в России. Например, авторы говорят об участии Чарушина в «движении народников 70-х годов, руководимых Н. В. Чайковским». Если они имеют в виду конкретно «Большое общество пропаганды», в котором действовал Чарушин, то Чайковский вовсе не играл в нём заметной роли. В статье явно преуменьшается деятельность Чарушина в народническом движении, а он был одним из активнейших революционеров-пропагандистов на рабочих окраинах Петербурга. Авторами статьи даётся упрёк Чарушину в сокрытии правды о положении семьи. Скажу совершенно определённо – семья жила не-богато. Учились же братья Чарушины на стипендию Орловского земства. Если же рассуждать по Н. Г. Комарову и В. Ф. Суходоеву – то в революцию должны идти только бедняки. Как же в таком слу-

чае мы объясним выбор революционного пути людьми состоятельными вроде декабриста Н. Муравьева, народника П. Кропоткина, большевика-ленинца Г. Чичерина?

Следует сказать и о слухах, относящихся к якобы неблаговидному поведению Чарушина на Карицкой каторге. Это утверждение исходит от предисловия ко второй части чарушинских мемуаров, написанного Ф. Коном, в котором говорится об отношениях Чарушина с комендантом Карицкой каторги В. О. Кононовичем. Разные люди выполняли надзор над политкаторжанами. Не все они были «зверями». Кононович отличали гуманизм и человечность. «Интеллигентным и порядочным человеком» назвал позднее Кононовича А. П. Чехов, знавший его во время посещения Сахалина. Или, может быть, не поверим проницательности Чехова? При любой возможности Кононович старался облегчить учесть каторжан. Приведу лишь один пример в защиту его (о чём рассказано в нескольких мемуарах «карицев») – узнав о подкопе, который роют каторжане, Кононович не стал бить тревогу и поднимать караулы. Он лишь осторожно дал знать готовящим побег, что подкоп следует засыпать. Что мог более сделать комендант каторги? И как поступил бы на его месте другой человек, «из зверей»? (а ведь мы знаем, что даже в сталинские времена, в ГУЛАГе находились представители лагерной администрации, сочувствующие, конечно, скрытно, заключённым). Понятно, что, уже находясь на поселении в Нерчинске, Чарушины предоставили приют семье Кононовича, дом которого сгорел.

Мы не располагаем сведениями о «раскаянии» Чарушина, о чём пишут авторы статьи Н. Г. Комаров и В. Ф. Суходоев. Но и тут позволительно узнать, если это соответствует действительности, – при каких обстоятельствах и в какой форме оно получено. Не следует забывать о конкретной обстановке, о тревоге за детей и родных. Наконец, существует же и понимание, и гуманное прощение. Или мы должны укорять В. Обнорского и А. Ульянова за подачу прошений о помиловании? А как быть с подобными случаями по отношению к участникам процессов 1930-х годов?

«На фотоделе Чарушин нажил большие средства», – пишут Н. Г. Комаров и В. Ф. Суходоев, игнорируя весомый вклад Николая Аполлоновича в изучение Забайкалья и Монголии. (Об этом мною написана заметка в «Кировскую правду»).

Недоброжелательно говорится в статье и об А. Д. Кувшинской. Всем известен подвиг жён декабристов, но многие ли из вятчан сей-

час знают, что Анна Дмитриевна самоотверженно последовала за мужем в сибирское изгнание, делила с ним до конца все тяготы жизни. Помогала она Н. А. Чарушину и в издании «Вятской речи». (Оставляю на совести авторов статьи предположения о том, «случайно ли» сам Чарушин не подвергался аресту как издатель газеты).

Особо следует сказать о нравственном облике Николая Аполлоновича, о его моральном воздействии на демократическую интеллигенцию Вятского края. Люди тянулись к Чарушину, его газета в 1900–1910-е годы стала излюбленным чтением разночинцев-интеллигентов (об этом, наверняка, уже писала Г. Ф. Чудова).

Доброта и бескорыстие отличали Чарушина. Среди старых жителей пригородного села Макарье сохранился рассказ о том, как Николай Аполлонович дал денег на покупку коровы бедной женщине. Это было уже в советские годы. Не из той ли персональной пенсии, которую Чарушин получил, «используя своих знакомых» (слова авторов статьи), были эти деньги? Пенсии его лишили после проверки письма Кировского горсобеса, сообщают Н. Г. Комаров и В. Ф. Суходoeв не без удовлетворения. Что ж, «гонители» 30-х годов работали рьяно.

Неблагодарное отношение к памяти Чарушина продолжалось и после его смерти, видимо, как «не имеющего заслуг перед республикой». Возвратившись с похорон, Ольга Михайловна обнаружила дверь квартиры опечатанной, а вещи выброшенными за порог. Погрузив убогий скарб на саночки, она навсегда покинула этот дом. Бумаги Чарушина, запрятанные Ольгой Михайловной на чердаке, почти не сохранились. В середине 60-х гг. один добрый человек буквально спас их из огня во время весеннего субботника. Это были общие тетради с черновиками воспоминаний, фотографии из экспедиции Г. Н. Потанина, кое-что из писем.

Сама Ольга Михайловна всю жизнь прожила, сохраняя память о Николае Аполлоновиче. Она никак не могла поверить, что к печати готовилось второе издание мемуаров «о далёком прошлом». Пришло в доказательство привезти каталог издательства «Мысль». Однако книгу Ольга Михайловна так и не успела увидеть. Она была сбита «Жигулями» при переходе слободского шоссе к Макарьевскому кладбищу на могилу Николая Аполлоновича....

Да в каком же времени мы живём? В 1938-м или в 1988-м году? Обновляется историческая наука, возвращаются имена людей, искусственно стёртых со страниц истории. Но все ли историки перестраи-

ваются на деле? Или глаза многих по-прежнему зашорены «Кратким курсом истории ВКП(б)? Или, может, история видится подгоняемой под прокрустово ложе вульгарно-социологических схем, в чёрно-белом, контрастном изображении, без тончайших полифонических нюансов? Или, может, предать анафеме Горького за его «Несвоевременные мысли»?

Да возложите на одну чашу весов «несвоевременное» поведение Н. А. Чарушина в 1917–1918 гг., а на другую его пропагандистскую работу в 70-е годы прошлого века среди петербургских рабочих, достойное поведение на «процессе 193-х», культурно-просветительскую деятельность, написание ценнейших мемуаров, в оценке которых сходятся крупнейшие авторитеты в изучении истории освободительного движения. Что перевесит? Обратимся к В. И. Ленину. После смерти одного из организаторов левоэсеровского мятежа 1918 г. П. П. Прошьяна Владимир Ильич, помня о его революционном прошлом, писал: «А всё же таки Прошьяну довелось до июля 1918 года больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 года для её подрыва» (Полн. собр. соч. Т. 37. С. 385).

Предлагаю создать авторитетную комиссию из историков, краеведов. При необходимости следует обращаться к консультациям специалистов самого высокого уровня и за пределами Кировской области. Ведь дело идёт не столько об установке мемориальной доски (что со временем, несомненно, будет), но о восстановлении доброго и честного имени. Необходимо критически проанализировать заключения комиссий губкома и обкома 1927 и 1957 годов. Эта работа, проведённая с компетентностью и без нетерпимости, принесёт пользу.

В заключение замечу, что статью Н. Г. Комарова и В. Ф. Суходоева отнюдь не украшают словесные перлы, выдержаные в стиле «Краткого курса истории ВКП(б)» – «скрыл правду», «используя связи и умение входить в доверие», «используя своих знакомых». При всём видимом отношении к Н. А. Чарушину авторы должны всё же выбирать выражения. Ведь речь идёт не о герое современных судебных очерков, а о человеке, пусть не вызывающем симпатии пишущих, но явно лишённом какого-либо своекорыстия. Наверняка уважаемые Н. Г. Комаров и В. Ф. Суходоев не покупали корову постороннему человеку.

B. Сергеев,
кандидат исторических наук, доцент
5.08.88

Для справки

Чарушин Николай Аполлонович (1851–1937), революционер-народник, общественный деятель, издатель, библиограф-краевед. Окончил в 1871 г. Вятскую мужскую гимназию. В 1871 г. поступил в Петербургский технологический институт. Вошел в кружок «чайковцев» (Большое общество пропаганды). В 1874 г. был арестован, приговорен к каторге на Каме. В 1881–1895 гг. находился на поселении в Забайкалье. Фотографические работы, сделанные Чарушиным во время экспедиции в Монголию, были высоко оценены Русским географическим обществом. С 1895 г. в Вятке участвовал в общественной и культурной жизни города и губернии. Один из руководителей «Вятского книгоиздательского товарищества». Редактировал первую частную газету «Вятский край» (1895–1898). С декабря 1905 г. издавал либеральную газету «Вятская жизнь», выходившую затем под названиями «Вятский край» и «Вятская речь» до декабря 1917 г. Примыкал к партии народных социалистов. В 1917 г. активно участвовал в политической жизни губернии. Один из руководителей «Верховного Совета» по управлению губернией. В 1918 г. отошел от политической деятельности. Работал заведующим краеведческим отделом Вятской публичной библиотеки им. А. И. Герцена (1922–1930). Составитель ценных библиографических работ⁴.

Сергеев Валентин Дмитриевич (1940–2006). Родился в г. Кирове. Окончил историко-филологический факультет Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (1964), преподавал там же на кафедре истории СССР. В 1980–1995 гг. жил на Камчатке. Работал на кафедре истории Камчатского педагогического института. В 1995 г. вернулся в Киров. В 1995–1998 гг. работал на кафедре краеведения Вятского государственного педагогического университета⁵. Затем преподавал в Кировском филиале Московского гуманитарно-экономического института. Кандидат исторических наук, профессор. Автор сценария телефильма «Николай Чарушин: история в человеке» (реж. М. Дохматская, 1998) и др. Более десятка его книг были изданы в Кирове, в том числе книга «Николай Аполлонович Чарушин: народник, общественный деятель, издатель, краевед (к 150-летию)» (Киров, 2001)⁶.

Примечания

¹ ГАСПИ КО. Ф. Р-6808. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 15.

² Там же. Л. 65–66.

³ Там же. Л. 59.

⁴ ЭЗВ : в 10 т. [14 кн.]. Киров, 1996. Т. 6 : Знатные люди. С. 485.

⁵ Сергеев В. Д. Пропагандист с динамитом. Правда и миф о Степане Халтурине. Киров, 1998. С. 2.

⁶ Частный электронный архив личных фондов и коллекций документов А. Л. Рашиковского.

А. С. Лебедев и В. П. Бирюков

B. C. Жаравин

История краеведческого или, как говорили раньше, родиноведческого движения в России дала много славных имён. Для Приволжского и Уральского регионов одними из самых известных в первой половине XX в. краеведов были Александр Сергеевич Лебедев (1888–1937) и Владимир Павлович Бирюков (1888–1971). Последнего хорошо знают и сегодня благодаря его книгам «Записки уральского краеведа», «Краеведческая шкатулка» и другим, переиздающимся и в наши дни, а также Бирюковским чтениям, проводившимся в г. Челябинске.

Имя Лебедева для многих неизвестно, хотя результаты его деятельности живы и сегодня. Это районный краеведческий музей в г. Советске Кировской области, носящий его имя, областной краеведческий музей в г. Волгограде, зоопарк в г. Перми, Ботанический сад в г. Екатеринбурге. Кроме этого, Лебедев организовал научное общество по изучению местного края в г. Костроме, в г. Вятке создавал губернский краеведческий музей, многое сделал, чтобы библиотека им. Герцена стала губернской и научной; в г. Челябинске помогал становлению областной библиотеки, занимался и другими славными делами.

Имена А. С. Лебедева и В. П. Бирюкова не случайно поставлены рядом: это были близкие друзья-единомышленники. Их многое объединяло. Одногодки – оба родились в провинции: Лебедев – в Вятской, Бирюков – в Пермской губерниях, оба получили хорошее образование: Лебедев окончил Петроградский университет, Бирюков – сельскохозяйственный институт в Москве (сейчас Сельскохозяйственная академия имени Тимирязева) и Археологический институт. Оба с детства были страстными коллекционерами, собирателями предметов старины, библиофилами, однако охотно передавали свои коллекции и книги музеям и библиотекам. И тот, и другой проводили археологические раскопки, оба создали музеи, существующие до сегодняшнего дня, оба вели большую просветительскую работу, постоянно

но выступая в различных аудиториях и периодической печати. В смутное время революции и Гражданской войны оба спасали культурное наследие России, внесли вклад в становление государственной архивной службы страны, сберегая дореволюционные архивные фонды, по существу, создавая государственные архивы. Общим для обоих были и любовь к природе, и участие в экспедициях по изучению природных богатств страны.

Первая встреча Александра Сергеевича Лебедева и Владимира Павловича Бирюкова произошла в 1921 г. в г. Екатеринбурге, на первом съезде краеведов Урала. Как вспоминал В. П. Бирюков, представитель Вятской губернии А. С. Лебедев был одним из самых активных участников съезда, он был избран товарищем председателя и стал автором большинства документов съезда¹.

Сближение этих двух людей произошло чуть позже, в 1920-е годы, когда Александр Лебедев работал директором Пермского губернского музея местного края. Занимаясь родиноведением, А. С. Лебедев хорошо знал все краеведческие организации губернии, неоднократно бывал и в Шадринском музее, которым руководил В. П. Бирюков. В свою очередь, последний часто бывал по различным делам в губернском центре и встречался с А. С. Лебедевым. Во время общения они много рассказывали друг другу о себе, о встречах с интересными людьми, о поездках по России, о родиноведческой работе в разных регионах. В. П. Бирюков вспоминал, что особенно ему запомнились рассказы Александра Сергеевича о поездке в Финляндию, встречах там с М. Тальгреном, чью книгу «Родиноведение в Финляндии» Владимир Павлович ещё до Первой мировой войны получил в подарок от Кукарского образовательного общества Вятской губернии². Этих разговоров было много, тем более, что М. Тальгрен в 1927 г. приезжал в гости к А. С. Лебедеву в Пермь.

Во время своих встреч они обсуждали и текущие проблемы. Александр Лебедев водил друга на участок, выделенный Пермским горисполкомом под зоопарк. Там они вместе решали, какие работы надо срочно произвести. Однажды В. П. Бирюков показал Александру Сергеевичу рукопись своей работы методического характера «Краеведческий вопросник». Лебедеву рукопись понравилась, и он организовал её издание в Перми на средства музея, несмотря на то, что отдел народного образования, которому подчинялся музей, не финансировал проведение музейных мероприятий и издательскую деятельность. Книга в 188 страниц текста вышла тиражом 3000 экз.

В 1929 г. В. П. Бирюков хотел перебраться из Шадринска в Пермь. А. С. Лебедев предложил ему должность своего заместителя в музее. Владимир Павлович долго колебался, потом согласился попробовать и во время отпуска стал работать в музее. За тот месяц два друга сошлись ещё больше. Как вспоминал В. П. Бирюков, коллектив был сложным, А. С. Лебедев мог с ним управляться, но Владимиру Павловичу показалось, что он не сможет, и от предложенной должности он отказался³.

Вскоре А. С. Лебедев переехал из Перми в Свердловск, а в 1930 г. туда приехал жить и В. П. Бирюков, начав работать в Уральском бюро краеведения. А. С. Лебедев работал сначала в областном краеведческом музее, а затем директором зоопарка. В 1933 г. Владимир Павлович Бирюков решил собирать «интересные в краеведческом отношении рассказы» посетителей бюро краеведения. Для этого он взял амбарную книгу, куда люди сами записывали всё, что хотели сообщить. Книга была начата 16 февраля, а 27 числа того же месяца там появилась запись А. С. Лебедева об Уральском зоопарке⁴. Позднее материалы этих записей были изданы В. П. Бирюковым под названием «Краеведческая шкатулка». Однако об А. С. Лебедеве там нет ни слова.

В этот период Бирюковы и Лебедевы дружили семьями. И не случайно, когда в 1934 г. проводилась молодёжная экспедиция в Мурзинский самоцветный район, научным руководителем которой был В. П. Бирюков, Александр Сергеевич упросил взять туда своего 12-летнего сына Серёжу.

В 1935 г. В. П. Бирюков решил передать большую коллекцию печатных изданий в дар Свердловской областной библиотеке им. Белинского, однако получил отказ. А. С. Лебедев в то время работал консультантом в горисполкоме г. Челябинска, с 1934 г. ставшего областным центром. Он предложил В. П. Бирюкову передать книги Челябинской областной библиотеке. Владимир Павлович писал: «Я долго не соглашался, считая Челябинск «чужим» для меня городом, но Александр Сергеевич не унимался... в конце концов, я согласился»⁵. В апреле состоялась передача 80 тысяч книг и других печатных изданий в Челябинскую библиотеку, образовался Шадринский филиал библиотеки. По этому случаю, корреспондент газеты «Челябинский рабочий» сделал фотографию двух друзей, хранящуюся сейчас в Государственном архиве Свердловской области.

В 1937 г. А. С. Лебедев, директор Свердловского ботанического сада, был арестован как «враг народа» и расстрелян. Оборвалась

дружба, однако память об А. С. Лебедеве В. П. Бирюков пронёс через всю жизнь и совместные фотографии не уничтожил, как делали многие. Он поддерживал связь с сыном А. С. Лебедева, Сергеем, жившем в Перми. В 1957 г. А. С. Лебедева реабилитировали. В том же году В. П. Бирюков поделился своими воспоминаниями о друге с Е. Д. Петряевым, который в 1967 г. в своей книге «Записки книголюба» написал об этом, возвращая имя А. С. Лебедева из забвения⁶.

В 1968 г. искусствовед Кировского областного художественного музея К. П. Анисова обратилась к В. П. Бирюкову с просьбой поделиться своими воспоминаниями об А. С. Лебедеве, много сделавшем для развития художественного музея. 21 января 1969 г. Владимир Павлович послал «первый набросок очерка-воспоминания об А. С. Лебедеве», написав, что второй экземпляр он выслал Сергею Лебедеву и просил после использования вернуть очерк, «так как у меня ничего не осталось, а работа проделана значительная», – писал он⁷. Возможно, этот вариант очерка, переписанный от руки и хранящийся сейчас в Государственном архиве Кировской области, в личном фонде краеведа В. Г. Пленкова⁸, и был опубликован в периодической печати⁹. Последний вариант очерка «Александр Сергеевич Лебедев», находящийся в Государственном архиве Свердловской области, датирован 20 апреля 1971 г., то есть он был написан за три месяца до смерти автора. Получается, что почти буквально до конца жизни Владимир Павлович Бирюков помнил о своём друге.

Очерк заканчивается словами: «Стоит написать хотя бы небольшую книгу об этом любопытном деятеле русской и советской культуры. Лучше бы за это дело взяться вятачам. Они найдут и у меня переписку с Александром Сергеевичем... и другие материалы о выдающемся вятаче-уральце»¹⁰. Такой завет оставил нам Владимир Павлович Бирюков.

Примечания

¹ ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. Р-2266. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Ф. Р-2757. Оп.1. Ед. хр. 687. Л. 7.

⁵ Там же. Ф. Р-2266. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 10.

⁶ Петряев Е. Д. Записки книголюба. Киров, 1978. С. 182.

⁷ Анисова К. П. // Киров. обл. науч. биб-ка им. А. И. Герцена. Фонд Д.

⁸ ГАКО. Ф. Р-128. Оп. 1. Ед. хр. 546.

⁹ Жаравин В. С. Краевед Александр Лебедев: Из воспоминаний В. П. Бирюкова // Вят. речь. 2003. Февр. (№ 37). С. 12.

¹⁰ ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 12.

Следственное дело Н. В. Огнева

E. H. Чудиновских

В Государственном архиве социально-политической истории Кировской области под номером СУ-7114 хранится следственное дело Огнева Николая Васильевича, священника, политика, писателя. Это имя хорошо известно и близко сотрудникам и читателям библиотеки имени А. И. Герцена: значительная часть его личной библиотеки хранится сейчас в самой большой библиотеке области, причём многие издания – в разделе редких книг¹. Как и все хранящиеся у нас следственные дела, оно отражает один из самых трагичных моментов жизни Николая Васильевича.

Биография Н. В. Огнева кратко, но достаточно достоверно дана в статье о нём М. С. Судовикова². Следственное дело добавляет новые штрихи к биографии этого незаурядного человека.

Из следственных документов в деле имеется всего один – протокол допроса от 1 сентября 1918 г. Других и не требовалось. Из небольшой записи, подписанной заведующим ликвидационным отделом (так в документе), ясно, что арестован он был как заложник, содержался в арестантском исправительном отделении, никакого обвинения ему не предъявлялось, ни следствия, ни суда не проводилось³.

Из протокола узнаём, что на этот день – день ареста Огнев Николай Васильевич, 53 лет, проживал в г. Вятке, на углу улиц Никитской и Спасской (совр. Володарского и Дрелевского), окончил Духовную академию и университет. Занимался адвокатурой, женат, имел пятеро детей. Кроме этого, он сообщил, что являлся членом и председателем партии конституционных демократов, советскую власть признаёт. Решения его судьбы в деле не имеется⁴. Известно, что он был расстрелян, скорее всего, в тот же день, 1 сентября. Тогда, после возникновения мятежа чехословацкого корпуса и опасения приближения к Вятке военных действий, многие видные люди были арестованы в качестве заложников. Впереди был «красный террор», постановление о котором Совнарком принял 5 сентября 1918 г., предписывавший

арест и расстрел заложников. Но, как видим, не дожидаясь этого постановления, на местах уже начали действовать.

Остальные документы этого дела взяты при обыске из личного архива Н. В. Огнева и как нельзя лучше характеризуют этого человека, а заодно и время, в которое он жил.

Н. В. Огнев после окончания Петербургской духовной академии служил в разных храмах Вятской губернии в Котельничском, Елабужском, Сарапульском, Орловском уездах. В 1904 г. переведён в Троицкую церковь г. Яранска.

О том, насколько уважали отца Николая – священника, как и о том, что он в годы служения церкви был не чужд политике, рассказывает выписка из протокола заседания Яранской городской Думы от 10 ноября 1905 г.

В 1905 г. по России прокатилась волна забастовок, черносотенных погромов, не миновала она и Вятку. А вот в Яранске, видимо, всё было спокойно. И на заседании городской Думы гласный Семёнов заявил: «Высочайший манифест 17 октября, даровавший свободу всем гражданам России, во многих местах империи был истолкован неправильно, что повлекло за собой печальные, кровавые события. Мы же, жители города Яранска, благодаря многоуважаемому протоиерею отцу Николаю Огневу, который в целом ряде поучений и проповедей разъяснил высочайший манифест в духе любви и примирения, а потому мы, граждане и население, с радостным чувством встретили восходящую зарю свободы и с спокойствием ждем осуществлений дарованных нам высочайшеею милостию реформ...»⁵

В 1906 г. Огнев стал членом Государственной Думы от Вятской губернии. В 1917 г. был помощником вятского губернского комиссара Временного правительства, значился в списке кандидатов в Учредительное собрание.

О его участии в политической жизни рассказывает справка Святейшего Синода о запрещении его в служении после подписания им и другими членами Думы Выборгского воззвания в 1906 г. с призывом не платить налоги и бойкотировать призыв в армию⁶, а также листовка к выборам в Вятскую городскую Думу в 1917 г., в которых он принимал участие и был избран гласным по списку партии народной свободы, с призывом дружно голосовать за список № 2 партии народной свободы⁷.

О том, что он был весьма уважаем и как политик, говорит письмо Котельничского уездного исполнительного комитета от 9 мая 1917 г.

с просьбой к Николаю Васильевичу выставить свою кандидатуру на место котельнического уездного комиссара, аргументируя это следующим: «Уезд находится в чрезвычайно тяжелом положении и положение наше будет бызыходно в случае Вашего отказа, ибо никакая другая кандидатура не принимается столь единогласно как Ваша. Авторитет власти и единение в данный момент – единственныe условия, могущие спасти положение нашей родины вообще и каждого отдельного края в частности. Убедительно просим Вас не отклонить наше предложение, опирающееся на столь единодушное признание Вашей личности местного крестьянства»⁸.

После лишения сана в мае 1907 г. Николай Васильевич решил профессионально заняться юриспруденцией. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, занимался адвокатской деятельностью, был присяжным поверенным Вятского окружного суда. В деле имеются документы его как присяжного поверенного Вятского Преображенского девичьего монастыря.

14 мая 1918 г. в «Известиях Вятского губисполкома» было объявлено о муниципализации зданий в г. Вятке, принадлежавших Преображенскому девичьему монастырю. Вскоре, 5 июня 1918 г., была также муниципализирована монастырская Вожгальская мельница.

Николай Васильевич Огнев вместе с игуменьей монастыря Рафаилой пытались защитить монастырское имущество. Им был написан акт, где отмечалось: «...Наряду с богатыми монастырями, в России существует немало очень бедных монастырей, населенных лицами из бедных классов общества, существующих исключительно личным трудом монашествующих. Таково большинство женских монастырей северных губерний, где монашествующими являются лица крестьянского сословия. Эти монастыри уже давно представляют собой своеобразное разрешение женского вопроса в наших северных деревнях, когда лишние члены крестьянских семей при скромном крестьянском наделе должны уходить на посторонние заработки в поисках труда и пропитания. Монастыри являются для них приютом, где эти добровольные изгнанницы, «лишние рты» находят для себя и школу труда, и приложение рабочей силы, и пищу, и кров, и призрение на случай болезни или старости...» И далее: «...Принимая во внимание, что все здания монастыря и прилегающие к ним участки усадебной земли приобретены на пожертвования православно-верующих людей с религиозными целями, что в этих зданиях помещаются или сестры монастыря, проходящие монастырское послушание... или члены мо-

настырского причта...; что самый монастырь устроен для религиозно-нравственного воспитания и преуспеяния монашествующих Сестер, образующих из себя религиозную организацию; и что на основании статьи 11-й Декрета Рабоче-Крестьянского Правительства, правящего ныне Россией, имущество религиозных обществ, служащее целям религиозным, при национализации частной собственности, должно быть отдано в бесплатное пользование этим обществам»⁹.

Попытался присяжный поверенный Н. В. Огнев защитить и Вожгальскую мельницу. Им было составлено аргументированное заявление в её защиту, которое также хранится в деле. Эти документы представляют нам Н. В. Огнева – блестящего адвоката, думается, и великолепного оратора.

Известно, что, словно предчувствуя свою судьбу, Н. В. Огнев всегда выступал за отмену смертной казни. Его речь в Государственной Думе против смертной казни сопровождалась аплодисментами. Эта же речь была опубликована в газете «Епархиальные отголоски» (1906, № 63), а затем перепечатана в Вятке. На ту же тему писал он и рассказ в то время, когда его пришли арестовывать. Этот рассказ также был взят при обыске и остался неоконченным. Назывался он «Успокоение», повествовал о большом горе женщины, муж которой за вооружённое сопротивление властям был посажен в острог, и его, возможно, ждала смертная казнь.

Николай Васильевич Огнев являлся автором нескольких книг, многих статей. Эта сторона его жизни мало известна, как и вообще его деятельность, достойная не того «беглого экскурса», который на сегодня имеется, а серьёзного большого исследования. В этом могут помочь и документы следственного дела, которые интересны не только в пересказе, а и приведённые полностью.

Примечание

¹ Колупаева В. Н. Библиотека династии вятских священнослужителей Огневых // Герценка: Вят. записки. Киров, 2005. Вып. 9. С. 45–50.

² Судовиков М. С. Н. В. Огнев – священник, политик, человек // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Киров, 1996. Т. 1. С. 313–317.

³ ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 6. Д. СУ-7114. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 22–22 об.

⁶ Там же. Л. 39–43.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 33.

⁹ Там же. Л. 3–4об.

Архиепископ Авраамий (Дернов)*E. V. Кустова*

История церкви в Вятском крае в непростые для неё 1920–1930-е гг. неразрывно связана с именем архиепископа Авраамия (Дернова). Анатолий Иванович Дернов родился 29 июля 1874 г. в с. Верхние Порзи Глазовского уезда Вятской губернии в семье протоиерея г. Глазова. Почти 18 лет он посвятил учёбе. Он учился в приходской школе, Глазовском духовном училище, Вятской духовной семинарии, Казанской духовной академии, пройдя все ступени духовного образования. В Казанской академии познакомился с будущим епископом Виктором (Островидовым). Именно здесь он окончательно определился с выбором жизненного пути: в 1900 г. студент Анатолий Дернов был пострижен в монашество, а через год уже иеромонах Авраамий окончил академию со званием кандидата богословия¹.

Его духовное служение проходило в самых разных областях бескрайней Российской империи. С 1901 г. он был членом Киргизской религиозно-инородческой миссии в Семипалатинске, в 1911–1915 гг. – настоятелем Супрасльского Благовещенского монастыря Гродненской епархии. Здесь он познакомился с архиепископом Виленским – будущим патриархом Тихоном. Первая мировая война нарушила спокойную жизнь обители: с наступлением немецких войск на Польшу монахов эвакуировали в Москву, в Высокопетровский монастырь, где настоятельство с Авраамия было снято. По некоторым сведениям в 1917 г. архимандрит Авраамий стал насельником Александро-Невской лавры. Однако сам он рассказывал, что в 1916 г. уехал на родину, в Глазовский уезд, некоторое время жил в Москве и Казани. В 1920–1921 гг. перебрался в Вятку, где жила его сестра, Людмила. Переезд был связан с назначением его на должность наместника (помощника) настоятеля Вятского мужского Трифонова монастыря². В Вятке он жил «беспрерывно и безвыездно» вплоть до сентября 1923 г.³

К церковному управлению Авраамий никогда не стремился: глубоко религиозный человек, он всецело был сосредоточен на духовной жизни. Также далёк он был и от политических баталий. Как сам рассказывал позднее на допросе: «Никакой политической деятельностью я никогда не занимался и всегда был от всякой политики в стороне. За время моего учения в духовном училище, семинарии и академии в среде учащихся никаких политических и религиозных кружков не было, и участия вообще в революционном движении яника-

кого не принимал. Падение самодержавия и Временного правительства и приход к власти и управлению Россией самих рабочих и крестьян в виде Советского правительства на меня никакого влияния и впечатления совершенно не произвёл, так как мне вовсе безразлично, какое бы правительство ни состояло во главе власти, лишь бы было признаваемо самим народом и не вмешивалось бы во внутреннюю жизнь церкви... На совесть я смотрю как власть именно народную и признаваемую всеми трудящимися, что служит залогом её долгой будущности...»⁴.

Однако Авраамий так и не смог всецело посвятить себя монашескому подвигу. Церковь призвала его к особо тяжёлому в те годы архиерейскому служению. 19 августа 1923 г. Трифоновская община Вятки обратилась к патриарху Тихону с просьбой ввиду ареста вятских епископов – Павла (Борисовского) и Виктора (Островидова) – совершил хиротонию Авраамия. По благословению патриарха Тихона 16 сентября 1923 г. Авраамий был посвящён в сан епископа Уржумского, став одновременно управляющим всей Вятской епархии. Сам Авраамий объяснял своё решение следующим образом: «Моё посвящение в сан епископа было желанием патриарха Тихона и некоторых приходов гор. Вятки, я же со своей стороны счёл долгом необходимости принять на себя такой ответственный пост, учитывая то тяжёлое положение, в каком находится православная церковь в данный момент в связи с происходящим в ней расколом»⁵.

Несмотря на то, что Авраамий управлял епархией только несколько месяцев, он многое сделал для того, чтобы удержать прихожан и священников вокруг митрополита Сергия (Страгородского), который в те неспокойные годы фактически руководил Русской православной церковью.

27 декабря 1923 г. его арестовали в первый раз. Во время следствия епископ находился в Вятском рабдоме вместе с князем К. Э. Ухтомским, арестованным за контрреволюционную деятельность и монархические взгляды. Оказалось, что Авраамий был знаком с родственником князя – Уфимским епископом Андреем (Ухтомским). Около двух месяцев они просидели вместе в одной камере, пока 22 мая 1924 г. епископ не был освобождён под подписку о невыезде. Князю Ухтомскому епископ очень понравился. В письмах друзьям он давал ему высокую оценку:

«Был со мною человек по своему умственному развитию и нравственному уровню и по всему складу своей духовной натуры очень

симпатичный для меня – это епископ Авраамий, но он ушёл. Я рад за него, но его освобождение ещё более сгустило окружающий меня мирок. Оставшиеся священники, хотя и считают себя «исповедниками» веры Христовой, – ничего, однако, общего не имеют с той задушевной и искренней верой, какой полна душа «младенца» – Авраамия...» (июль 1924).

«Рад, что владыка Авраамий опять служит и, значит, получил возможность открытого духовного единения с верующими. Это очень важно, потому что таких пастырей мало у нас было, а сейчас, в дни повсеместного оскудения и морального упадка – почти и совсем не видно» (авг. 1924).

«Наступит время, и оно уже близко, когда такие единицы, как... владыка Авраамий и как другие уцелевшие, будут расцениваться как драгоценнейшая сила добра, спасающая общество от гибели» (окт. 1924).

«Решил приготовить для епископа Авраамия коротенькое письмо... Кроме тебя, не хочу доверить никому тайны сношения с человеком, положение которого очень шатко и которому эти сношения со мной могут дорого обойтись. Очень уж симпатичен и дорог для меня этот кроткий и истинно-верующий человек. В нём как-то всё слилось: и твёрдость духа, и кротость, почти робость житейская» (окт. 1924)⁶.

Ценил Авраамия и епископ Виктор (Островидов). Будучи в ссылке, он писал своим духовным чадам в Вятку:

«Я думаю, что посещаете службу владыки Авраамия. Так и делайте, держитесь за него крепче и во всём его слушайтесь и советуйтесь с ним, если какая нужда будет».

«Очень хорошо сделала, что на день именин посетила владыку Авраамия: лучшего ничего и придумать нельзя было. Господь да не оставит тебя за это святое дело. Владыка Авраамий – великий человек по своему смирению перед Богом. Наверное, его тоже сошлют куда-либо далеко. Помоги ему, Господи!» (март 1924)⁷.

«Слышишь..., что православные пастыри живут особенно в последнее время под страхом ссылок... Как это Господь хранит вам всем в утешение Дорогого владыку Авраамия. Хотя и думается мне, что он недолго поживёт у вас, если уже не отправлен куда-либо ещё дальше нас. Сохрани его, Господь. Мой привет ему и просьба святых его молитв, если он на свободе. А Вы у него с наступлением святой четыредесятницы исповедуйтесь и приобщитесь св. тайн. Он муж благодатный, как вы и сами знаете, и всегда может утешить Вас во всех скорбях Ваших»⁸.

Несмотря на освобождение, в августе 1924 г. власти вынудили Авраамия дать подпись о неуправлении епархией, а также о том, что он будет служить в храме только по приглашению верующих. Менее чем через год, 6 марта 1925 г., его вновь арестовали⁹. По словам очевидцев, произошло это в храме во время службы: как только епископ появился на амвоне, к нему подошли два человека в штатском и в присутствии прихожан его увезли¹⁰.

До конца осени длилось следствие об антисоветской деятельности «церковно-монархической группировки». Глубоко верующего человека, далёкого от политики, обвинили в создании монархической организации. Поводом для этого стало оказание материальной помощи ссылочным вятским епископам Виктору и Павлу, а также благословение, данное группе лиц на оказание помощи князю Ухтомскому, офицеру Козловскому и другому «монархическому элементу». Так случайная встреча епископа Авраамия с князем Ухтомским превратилась в глазах следователей в спланированную монархическую организацию, созданную епископом¹¹.

Огромный авторитет, который имел в городе Авраамий, сильно беспокоил ОГПУ. 13 марта 1925 г. начальник секретного отдела Мухачев, «...рассмотрев вопрос об обвиняемом гражданине Дернове Авраамии Ивановиче... и найдя, что оставление под стражей гражданина Дернова А. И. в Вятке может создать последнему в кругах религиозных фанатиков ореол мученика и страдальца, равно возможно и паломничество к нему, а потому в интересах предотвращения указанного...», постановил переместить его во внутреннюю тюрьму ОГПУ в г. Москве¹².

В столице епископу вынесли обвинительный приговор, занимавший несколько страниц. Несмотря на традиционные для карательных органов обвинения, он проливает свет на действительные причины ареста епископа. В первую очередь, он поплатился за своё знакомство с вятскими епископами Виктором (Островидовым) и Павлом (Борисовским), патриархом Тихоном и митрополитом Антонием (Храповицким). В приговоре, в частности, отмечалось, что «...особенно близкие и хорошие отношения установились у Дернова с епископами Борисовским и Островидовым, по приезде его в Вятку для настоятельствования Трифоновым монастырём. Тогда они совместно работали по укреплению Вятской епархии и созданию в ней автокефалии для более усиленной борьбы со всякими новшествами в церкви, организовали нелегальный «Союз христианской молодёжи», втяги-

вали в него несознательную и затуманенную религиозным фанатизмом молодёжь и под видом «учения о Христе» распространяли среди неё тихоновские контрреволюционные тенденции... По выбытии из Вятки епископа Павла и Виктора, Дернов, помня их благословление «крепко стоять за патриарха и не бояться арестов, ссылок и даже расстрелов» и не будучи ещё епископом, нашёл в себе силы встать во главе всего тихоновского движения и продолжить работу, начатую последними при поддержке местных реакционеров-тихоновцев...»

Однако главной причиной ареста епископа Авраамия стала борьба с обновленческим движением в Вятке. Обновленческая церковь (или иначе «Живая церковь») организационно оформилась в мае 1922 г. Она выступала за пересмотр догматов православного вероучения. При поддержке советской власти она объявила себя высшей церковной властью в стране. Более того, как свидетельствуют секретные документы Политбюро и 6-го отдела ГПУ, её деятельность была санкционирована властями с целью раскола и ослабления православной церкви. В середине 1923 г. обновленцы захватили церковную власть в Вятке. В результате их деятельности Вятская епархия оказалась расколотой на враждующие группировки¹³.

Против обновленчества и нового раскола в Церкви выступили вятские епископы Павел, Виктор, а следом за ними и Авраамий. В частности, ему вменялось в вину, что во время приезда на Вятку обновленческого митрополита Евдокима епископ Авраамий всячески вредил его работе, «а с отъездом последнего из Вятки они начали натравливать мирян на пастырей..., а некоторых священников насильно изгонять из церквей и заменять их своими сторонниками». Особенно активизировалась антиобновленческая деятельность Авраамия, по мнению следственных органов, после посвящения его в епископа Уржумского: «По приезде в Вятку... Дернов в своих действиях становится смелее и решительнее; он совместно с Ивановым и Пуссет организует своё епархиальное управление и первого назначает миссионером и главным проповедником, а второго своим личным секретарём и руководителем всей канцелярии управления, с постепенным подготовлением его к посвящению в епископы и занятию одной из уездных кафедр. Намечает план борьбы с обновленческим движением и рассыпает по епархии указы, в коих предлагает всему духовенству переходить на сторону патриарха Тихона, а неподчиняющихся изгонять из церквей. В своей деятельности по искоренению обновленцев, якобы примазавшихся к советской власти и ведущих с ней

дружбу в ущерб интересам православия, Дернов и его сподвижники прежде всего обратили своё внимание на распространение своего влияния на простонародные верующие массы... К моменту созыва... 2-го пастырско-мирянского Епархиального съезда – епископом Авраамием со своей стороны были приняты меры. Он распорядился поставить на всех трактах, дорогах, прилегающих к городу Вятке, засады из надёжных и преданных людей и всех делегатов-обновленцев, едущих на съезд, задерживать и угрозами возвращать обратно, а прибывающих своих сторонников благословил для успешной работы».

Вновь припомнили епископу и его активную помощь, которую он оказывал сосланным архиереям и священникам, а также всем осуждённым по церковным и политическим делам Вятского исправдома.

В это время были очень популярны «групповые» дела – когда ве-реница случайных знакомых в руках следователей превращалась в контрреволюционную организацию. Антиобновленческая же политика традиционно рассматривалась властями как деятельность, направленная против существующего строя.

После такого приговора избежать наказания было невозможно. Ещё до передачи дела в суд уполномоченный секретного отдела ОГПУ настоятельно рекомендовал отправить Авраамия (Дернова) «как неисправимо-вредный и социально-опасный элемент» в ссылку. Верующие просили власти об освобождении владыки «как человека монашеской жизни, всегда стоящего в стороне об общественной, политической жизни», называя его арест «результатом недоразумения». Однако для властей это был лишнее доказательство большого авторитета епископа, от которого следовало быстрее избавиться¹⁴.

13 ноября 1925 г. особое совещание при коллегии ОГПУ пригово-рило епископа Авраамия за антисоветскую агитацию к высылке в Зы-рянский край на три года¹⁵. Место выбрали для епископа с соответ-ствующим названием – с. Гиблый Ад, где он проживал до 1928 г.¹⁶

В Вятке его не забывали. Так, по словам Петра Николаевича Либера, на одной из служб епископ Павел (Борисовский), вернувшись в 1926 г. в Вятку после ссылки, говорил проповедь о житии святителя Авраамия. Рассказывая о его жизни, он указывал, «...что и сейчас, в наше время, есть мученики, гонимые за веру Христову». По мнению Либе-ра, слушавшего проповедь, «он косвенно сопоставлял с мучеником Авраамием находящегося в ссылке вятского епископа Авраамия. После проповеди епископу Авраамию было провозглашено многолетие. При-существовавшая верующая публика дружно подхватила многолетие»¹⁷.

После окончания срока ссылки 9 марта 1928 г. всё то же особое совещание лишило освободившегося епископа Авраамия права проживания в 6 крупных городах и в Вятской губернии. По этой причине несколько месяцев он провёл в г. Камышине Саратовской губернии (там жили родные епископа Виктора), после чего административно был выслан в г. Глазов, где жил его брат-священник.

Не имея возможности выехать к своей пастве в г. Уржум, в конце 1928 г. Авраамий подал прошение на имя митр. Сергия освободить его от управления Уржумской епархией. Однако в это время внутри сторонников патриарха Тихона произошёл раскол. Чтобы создать условия для дальнейшего существования церкви в советской России, местоблюститель патриаршего престола митр. Сергий (Страгородский) издал декларацию, в которой указывал на лояльное отношение церкви к новой власти. Однако епископ Виктор (Островидов), вслед за некоторыми другими архиереями, выступил против декларации, усмотрев в ней призыв к слишком близкому сотрудничеству с правительством на политическом поприще. Человек прямой, лишённый лукавства, епископ Виктор не счёл возможным прочитать декларацию верующим. Более того, он отоспал её обратно митр. Сергию, публично выразив своё несогласие с её содержанием.

В этих условиях увольнение на покой епископа Авраамия, который имел большой авторитет среди духовенства и верующих, могло быть использовано сторонниками епископа Виктора, как отказ от службы с митр. Сергием. Поэтому епископ Никифор, временно управляющий делами Вятской епархии, обратился 1 (14) декабря 1928 г. к епископу Авраамию со слёзным письмом, в котором просил его не уходить на покой и не оставлять их в борьбе против сторонников епископа Виктора. Он описал беды и напасти, которые ждут епархию, если тот уйдёт. В результате 22 февраля 1929 г. Авраамий официально был назначен епископом Глазовским, временно управляющим Вятской епархией. С прибытием владыки в Глазов ситуация с викторианским расколом действительно начала улучшаться, и в 1929 г. всё духовенство г. Глазова принесло покаяние и перешло на сторону митр. Сергия¹⁸.

В Глазове епископ Авраамий жил в сторожке Преображенского собора. В 1931 г. по личному прошению он был уволен на покой, но 14 мая 1935 г. вторично назначен епископом Глазовским, а 7 января 1937 г. возведён в сан архиепископа. В начале 1937 г. городские власти закрыли Преображенский собор под предлогом необходимости его ремонта. Вместе с делегацией духовенства и верующих епархии

в январе 1937 г. владыка Авраамий посетил митр. Московского и Коломенского Сергия (Страгородского) с ходатайством об открытии собора. Поскольку открыть его так и не удалось, Авраамий стал служить на квартире в присутствии немногочисленных прихожан, начиная службу в 4 часа утра.

С апреля 1937 г. он епархией не управлял, а 10 мая 1937 г. вновь был арестован. Заключение опальный архиепископ отбывал сначала в глазовской тюрьме, затем во внутренней тюрьме НКВД УАССР Ижевска. Предъявленное обвинение в антисоветской агитации Авраамий отверг, сказав лишь, что закрытие храма является гонением на верующих и нарушением Конституции. 4 ноября 1937 г. на закрытом судебном заседании выездной сессии специальной коллегии Верховного суда УАССР Авраамий снова отверг обвинение в антисоветской агитации. В тот же день был оглашён приговор – 10 лет тюремного заключения. 30 августа 1938 г. последовало распоряжение о его ссылке в северо-восточные лагеря. В прощении, направленном властям, Авраамий писал: «В отношении меня никакого состава преступления как предварительным, так и судебным следствием установлено не было... Прошу... прекращения дела за отсутствием состава преступления». В 1939 г. Авраамий был отправлен в лагерь, до которого так и не добрался: на этапе 65-летний архиепископ скончался. В 1992 г. Авраамий (Дернов) был реабилитирован¹⁹.

Примечания

¹ ГАСПИ КО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 3. Л. 23 об.; Архиереи. Авраамий (Дернов). URL : http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_3853; Выпускники Казанской духовной академии 1846–1909 гг. URL : <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/kazda.html>/

² Ещё с конца XIX в. настоятелем монастыря считался правящий епископ.

³ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 1. Л. 367, 375 об.; Т. 3. Л. 23 об. – 24, 26; Авраамий (Дернов). URL : http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/docum/ans/nm/?HZ9EJxGHOxTYZCF2JMTdG6Xbu*cioUe8meeG*cV8LUfOuW660hcC8ieuWd66WWc8qiceXb8E*

⁴ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 3. Л. 24–24 об.

⁵ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 1. Л. 346; Т. 3. Л. 24; Архиереи. Авраамий (Дернов). URL : http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_3853/

⁶ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 1. Л. 63–64, 66, 69, 95, 350; Т. 3. Л. 90 об.

⁷ Игумен Дамаскин (Орловский). Священномученик Виктор (Островидов). URL : [http://kotlovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1364/](http://kotlovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1364)

⁸ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 1. Л. 322–322 об.

⁹ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 1. Л. 205, 350, 367; Т. 3. Л. 90 об., 103; ГАКО. Ф. Р-1258. Оп. 3. Д. 33. Л. 248.

¹⁰ Семибратьев В. К. «Всех близких нам вяличей поминаем», – писал из сибирской ссылки епископ Виктор (Островидов) // Вят. епарх. вестн. 1996. № 8. С. 5.

- ¹¹ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 1. Л. 1–2.
- ¹² ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 1. Л. 382.
- ¹³ Поляков А. Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середине 1920-х гг. Киров, 2007. С. 93, 114.
- ¹⁴ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 3. Л. 1–3, 80.
- ¹⁵ Книга памяти жертв политических репрессий. Киров, 2001. Т. 4. С. 74.
- ¹⁶ Красный террор в годы гражданской войны : (по материалам особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков) / под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. URL : http://thelib.ru/books/avtor_neizvesten/krasniy_terror_v_godi_grazhdanskoy_vojny-read.html/
- ¹⁷ ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11383. Л. 168–168 об.
- ¹⁸ Странник. История Вятской епархии 20–30-е годы XX столетия. Киров, 2005. С. 49–50, 63 ; ГАСПИКО. Ф. 6799. Оп. 9. Д. Су-11397. Т. 1. Л. 373.
- ¹⁹ Архиереи. Авраамий (Дернов). URL : http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_3853 ; Странник. История Вятской епархии 20–30-е годы XX столетия. Киров, 2005. С. 66, 111 ; Книга памяти республики Удмуртия. URL : http://uznal.org/book_of_memory.php?bukva=4&name=21&surname=85&repression=0 ; Игум. Дамаскин (Орловский), Шумилов Е. Ф. Авраамий (Дернов). URL : <http://www.pravenc.ru/text/62916.html/>

Слово об учёном (К 80-летию А. И. Лахмана)

C. I. Козловский

В 2009 г. исполнилось 80 лет со дня рождения А. И. Лахмана (1929–1993). Андрей Исакович родился в Молдавии, однако с 1934 г. жил в г. Кирове, где окончил школу, а затем и исторический факультет Кировского государственного педагогического института, куда впоследствии (в 1964 г.) был принят на кафедру истории СССР. Защищил кандидатскую диссертацию, стал автором ряда учебных пособий по отечественной истории для школы и средних специальных учебных заведений.

А. И. Лахман преимущественно занимался историей рабочего движения и деятельностью профсоюзных организаций в период Гражданской войны, в том числе и на территории Вятской губернии. Период с 1918 по 1920 г. был насыщен событиями не только на фронтах, но и в тылу республики. Деятельность рабочего класса и его самых массовых организаций – профсоюзов – была важнейшей составной частью обороны страны. И хотя в сравнительно слабо развитой в промышленном отношении Вятской губернии рабочие составляли небольшую часть населения, следует заметить, что они играли немалую роль в складывающихся общественных отношениях. По промышлен-

ной переписи 1918 г. в губернии было зарегистрировано 165 цензовых предприятий (имеющих не менее 16 рабочих при наличии двигателя или не менее 31 без него) с общим количеством рабочих 34763 чел.¹. По числу рабочих, занятых в действующих предприятиях, Вятская губерния стояла на седьмом месте из 31 территории Европейской России, охваченной переписью. По числу рабочих на действующих машиностроительных предприятиях Вятская губерния стояла на втором месте после Петрограда². В 1918 г. в промышленности губернии наблюдалась высокая концентрация пролетарских масс: на предприятиях с числом рабочих свыше 200 числилось 29055 чел., или 83,5 % общего числа рабочих³. Характерной особенностью вятских рабочих было то, что они имели устойчивые и разнообразные связи с деревней (23,2 % рабочих губернии были так или иначе связаны с землей)⁴.

А. И. Лахман раскрыл формы и методы участия профсоюзов Вятской губернии в организации промышленного производства в 1918–1920 гг., показал основные направления этой работы: участие профсоюзов в контроле и регулировании производства и распределении рабочих кадров, участие профсоюзов в проведении тарифной политики и др. Несмотря на тяжелые условия Гражданской войны, на важнейших производствах, прежде всего в оборонной промышленности, был достигнут рост производительности труда. Деятельность профсоюзов на огромной территории Вятской губернии в 1918–1920 гг. учёный впервые осветил ещё в своём диссертационном исследовании⁵. При этом он много лет работал над этой темой и очень широко использовал не только опубликованные источники, периодическую печать, но и большое количество архивных документов как центральных, так и местных архивов. А. И. Лахман впервые проанализировал численность и состав рабочих в промышленности губернии. Он подробно изучал деятельность профсоюзов губернии в создании и укреплении Красной Армии, а также в решении продовольственного вопроса и улучшения материального положения рабочих.

В своей монографии «Во имя революции...» автор предпринял попытку обобщить исследования ряда историков, посвящённые рабочим Вятской губернии в период Гражданской войны, осветить важнейшие стороны деятельности рабочих Вятской губернии в 1918–1919 гг. В книге показано участие вятских рабочих в строительстве и укреплении РККА, в развертывании революции в деревне и решении продовольственного вопроса, в осуществлении рабочего контроля и национализации промышленности, в организации промышленного про-

изводства. Данная работа чётко показывает вклад вятских рабочих в укрепление тыла Советской республики в 1918–1920 гг.

После смерти А. И. Лахмана его документы поступили на хранение в Государственный архив Кировской области, где в его личном фонде было сформировано 49 дел, распределённых по некоторым разделам: «материалы к биографии», «материалы творческой деятельности», «материалы педагогической деятельности»⁶. Во втором разделе есть большое количество материала, содержащего, по сути, основную часть историографии Гражданской войны в СССР. При этом, кроме выходных данных опубликованных исследований, имеются краткие аннотации к изданиям⁷, что, на наш взгляд, очень ценно. Несколько дел фонда содержат большое количество выписок из монографий, архивных документов по целому ряду вопросов истории Гражданской войны в Вятской губернии. Это касается проблем вербовки добровольцев в Красную Армию в начальный период войны, проблем, связанных с проведением мобилизационных мероприятий в армию. Имеется материал о функционировании системы всеобщего военного обучения, о введении института комиссаров в армии, о проведении агитационной и политической работы как в армии, так и с населением, о деятельности продовольственных отрядов в губернии и т. п. Многие выписки тематически сгруппированы. Отдельное дело содержит тезисы докладов на научных конференциях и краеведческих четвергах, организуемых областной библиотекой им. А. И. Герцена. Однако, к сожалению, большая часть материалов не была введена в научный оборот. Неопубликованным остался также ряд уже готовых статей. Но даже то, что А. И. Лахман успел сделать в исторической науке, позволяет современным исследователям вопросов Гражданской войны на обширной территории между Волгой и Уралом опираться и даже основываться на результатах научной деятельности А. И. Лахмана.

Примечания

¹Лахман А. И. Во имя революции: Рабочие Вятской губернии в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920). Киров, 1981. С. 7.

²Там же.

³Там же. С. 8.

⁴Там же. С. 9.

⁵Лахман А. И. Деятельность советских профсоюзов в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Л., 1981.

⁶ГАКО. Ф. Р-3825.

⁷Там же. Оп. 1. Д. 24.

⁸Там же. Д. 31–32, 34–36, 38, 42–44.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балыбердин Александр – секретарь Вятской епархии, кандидат исторических наук (г. Киров).

Балыбердин Юрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

Березин Евгений Васильевич – врач-рентгенолог, краевед, лауреат премии имени Е. Д. Петряева (г. Киров).

Валеев Эмиль Наильевич – доцент, кандидат филологических наук, Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации (г. Москва).

Горшкова Наталья Николаевна – главный библиотекарь Центральной научной библиотеки Казанского научного центра Российской Академии наук (г. Казань).

Гурьянова Надежда Павловна – директор Кировской ордена Почёта государственной универсальной областной научной библиотеки им. А. И. Герцена, заслуженный работник культуры РФ (г. Киров).

Гущина-Закирова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук Глазовского государственного педагогического института (г. Глазов).

Дворецкая Татьяна Алексеевна – методист областного музея истории народного образования (г. Киров).

Дрогов Евгений Михайлович – председатель Кировского регионального отделения Союза геральдистов России, заслуженный член Всероссийского геральдического общества, член геральдической комиссии Кировской области (г. Киров).

Енин Геннадий Павлович – ведущий научный сотрудник отдела рукописей Российской национальной библиотеки (г. С.-Петербург).

Жаравин Владимир Сергеевич – начальник отдела использования документов и автоматизированных архивных технологий Государственного архива социально-политической истории Кировской области (г. Киров).

Измельцев Вениамин Иванович – журналист, краевед (п. Суна Кировской области).

Иконников Александр Николаевич – заместитель редактора газеты «Кировская искра» (г. Уржум Кировской области).

Козловский Станислав Иванович – кандидат исторических наук, доцент Кировского филиала Московской государственной юридической академии (г. Киров).

Кондрашин Денис Викторович – аспирант Елабужского государственного педагогического университета (г. Елабуга, Республика Татарстан).

Корнилова Ирина Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной и всеобщей истории Елабужского государственного педагогического университета (г. Елабуга, Республика Татарстан).

Кряжевских Андрей Леонидович – ассистент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

Кустова Елена Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

Лучкина Светлана Александровна – кандидат физико-математических наук, заведующая Центральной научной библиотекой Казанского научного центра Российской Академии наук (г. Казань).

Машковцев Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

Мусихин Алексей Леонидович – инженер-электронщик, краевед (г. Нижний Новгород).

Нагорничных Галина Васильевна – главный специалист отдела использования архивных документов и автоматизированных технологий Государственного архива социально-политической истории Кировской области (г. Киров).

Низов Виктор Валентинович – кандидат исторических наук (г. Киров).

Николаева Тамара Константиновна – краевед, заслуженный работник культуры РФ (г. Киров).

Обухова Галина Ивановна – старший преподаватель кафедры доктора революционной отечественной истории Удмуртского государственного университета, (г. Ижевск).

Патрушев Андрей Викторович – аспирант кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).

Помелов Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор, декан педагогического факультета Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

Помелова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

Рафиков Азат Миннегаязович – аспирант кафедры всеобщей истории Елабужского государственного педагогического университета (г. Елабуга Республики Татарстан).

Рашковский Александр Львович – краевед, председатель клуба «Вятские книголюбы» им. Е. Д. Петряева, лауреат премии им. Е. Д. Петряева (г. Киров).

Семибратов Владимир Константинович – кандидат культурологии, член Организации российских библиофилов, лауреат премии им. Е. Д. Петряева (г. Киров).

Судовиков Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров)

Стариков Сергей Валентинович – проректор по научной работе и инновационной деятельности Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Старостин Василий Алексеевич – краевед (г. Киров).

Уткин Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Елабужского государственного педагогического университета (г. Елабуга, Республика Татарстан).

Холмс Лэрри Юджин – историк, профессор университета Южной Алабамы (г. Мобил, США).

Чудиновских Елена Николаевна – директор Государственного архива социально-политической истории Кировской области (г. Киров).

Шарабаров Павел Николаевич – аспирант, ассистент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

Шилов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург)

Бен Эклоф – профессор Индианского государственного университета (США).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК	– Археологическая комиссия
АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан
ВГВ	– Вятские губернские ведомости
ВГСК	– Вятский губернский статистический комитет
ВЕВ	– Вятские епархиальные ведомости
ВКП (б)	– Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВЦСПС	– Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАКО	– Государственный архив Кировской области
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ГАСПИ КО	– Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГГПИ	– Глазовский государственный педагогический институт
ГИМ	– Государственный исторический музей
ЕГПУ	– Елабужский государственный педагогический университет
ЖВУЗС	– Журналы Вятского уездного земского собрания
НА РТ	– Национальный архив Республики Татарстан
ОГПУ	– Объединенное Государственное Политическое Управление
ОСРК	– Отдел средневековых рукописных книг
Пг	– Петроград
ПКВГ	– Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии
ПСЗ	– Полный свод законов
ПСВ	– «Повести о стране Вятской»
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РНБ	– Российская национальная библиотека.

- РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СЗ – Сборник законов
СЗРИ – Свод законов Российской империи
СНК СССР – Совет народных комиссаров СССР
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ТВУАК – Труды Вятской ученой архивной комиссии
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет СССР
ЭЗВ – Энциклопедия земли Вятской
ЦНБ КазНЦ РАН – Центральная научная библиотека Казанского научного центра Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

I. История российской провинции. Исследования и материалы

<i>Балыбердин А.</i> Толстовский список «Повести о стране Вятской» как часть рукописного сборника РНБ Q.IV.143	3
<i>Балыбердин А.</i> Была ли Вятка основана ушкуйниками в 1374 г.? .	13
<i>Низов В. В.</i> Управление Слободской землёй в конце XVI–XVII вв.	24
<i>Енин Г. П.</i> Вятские расходные книги XVII в.	40
<i>Дрогов Е. М.</i> Вправо или косвенно вниз? О направленности лука со стрелой в вятском гербе	46
<i>Старостин В.</i> Книга Вятских Родов. Орловский уезд	59
<i>Эклоф Бен</i> Земство в истории России: Пересмотр	70
<i>Холмс Лэрри Ю.</i> Ценность местной истории. (Перевод И. Г. Головачевой)	77
<i>Holmes Larry E.</i> The wealth of regional history	81
<i>Судовиков М. С.</i> Из истории формирования и деятельности купеческого сословного общества в Вятско-Камском регионе	85
<i>Обухова Г. И.</i> Частные и казённые подряды купечества Удмуртии на перевозку грузов водным транспортом в начале XIX–70-х гг. XIX века	92
<i>Корнилова И. В.</i> Традиционные народные праздники Вятской губернии XIX века в историко-этнографических исследованиях В. Ф. Кудрявцева	103
<i>Балыбердин Ю. А.</i> Вятские кадеты в 1905–1917 гг.	109
<i>Машковцев А. А.</i> Возникновение первых общин евангельских христиан в Вятской губернии в начале XX века	120
<i>Шарабаров П. Н.</i> «Правый уклон» в Вятской организации ВКП (б) по материалам ГАСПИ КО	126
<i>Кряжевских А. Л., Измайлов В. И.</i> К вопросу о времени основания п. Суна	130

<i>Иконников А. Н.</i> История сельсоветов Уржумского района	133
<i>Помелов В. Б.</i> Уржумское педучилище: «...Но с благодарностию, – были!» (Статья подготовлена с использованием материалов О. А. Грудцыной)	138
<i>Помелова Е. В.</i> История Ластинской школы Пижанского района Кировской облавсти	144

II. Культура российской провинции

<i>Мусихин А. Л.</i> А. А. Спицын об истории Вятского публичного музея	149
<i>Гурьянова Н. П.</i> Попечительный комитет – орган управления Вятской публичной библиотекой. 1836–1920	157
<i>Патрушев А. В.</i> Вятское земство и библиотечное дело в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)	167
<i>Валеев Э. Н.</i> Дворянские книжные коллекции в Поволжском крае	171
<i>Уткин А. А.</i> Литературные веечера в Елабуге середины XIX века (по материалам вятской прессы)	177
<i>Стариков С. В.</i> Царевококшайский альбом: страницы истории и культуры российской провинции конца XIX – начала XX веков ..	182
<i>Семибратов В. К.</i> А. С. Пушкин как образец	185
<i>Горшкова Н. Н.</i> Значение дарственных надписей в современных гуманитарных исследованиях	187
<i>Гущина-Закирова Н. Н.</i> 30-летняя история Короленковских чтений в ГГПИ в лицах, фактах, цифрах	193

III. Вятский край в лицах

<i>Шилов Д. Н.</i> Вятский вице-губернатор В. А. Ратьков-Рожнов и его мемуары	201
<i>Рашковский А. Л.</i> Из формулярного списка и переписки Александра Ивановича Герцена	217
<i>Дворецкая Т. А.</i> Француз на русской службе: учитель Евдоким Эро в Вятской ссылке	219
<i>Рафиков А. М.</i> Представители купеческого рода Альмухаметовых в Елабуге	227
<i>Березин Е. В.</i> Малоизвестный судовладелец А. Е. Шубин	235
<i>Кондрашин Д. В.</i> Иван Никандрович Кибардин – просветитель и общественный деятель Прикамья	240
<i>Николаева Т. К.</i> Вятские страницы чеховского «Острова Сахалина»	245

Содержание 303

<i>Лучкина С. А.</i> Судьба коллекционера А. М. Вилькена и его коллекции в свете исторических перемен	262
<i>Нагорничных Г. В.</i> О Николае Чарушине замолвите слово...	268
<i>Жаравин В. С.</i> А. С. Лебедев и В. П. Бирюков	277
<i>Чудиновских Е. Н.</i> Следственное дело Н. В. Огнева	281
<i>Кустова Е. В.</i> Архиепископ Авраамий (Дернов)	285
<i>Козловский С. И.</i> Слово об учёном (К 80-летию А. И. Лахмана) .	293
Сведения об авторах	296
Список сокращений	299

Научное издание

**КРАЕВЕДЕНИЕ В РАЗВИТИИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ**

Материалы
2-й научной конференции
(Киров, 11 ноября 2009 года)

Редактор И. В. Заболотская
Корректор Т. Л. Гудей
Компьютерная вёрстка В. И. Морозов
В оформлении обложки использован фрагмент
рисунка Т. Дедовой «Городской театр»

Подписано в печать XX.10.09. Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 150 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Лобань»
610000 г. Киров, ул. Большевиков, 50
тел. (8332) 64-04-74